

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

5-6/96 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

- И. И. Жилинский** — Блокадный дневник (публикация Г. В. Андреевского) 5

СТАТЬИ

- П. В. Волобуев, В. П. Булдаков** — Октябрьская революция: новые подходы к изучению 28
- Ю. Н. Жуков** — Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 года 39

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Д. И. Олейников** — Шамиль 58

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

- Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году 77

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

- История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки (с древнейших времен до наших дней). Глава XVII (автор **Е. А. Ларин**) 107

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А. В. Головнин** — Записки для немногих 118

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- В. Л. Генис** — Попытка «советизации» Хорасана в 1920 году 141

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Н. Б. Лебина** — Деятельность «воинствующих безбожников» и их судьба 154
- А. Н. Артизов** — Болезнь и кончина А. Е. Преснякова 158

ИСТОРИОГРАФИЯ

- И. И. Орлик** — Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение 161
- С. В. Тютюкин** — Большевики в 1917 году. В 3-х томах. Том 1. От января до июльских событий . 163
- И. А. Булыгин** — И. А. Заичкин и И. Н. Почкаев. Русская история от Екатерины Великой до Александра II 166
- Н. И. Никитин** — Д. Я. Резун. Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных 168
- А. В. Семенова** — И. И. Лещиловская Сербская культура XVIII века 169
- К. Хилл** — Т. Л. Лабутина. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689—1714 гг.) 170
- Ф. Г. Фанин** — Г. Барта. Путь, который вел в Стамбул: 1526—1528 гг 172
- Н. И. Басовская** — В. И. Райцес. Аженская коммуна в 1514 г. Малоизвестная глава из истории средневекового города 173

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- Г. С. Гусев** — Целесообразные дополнения . . . 175

Блокадный дневник

И. И. Жилинский

Дневник Ивана Ивановича Жилинского внешне выглядел как общая тетрадь в твердом дерматиновом переплете. Несмотря на весь ужас описываемых в нем событий, его текст, производя на читателя довольно мрачное впечатление, кое-где вдруг удивляет наличием радостных восклицаний. Чему же радовался автор? Он испытывал простое человеческое счастье от «удач», позволявших ему прожить еще день-другой и не погибнуть голодной смертью. Текст написан одинаково ровным, на протяжении всех четырех месяцев, каллиграфическим почерком аккуратного человека. Как и другие жители блокированного фашистами Ленинграда, Жилинский постоянно мерз в неотопливаемом доме, по полсуток стоял в очередях за крохами продовольствия, выдаваемого по мизерным карточным нормам, хоронил умерших от голода близких, сам страдал цингой, с трудом передвигая распухшие ноги.

Однако жестокой судьбе этого показалось мало. Он был арестован за «контрреволюционную пропаганду», его скромное имущество конфисковано. Можно предположить, что кто-то донес на него: дескать, ведет какой-то дневник! И при обыске дневник был изъят. Вскоре следователь обнаружил в нем «крамольные мысли» и приобщил дневник к делу как вещественное доказательство вины задержанного. Потом это дело с грифом «Хранить вечно» дошло до наших дней. И сегодня мы в состоянии познакомиться с тем, о чем думал и что тогда видел рядовой советский гражданин, а отчасти также и с тем, что делал старший следователь 10-го отделения секретно-политического отдела Управления НКВД по Ленинградской обл., носивший фамилию Ленинский.

Что же позволило следствию признать Ивана Ивановича государственным преступником? Две коренные мысли автора дневника: что коммунизм чужд нашему народу и что СССР не готов к войне. Нет, Жилинский вовсе не был злопыхателем, брюзгой или нытиком. Но он не научился врать, тем более самому себе. В стране молчания по поводу ряда событий внутренней жизни, перенесшей страшные репрессии, коллективизацию деревни и многое другое, дневник стал единственным собеседником Ивана Ивановича. Следователь, естественно, превратил дневник в улику, доказательство преступления. Жилинский был обвинен в контрреволюционной пропаганде. Кого же он распропагандировал? Самого себя? Никаких фактов насчет того, что он распространял свои «зловредные» мысли, следствие не обнаружило. Тем не менее, члены военного трибунала войск НКВД Ленинградского военного округа и охраны тыла Ленинградского фронта Гусаров,

Веселов и Герасимов признали Жилинского виновным и приговорили его к расстрелу.

Да, даже в блокадном Ленинграде, где смерть буквально косила горожан и где советские люди отдавали фронту последние силы, органы НКВД продолжали выискивать не только прямых пособников фашистам (а такие имелись), но и ни в чем не повинные жертвы. А бороться с таким «врагом», который умирает от голода и находится в твоей полной власти, просто. После допросов у Ленинского (удачная фамилия!) тело Жилинского покрылось кровоподтеками. Их зафиксировал потом врач тюремной больницы.

Следователь добивался от Жилинского выдачи лиц, разделявших его взгляды, не совпадавшие с высказывавшимися официально. Измученный побоями, Иван Иванович назвал фамилии нескольких лиц, которые, как выяснилось, умерли до его ареста, так что, по его мнению, им уже ничто не грозило. Никого не предав и оставшись один на один с машиной карательных органов, Жилинский все же не погиб от пули палача, ибо военный трибунал заменил ему расстрел 10-ю годами лишения свободы. Но он не попал ни в тюрьму, ни в лагерь и просто успел умереть тогда же в осажденном Ленинграде.

Происходил он из семьи крестьянина-середняка, имел двух братьев и трех сестер. Его детство и юность прошли в Витебске, где он родился в 1890 году. После окончания приходской школы, с 12-ти лет стал работать, сначала «мальчиком» и конторщиком в имении помещика Полонского, потом в Витебском казначействе, с 1914 по 1917 г. служил фотографом авиаотряда, с 1919 по 1922 г. — в Красной Армии, далее был учителем, стрелочником на железной дороге. В 1933 г. поселился в Ленинграде и дослужился до должности начальника планово-аналитического и договорного отделения Управления дорожного строительства Октябрьской железной дороги.

Был он, судя по следственной справке, невысокого роста, худощав, со светлыми волосами и зеленоватыми глазами, тонкими губами и тонким с горбинкою носом. Жил с женой и матерью на окраине города, в Новой Деревне, по ул. Школьной в д. № 74. Дом был деревянный, коммунальная квартира на втором этаже состояла из трех комнат, одну из которых занимал сосед Петушков, ушедший затем на фронт. Обстановку составляли два шкафа, две железные кровати, клеенчатый диван, пианино, стол, пять стульев, никелированный самовар, ручная швейная машина, настольная лампа, патефон «Красногвардеец» и круглые часы на стене.

Декорации происшедшей трагедии сохранил для нас протокол обыска. А протоколы допросов донесли до нас некоторые высказывания Ивана Ивановича. В одном из протоколов были зафиксированы такие его слова: «Я являюсь сторонником развития частной собственности, буржуазных порядков, т. е. по своим взглядам я стою за буржуазно-демократическую форму управления государством в СССР... Клеветал на советскую действительность, говоря, что при Советской власти нет свободы слова, печати, религии». Кто знает, сколько он вытерпел, пока из него выбили признания в «клевете»?

Члены семьи Жилинского ныне лежат в могиле. Но я, работая в прокуратуре, успел в свое время снять фотокопию с его дневника.

Г. В. Андреевский

* * *

21 декабря 1941 г.

Я решил писать свой дневник различных событий. Постараюсь восстановить в памяти ближайшие, а затем по мере возможности буду сам вести записи регулярно.

Андреевский Георгий Васильевич — пенсионер.

Оля с Олегом и Юрочкой выехали из квартиры 20/VII, а из Ленинграда их поезд ушел 22/VII. Зина с Петей уехал числа 27—28/VII и, наконец, Маруся с Валентиной числа 2/VIII.

Первый раз Ленинград подвергся бомбардировке 5/IX. В Новой Деревне первый раз бросались бомбы 19/IX. До того мы думали, что Н. Дер. столь незначительный пункт, что бомбить его никто не будет. Затем было несколько бомбометаний по Нов. Дер. в течение октября и ноября.

Разрушений очень много. Возле нас особенно пострадали район Серебрякова пер. 1-го декабря. Памятный день. Был обстрел из дальнобойных орудий по Новой Деревне по разным кварталам. Мы, т. е. наш домик и несколько рядом соседних, оказались по счастью целы. Пострадали напротив два жилых барака, затем школа, больница, общежитие почты и много др. Это был кошмарный день с 12¹/₂ ч. дня до 7 час. вечера. У нас в квартире не оказалось 10 стекол. Ночевали сидя на стульях в квартире Серебряникова. 2-го и 3-го производили ремонт окон. Истопили печи 3/XII вечером и вздохнули, хотя в убежище ходили раза два. Четвертого был большой налет. Страшный вечер до позднего. Бомбы были брошены и в Новой Деревне. С 4-го на 5-е тревог было 5; последняя в час ночи 5/XII. Затем были еще в 2 часа 30 м., но мы не слышали и спали спокойно. 5-го декабря тревога после ночи началась в 6 час утра, затем в 7 час. Числа 10—11 ноября в Нов. Дер. после ночной бомбардировки было несколько ночных пожаров. Сгорел рынок и ряд домов в раз. местах. На берегу неподалеку от кольца трамв. в Нов. Дер. в ту ночь сгорела баржа с заводск. оборудованием. Я на службу шел сквозь дым пожаров по Нов. Деревне. В городе тоже было много разрушений. С 25/XI меня освободили от работы по моему заявлению — было невозможно вечером добираться домой пешком. Трамваи если и попадались редко, то были так переполнены, что попасть в вагон не было никакой возможности. С 1-го декабря, после дальнобойного обстрела у нас не стало электросвета и радио. Числа 7—8/XII радиотрансляция была восстановлена, но света не дали и до сих пор. В Нов. Деревне эл. света не стало. У Петра Ник. оказалось тоже нет эл. света и не работает водопровод. Оля моя, подавшая написанное мною ей заявление об освобождении от работы, подала его директору магазина 23/X. Обещали по закону — просьбу удовлетворить через месяц. Но фактически ее освободили не 23/XI, а числа 8/XII. Я и Оля теперь оба свободны от службы и очень удачно, т. к. не стало по городу эл. света, перестали ходить трамваи, — добывать пропитание можно не иначе, как простаиванием полсуток в очередях — это все для нас, стариков, было бы не по силам, тем более, что на службу и со службы с 10/XII все стали ходить пешком.

Трамваи совершенно перестали двигаться числа с 8-го или 9/XII.

Вопрос с питанием особо стал актуальным. В сентябре мы получали (служащие) по 200 гр. хлеба и соответств. прочее, а в октябре по 150 гр. Начиная же с 1-го ноября мы стали получать голодный паек — хлеба 125 граммов. В декабре получаем тот же вес. Остальные продукты достать очень трудно, и их часто заменяют на неполноценные, например сахар стали заменять водянистой повидлой, жиры — жиденькой сметаной и т. д. Все соседи стали неузнаваемы — исхудали, стали еле двигаться. Силы не стало у людей. Рабочие получают хлеб вдвое (250 гр.), но это тоже голодный паек.

Приток мертвых на кладбище увеличился. Каждый день стали сотнями возить на кладбище мертвых. Похоронных телег не стало. Каждый должен был сам своего покойника доставить на саночках на кладбище и сам вырыть могилу и зарыть ее. Люди стали гибнуть и от бомбежек, и от дальнобойного обстрела, и от голода. Ежедневно по Мигуновской ул. (где трамвайный путь) можно наблюдать вереницы людей, везущих на саночках своих покойников в гробах, сколоченных самими, и без гробов, обернутых в тряпье. Дело в том, что на получение гроба очереди очень большие, и покойники должны выжидать их получение по 5—10 дней. Гробы стали делать из заборных и проч. досок самой разнообразной формы, ящиками косыми и прямоугольными, сбитыми из неочищенных досок. Часто крышку гроба заменяют несколько фанерок от ящиков. Числа с 6/XII появились

довольно большие морозы (до 25—30°). Пожалуй, этим можно объяснить, что с 6/XII вечера и до 21/XII не было воздушных тревог. За эти две недели только и были две тревоги по нашему району — по случаям обстрела нас из дальнобойных.

Деньги потеряли свою покупательную способность — по продуктам питания — на частном рынке. Появился натуральный товарообмен. На деньги на рынке ничего не продают. 19/XII был на ситном рынке, но на деньги ничего не продают — только на хлеб или другие продукты. За шапку-ушанку цена 250 гр. хлеба. За валенки 300—500 гр. хлеба. За калоши 200—150 гр. хлеба и т. д.

Табак и папиросы исчезли совершенно. На рынке я видел, как один купил 1 пачку (25 шт.) папирос «Южные» за 10 руб. За 250 гр. хлеба надо дать (так было предложено Оле) 4 пачки папирос и 25 р. деньгами.

Особо ценным продуктом стали скотские жмыхи. Мы достали числа 10/XI у Фаля 2 кило этих жмыхов (дуранда), и Оля выменяла 1 кило числа 18/XII в свиновхозе. К 21/XII от этой дуранды остался маленький кусочек, граммов 300.

Фаля прописалась к нам числа 17/XI, но после обстрела Нов. Деревни из дальнобойных 1/XII она исчезла и ночует у себя на службе в трамв. парке Блохина. Она показалась у нас числа 18/XII рано утром, — когда в смысле обстрела более благополучно, и через 2 часа ушла, не предполагая дальше у нас жить. Она хочет поселиться в комнате Саши. Леня числа 11/XII был у нас с сообщением, что уходит из Ленинграда со своей организацией в числе 200 человек — пешком.

Путь будет до 300 км. Переночевал у нас и рано утром ушел. Оля ему состряпала из гороха и макарон на дорогу еду. Продукты принес Леня свои. Ночь была с тревогами.

Мама после отъезда Оли Гродской резко изменилась. Она, не зная фактической жизни и условий, надеясь на переводы ей от Саши два раза (последний раз 600 руб.), — решила жить самостоятельно, независимо, на деньги. Но, столкнувшись с фактической стороной жизни и убедившись, что деньги роли не имеют и на них ничего не купишь, — влилась к нам, передав мне остаток своих денег. Однако все запасы своих продуктов она втихомолку сама потихоньку истребила, как, например, запас сахара, шоколада, какао, сгрызла, поела без толку конфеты и т. д. Сейчас, когда запасы у нее исчезли и новых не достать, — она влилась в нашу семью. Фаля к ней льнула, пока у ней был сахар и конфеты, но теперь Фаля отказалась ей дать хоть немножко своего варенья и ушла, унеся с собой свою банку варенья.

Нет электроосвещения, керосин исчез и не выдают с октября в магазинах. Мы зажигаем «фитюльки», но запас керосина уже исчез. Достали через Катю 1 пивную бутылку бензина с растворенным маслом — кое-как горит и освещает.

21 декабря 1941 г.

Появился слух, что с 22/XII прибавят хлеба служащим и иждивенцам до 300 гр., рабочим до 400 гр. Что-то не верится. Эти слухи по разному количеству ходят давно. Говорили, что прибавят с 1/XII, затем с 10/XII, потом с 15/XII.

Но, к сожалению, слухи остаются слухами. Катя ушла к Ал-ру Ив. Петушкову с пивом. Оттуда пойдет завтра к себе на окопные работы.

Пекли лепешки из Олиной дуранды и пили с наслаждением с ними чай.

В 11 час. Оля ушла в совхоз на добычу дуранды. Понесла муфту, кофточки, шерсть на юбку, кружева и проч., но к 1 часу дня вернулась ни с чем.

В 1 час дня начался обстрел Приморск. р-на, и продолжалось это до 14 час. 30 мин.

В 15 час, воздушн. тревога. Отбой в 16 ч. 30 м. Одновременно был и обстрел из дальнобойных. За последние 3 недели мы раздевались только 1 раз, на 21/XII, но сегодня снова опасно. Надо быть наготове. Пили чай я, Оля и мама с лепешками из дуранды в 18 часов.

22 декабря 1941 г.

Я вспомнил, что 19/XII был День папин. Мы его отметили: с утра я поздравил маму и Олю с именинником. Оля как раз, накануне 18/XII, идя в Свиносовхоз, (безрезультатно за добычей дуранды) прошла через кладбище и была на могиле папы. Вечером 19/XII мы пили чай с конфетами, и я дал по рюмке красного портвейна всем за скромной трапезой. Мы с Олей вспоминали о том, как папа жил в 1932 году у нас, и вообще говорили о нем. Мама же не особенно участвовала в разговоре, — она почему-то о папе не любит говорить, в особенности о его положительных качествах характера, и если и вставляет реплику, то отрицательного характера. Между прочим я вспомнил, что мама ни разу не проведала папу, когда он лежал больной в больнице, и не ходила к нему вообще, даже не попрощалась. Это после 50 лет совместной жизни, наплодив десяток детей.

Кстати о кладбище.

Числа 6/XII мы с Олей ходили на разведку за город. Думали пройти в Парголово или Келомяси, надеясь сменить что-либо на продукты питания. Наша мечта была добыть картофель. Однако, выйдя за город, в направлении за кладбище, мы убедились в невозможности, в условиях военного времени, идти напрямик по полевым дорогам, где разбросаны военные точки. Пришлось задержаться в Свиносовхозе, что расположен сейчас же за кладбищем. Оля узнала, что здесь можно иногда у рабочих совхоза выменять что-либо из вещей на жмыхи, или, как здесь называют их, «дуранду», но это надо сделать в общежитии рабочих после работы. Мы ушли обратно ни с чем. Проходя через кладбище, мы увидели печальные последствия бомбардировок. Здесь были ранее расположены зенитки, и авиация противника всемирно их бомбила. От этого пострадала и наша Нов. Деревня, в особенности с нашего конца. Теперь отсюда все зенитки убраны и бомбежки кладбища прекратились. Мы увидели массу воронок, больших и малых. Вывороченные могилы и кресты. Слава Богу, могила папы оказалась нетронутой, хотя рядом с нею имелось воронок около пяти.

Вчера, как я уже отметил, 21/XII, Оля была опять в Свиносовхозе. В свое время ей одна заказала принести отрез шерсти на платье для обмена на дуранду. Оля захватила с собою шерсть и прочий подходящий ассортимент товаров. Но ее постигло горькое разочарование. Та женщина уехала к мужу в Армию, а все остальные так пресыщены разными вещами, что не хотят и разговаривать. Из всего города сюда стекается паломничество голодных горожан. Все идут с затаенной мечтой получить хоть маленький кусочек спасительной дуранды. Приносят весьма ценные вещи: шелковые и шерстяные платья, меховые жакеты, кружева, платки, шапки, манто и проч. Видимо, в этих общежитиях так надоели эти наплывы посетителей и, в то же время, так этих рабочих наполнили вещами, что они презрительно-надменным и грубым образом гонят всех посетителей вон, не желая смотреть на вещи.

Эти посетители, открывая двери, приносят с собою холод, и в общежитиях, видимо, понизилась температура. Поэтому даже дети гонят назойливых гостей из дома, бросают в них поленьями дров и проч., но они все идут и идут, все новые и новые, и редкий из них выходит счастливым. Так вот и Оля числа 16/XII выменяла там на рейтузы три кусочка дуранды, каждый величиною с большую ладонь. А вот 21/XII она вернулась со слезами, ее оскорбило это отношение сытых мужиков к голодным людям. Она ничего не выменяла. Я ее, как мог, утешил. Я решил запретить ей и думать о совхозе. Я буду ездить на городской базар и там надеюсь кое-что выменивать. Ничего. Не падать духом. Сейчас наши Армии уже прорывают кольцо блокады. Ходят упорные слухи о прибавке хлеба. Дыма без огня не бывает. Сегодня радио сообщило, что нами освобождены Будогощь, Грузино. Радио каждый день преподносит все новые и новые сообщения о продвижениях наших войск. О прорыве кольца блокады сегодня говорят, как о факте свершившемся.

Говорят, что 3000 автомашин по шоссе отправились в г. Тихвин за хлебом и за проч. продуктами. Говорили вчера, что с 22/XII по

телеграфному какому-то распоряжению будет резко увеличена норма выдачи хлеба. Но сегодня мы были, как и раньше, как и всегда, разочарованы: прибавки все нет и нет. Теперь говорят, что стояли хлебозаводы, работали только некоторые, и на голодную норму было достаточно на Приморский район одного завода, а сейчас надо пустить и другие хлебозаводы, — вот и задержка с организацией пуска дополнительных заводов. Ну, что ж — будем надеяться. Мы с Олей спокойно решили, что во всяком случае с 1 января прибавят.

Я Оле предсказал, что не позже 1/I прибавят хлеба, прочих продуктов и числа с 1/II мы получим электросвет.

Оля сегодня проснулась утром с опухолью на лице. В особенности бросались отеки под глазами. Мы оба исхудали, но Оля сегодня особо выглядела плохо. Я запретил ей сегодня выходить из дому. Привез воды на саночках. Оля готовила обед. Кофе. Мясной суп. Надо сказать, что 12/XII мы получили по карточкам коровье мясо, и вот сегодня Оля сделала из последнего кусочка мяса суп, всыпав в него нашу последнюю крупу. Положила в суп лавровый лист, порубленные и высушенные корешки. Потом перед обедом решила опустить в суп гренки из сухарей. Сухарей у нас немного, и Оля их бережет как предсмертную порцию. Обедали в 14^{1/2} часов. Минутное счастье. Пили чай в 17 часов до 18 час. Оля выдала каждому по сухарю и по три конфетки. Хлеб сегодняшней порции у нас оказался съеденным почти весь вчера. Последние кусочки доели сегодня утром с кофе. Я Оле выдал и часть моего кусочка, намазав их жиром, не то моржовым, не то свиным. Оля во что бы то ни стало должна поправиться. К вечеру она успокоилась и выглядела уже лучше.

Мама ушла спать в 6 час. вечера, Оля в 8 час., а я сел писать свой дневник. Ночь на 22/XII прошла спокойно. День 22/XII тоже. Вчера в ущелье Анна Васильевна продала нам 1/2 плитки шоколада за 17 р. 50 к. Мы съели его вчера же. В ночь с 20 на 21/XII Оля опять вела очередь за получением продуктов вместе с Сыропатовыми. Она ушла в 2 часа ночи и была 32-ой. Мне запретила идти к ней. Я ее сменил в 6 час. Она попила чаю и в 8 час. снова вернулась к очереди. В 10 час. я ее сменил, чтобы она дома отдохнула и подготовила бы обед. В 12 час. она снова сменила меня. После этого мне удалось на рынке (без прикрепления к магазину) получить соль по 400 гр. на человека — 1200 гр. Затем я узнал, что в ларьке на Московском переулке на пиво маленькая очередь. Сходил за ведром и по 4-му талону получил по 3 кружки на карточки наши и 4 кружки на Бахшиева старика, всего 13 кружек, или 6,5 литров. К 2 час. дня Оля установила, что для нас в магазине продуктов не будет. Будут давать мясо за II декаду, а мы уже получили ранее, а остальное по детским карточкам. Пришлось Оле уйти домой, — потеряв напрасно 12 час. стояния в очереди с 2-х час. ночи. Так бывает часто. Вообще в смысле организации снабжения населения продуктами вопиющие безобразия. Никакой организации. Бездушное отношение к человеку, к его времени. Мороз, холод, ветер — люди голодные, и эти очереди. Дико, безобразно, но факт неотразимый, неизбежный. Мы с Олей твердо решили — подождать до 25/XII, когда пройдет II декада, и тогда за II декаду легче будет все получить. К тому же, может и правда, что подвезут из Тихвина продукты на машинах. О чем только не думаешь, как не решаешь. Вчера Оля подогрела кастрюлю пива с сухарями, и это был наш обед с хлебом. Видимо, пивной обед и сыграл свою роль на пошатнувшимся было здоровье Оли.

Сегодня к вечеру она чувствовала себя лучше.

Сегодня напил для плиты последние наколотые дрова. Дров напиленных и наколотых хватит на завтра. Видимо, завтра нам с Олей придется урвать время — достать из ямы дрова, напилить, наколоть и наносить в кухню и комнату опять на неделю или дней на 10. Теперь надо дровами обеспечить большой период, чтобы спокойно встретить Новый год.

Решили пригласить Петра Николаевича к нам со своими продуктами и хлебом. У меня есть небольшая доза вина (портвейн 300 гр., смешанный со 100 гр. коньяка). Скромно. Но ничего иного не придумать.

Завтра надо вырвать время написать очередные месячные письма всем. Я пишу их обязательно ежемесячно (не менее как по-одному каждому) в период 20—23 числа.

С 19/XII резкое потепление, а сегодня наступила оттепель. Мокро. В квартире у нас 13°, а то выше 10° не было. Часто к утру было 4° и 4,5°.

23 декабря 1941 г.

Сегодня день прошел спокойно, без тревог, если не считать вечерней «канонады». Дело обстояло так. Мы уселись втроем (с мамой) пить вечерний чай. Было часов 6. Вдруг неподалеку открылась необыкновенно интенсивная канонада. Я догадался (хотя не был в этом уверен), что это на кладбище взрывают ямы для закапывания покойников. Успокоив своих дам, я велел им сохранять спокойствие, т. к. это «свои», и вышел на коридор проверить предположения. Туда вышел и Серебряников. Мои предположения подтвердились, и мы продолжали свою скудную вечернюю мирную трапезу. Затем мама ушла в комнату спать, а мы с Олей остались бодрствовать. Я написал шесть писем: Олегу, П. П., Марусе, Гродскому (отцу), Саше и Бахшиеву. Странно, что Бахшиев, будучи в Лен-де, просил принять шефство над его отцом и дал мне доверенность на право распорядиться в случае нужды его имуществом, т. к. его отец (82 г.) уже очень стар и слаб.

Обещал через дней 5—6 прислать дуранды.

Однако, уйдя к себе на фронт 8/XII, — до сих пор от него нет никакой вести. Странно. Отец его очень слаб и дряхл.

Сегодня с утра, в 8 час. я ушел на рынок к заводу «Светлана» на 2-й Мушинской с попыткой обменять что-либо на хлеб или дуранду. Но оказалось, что предложений в 100 раз больше, чем покупателей с продуктами. Мне один, как будто интеллигентный человек, но, видимо, большой прохвост и ловкач, предложил мясо 400 гр. Отойдя в сторону, показал. Я отказался, т. к. не иначе, что это было мясо кошки или собаки. С 15/XII наша водоноска, с обоюдного согласия, прекратила носить нам воду. Нет сил при недоедании. Теперь я ношу воду сам. Однако Оля часто ухитряется наносить воды тоже, несмотря на мое запрещение ей носить тяжести. Напрасно она в ущерб себе это делает, оберегая меня. Завтра мы будем добывать из ямы наши дрова, пилить, колоть и наносим побольше в кухню и комнату, так, чтобы хватило к числу 3—5 января, чтобы спокойно и тепло встретить Новый год. Как плохо без эл. света. К тому же нет керосина. Зажигаем коптилки в бутылочках, называемые «фитюльки». 4-го декабря я купил ковер на пол, а Оля 6/XII купила 2 метра простой, но толстой дорожки. Это потребовалось, чтобы накрыть, вернее утеплить, пол. Дело в том, что внизу 2 комнаты, под нами, без стекол, с незаколоченными рамами, не отапливаются. В них не живут. Через окна надувает туда снег. Благодаря этому наши комнаты очень остывают к утру до 4°, и нет никакой возможности поддерживать сносную температуру. С 19/XII морозы 25° упали до оттепели, и у нас в комнатах стало тепло. Можно сидеть без шапки и пальто. Если истопить печь, то температура 14-15°. Однако сегодня с утра было уже 4° без ветра. Пусть будут лучше морозы, чем тепло. Морозы приносят нам спокойствие в смысле налетов с воздуха.

С 10/XII я достал свой самовар, и мы ставим его теперь каждый день. Приятно пить теперь чай из кипящего самовара. Мы с Олей сожалеем, почему мы самоваром не пользовались раньше. Он у нас бездействовал 13 лет. Что нам делать дальше: крупа вся, сахар кончается, сухарей на 2-3 дня для варки супа. Позавчера вместо супа было подогретое пиво. Вчера обедали — суп мясной (остаток от пайка). Сегодня обед состоял из кастрюли кофе. Недаром все соседи ждут, не дождутся своей очереди к отъезду со своими организациями — по эвакуации. В нашем доме ждут отъезда Серебряниковы — воздушным путем, Александра Ивановна с мужем и детьми — шоссе́йным путем.

В нашем доме останутся 4 семьи. Тамара перебралась еще в ноябре в город, в каменный дом. Нас же с Олей связывают вещи Гродских (пианино, кровати, шкаф) и проч. Как нам в жизни не везет. Все улетучились

и не взяли даже маму. Вот теперь и мама еще у нас и окончательно лишает нас необходимой подвижности.

Сегодня радио ничего не принесло. Обычная сводка. Оля поправилась и чувствует себя нормально. 24-го пойдем с нею дежурить в очередь с ночи на 25-ое. Готовимся к этому. Я сделал сегодня стул сидеть в очереди — это легкий ящик с ручкой и крышкой. Начнем с 24 часов в ночь с 24 на 25-ое. Будем дежурить по 2 часа в смену. Иначе ничего не добиться получить — умереть с голоду. Ожидаем и мечтаем получить макарон или вермишель, если привезут, потом нам следует сахар, но заменено повидлой или вареньем или, если бывают, конфетами. Последнее нас очень бы устроило. Газет уже 3 недели не читал. Не достать. Довольствуемся сообщениями радио. Я перенес 16/XII репродуктор Петушкова к себе в комнату, т. к. ни его, ни Кати дома нет. Он на фронте, она на окопах. Только мы, старики, дома.

10 час. вечера. По радио идет концерт. Жду через 1/2 часа вечерних сообщений, после чего обычно иду в кровать спать.

К ночи температура 5° на воздухе.

24 декабря 1941 г.

Сегодня решили, что будем праздновать Рождество Христово 25/XII по новому стилю. Я объяснил, что представляет собою поправка во времени (по исчислению) на 13 дней и как она образовалась. После этого мама решила присоединиться ко мне и все исчисление времени и расчет дней на праздники вести по новому стилю. Итак, сегодня канун Рожд. Христова. Я сейчас поздравил всех, маму и Олю, с кануном праздника. Завтра праздник как-нибудь проведем особенно. Сегодня по общему решению я взял в магазине хлеба на 1 день вперед, и его съели за вечерним чаем. Завтра возьмем на послезавтра. Каждый из нас получает по 125 граммов в день. Это очень мизерная доля, если к тому же учесть, что никакого нет «приварка». Сегодня Оля сделала суп с сухарями-гренками, положила засушенных мамой корешков и натолкла в ступке несколько кусочков сухарей на муку и поджарила эту подсыпку в хлопковом масле. Суп нам всем очень понравился. Сегодня день прошел с одной воздушной тревогой с 10 час. до 11 час. 20 мин. утра. После тревоги мама сразу же ушла в баню. Оля ее проводила. А затем мы с Олей вскрыли по поручению Кати яму Алекс-ра Ивановича Петушкова, натаскали дров, напилили их, накололи и натаскали на всех в квартиру. Из этих дров мы взяли себе долг, что Катя у нас одолжила, оставили себе часть за затраченные труды и часть положили Кате в колотом виде и неколотыми. Перед чаем, когда мама уже вернулась из бани, я сходил на почту — опустить письма всем, всем и на кольце взял хлеба на 25/XII, чтобы съесть его за вечерним чаем. Решили хоть в канун праздника поесть с чаем до сыта???

По пути обратно узнал в магазине, что дают мясо и конфеты. Очередь человек 150. Оля решила идти туда через час, т. е. в 19 часов, чтобы проверить и с надеждой, авось очередь спадет и она получит. Многие по вечерам боятся ходить. Я пойду Олю провожать. Решили так, она пойдет по улице впереди, а я шагов на 100 позади. У нас стало небезопасно ходить. Возле кладбища одну женщ. обокрали, отобрав хлебн. карточки. В 17 час. начались взрывы, которые продолжаются и до 18 час. с перерывами. Игра на нервах жителей. Это рвут ямы для могил на кладбище. Покойничкам нет конца, и все больше мрут от голода.

Сегодня мимо нас проехал воз, на котором извозчик вез около 10 трупов в своей одежде, наложенных, как дрова, поперек телеги и позади один гроб. Все так привыкли ко всяким ужасам, что не особенно обращают внимание на подобные ужасные кошмарные картины. Что с нами будет дальше? Вчера я видел, как сбоку дороги, возле парка трамвайного, лежал замерзающий человек без пальто, и никто не обращал внимания — проходили мимо, каждый со своими мыслями, ожидая свою судьбу.

Ведь все мы ходим под риском попасть под разрыв снаряда. Сегодня Оля решила не идти в ночь стоять в очереди в магазин за продуктами. Пойдем завтра на 26/XII, т. к. тогда пойдут и остальные из нашего дома.

На почте я хотел сдать подписку на год на газету, на журналы, но не принимают — ответили, что подписка сейчас принимается лишь только по месту работы и по ограниченному лимиту.

Температура на дворе опустилась до 11°. Это хорошо, дело снова идет к морозам и значит к победе.

25 декабря 1941 г.

Всю ночь на 25/XII гремела артиллерийская канонада со стороны Ладожского озера. Иногда слышалась стрельба и со стороны Кронштадта, и со стороны Карельского перешейка. Мы, как и всегда, спали в одежде и часто просыпались. В комнате понизилась температура. Оля даже прибавила на нашу кровать сверху мою шинель, и то было холодно. Так мы провели во сне до 9 час. утра. Это редкий случай, что мы так поздно были в постели. Утром мы поздравили друг друга с Р. Х. Истопили плиту и пили утренний кофе с конфетами и сухарями. Варвара Ивановна принесла нам радостную весть — с 25/XII прибавлен паек хлеба: рабочим 350 гр. и иждивенцам вместо 125 теперь 200 гр. Эта радость создала у нас прекрасное настроение. Оля стала готовить обед, состоящий из супа (вода, сухари гренками, и немного потолкла в ступе сухариков и поджарила их в хлопковом масле), устроила чудный обед. Каждый из нас получил по 2 тарелки. Я наносил воды полный бак и ведро. Был в парикмахерской. Принес хлеба по новой норме на 2 дня, 26 и 27/XII.

Обедали в 3 часа дня, в 6 час. вечера — чай с конфетами. Мама продолжает разыгрывать барыню-пансионерку. Ссора вышла из-за спичек. Я получил от мамы заверение, что она не будет у себя прятать по сундукам и уголкам разные продукты и общеупотребительные промтовары — спички, мыло и т. д. Если она живет в моей семье, то у нас в это тяжелое время все ресурсы должны быть в едином месте хранения и одна должна быть хозяйка, распределяющая наши возможности. Не может быть такого положения, чтобы один из нашей семьи втихомолку создавал бы себе какие-то запасы, пользуясь, в то же время, всем, что требуется для жизни, из общего «котла» семьи. Два дня тому назад я пригрозил маме, что если я обнаружу, что у нее где-либо будет отдельный склад чего-либо, то одно из двух: или она полностью перейдет жить на свою половину и средства, независимо от меня, или она будет жить в моей семье, как уважаемая мать-старушка, как равноправный член нашей семьи, без отдельных каких-либо складов. Если ей что требуется, то никто ей никогда не откажет ни в спичках, ни в мыле, которое всегда возле умывальника — сколько угодно мойся, и т. п.

Мама со слезами на глазах просила простить ей ее стремления создавать у себя отдельные запасы и дала слово, что целиком всей душой сливается с моей семьей, что ей не надо никаких запасов и отдельных складов и что в будущем это не повторится и она никаких хранилищ иметь не будет и всем, что ей требуется, она будет пользоваться из общего семейного запаса, как равный член н/семьи.

Характерно, что, чего ни обнаружишь у мамы, у ней одна отговорка, что это Фалино, и поэтому два дня тому назад, по ее просьбе со слезами, я ее простил, принял в семью и приказал, чтобы сегодня же все, что у нее есть Фалино — мыло и спички, — она пусть соберет и даст мне для хранения, чтобы в будущем прекратить всякие ссылки на Фалино и т. д. С этим условием мы помирились, поцеловались, и два дня прошло мирно и хорошо. Но вот сегодня я заметил у мамы на столе в столике и еще где-то по коробке спичек и, шутя, спросил, есть ли у Вас где-либо припрятанные спички, т. к. на спички можно выменять на базаре керосин и т. п. Мама замахала руками, уверяя, что нигде у нее ничего нет и о спичках не может быть и речи. В то же время я у себя на шкафу обнаружил недостачу 1 десятка спичек, а поэтому, не относя совершенно к маме этой недостачи, — я сказал ей, что, перенося ее сундучок на другое место, я слышал шелест спичечных коробок, а следовательно, у ней есть спички. Мама стала божиться, что боже упаси: у нее их нет. Тогда я потребовал ключ, и в сундучке оказалось более 10 коробок спичек. Конечно, началась ссора, которая,

благодаря идиотскому упорному дурацкому характеру мамы, кончилась тем, что я снова поставил перед ней вопрос так: если хочешь жить со мною и в моей семье, то ничего отдельно у тебя храниться и прятаться не должно. Все должно храниться в одном месте, у хозяйки семьи. Если же ты хочешь жить с самостоятельными, отдельными от семьи, своими хранилищами своих, отдельных от меня предметов, то и я буду с этого момента жить отдельно и тебя не касаться — живи, как хочешь, свою комнату от тебя я буду закрывать.

Она мне ответа не дала. Оля моя очень мягкий человек и старалась помирить дело, но я решил покончить с этим злом раз и навсегда. Либо мать будет у меня в семье, или она будет жить самостоятельно. Вечерний чай начали. Т. к. Оля позвала маму и мама к чаю пришла ко мне в комнату, я к столу не пришел и пил чай после того, как мать напилась и ушла. Мы с Олей закончили чаепитие тихо, мирно и более удобно, чем с этой зверски-упорной, так называемой, мамой.

Температура на дворе около 12°.

26 декабря 1941 г.

Температура понизилась — утром 15°, днем 20° и вечером 25°. Морозы приносят ленинградцам спокойствие в смысле воздушных налетов и надежду на новые победы, на ускорение дела по прорыву кольца блокады вокруг Лен-да. С утра слышна была слабая канонада. Ночью так же была около 1 часа и 5 час. утра. Встали мы в 9 час. утра, чтобы меньше есть.

Днем вскрыли яму, добыли дров, напилили, накололи с Олей и наносили в кухню. Очень много заготовили — хватит теперь до 15 января. В связи с усилением мороза пришлось наносить воды, т. к. замерзает водопровод. Рядом водоразборная давно не работает, берем воду с будки на Гусевой ул. К 4 часам дня кончили с дровами. Оле пришлось подкрепить меня со время работы тарелкой супа. После 4 час. дня Оля, по совету Варв. Ив., сходила в очередь к магазину, но к 6 час. вернулась. Положение безнадежное — мы еще некоторые продукты не получили за I декаду декабря. Сегодня небывалая очередь за хлебом. Александра Ивановна с утра стояла за хлебом и получила его к 4 час. дня.

Ужас берет, когда подумаешь — как получить то скудное, что положено по норме?

Мы уже четвертый день будем готовить суп с гренками из сухарей, которых у нас скоро тоже не будет. Что же делать тогда? Кошмарное положение. Мама ушла после чая спать. Она старается не делать ни одного лишнего движения. Она даже не моет посуды. Когда истопится плита и подостынет, она часто садится на плиту и дремлет.

В 7 час. вечера воздушная тревога. Мы не сдвинулись с места — сидели в комнате. Отбой был дан в 7 ч. 40 мин. Сейчас с Олей решили бодрствовать при фитюльке до 9-ти час., а потом спать. Радио не принесло сегодня новых сообщений, заслуживающих внимания. Мы с напряжением ждем, когда же прорвут блокаду и окончательно очистят линию Сев. дор. Сейчас фронт на линии Волхов — Мга — Будогощь, под Чудово — Новгород. По шоссеиной дороге, видимо, через Шлиссельбург автотранспорт туда везет эвакуируемых, а обратно продукты, но что-то незаметно этих продуктов в магазинах. А очереди стоят и ждут. Очереди день и ночь. Жуткое состояние голодных людей. По улицам Нов. Дер. гробы, гробы и мертвецы плывут вереницей на кладбище.

(Суббота) 27 декабря 1941 г.

В ночь на 27-ое был ночной обстрел Ленинграда снарядами противника из дальнобойных орудий. Мы с Олей, готовые выпрыгнуть с кровати из-под толщи многих пальто, прислушивались к разрывам. Слава Богу, до нас не добрался. День прошел спокойно. Мы посвятили его домашним делам: я истопил печи, наносил издалека воду, полные бак и ведра, Оля помыла белье, я имел баню, Оля помыла полы. Завтра Оля пойдет в баню. В магазине, где мы прикреплены, все еще ничего нет. Сыропатова бедняжка

с 25-го, с 10 часов вечера, стояла всю ночь и весь день 26/XII и вечером ушла ни с чем со слезами. Сил нет. Сыропатов очень исхудал, получил бюллетень по слабости. Если так и дальше будет с питанием — он умрет. Гробы, гробы и гробы плывут вереницей мимо нас на кладбище. Мама после вечернего чая в 18 час. ушла спать. Оля тоже улеглась в 19 час. Я улягусь, как обычно, часов в 11 вечера, после последней сводки по радио. Сегодня радио ничего особенного не принесло. Мороз 22-24°. Скоро будет полнолуние. Сегодня Оля опять приготовила чудесный суп на обед из сухарей. Я и мама очень хвалили этот суп, и он вправду нам очень понравился. Решили, что если доживем до лучших времен, то обязательно, когда-нибудь, сделаем суп из сухарей и вспомним эти тяжкие времена. Дай Бог силы их пережить. Сухари кончаются. Сахар тоже приходит к концу. А кушать так хочется!

28 декабря 1941 г.

Воскресенье. Мороз 25°. Бесперспективное существование начинается. Сегодня утром за хлебом с 6 час. утра в очереди на морозе, потом в магазине затрачено 2½ часа. Хлеба взято на 2 дня по 200 гр. на человека. Завтрак — чай. Обед — кофе в 12 час. В 5 час. дня снова — кофе. В 6½ час. попили чаю. Мама ушла спать. Дневную порцию хлеба все мы съели и «заели» граммов по 30 на завтра. Завтра Оля приготовит суп из сухарей. Уже подготовила все для супа. Сухарей осталось всего-навсего еще на 2 супа. Значит, 29 и 30-го будет суп, а потом? Ужас берет умирать голодной смертью. Кушать хочется страшно.

Когда Оля крошила для супа сухари, то и она, и я не утерпели стащить в рот по малюсенькому кусочку, но от этого можно обозлиться и съесть больше, и суп пострадает. Есть еще постного масла хлопкового ½ бутылочки. Это в суп. Что делать после 30-го? Получили сегодня письмо от Петра Николаевича, что умер двоюродный брат Оли Николай Фролов 14/XII. Хоронить неизвестно когда будут. Письмо же написано им 17/XII, получили мы 28/XII. Трамваи и до сих пор не ходят. Света нет. Керосина у нас тоже нет. Бензина, что принесла Катя, хватит для фитюлек еще дня на 4. Пока есть хотя бы дрова. Топили много — делаем тепло, но дом так расшатался от бомбардировок, что не держит тепло. К тому же внизу не топят совершенно. Пол у нас страшно холодный — сидим в валенках и ватниках. Я получил в 7 час. вечера новогоднее вино 2 литра, по 11 руб. 40 к. литр, по ½ литра на человека, в том числе на Бахшиева. В 8 час. веч. мы с Олей (мама спит) поставили самовар и попили еще чаю с вином. Охмелели немного. Еще залезли в завтрашнюю порцию хлеба. На завтра у нас с Олей осталось примерно граммов по 55. Думаем, что завтра вечером возьмем на послезавтра и немножко урвем для завтрашнего вечернего чая. По радио ничего нет особенного. Оля со мною тоже сегодня не спит. Часто результат питья чая... Работа почкам... Получил ли Петя наше письмо-приглашение на Нов. год? Есть вино. Остальное у каждого свое. Каждый день у нас теплится надежда на новое увеличение пайка. Если это увеличение не будет с 1/I, мы погибнем, т. к. сейчас ничего, ни капли у нас нет. Даже кофе осталось раза на 3-4. Больше ничего нет — кроме соли, горчицы, и все. Жутко. Смертельно хочется есть. Хоть бы какую-нибудь корочку хлеба. Мама счастлива тем, что все спит (даже храпит). Нам следует получить за весь декабрь 2 кило конфет на троих, но конфет в магазине скоро не ждут. Да и будут ли они скоро? Крупы тоже нет, макарон нет, жиров нет... Получено мясо американское. Пойду в магазин завтра к 6 часам. Дай Бог получить. Нам следует по 150 гр., всего 450 гр. Это два чудных супа. Дай бог получить, но надежды мало, уже сегодня стали с вечера толпы новодеревенских баб, и уже стоит их ругань (матерщина). Когда я получал вино в магазине, выбиты были стекла и у кассы, у дверей давно уже выбиты. В магазине дежурят два милиционера. Хочется есть. По радио идет сообщение последних известий — 23 часа.

29 декабря 1941 г.

Ночью и ранним утром мороз 30° ; в 14 часов был 14° и прошел маленький снежок. Ночью и днем артиллерийская канонада. В 16 часов было несколько дальнобойных выстрелов противника по Ленинграду. В 6 час. утра ходил стать в очередь. Привезено мясо американское, но нет света (электр.) в магазине, и поэтому закрыт. Народ толпится на улице на морозе, кто уходит, новые приходят: узнаем, что в магазине нет ни свечей, ни керосина, будут ждать дневного света часов до $9\frac{1}{2}$. Привезено мяса 200 кило; это человек на 200, а я стою 233, — следовательно, надо лучше уйти, не морозиться, и ушел.

Мы с Ольгушей улеглись под все пальто и провели в кровати время в тепле до $11\frac{1}{2}$ час. утра. Оля стряпала суп из сухарей с хлопковым маслом, и в 13 час. 30 мин. я ушел на почту отнести письмо Олегу и Оле с просьбой прислать долг 300 руб. и кроме того позвонить по телефону в 3 места о службе по объявлениям радио. Оказалось, что телефоны не работают у нас неделю, даже почта телефона не имеет. Далее там узнал, что телефон не работает и по всей Петроградской стороне. У почты встретил знакомого из Облплана, который пояснил мне, что трамваи и в городе и по Невскому совершенно перестали ходить, что Облпартконференция постановила после соединения войск с нашей стороны и с той после пуска жел. дороги: все ленинградцы, для быстрого восстановления сил, будут переведены на 1 месяц на санаторный паек. Еще бы, мы так изголодались, что собираешь по столу микроскопические крошки после расколки сахара или во время обеда: от кусочка хлеба не останется на столе ни зернышка хлеба. Сегодня у нас с Олей на весь день было всего по 50 гр. хлеба и суп. Мы по 25 гр. истратили на обед и по 25 гр. на чай в 18 часов. Утром мы ничего не ели. У мамы вышло с хлебом равномернее. Мы же вчера много двигались и поэтому заехали в сегодняшний день, и как же трудно это нарушение теперь провести. Завтра получим снова на два дня по 200 гр. на человека, на 30 и 31 число.

Но что эти 200 гр. без всего остального, без приварка, без крупы, без мяса и т. д.? Ничего ведь нет и в прикрепленном магазине, а если привезут, то столько трудов и сил надо истратить, чтобы получить эти крохи. Безнадежное положение — смерть надвигается страшная, голодная, но мы как-то все атрофированы безвыходностью из этого положения. Каждый день все с жадностью прислушиваются к радио — не принесет ли оно новое продвижение наших войск к Лен-ду, но слышим всегда: или дело на месте, или продвигается медленно.

В городе жители в особенности страдают от холода. Дрова продаются на улицах на саночках по баснословной цене, а больше на продукты. Предлагают дрова на шоколад, который выдается по детским карточкам и т. д. Хлеб на Ситном рынке доходит на деньги до цены 300 руб. за кило, и люди платят, шоколад 1 плитка 100 рублей. Но вообще на деньги купить трудно — только обмен. Чего только нет на рынке на хлеб: и манто, и кружева, и проч. Все худые, истощенные. Моя Оля была в бане вчера, также со слезами жаловалась, что не узнавала себя — один скелет. Я тоже — одни ребра.

Ходить очень трудно — прошел на почту и очень устал — быстро идти не могу, и широкий шаг не идет; дрожат ноги. Говорят, что умирает ежедневно от голода 6000 чел., из них 95% мужчины. По вечерам мы с Олей, а в особенности я, почему-то пьем гофманские капли. Хочется. В аптеке ничего не стало — нет ни гофм., ни валериан. капель, нет скипида-ра — вообще трудно что-либо приобрести общеупотребительное — просто нет, а такие предметы, как сушеная черника, малина, клей и проч., все разобрано полностью для употребления в пищу. В магазинах давно исчезла горчица. Из нее, после вымочки, пекут лепешки. Голод — ужасная вещь. По радио уже несколько раз передается инструктаж пожарной инспекции, как можно пользоваться печками-временками, «буржуйками». Эти печи сейчас очень ценная вещь. Весь город ими пользуется.

24/XII мы послали письмо Петру Николаевичу: приехать к нам со своим хлебом встречать Новый год, но мало вероятности, что он наше

письмо получит вовремя, т. к. его письмо к нам с Горстиной ушло 11 дней.

Радио часто портится. Вот и сейчас в 19 ч. 25 м. внезапно замолкло. Радио — это единственное сейчас связующее и информирующее, не дай Бог, как грустно в такой обстановке и с неработающим радио. Мы после обстрела 1/XII жили дней 6 без радио. Грустная пора. Как в мешке. Собираемся лечь спать в 8 час. вечера и спать до 11 утра. При голоде это самое лучшее — отпадает утренний чай, и сразу с утра топим плиту, как сегодня, и затем к 12, к 1 часу — обед. Экономия хлеба.

30 декабря 1941 г.

Мороз 16°. Ночью и между 16—18 часами сильная канонада в стороне Ладожского озера. Утром в 6 час., идя в очередь за хлебом (к бане): виден был пожар, вернее зарево пожара, по направлению на Охту. Оля в 6 ч. утра ушла в очередь к магазину (кажется, будут давать мясо). Я получил хлеб через 2 часа и, занеся хлеб домой, поставил самовар, выпив 2 стакана горячего чая, ушел сменить Олю.

В очереди узнал, что цена дуранде на рынке 50 руб. кило, что пропала у работницы совхоза девочка и видали, что ее заманивала какая-то женщина. Предполагают, что девочка съедена. Видал одну знакомую, с которой часто ездили на трамв. на службу по утрам. Она рассказала, что вчера со своим соседом они шли из Гостиного ряда пешком домой со службы. Он на площ. Льва Толстого обессилел и сел на тротуаре. Прохожие помогли поднять, но его ноги, как ни помогали ему передвигать их, — не шли. По счастью она упростила одну военную машину подвезти их, и на счастье они ехали к Сестрорецкому шоссе. Она взвалила его на автомашину, и довезла домой, неподалеку от бани на Новодеревенской набережной. Этим спасла человека от смерти на улице, но неизвестно, будет ли он жив и дома, т. к. на голодном пайке много не проживешь. К 3 часам дня Оля получила по 150 гр. на человека дивного прессованного американского мороженого мяса. Дивное мясо с жировыми прослойками. Мы такого и в мирное время у себя не ели. Я настолько проголодался по мясу, что первый раз в жизни съел кусочек сырого мяса с солью, примерно граммов 25. Ранее никогда сырого мяса и не пробовал. Кроме того, согласно условию с Бахшиевым, Оля получила на него 600 гр., и половина нам. Таким образом у нас стало мяса 450 гр. и 300, всего 750 гр. Оля продолжала стоять в очереди у магазина, т. к. привезли крупу, но позже выяснилось, что получено 2 мешка: 1 гречневой и 1 пшено, и будут давать исключительно только по детским карточкам.

Бедная Оля чуть не заплакала. Мы так нуждаемся в крупе — нет ни зернышка у нас, и вот, простояли вдвоем по очереди на морозе день: и вдруг надежда на крупу лопнула, как пыльный пузырь. Мяса же завезли достаточно, и завтра будет уже маленькая очередь, тем более, что уже на декабрь почти все мясом удовлетворены. В 4 часа Оля пришла в совхоз к своей знакомой девушке с разными вещами (2 ситцевых платочка, ситца лучш. качества светлого 4 метра, рейтузы, отрез подола к простыне с кружевами и еще что-то). Там никто ничего не меняет, т. к. дуранды стало очень мало, сами боятся голодать, и кроме того тот слух, что с 1/I прибавят норму хлеба, у них убит карточками на январь — где напечатана норма старая, ноябрьская, как и в декабре. Только лишь девушка Олина сменила ей на 2 ситцевых платочка 2 кусочка дуранды и пригласила прийти в январе, после того, как будет ясно, сколько будет хлебный паек.

Пока Оля ходила в совхоз, я сварил мясной суп. Мясо, немного сушеных порубленных корешков (остатки), 10 листиков лавров. листа, и Оля дала для супа 3 столовые ложки остаточной пыли из мешка, где когда-то были сухари. Такой пыли осталось еще на 1 суп. Оля возвратилась к 5^{1/2} час. дня, и я уже держал суп, готовый в духовке. В 6 час. веч. мы обедали. Суп всем понравился. Мясной. Вышло по 2 хорошие тарелки. Только мало хлеба. Он был съеден без остатка за обедом. Мама после

обеда ушла спать, Оля починила шапку, потом мы оба выпили чаю с вином (кислое, водянистое) и Оля улеглась тоже спать, а я решил сделать запись в дневник и потом — в кровать. Спим все время, не раздеваясь. Слава Богу, время пока идет без тревог. Это удивительно — забываешь на минуту, что все же идет война рядом. Радио ничего утешительного не приносит. Все берем города, но названий этих городов никто никогда не слышал. Видимо, деревни переименованы теперь в города. Появившийся у ленинградцев подъем духа что-то очень резко начал падать. Со всех сторон слышны пессимистические реплики. Даже ругань, что, мол, вводят в заблуждение. Радио бранят за то, что занимается болтовней — пустозвонством. Мне же известно из сообщений газет, что наши продвинулись к Ленинграду с той стороны на линию: Волхов до Войбокало включит., потом под Кириши, под Чудовом. Вот и все. На кладбище, между тем, идет день и ночь работа по копанию больших и малых могил. Большие могилы взрывают. Оля видала, что одну большую яму оттаивают громадным костром. Малые ямы роют одиночки. Нанять кого-либо вырыть яму-могилу стоит от 250 до 350 рублей. И не удивительно, когда за Олину прошивку к простыне (кружева) давали 50 гр. дуранды, не более. Даже Оля видала военных (из комсостава), приходивших в совхоз менять на дуранду. Один принес сахар и постное масло. Но ничего не выменял. Теперь там сами боятся погибнуть с голоду. Придерживают. Радио сообщило, что министр Англии Иден был в Москве и совещался по поводу дальнейших военных мероприятий и по вопросу регламента жизни после войны. Кончается запас и бензина для «фитюлек». Еще хватит экономно дня на 3. Что будем делать дальше в такие темные вечера? Есть еще какое-то масло — меня надули на рынке — продавали за лампадное, но оно кое-как горит, уничтожая фитиль. Такой дряни есть граммов 180. Попробуем. На безрыбье и рак рыба. Благодаря морозам сильно тают дрова. Я предполагал, что напиленных нами хватит до 15—20 января, а теперь вижу, что всего дней на 8—10. Морозы. Приходится даже иногда по 2 раза топить печь. Второй раз за ночь. У проезжающего извозчика купили 2 метровых березовых полена за 2 коробки «Южные». У меня остается табаку сегодня — $\frac{1}{4}$ табаку, 1 пачка «Южные» (принес сегодня старик Бахшиев) за бензин (в фитюльку, что я ему сделал), и кроме того есть 4 пачки «Южные», завернутые для Петра Николаевича, который пожелал сменить мне 1 сотню папирос «Пальмира» на сотню «Южные». Мы так с ним договорились. Я ему доплачиваю разницу. Я теперь его особенно жду к 31 декабря вечером после работы. Встретим Новый год, и заодно я покурю хороших папирос, о которых очень соскучился.

31 декабря 1941 г.

Настал последний день 1941 г. Этот год для меня самый тяжелый в жизни. Встреча этого года у меня была не в настроении. Встречали мы его в кровати, засыпая в то время, когда Оля с Ольгой и мамой у себя в комнате встречали его отдельно. Я тогда был несколько обижен поведением в тот весь день моей сестры Ольги. Уже днем 31/XII 1941 г. было ясно, что Новый, 1942 год будем встречать отдельно. Мы же решили наконец никаких затрат не делать, ничего к встрече Нов. года не покупать и провести вечер встречи обычно, как и каждый день. Даже более того, я улегся спать, в виде демонстрации, несколько ранее обычного, т. е. в 11 $\frac{1}{2}$ час. вечера. Таким образом мы провожали 41 год и встречали 1942 г. без надежд, без веры во что-то лучшее, без желания отметить, задобрить Новый, 1942 год и пожелать себе лучшего и в настроении, в вере в лучшее. Мною, это я ясно помню, когда я слушал поднимаемые за стеной стаканы и тосты и пожелания, — овладело чувство пессимизма. Я плохо тогда спал. 2-го января мне уже не повезло — я чуть не потерял ногу у остановки трамвая на Невского у Садовой. Прыгал в подходящий к остановке трамвай, моя нога попала между камнями возвышенности трамвайной остановки и ступенькой вагона. По счастью вагон в это время остановился,

и я с трудом вынул ногу без повреждения (левая). На службе годовой отчет потребовалось переделать, т. к. я недопонял одного циркуляра. На это потерял 5 дней работы штата конторы, и с этим потерял право на премию, хотя было признано, что по качеству мой год. отчет был одним из лучших.

На окопных работах у меня была ушиблена левая нога, и дело дошло до гипса. Опухли, отеки. Но все благополучно прошло. Благодаря ноге я был в дальнейшем освобожден от окопных работ, но мобилизовали в пожарную охрану, и должен был дежурить на вышке на крыше.

Однажды пролетевшим снарядом был так потрясен воздух, что будка, в которой я находился, зашевелилась, заболталась на крыше. На окопах под Павловском упал снаряд по н/траншее слева. Я, зная, что меня преследует рок 1941 года, — сам ушел из своего участка и увлек остальных, а через 10 минут в то место угодил снаряд. При иных настроениях я бы не ушел с участка. Мне жутко было прожить декабрь м-ц 1941 года. В этом месяце я голодал, и лишь в конце месяца стали появляться проблески чего-то лучшего, стали появляться какие-то надежды. В этом месяце мне страшно не везло. С Олей мы в особенности часто ссорились без причины. Ссорился с мамой. Я никому не говорил моих настроений, но ждал 31/XII — этот последний этап 1941 года и не был уверен, что он пройдет для меня благополучно. Мой старый синий пиджак, в котором были случаи, памятные мне (мне особенно везло), я решил надеть для провожания ненавистного мне 1941 года. И вот теперь легко на сердце. Старый, 1941 год, тяжелый год, трудный и страшный год, медленно, но безвозвратно прошел и канул в вечность и никогда, никогда более не вернется. 1942 год я ожидаю с самым бодрым и радостным настроением. Этот 1942 год меня манил, как счастливый берег, к которому было так трудно доплыть, и вот я вышел на берег с облегченным сердцем и прекрасным настроением, с верой в хорошее будущее. Дай Бог, чтобы эти настроения, бодрость духа и вера оправдали себя полностью.

Сегодня с утра морозный день (12-11 °). Без ветра. Иней. Мне утром пришлось идти за хлебом. В 6¹/₂ час. утра. Хлеб получил без очереди. Попутно нашел покупателя на Олину лишнюю муфту. Но этот покупатель не сразу мог сделать нужный нам платеж, а только поздно вечером, т. е. к концу этого года. И действительно, в 22 час. 30 мин. этот покупатель пришел (удивительно) и принес нам тот хлеб (700 граммов), который нам так нужен был для завтра, т. е. для 1 января 1942 года.

В моей жизни появился какой-то перелом.

К вечеру пришел Петя, как мы его письмом пригласили. Мы приготовились к своему желанному празднику — встрече Нового, 1942 года — очень тщательно. Все было вымыто. Ни одной пары грязного белья, ни одной тряпицы грязной не осталось — все вымыто. Пыль всюду снята. Ковры вычищены. Оля в последние дни 30/XII достала дуранды — напекла лепешек. Весь день мы провели в хлопотах, провожая уходящий в вечность 1941 год, и лишь к 7 часам вечера, когда мама ушла к себе и улеглась в кровать и уснула крепким сном, мы с Олей вздохнули. Я уже был в своем старом (1927 года) синем перешитом пиджаке, а Оля сбросила свой ватник. Конечно, я был умыт, побрит и причесан. Мы с Олей даже руки привели в полный порядок, чего не могли добиться последние 2 м-ца. В таком хорошем настроении мы с Олей гадали, придет или не придет к нам гость. Даже предполагали, что Петя не придет. Ну что же, встретили бы Новый год и сами. Но все же хотелось бы, чтобы нашей затаенной радости был добрый свидетель. И вот этот свидетель пришел к 20 часам. Мы оба очень, очень рады. Сразу приступили к обмывочным работам. Заставили Петю умыться, побриться и привести себя в приличный праздничный вид. Это было не совсем просто. Дело в том, что квартира Петра Николаевича пострадала от снаряда дальнобойного орудия противника, и у него выбиты почти все стекла и даже местами рамы. Кроме того, у него реквизировали временно одну из 2-х комнат. Все это потребовало от Пети затрат, многого времени, и о себе ему было подумать некогда. Он прямо с работы пришел к нам, заросший щетиной и т. п. Не буду описывать подробности нашей

мирной, чудесной, добродушной трапезы, которая началась в 10 час. вечера и продолжалась до 1 часа ночи. Эта скромная трапеза была полна самоотверженных чувств, самых добрых намерений и настроений и самых мирных добрых надежд и пожеланий в обстановке, я позволю себе это сказать, прекрасного уюта и тепла. Тепло было (что бывает редко) у нас в комнате, тепло было на душе, мы все трое, а в особенности мы с Олей, были полны самых теплых, дружных прекрасных, оптимистических чувств. Мы стали сытыми. Вино не водка, но оно нас лучше удовлетворило, чем самый лучший коньяк лучшего времени. Чай был достаточной крепости до конца трапезы. Самовар наш, который обычно кипел и шумел не более $\frac{1}{2}$ часа, на столе нашей трапезы кипел и шумел, выпуская пар и булькая с 10 часов до 12 час. ночи, и только после окончания чаепития он перестал шуметь и успокоился. Мы все трое на это обратили свое особое внимание. Петя был устроен спать так уютно, что его желание поспать с удовольствием у нас было нескрываемо. Мы знаем, что это правда — ему будет удобно спать и тепло. Все это в 1942 году делается как-то само собою; от души и искренне. Главное, что во всем чувствуется у всех полная удовлетворенность и бодрость духа.

Привет тебе, наш жданный 1942 год.

Оля и Петя спят — я пишу эти строки. Сейчас 3 часа ночи. Спокойной ночи. Завтра мне предстоит к 8 часам утра отправиться за карточками к домуправу и потом пойти за хлебом.

Радио работало с перебоями и очень плохо.

Таков ушедший 1941 год. •

1 января 1942 года.

Спали до 12 час. дня. Я встал в 8 час. утра, сходил в Жакт за карточками на январь, но оказалось, что типография задержала печатанием продкарточки, и домуправу выдали часть их, которые он и раздал полностью 31/ХІІ. Остальные выдадут 2/І с условием, что хлеб за 1/І не пропадет и магазины его отпустят и 2/І.

Придя домой, я истопил для тепла печь, приготовил Оле топки для плиты, умылся и проч.

В 11 час. Оля встала и занялась на кухне.

В 1 час дня обедали. Отдыхали; в $3\frac{1}{2}$ часа Петя ушел. Вечер коротали с мамой за чаем.

Улеглись все спать в 19 час. 30 мин. и спали сладким сном до 5 час. утра. Мороз к утру 32° . Радио не работает — от мира отрезаны. Ночью была слышна канонада и со стороны Белоострова, и со стороны Ладожского озера.

2 января 1942 г.

Оля ушла к н/магазину в очередь в 6 ч. утра. В $7\frac{1}{2}$ час. я ее сменил, и затем она сменила меня в 9 час. Дома на столе кипел самовар. Я после чая в 10 час. сменил Олю. Она испила чай и приготовила на плите обед, после чего в 1 час дня она меня освободила от очереди в магазине, и я должен был получить на январь продкарточки. В $13\frac{1}{2}$ час. — до $18\frac{1}{2}$ я просидел в очереди в Жакте, потом в очереди в дежурной хлебной (из них $2\frac{1}{2}$ часа на морозе) — пока наконец получил и карточки на январь, и хлеб и за 1/І, и за 2/І. Все очень беспокоились, что могут не дать хлеб за прошедший день, и многие авансом ходили в Горсовет. Все уладилось. Оля пришла домой еще позже — к 7 час. веч. и ничего не получила. За 5 человек в очереди мука (вместо крупы) кончилась. Потом выяснили мы, что это счастье. Эта мука с примесью какой-то древесины или коры, а иногда дают чистую ржаную муку. Может, на наше счастье получим ржаную, качеством и калорийностью лучше. Однако как безжалостно пусто прошел наш весь день. В очереди узнал, что на Московской у старушки умерли с голоду 2 сына в один день (26 и 28 лет). Полное истощение, хотя один из ее сыновей имел рабочую карточку. Врач сказал, что причина их смерти кроется не только в недостаточном питании, но на мужчин очень влияет отрицательно и усиленная затрата энергии на путешествия по городу к месту работы и обратно, а им

надо было ходить ежедневно из Нов. Деревни на Лиговку и на Загородный проспект. Трамваев нет. Бедная старушка-мать. Кругом рассказы об умирающих от истощения. Впереди меня дама — жена почтового служащего говорит, что муж слег в кровать, что она старается, чем может, его питать, но нет средств и нет природы, и в то же время и самой хочется есть. Трагедия без слез. Удивительно, что нынешние смерти совершенно не оплакиваются, и наоборот — с какой-то особенной интонацией всегда добавляют: «теперь ведь карточки на умерших не отбираются до конца месяца». Как-то похоже на то, что смерть одного члена семьи спасает от смерти другого.

Все с какой-то ревностью цепляются за жизнь. Жадные, голодные. От пайка урывкой урывают от других кусочек хлеба, и будто не брал, едят сырое мясо, муку, крупу.

В очереди за хлебом одна евреечка сетует на своего мужа, который сидит дома по бюллетеню, что он строго делил паек хлеба между нею, детьми и собою по норме и что сейчас даже не доверяет ей получение своей части и за своим пайком, при всей своей слабости, пошел в хлебную сам. Дома ест свой паек, а дети смотрят с завистью на него, а он сопит и ест. Детям ничем не поможет, только думает о себе. Оля моя ушла спать в 22 часа. Я привожу в порядок все наши карточки, вшивая их в переплеты. Думаем прикрепиться теперь не в проклятый магазин № 44 на Московской ул., а в ларьках на базаре, где все прикрепленные к 1/1 были удовлетворены и без большого затрачен. времени в очередях. Трамваи все еще не ходят. Электросвета еще нет. Радио с 1/1 перестало работать не только у нас, но и по всей Нов. деревне не работает с 1/1.

Мороз к вечеру 30—32°. Газет не получаю, соседи их тоже не имеют. В городе не был давно. Что делается на белом свете — Аллах его знает. Ждем, а чего ждем точно, и сами не знаем. Вокруг наблюдается полная запущенность. Отсутствие организации, продуманного плана. Взять хотя бы наш проклятый магазин № 44, куда мы имели несчастье прикрепиться на декабрь. Народ не уверен в завтрашнем дне. Очередь выстраивается с 1 часу ночи. Люди придумывают номерки очередные и, раздав их, бегут греться. Другие, придя позже, решают обхитрить. Выдают новые номерки. Вы, мол, дома грелись, а мы в живой очереди. Наконец настает 6 час. утра, но магазин не открывается. Закрыт он и в 7, и в 8, и в 9, и если заблагорассудится заву — откроет, и публика набивается в магазин, закупоривая его наглухо. Стекла в кассе разбиты, двери поломаны, прилавки сдвинуты с мест и т. д. Заведывающая — женщина. Это бывшая торговка на базаре овощами из корзины. Что она может дать в смысле организации дела? Видимо, все ее достоинство заключается в партийном билете.

Вместо того, чтобы позаботиться об улучшении снабжения магазина, у нее время уходит на снабжение знакомых через задний ход. Все 25-е Отделение милиции через задний ход получает свой паек вне очереди. Там жарят прибывшее мясо и припивают вином. Я уверен, что в вино добрая треть воды добавляется потребителю. Этот магазин в стороне, и ни один контроль не заглянет сюда. Да что контроль? Тот сам голоден и за кусок мяса продаст родного отца. Голод не тетка. А такие пройдохи, как в магазине № 44, пользуются бесконтрольностью во всю ширь своего необузданного характера.

30/XII в магазине были все милиционеры-дежурящие пьяны. Продавщица по имени Валя говорила моей соседке в очереди, обидным тоном, что 30/XII все заву отделов в магазине за перегородкой в коморке на плите жарили мясо и пили вино, а нас, продавщиц, не допустили...

Удивительно, почему нельзя было прикрепление сделать так: прикрепляя, записать в книгу с определением количества продуктов, полагающихся семье, по графам. Выдать прикрепительный талон с порядковым номером. По мере получения в магазине продуктов вывешивать объявление, что с такого-то час. будут выдаваться такие-то продукты, прикрепленные по талонам с № по №, и никаких бы не было очередей и мучений. Например, сегодня у нас погублен весь день в очереди с 5 час. утра до 7 час. вечера, и ничего не получили. В то же время иногда в магазине за безнадёжностью бывает пусто: так вот именно сегодня, когда весь магазин был набит до

отказа, зав. решила выдавать по детским карточкам «ситро» (квасок). Получилась невероятная давка. Общее мнение, что там, где заведывающий — еврей, снабжение населения через тот магазин проходит успешнее. Пожалуй, это верно. Русский — это вор, нахальный и бесцеремонный, а тот и этот спорт умеет провести организованнее, и незаметно, и без скандала. Русский, попадая в чужой огород, ворует рывками, хапает, топчет, а еврей делает более крупные дела, но с меньшими убытками и без шума и скандала. У евреев много «своих», и они легче получают то, что им надо со своих оптовых баз, а русский груб и любит поспорить из-за принципа, а потом это отражается на деле и за границами личной неприязни. Страдает только потребитель. Еще зло — русская лень. Трудно раскачаться, в особенности если где пахнет вином.

Приведу данные о нашем теперешнем рационе питания. Потребность и фактически:

взрослый человек расходует в сутки при средней работе энергию в количестве свыше 3000 больших калорий.

Один грамм белка, сгорая, дает:

4,1 калорий (мясо, рыба, сыр, яйца, грибы, горохи и др.),

9,3 жир (масло, сало, сметана, сливки и т. п.),

4,1 углеводы (мука, крупа, сахар, картофель и др. растения).

Чтобы получить 3000 с лишним калорий, требуется в сутки:

белков 120 граммов,

жиров 55 »,

углеводов 500 ».

Паек надо построить примерно так: нормально и как он выглядит фактически —

В сутки:	Требуется в граммах	Фактически	
		в XII—1941 г.	в I—1942 г.
Хлеба ржаного (факт. со жмыками)	600	125	200
— » — пшеничного	400	—	—
Муки	20	—	—
Крупы	150	20	20
Макаронны (вермишель)	10	—	—
Мяса	175	15	15
Рыбы	75	—	—
Сала (жиров)	20	15	15
Масла растительного	30	—	—
Овощей разных	750	—	—
Сахара	35	25	25
Чай, пряности и проч.	нет	нет	
Соль	400	достаточно	

Примечание: Фактически это не значит, что получают — если магазин не получит, то и это скудное выдано не будет. Регулярно выдается лишь хлеб, но не за прошедший день — что пропадает.

Обозначенный состав пайка дает:

Нормально, как требуется	фактич.
белка 118 гр.	25 гр.
жиров 65 гр.	30 гр.
углеводов 620 гр.	32 гр.

или 10% мы получаем от нормального, да и то это «фактически» только по расписанию на месяц, а получается оно из магазина совершенно нерегуляр-

но, часто в следующем месяце, а при отсутствии чего-либо заменяется не полноценным. Например: сахар — повидлой, конфетами (причем «Чайка» без сладости), крупа — мукой (смесью из жмыхов, древесины и ржаной муки), жир — водянистой сметаной, сыр — брынзой и т. д. И бывает, что за отсутствием чего-либо вовсе продукт не выдается и пропадает для потребителя. Усиленный же рабочий паек должен иметь не менее 4000—4500 калорий и даже 5000—6000.

Пешее хождение (при отсутствии трамвая) как раз и требует от человека усиленных затрат энергии, а также, учтя нашу неорганизованность (очереди в магазинах с ночи, суетня с получением продуктов и т. п.) — наше население Ленинграда в настоящий момент по моему мнению получает питание (возмещение затраченной энергии), служащие и иждивенцы, всего 5—6% от нормального, а рабочие 7—8%. Вот и причина такой большой смертности, что приходится могилы мертвецам рыть спешно не лопатой, а динамитом, укладывая их штабелем, как дрова. И нет при этом ни рыданий, ни слез. Только изредка слышатся безнадежные, молчаливые, глухие вздохи, полные разочарования, надежд и веры в лучшее будущее. Как это все грустно!

Какие существуют на сегодня цены на вольном рынке:

Шоколад, плитка	140—150 руб.
Сахар, кусок (50 гр.)	35—40 —»—
Хлеб (100 гр.)	30 (кило — 300)
Дуранда (жмыхи), 1 клгр	100—120 —»—
Мясо, 100 гр.	15—20 —»—
Папирос (средн.), 1 кор.	5—10 —»—
Спички, 1 кор.	4—5 —»—

Но только дело в том, что тех, кто предлагает деньги, в 20 раз больше, чем тех, кто предлагает продукты.

Привожу фактические данные об обменных операциях на натуре (наблюдал на рынке):

Что обменивается	Магазинная цена в руб.	Количество продуктов, полученных в обмен, и что?
Швейная ручная	80	10 клгр. картоф.
Шапка-ушанка (2 шт.)	35	250 гр. хлеба
Муфта дамск. (под котик)	76	600 —»—
Платок беленький, ситцевый	1	50 гр. дуранды
Самовар никел., бывш. в употр.	120	1 кг. хлеба
Патефон с пластинок., 30 шт.	500	1 кг. хлеба 1,5 кг. мяса 500 г. жира 5 кг. жира
Золотые дамск. часы	850	5 кг. жмыха
Дамс. манто, белка	4000	5 ведер жмыха 2 ведра капусты
Калоши мужские	23	150 гр. хлеба
Папиросы «Южные», 1 кор.	1 руб. 30 коп.	30 гр. жмыха
Одеколон тройной, 250 гр.	12	1 кг. жмыха
Отрез шерсти, 1 метр двойной на юбку	92	500 гр. хлеба

Печально, но факт.

Уже за полночь на 3/1. Сейчас 3 час. 30 мин.

3 января 1942 г.

Мороз 18°. Радио не работает с 1/1.42 г., будто отрезаны от мира. Продали Мар. Ив. отрез шерстяной материи (метровый) на юбку, стоимостью в 96 рубл., за 700 граммов хлеба (конечно, простого, черного, с примесью дуранды). Поставили снова самовар и на радостях пили чай с хлебом, несмотря на позднее время. Ссора с Олей... примирение. Все на почве голода. Голод может породить зло.

4 января 42 г.

3/1 Оля имела попытку, помимо прикрепления, получить где-либо в магазинах в городе за прошлый месяц — крупу или замену ее — муку, конфеты или замену их — повидло и недоданный жир. Она обошла магазины до пл. Толстого и по Большому проспекту, но нигде ей это не удалось. Короче говоря — не удалось обмануть продавцов. Вот на что пришлось решиться. Так невыносимо трудно что-либо получить в нашем магазине № 44 на Моск. ул. в Нов. Дер.

Оля не раз дома плакала от ужасных условий, в которых приходится получать продукты в нашем магазине. В особенности тяжелую обстановку создают новодеревенские бабы-хулиганы. Ругань, грубость. Втирание в очередь без очереди. Нахальство. Конечно, более слабые и интеллигентные вынуждены быть часто побежденными совершенно несправедливо. Обида кровная. Главное же, что ты остаешься без продуктов. У нас уже совершенно нет, чем жить. Суп мы не делаем. Питаемся только чаем и 200 гр. хлеба в день на человека. Слава Богу, еще есть очень немножко сахара, и мы по малюсеньким порциям употребляем его с чаем. Оля вчера убедилась, что в магазинах не только у нас очереди и ничего нет, но и в городе то же, только публика там более спокойная. Мы давно порешили сменить свой магазин на январь. Решили на базаре прикрепиться. Однако я с утра обходил и базар, и был в магаз. № 20, и всюду прикрепление закончено. Остается или прикрепиться снова в своем проклятом № 44, или подождать 11 часов утра 4/1 — т. к. заведывающий базаром ответил, что запросил правление, и если правление разрешит, то он с 11 час. 4/1 еще продолжит прикрепление, но на немного (о прикреплении мы начали действовать 3/1). Вечером 3/1 мы решили по инициативе Оли так: 4/1 я иду прикрепляться на угол Большого просп. и пл. Толстого в «Гастроном». Если там закончено, то к 11 час. возвращаюсь на наш базар — что выйдет, не знали — могло стать в конце концов, что мы потеряем срок, и даже паршивый наш № 44 прекратит прикрепление, и мы вынуждены будем приписаться еще в более худший и дальше от нас № 4 на углу, на кольце. Риск, но мы решили так. Что же касается «Гастронома», то Оля рассуждала правильно: там более интеллигентная публика, спокойная, стоят все в магазине, а не на морозе и т. д. Пусть будет $3 + 3 = 6$ километров от нас, но нервы будут спокойны. И что же! Придя рано утром в «Гастроном», я застал распоряжение о прекращении прикрепления!!! Ужас. Надо сказать все же, что в 1942 году я нигде не сдаюсь и не падаю духом. Когда вся публика разошлась, я все-таки, поговорив у директора магазина, был прикреплен на обслуживание к нему, и этому помогла мне моя меховая шапка пыж., о которой был случайный разговор в кабинете с бывшим там работником, а поговорив, я смелее попросил его помочь моему горю, и меня прикрепили.

В этот день мне не удалось ничего получить, хотя я в мясном отделении простоял до 12¹/₂ часов (не было цены и условий отпуска мясн. с рисом консервов).

5 января 1942 г.

Снова на пл. Толстого с 8 час. утра у магазина. Очередь. В 12 час. получил 4 банки консервов по 350 гр. на себя, Петю и Бахшиева. Счастье! Кроме того, мне удалось обмануть продавщицу (мы прикреплены были в декабре к магазину в Нов. Дер., и только) и получить 2 кило муки с отрубями за декабрь вместо крупы по декабрьским карточкам. Это для Оли было целым счастьем. У нас был праздник. Я, мама и Оля сразу вскипятили чай (самовар) и в стаканах устроили род густого какао. Это

было дивно прекрасно. Отошли от стола в самом хорошем настроении и заморили червячка. Мне вообще везет сейчас: 4/1 я достал Оле 2 кило (чистые коробки, 2 шт.) «Стирпор», что Оле очень надо было, т. к. мылом она обеспечена на 1 год, а этого не было. Сегодня достал мыло по петиной карточке в керосинной и т. д.

Что же творится в городе? Начиная от Строганова моста по трамв. линиям стоят мертвецы-трамваи — замороженные и завейанные снегом. Часто попадаются стоящие автомашины — замороженные, трактора. Улицы и тротуары под снегом. Идти тяжело — все тропинки. Парикмахерские не работают — нет света и дров. Не работают часовые мастерские и т. д. Только торговля поддерживается. На базаре, Ситн. рынок, всегда большая масса народу, меняющая на продукты все, что только есть. Говорят, что сейчас появился хлеб, и на деньги (300 руб. кило), и кое-что другое можно достать на деньги, но дорого. Оля сегодня, при случае, если я пойду и на Ситный, заказала мне купить кофе, он у нас совершенно вышел, и при возможности чаю и хлеба, не жалея денег. К сожалению, я все магазинные дела закончил лишь к 2¹/₂ час. дня и прямо на радостях решил идти скорее домой.

Радости и счастья я принес так много, что Оля даже заплакала.

Утром мороз 2°, но не таяло. Радио не работает. В городе свет есть только кое-где на Приморск. стороне, и то в 9 час. утра сегодня снова потухло — снова коптилки в магазинах. Телефон кое-где снова в городе на Петрогр. и Приморск. стороне заработал. Я купил газету за 4/1. Редкость. Прочтем и хоть что-нибудь узнаем о положении дел. Идя домой в 13¹/₂ ч.: был обстрел из дальнобойн. Я просидел это время в писчебумажном магаз. на Кировск. пр-те, против Дома пром-кооперации, где купил карандашей и бумаги.

Восстанавливаю в дневнике данные о посланных мною письмах и телеграммах:

23/IX — Олегу (2/XI — ответ), 23/IX — Марии (3/XI), Зине, Гродск. — отец (23/X), Марфете, 22/X — Олегу, Марии, Зине, Гродск. отцу, 1/XI — Олегу, 4/XI — Зине, Марфете, телегр. Олегу, письмо Олегу, 7/XI — Марии (Вале), Олегу (Оле) (в ящик бросил Киселев), 18/XI — Зине, мама их дописала, 20/XI — Гродск. отцу, 21/XI — Олегу, Марусе, мама — Олегу, 22/XI — Пете, Зине, Марфете, 23/XI — Гродск. (Самара), Олегу, Марии, Салареву, Саше, Бахшиеву, 29/XII — Олегу о 300 руб., 30/XII — телегр. Оле о 300 руб.

4/1 1942 г. послал Салареву телегр. о высылке на маму и что пл. за кварт. уплач. по XII включит.

Вчера, 4/1 получ. письмо Володино с адресом. Написан ответ мамой, но 5/1 я опустить его забыл — пошлю завтра, 6/1.

13 час. 5 м. Оля сердится. Гонит спать.

16 января 1942 г.

Я был болен. Температура доходила до 38,8°. Сильный грудной кашель, по всем бронхам хрипение, точно в гармонии. Сидел дома. Моя Оля меня выдержала дома, и лишь сегодня она меня считает выздоровевшим, хотя еще кашляю в кровати. Стоя, не кашляю. Сегодня решили весь день провести дома, отдыхая. За эти дни моя Оля измучилась: носила воду (с Невы или от ветбольницы), колола дрова, топила печи и все проч. работы, что более всего делал я. Что же происходило за эти дни вне нашего дома и какова обстановка жизни?

Записываю: продукты питания исчезают в городе совершенно. Наш магазин № 44 объявил, что вследствие отсутствия на базе продуктов — магазин закрывается на 3 дня. Хлеб же начал выдаваться с перебоями — то есть, то нет. Стали появляться большие очереди у хлебных. На рынке хлеб поднялся в цене до 400—450 руб. за килограмм, но опять-таки на деньги достать его можно очень редко. Преобладает обмен натурой.

Председатель Ленинградского исполкома Попков обратился по радио к населению города с призывом к терпению — говорил, что если ждали и терпели много, то потерпим спокойно еще немного.

В Нов. Деревне и по Петрогр. стороне радио не работает до сих пор.

Речь Попкова нам сообщали по-разному: кто говорил, что надо еще терпеть — дело трудное, а кто говорил, что он поздравил ленинградцев с завершенным прорывом. Из всех сообщений я выяснил, что более правильное содержание его речи сводилось к призыву, как я написал его выше.

Во всяком случае — продукты иссякли, у жителей ни крошки запасов нет совершенно никаких. Все крошки подобрались. Нет продуктов — городу смерть, смерть голодная, и это мы испытываем на своей спине. Нам уже трудно взбираться на 2 этаж по нашей маленькой лестнице. Мы так истощали, то превратились в скелеты. Я подпухаю. Мама тоже. Стараемся меньше пить воды. В ночь с 13 на 14/I умер Федоров Павел. Отец семейства внизу, в 1 этаже — муж Ал-ры Ивановны. Голодная смерть. Сыропатов был на очереди. Лежал уже в кровати, но жена его приняла энергичные меры обмена вещей и его как-то подняла на ноги. Сегодня ходит, но очень слаб. В нашем доме умерло уже двое с 5-го по 14/XII. За кем очередь?

Как только мы ни умудряемся жить: вместо сахара выпили все капли датского короля от кашля, допиваем глицерин. Едим с хлебом и солью горчицу — все-таки что-то плюс в желудок. Очень мало дают хлеба, 200 граммов на человека (иждивенцы — как я, мама и Оля) — это кроха. Служащие получают по 250 гр., рабочие по 350. Вот прошло и 1/I, и 5/I, и 10/I, и 15/I, а увеличения нормы хлеба нет и нет. Все ждут, все мечтают о прибавке хлеба. Говорят, что Сталин после прорыва блокады даст Ленинграду на 1½ м-ца санаторный паек. Говорят. Может быть, это и правда, но что-то до прорыва далеко. Слухи ходили числа 8-го, что взята Мга и с этой стороны ст. Любань. Но сейчас есть слухи, что за ст. Мгу идут упорные бои. Ст. Любань все время и до сих пор у немцев. Кому верить? А голод надвигается вплотную к каждому человеку. Все уже потеряли моральные устои — это закон голода. Самый честный человек способен украсть, убить — за кусок хлеба. Хлеб из магазина надо нести и прятать, чтобы не видно было. Вырывают из рук карточки на хлеб, вырывают довески. Я сам видел, как в магазине в очереди за хлебом у одной, получившей от продавщицы хлеб, один молодой приличный человек схватил довесок и тут же его в рот, стал жевать; женщина его начала бить; он согнулся, продолжая молча жевать украденный хлеб...

Мать получает хлеб, с нею две девочки, — продавщица приступила к отвешиванию, а девочки кричат: «Мама, мама, по 200 гр.»; т. е. они хотят каждая взять себе под контроль свои 200 гр., но продавщица отказалась в одни руки весить несколько раз и свесила вместе — девочки в слезы. Видимо, им хочется, голодным кушать и им кажется, что мама их «обжуливает». До чего дошло? Чай пьют с солью. Мы тоже.

По счастью в своем новом магазине «Гастроном» 14/I Оля получила ржаной муки по 400 гр. на человека за I декаду января, и теперь мы очень экономно пьем чай с мукой. Эта заболтка нас спасает и служит нам обедом.

В хронологическом порядке события шли так: 6/I мороз 2°. На кладбище особо сильные взрывы с 17 до 19 час. — роют ямы покойникам от голода.

Оля в кровати вечером мне сказала: «Не будь этой Фали, мы бы жили в комнате Саларевых». В ночь с 5/I на 6/I умерла Варвара Ивановна Серебряникова.

Хоронили 9/I.

Получил справку в домоуправлении, что моя квартира пострадала, дом имеет деформации. Оля ходила в Горхлебторг, но безрезультатно. Вечером мороз 6°.

В большом сундуке нашел на дне пересыпку шубную — махорку. Собрал и курю. Мама мне нашла и передала 5 пачек папирос и 1 пачку табаку (от Фали).

Говорят, что в день от голода умирает до 13000 человек. Наибольшая смертность в возрасте от 35—50 лет, потом юноши и до 35 лет, и меньше всего смертности среди стариков. Мужчин умирает 95%, женщин 5%.

Радио нет — оторваны от мира. Газет нет. Топлива нет, водопровод не работает, эл. света нет, керосина нет. По улицам двигаются неумытые рожи. Дамы — грязные носы. Бани не работают — нет дров. Парикмахерские закрыты.

Медицинская помощь отсутствует. В нашей больнице врач, что ходит по домам, болен и ждет в кровати к себе врача 10-й день.

У нас завелась мышь. По городу исчезли совершенно кошки и собаки — съедены. Мы с Олей искали для супа собаку, хотели сманить, но не наткнулись. Пропадают дети — на базаре висит объявление о пропаже девочки 6—7 лет. По улицам часто объявления: меняю то-то и то-то на любые продукты. Манто беличье можно иметь за 3 кило хлеба. У всех дома вещи сложены в чемоданы и ящики. Все живут по-походному, перед бомбежкой и пожаром. В аптеках нет ничего без рецепта, даже по рецепту врача. Даже порошки от кашля, или глицерин, или кусок ваты — по рецепту.

7/1 пришел Петя. Мороз 8—9°. Вчера был обстрел дальнобойными, а я думал, что рвут землю на кладбище. 3/1 Бахшиева отец потерял хлебную карточку, нам сказал об этом 5/1.

Мар. Ив. отказалась от материи на пальто в обмен на хлеб, ей надо лучше по качеству. Наши надежды лопнули.

В 21 ч. 30 м. дальнобойные по Елагину. Оля не спит. Я атрофировался — как судьба — так и будет. Написал письмо резкое Бахшиеву по поводу обслуживания его отца. Где обещанная плата продуктами? Разрыв, и больше не буду обслуживать! Письмо 8/1 Петя опустил в почт. ящик.

Решетка у Лебяжьего моста разбита дальнобойной.

8/1 обстрел близ Нов. Дер. в 11 час. утра $\frac{1}{2}$ часа.

У меня температура 38,3°. Радио не работает. Много пожаров от железных печей-временок; на Сабировской — 2 дома 3/1, на Мигуновской — 2 дома 8/1. 9/1 температура у меня 35,6°, а 10/1 снова 37,8°.

Чай с солью. В столовых не дают ложек. Нет.

Я у Пети. У него выбиты все окна. Самовар он продал за 3 кило дуранды. По пути от Сенной до Каменного острова все трамв. провода разбиты дальнобойными.

В «Пассаже» висит объявление: из-за отсутствия света «Пассаж» закрыт. Купил на Сенном рынке клеенку на стол большую за 100 руб. Купил фотохимпродукты разные на ул. 3 июля. Обратно еле дошел.

Мороз 30°. По улицам на каждом шагу замороженные автомашины разн. видов и типов.

Вечером температура 37,9 в кровати.

11/1 Оля понесла Фале в парк повестку Военкомата. Возмущение Фали по поводу того, что мама мне отдала ее папиросы; но потом извинилась и сама настояла дать мне. Оля пилила дрова с Катей. Оле колет болью в лопатку сзади. Я в ужасе, но Олю ободряю.

12/1 мороз 30°. Дрова — проблема. В квартире холодно. Мы — что на Северном полюсе папанинцы, но в смысле питания в тысячу раз хуже. Мы голодаем и в холоде. Оля говорит, что нам в таком случае надо по 2 ордена. В кухне в ведрах вода покрылась льдом. Между прочим на почте, чтобы написать адрес, надо чернильницу разогреть, нахукать туда, а когда чернила растают — пиши. Прибавки хлеба нет и нет. В магазине нас уже 2-й раз обвесили на хлебе: первый раз меня на 102 грамма, а теперь Олю на 133 гр. Был старик Бахшиев — угостил чаем. Он в тяжелом положении, потеряв карточку; но, может быть, ему с 14-го дадут новую.

14/1. Мама послала письма Саше и Володе о посылках и просит денег. Оля проносила в кармане пальто с 17/XII мое письмо Саше. Сейчас переписал конверт и тоже послал.

Пришел Петя. Договорились, что все (по возможности, что остались целы) мои книги, что у него я оставил, уезжая в 1923 году в Сибирь, на хранение — он возвращает мне. В том числе Озерова — «Финансы», «Чтец-Декламатор», 100 русских писателей, «Всемирная история» и др.

15/1. Приехал Г. А. Бахшиев. Забрал 300 руб., что были у меня на хранении, тоже все вещи, карточки. Слава Богу, как камень с нас упал.

Утром мороз 20°, вечером 10°. Может, Бог пошлет оттепель.

У нас появилось хорошее настроение. Со всеми хлопотами порвано. Петя взял свои карточки, и с Бахшиевым разрыв. Слава Богу, развязались с Бахшиевым, и это навсегда. Не дай Бог таких знакомых.

(Продолжение следует)

Октябрьская революция: новые подходы к изучению

П. В. Волобуев, В. П. Булдаков

От редакции

Учитывая интерес научной общественности и просьбы читателей журнала публикуется без изменений текст доклада П. В. Волобуева и В. П. Булдакова на XVIII Международном конгрессе исторических наук 2 сентября 1995 года ¹.

С крахом советского коммунизма исследователи Октябрьской революции оказались в совершенно новой историографической ситуации, впервые появилась возможность отказаться от идеологизации и политизации Октября, возник шанс двигаться от конкретного исторического материала к обобщениям, а не наоборот. Открылась перспектива использования при рассмотрении событий 1917 г. самых разнообразных методологий и методик. Короче говоря, «Красный Октябрь» может теперь стать «нормальным» объектом исторического исследования ².

Вместе с тем, нельзя не признать, что идеологизация, политизация и «этатизация» Октябрьской революции получили новые импульсы. В российской историографии сегодня тон задают антикоммунисты самого примитивного пошиба (в значительной степени перекрасившиеся из былых догматиков марксизма), которые возрождают тезис о «верхушечном» характере Октября и чисто насильственном насаждении большевиками «тоталитаризма» ³. В западной историографии, в свою очередь, пытаются взять реванш консервативные авторы, чья энергия в прошлом уходила на доказательство исторической «неправомерности» Октябрьской революции ⁴. Несомненно, все это осложняет ход планомерного наращивания исторического знания, непредубежденного переосмысления прошлого и воссоздания многомерной картины событий 1917 года.

В принципе ядро «обновленческого» подхода к Октябрю было заложено еще в 60—80-е годы. Представляется, что в новых условиях стоит продолжить работу, начатую историками «нового направления» в СССР и «социальными историками» Запада, а также использовать все конструк-

Волобуев Павел Васильевич — академик РАН, председатель Научного совета РАН «История революций в России», президент Международной комиссии по истории Октябрьской революции; *Булдаков Владимир Прохорович* — кандидат исторических наук, заместитель председателя Научного совета РАН — «История революций в России», генеральный секретарь Международной комиссии по истории Октябрьской революции.

тивное из наследия всех советских и зарубежных авторов. Вместе с тем представляется, что в последнее время открылась возможность кардинального переосмысления истории русской революции в рамках проблемы «Человек и революция в XX в.»⁵.

Несомненно, рассмотрение разноплановых событий революции сквозь призму человеческой личности требует овладения документальной базой, связанной с массовыми источниками и документами личного происхождения — всем тем, что исходило «снизу». С другой стороны, обновление историографии Октября возможно только на фундаменте «локальной истории». Настоящий доклад ставит своей целью выявить наиболее перспективные подходы в исследовании революции 1917 г. и одновременно представляет собой попытку создания одной из возможных «моделей» революции, которая, как думается, способна стимулировать деятельность историков самых различных направлений.

1. К вопросу о предпосылках революции. Вопрос о предпосылках революции в условиях, когда привычное понимание ее смысла и значения оказалось поставленным под сомнение, выглядит наиболее сложным. Тот факт, что отпала нужда доказывать закономерность или случайность «социалистической» революции в отсталой России, ставит под сомнение значимость выявленных ранее «объективных» экономических и политических причин социального взрыва.

К настоящему времени наиболее распространенный взгляд на предпосылки революции связывает их с трудностями модернизации России. Действительно, исторический императив модернизации как будто объясняет и реформы 60-х — 80-х годов XIX в., и действия Витте и Столыпина, и последующую политику Ленина и большевиков. Но нельзя не учитывать, что субъективное осознание верхами отсталости России в условиях их геополитических притязаний было ничуть не более острым, чем аналогичный взгляд на место страны в мире в Японии. Между тем «революция Мэйдзи» не приняла разрушительного характера. Очевидно, социальные издержки индустриальной модернизации при сохранении традиционных укладов в сельском хозяйстве России воспринимались массами куда более болезненно, что обусловило совершенно иное соотношение революции и реформы⁶.

Часто важнейшей и единственной причиной Октябрьской революции называют первую мировую войну. Действительно, большевистские антиномии («капитализм или социализм», «власть Советов или обычная буржуазная республика» и т. п.) вызваны к жизни войной. Нельзя не признать, что объективно большевиков подвели непосредственно к власти либералы и умеренные социалисты, вознамерившиеся продолжить войну, не считаясь с настроением народа. Но если так, то тем более уместно ставить вопрос о том, что в России возможности реформ усилиями старой власти и либерально-оппозиционного «общества» были ограничены в принципе; их реформаторство лишь провоцировало нетерпение и радикализм народных низов.

Представляется, что проблема предпосылок Октябрьской революции может быть поставлена на реальную почву при условии, что мы будем рассматривать и революции 1917 года, и гражданскую войну 1917—1922 гг. как часть системного кризиса империи⁷. Из сказанного вовсе не следует, что всякие компаративистские подходы к Октябрю лишаются смысла. Так, кризис «верхов», политические перипетии 1917 г., поведение маргиналов, реакция крестьянства вполне сравнимы с событиями Великой Французской революции; движение крестьянских масс имеет также немало общего с мексиканской и китайской революциями; поведение рабочих и их лидеров сопоставимы с событиями Парижской коммуны. Есть, однако, в революции 1917 г. принципиально новые моменты: непосредственное воздействие мировой войны, превращение социалистических идей в едва ли не главный компонент сознания масс, «упрощение» многомерных социальных конфликтов до противостояния «верхов» и «низов», «чужого» и «своего», «старого» и «нового», этнонациональный фактор, «партийная»

диктатура над Советами и т. д. Если так, то придется ставить вопрос об особом эмоционально-психологическом преломлении объективных экономических и социальных противоречий России в общественном сознании, обусловившем своеобразие революции.

В любом случае понимание специфики российской революции, особенностей ее развертывания и долговременных последствий связано с переосмыслением российского имперства — уникальной сложноорганизованной этносоциальной системы, более чем своеобразно «размазанной» историей по поверхности одной шестой земной суши.

2. Динамика назревания и нарастания кризиса. Качественно новый взгляд на динамику развертывания революции можно предложить, если иметь в виду, что в лице России мы имеем не просто империю (традиционную или «новейшую» капиталистическую), а империю «реликтового» типа. Основу формирования последней составила не логика примитивной экспансии, а особая форма этатизации, вызванная культурологическими, геополитическими и социопатерналистскими установками ее населения. Грубо говоря, патерналистская первооснова российского имперства упорно не поддавалась рационализации, совершенно необходимой для модернизации. Сказанное — не дань старому и современному славянофильству, а реальный — пусть трудноуловимый — фактор вызревания российских кризисов, столь остро проявивших себя в XX веке.

Российская империя естественно складывалась, а затем стала идентифицироваться властью и ее идеологами как образцовая самодостаточная система — пример для остального «несовершенного» мира. Империя пыталась утвердиться как особая культура; кризис же ее оказался связан с социокультурной несовместимостью европейски образованных «верхов» и традиционалистских «низов» на решающем этапе модернизации.

Кризис империи назревал весьма долго, незаметно, а проявился чрезвычайно резко, социально аффектированно, «стихийно». Можно выделить несколько «уровней» (стадий, этапов) кризиса: этическая, идеологическая, политическая, организационная, социальная, охлократическая, доктринально-возрожденческая. Этическая стадия кризиса связана с десакрализацией власти, начавшейся в связи с попыткой подмены старого самодержавия деспотическим бюрократизмом в эпоху Петра I. Идеологический компонент кризиса обеспечило формирование европейски-рационалистической элиты. Политическая стадия кризиса была обусловлена разделением элиты на бюрократию и оппозицию. Вползание в организационную неразбериху и управленческую неэффективность связано с тем, что оппозиция, нравственно и интеллектуально подавив бюрократию, приступила к выработке альтернативных структур — от партий до общественных организаций, в результате чего функции управления вступили в противоречие со слабыми ростками самоуправления. Социальная стадия кризиса империи оказалась связана не просто с ухудшением положения масс, а с растущей убежденностью их в том, что единственным виновником этого являются «чужие» правители. Охлократический этап вызван не только маргинализацией социумов, но и способностью социальных отщепенцев объединяться в толпы, заражающиеся утопиями и психологией вседозволенности. Наконец, доктринально-возрожденческий этап кризиса связан с «остыванием» общеимперского социума, когда новая революционная власть стала навязывать свои цели народу.

Как бы ни соотносились между собой эти компоненты или этапы системного кризиса империи, для революций 1917 г. на деле решающее значение имели не политические конфликты в «верхах», а социальная борьба низов за выживание. Охлократическое буйство маргиналов в условиях неэффективности высшей власти также сыграло свою роль, особенно заметную на фоне выжидательного поведения большинства народа. Поэтому центр тяжести в анализе событий революции стоит перенести на ментальность и, особенно, психологию масс — именно они позволяли «упасть» или «удержаться» той или иной политической верхушке. Действия властных элит, со своей стороны, уместно интерпретировать как почти безнадежное

стремление стабилизировать ситуацию, восстановить «порядок», исходя не из необратимости радикальных перемен и неуклонного движения масс, а руководствуясь идеалом оставшегося позади «спокойного» времени и привычного соотношения европеизированных элит и народа. Деятельность умеренных социалистов (несмотря на благие намерения) выглядит и того более жалко и безнадежно. Отстав от полевевших масс, они пытались навязать им «рациональный» образ действий в условиях, когда те разочаровались в любом лидере «старого» типа. Наконец, поведение большевиков в этот период пронизано стремлением «слиться с массой» (выражение Ленина), а затем возглавить ее, поощряя наиболее радикальные ее действия, отождествляемые с «революционным творчеством».

Движение масс следует оценить не по критериям политиков (левых или правых), а на фоне традиционной политической культуры народа, определяемой инстинктом и идеалом «своей» всемогущей власти. Точно так же политиков революционной поры неуместно судить по взаимным оценкам и, тем более, самооценкам. Объективным критерием может выступать фактор соответствия их действий народным ожиданиям и меняющейся психологии, а также умение использовать элементы традиционной политической культуры для решения конструктивных задач, стоящих перед страной.

3. Психосоциальная интерпретация революций 1917 года. В отличие от политических интерпретаций, психосоциальный анализ событий 1917 г. открывает совершенно новые возможности и перспективы. Вопреки представлениям, «событийной» историографии, критической точкой 1917 г. станет не «большевистский» Октябрь, а «демократический» Февраль. Для поведения масс, не изживших патерналистских представлений о власти, наибольшее значение имел самый факт ее падения, а вовсе не присвоения ее функций кем бы то ни было. Октябрь, напротив, означал начало процесса «собрания» власти, в необходимости которой низы не сомневались.

Вместе с тем Февраль означал тот реальный успех идеи «справедливости» в социальном движении масс, который следовало без промедления «сакрализовать» на высшем уровне (хотя бы в форме Учредительного собрания). Это не было сделано и не могло быть сделано доктринерами, что объективно означало потворствование хаосу. Октябрь, напротив, выглядит как успех тонкого слоя большевизированных рабочих, солдат и громадной массы маргиналов, причем последние привнесли психологию социальной вседозволенности, которая в российском социокультурном пространстве рано или поздно должна была обернуться своей противоположностью.

В целом, переломным моментом в течении российского кризиса следует считать не октябрь 1917 г., а период с октября 1917 г. до лета 1918 г.⁸, в течение которого основная масса населения, реализовав требование земли, затем натолкнулась на окрепшую власть, которая заставила ее (пока неуверенно) платить по счетам. Весь же период с февраля 1917 г. до лета 1918 г., следовательно, можно обозначить как наиболее активный этап синергетического процесса «смерти-возрождения» империи, в ходе которого народная демократия и маргинальная охлократия взаимно подпитывали и истощали друг друга, играя тем самым на руку возрождению властных начал российского имперства — на сей раз в под-казанной народом форме Советов.

4. Конструктивное противодействие эскалации кризиса. Ныне принято считать, что в 1917 г. действовали параллельно несколько социальных революций — солдатская, рабочая, крестьянская, национальные, равнодействующая которых и определила облик Октября как «пролетарски-плебейской» революции. Вопреки внешнему радикализму и классово непримиримой риторике, все эти революции носили в своей основе защитный характер борьбы за выживание: «анархия» связана с противодействием им со стороны консервативных и умеренных политических элит, что подхлестывало буйство численно растущих маргинальных элементов.

Движение солдатских масс — этих, казалось бы, наиболее массовых и непримиримых маргиналов — может показаться чисто разрушительным

в своей откровенно антивоенной и даже «шкурнической» направленности. Но, во-первых, следует принципиально разделять начальный и конечный этапы их движения, учитывая, что противоположные (конструктивные и анархические) тенденции наличествуют в сознании и движении масс всегда. Во-вторых, необходимо отделять солдат тыловых гарнизонов (среди которых преобладали новобранцы) от фронтовиков (в определенной части ставших профессионалами). В-третьих, уместно разделить солдат-фронтовиков по родам войск (первыми «разложились» балтийские матросы и пехота, затем артиллеристы и лишь в последнюю очередь кавалерия и казаки) и фронтам (отдаленные от столицы и крупных городов вели себя спокойнее). Наконец, нельзя не учитывать, что большинству российских солдат (в массе бывших крестьян) цели войны были непонятны; крушение старой власти воспринималось ими как долгожданный поворот к социально справедливому миру.

Новейшие исследования (Э. Модсли, М. Френкин, А. Уайлдман и др.) позволяют заключить, что в действиях солдат-фронтовиков после мартовской борьбы с офицерами возобладало здравомыслие и даже частично чувство «революционного патриотизма». По признаниям военачальников, солдатские комитеты некоторое время поддерживали дисциплину. Позднее немалое число солдат (особенно тыловых гарнизонов), разочаровавшихся в армейской «демократизации», стало покидать фронт под прикрытием антивоенных политических лозунгов. Со временем они, однако, обнаруживали стремление к самоустранению от политической борьбы и возвращению домой для закрепления успехов крестьянской революции. Сознательными революционерами становились, как правило, матросы.

Социальная борьба рабочих изучена довольно полно⁹, хотя региональных исследований явно недостаточно. Обнаруживается, что рабочие более чем кто бы то ни было были заинтересованы в сохранении современного производства и укреплении регулирующей роли государства. Для них характерна высокая степень профессиональной, а также, в сравнении с другими классами, политической самоорганизации; продвинутость рабочего контроля (который, помимо всего, можно рассматривать и как попытку строительства «своей» власти «снизу», и как опыт налаживания горизонтальных хозяйственных связей); устойчивость демократических установок при внешней приверженности социалистическим идеям. Рабочие, при всем своем социальном радикализме, стачечной активности, не отказывались от компромисса с предпринимателями и властью. Они поддерживали скорее Советы, чем большевистскую власть, рассчитывая на выборную смену депутатского корпуса.

Крестьянское движение, несмотря на обилие исследований¹⁰, выглядит наименее изученным. Как бы то ни было, его содержание можно свести к «общинной революции» (термин введен В. Бухараевым и Д. Люкшиным) — попытке самим (с согласия правительства) устранить «нетрудовой» элемент в деревне и установить «справедливые» отношения с любой понимающей их нужды властью.

Самоорганизационные потенции крестьянства были связаны не только с крестьянскими, земельными, продовольственными комитетами и, тем более, Советами и комбедами, но и с традиционным сельским сходом. Нет необходимости сблизать крестьянское движение с классовой борьбой в городе: в его основе лежала хозяйственная борьба за землю и уголья против всех — от помещиков до государства. Борьба с хуторянами и отрубниками была начальной стадией противостояния общины «внешнему» миру. Представляется, что естественный продуктообмен снял бы остроту последующей борьбы крестьян с «городом». Крестьяне попросту хотели, чтобы их навсегда оставили в покое, дали возможность жить по-своему.

Несомненно, что в крестьянском движении наиболее остро проявил себя главный социокультурный раскол — противостояние модернизирующейся России и традиционной политической культуры.

В целом, оценивая «революционаризм» солдат, рабочих и крестьян, следует принципиально разделять «бунтарство» и практический интерес:

первое обычно носило «случайный», эмоциональный характер, второй отражал долговременные социальные надежды и расчет.

Действия средних городских слоев выглядят наиболее политизированными. На деле это касается преимуществ «новой» их части, то есть служащих и лиц свободных профессий. В целом они поддерживали умеренные по меркам 1917 г. партии, надеясь с их помощью стабилизировать ситуацию в городах. Вместе с тем движение служащих и Советов депутатов трудовой интеллигенции за союз «пролетариев пера и молотка» показывает, что определенная часть интеллигенции рассчитывала больше на «революционный», а не привычный порядок, связывая достижение общественного согласия с новыми организационными формами и институтами.

«Революции национальностей», которым, по-видимому, никогда не избавиться от обвинений в сепаратизме, на деле были попыткой перестройки империи на этнотерриториальной и культурно-автономистской основах, которые ничуть не противоречили традиционным формам унии высшей власти с территориями и народами. Но при этом внутри национальных движений социальные факторы, как правило, преобладали над культурными. Что касается сепаратистских настроений, то до октября 1917 г. их удельный вес был поразительно мал. Полагать, что национальные революции разрушили империю, значит валить с больной головы на здоровую: этносы «побежали» от разрушающегося, по их представлениям, центра, а вовсе не «предали» его.

Действия имущих классов на этом фоне выглядят как слепая реакция на объективно идущий процесс самоорганизации социальных низов. Социальный эгоизм имущих классов брал верх над здравомыслием. Предприниматели и землевладельцы после Февраля небезуспешно и активно пытались организовать для борьбы с «анархией и разрухой». Практически же для преодоления того и другого на неправительственном уровне они ничего сделать не сумели. Подсознательно они надеялись выжить в прежнем качестве, хотя объективно в 1917 г. это было уже невозможно (лишь позднее помещики готовы были с санкции власти организованно передать землю крестьянам); проектов радикального преобразования хозяйственной жизни страны не имели. Самим фактом своего существования в качестве все более презираемых массами «буржуев» (этот ярлык был наклеен им низовыми социалистами, причем далеко не одними большевиками) имущие классы все более провоцировали эгалитарские устремления трудящихся масс, не говоря уже о люмпенах.

Изучение роли женщин в революции получает развитие лишь в последнее время. В принципе гендерные исследования (включая сюда и анализ возрастных характеристик участников революции и реакцию детей на происходящее) способны привести к завершению создания целостной картины движения масс в 1917 г. и, что более важно, осмыслению его долговременных социокультурных последствий. Хотя Февральская революция и началась с женских хлебных бунтов, в дальнейшем женское движение скорее способствовало смягчению социальных противоречий.

Оценивая психосоциальные подвижки во всех слоях народа, становится очевидным, что при меньшей эмоциональности и большем уважении к закону системный кризис империи никогда не обернулся бы открытым расколом общества. Так называемое углубление революции на неполитическом уровне движения масс носило скорее «перестроечный», а не конфронтационный характер. Преобладали силы социального самосохранения, а не классового эгоизма. Институционный анализ хода революции убеждает в этом.

5. Институционный анализ кризиса отношений власти и народа. Динамику революционного процесса ранее было принято связывать не столь с действиями «улицы», как политических партий, наиболее радикальная из которых, как считалось, и довела до логического конца исходное противостояние Временного правительства и Советов. Стоит, однако, предположить, что не партии определили институционные подвижки в системе власти — подчинения, а, напротив, сами становились заложниками процесса самоорганизации масс, не умея при этом адекватно реагировать на него.

В пользу такого подхода, говорит, в частности, и то, что программные разногласия между меньшевиками и эсерами были перекрыты их единомыслием на почве «оборончества», а классово-непримиримая риторика — «соглашательством» в Советах.

Представляется, что мнение о «двоевластии», как основном факторе гражданского раскола нуждается в серьезном уточнении. Двоевластие, во-первых, существовало кратковременно — в первые послефевральские дни. Во-вторых, его скорее можно трактовать в рамках неантагонистической схемы правительство — оппозиция, соответствующей в известной степени и традиционной парадигме российского имперства: народу — мнение, царю — власть. В-третьих, в провинции после Февраля даже и намека не было на двоевластие, в дальнейшем там скорее шло «размывание» официальной власти. Наконец, нужно учитывать, что самый термин двоевластие вошел в научный оборот с подачи политиков, которые подспудно связывали возможность реализации своих программ с действиями общероссийского властного центра. Если обратиться к региональному (то есть «среднероссийскому», а не столичному) «уровню» движения революции, то обнаружится, что реальная власть на местах перешла не к новоначальным комиссарам Временного правительства, не к опирающимся на силу Советам, а к созданным явочным порядком комитетам общественной безопасности (была масса и других названий)¹¹. КОБ'ы фактически представляли собой орган квазиреволюционного и вместе с тем псевдособорного типа, куда входили на равных представители всех партий, различного рода профессиональных, национальных объединений и Советов. Ими фактически смещались «чужие» и назначались «свои» правительственные комиссары. Относительная сила КОБ была в том, что они организационно связали старые органы самоуправления и общественность.

КОБ'ы, как никакой другой институт революции, могли стабилизировать — разумеется, при известной солидарности их членов — ситуацию. Но возможности институциональной самонастройки системы вскоре были нарушены. И здесь решающую роль сыграли не Советы как таковые, а европеизированные политические доктринеры, решившие заменить эти «странные» органы на «правильно» (то есть на основе всеобщего избирательного ценза) созданные муниципалитеты. Тем самым давался наилучший шанс партийным доктринерам и демагогам.

В ходе до предела политизированной муниципальной кампании стабилизирующая система корпоративного представительства оказалась расколота на «демократический» и «цензовый» элементы. В муниципалитетах засели преимущественно лишенные деловых качеств партийные лидеры, склонные к распрям. Недееспособность органов самоуправления в социальной сфере автоматически усиливала значение Советов. Но последнее, не только в силу левизны концентрирующихся там политиков, но и по самой институциональной логике кризисной эпохи могли сохранить свое влияние только как эпицентр радикальных настроений. Между тем Советы, первоначально опиравшиеся на классовые профессиональные и производственно-локальные (заводские) центры, со временем потеряли иммунитет против страшного российского порока — соединения демагогии с бюрократизмом. Последнее было связано с возобладанием в них политиков-доктринеров — на сей раз более левых и еще менее практичных.

После корниловского выступления реальное властное начало на местах в значительной степени переместилось от Советов в фабзавкомы и казармы — туда, где имелись вооруженные силы, способные создать видимость народного противостояния якобы растущей контрреволюции. Именно жуткий призрак правой диктатуры, как это обычно бывает на определенной стадии революции, позволил крайне левым вождям держать массы в напряжении.

В деревне ситуацию могло спасти укорененное сословное земство. Но такое редко где существовало; отсутствовала также сбалансированность самоуправления различного уровня (от губернского до волостного). В этих условиях реальной низовой властью становились сельские сходы —

революционные по отношению к любому другому властному центру, консервативные по своей замкнутости на делах общины. А поскольку авторитет священников пошатнулся, крестьяне оказались идейно незащищены перед лицом крайних демагогов и радикалов. Низовые крестьянские комитеты стали выходить из подчинения вышестоящим, где засели все более бюрократизирующиеся эсеровские политики.

В государственном масштабе сохранить институционный баланс власти могли бы созыв Учредительного собрания или конституирование в качестве такового «соглашательского» съезда Советов — не позже июля 1917 года. Но в том и другом случае как кадетские правоведы, так и умеренные социалистические лидеры отсекали эту возможность своей приверженностью к формальной законности. Псевдособорные органы, появившиеся позднее — как Государственное, так и Демократическое совещание — теперь уже не могли выправить положение. В принципе, и КОБ, и Советы, и фабзавкомы, и крестьянские комитеты могли стать действенными элементами демократического обновления страны. Но рационализм и государственная масштабность мышления — то, что могло бы обеспечить продуктивность этих организаций и конструктивность их взаимодействия, — в 1917 г. не относились к числу главных психоментальных достоинств россиян. Демократическую революцию, а равно и возможность «плавного» течения кризиса отсекали партийные доктринеры (главным образом меньшевики и эсеры), так и не сумевшие понять этого. Не удивительно, что к власти пришли большевики, генерировавшие массовую стихию до ее истощения.

6. Механизм эскалации социального психоза. Всякая революция — как и любая экстремальная ситуация — обнажает крайние стороны человеческой природы. Наряду с выявлением лучших людских качеств революция демонстрирует всю гамму психопатологии массового сознания. Эта последняя менее всего изучена, хотя ее присутствие отмечали все наблюдатели. Свое веское мнение на этот счет оставили В. Вернадский и П. Сорокин. Последний даже заявил, что в революционную эпоху в человеке просыпается не только зверь, но и дурак¹².

Если отвлечься от притягательности этого образа, то встанет задача выявления глубинных источников девиантного поведения части народа. Простая констатация увеличения массы маргиналов вряд ли до конца прояснит суть дела.

Принято считать, что в любом обществе в любую эпоху количество ненормальных составляет приблизительно один процент. Сомнительно, что даже в условиях тотального переворота всей системы ценностей и всеобщей «депрограммированности» такие люди могли бы естественно повести за собой массы. Очевидно, дело не в «революционных психах», а в достаточно неопределенной прослойке «полунонормальных» или психопатических лиц, приобретающих возможность «заражать» растущий слой социально-неприкаянных. К числу последних можно отнести часть солдат, беженцев, депортированных, безработных, люмпенов, пауперов, военнопленных и т. п., общая численность которых могла достигать 20 млн. человек. Разумеется, среди них было предостаточно и «революционных идеалистов», и «загнанных в угол» обстоятельствами людей, и «оборотней революции» (тех, кто цинично использовал социальный хаос в корыстных интересах).

В какой прогрессии росла масса «революционеров» с девиантным поведением, какие бездны человеческого подсознания обнажались при этом — выявить все это задача достаточно сложная. В любом случае для раскрытия механизма нарастания психопатологии революции следует досконально представлять быт, нравы, мораль и «новые» (скорее «перевернутые») стереотипы поведения того времени; не брезговать анализом таких прозаических вещей как пища, санитария, жилище, отношение к собственности, восприятие преступности, потребность в наркотизации, вульгаризация половых отношений, ощущение смерти. Революция — дело рук «маленького» человека, доведенного до отчаяния непонятными для него объективными обстоятельствами. Это погромная реакция на дурную власть.

Для осмысления «человеческих» истоков революции достаточно много

сделано психоаналитиками. В сущности, всю русскую литературу пред-революционной, революционной и постреволюционной поры можно анализировать под таким углом зрения. Наряду с этим воспоминания современников (главным образом «неполитиков») дают нам картину порожденного войной озверения масс — обычно под сверхценностными лозунгами.

Переломным моментом впадения в социальную нетерпимость, а затем и буйство, вероятно, следует считать Февральскую революцию. С этого времени все, связанное со старым, для значительной части общества стало объектом поношения и глумления; копившиеся десятилетиями отрицательные эмоции оказались легитимизированы. С победой Февраля Россия, да и весь мир предстал в черно-белом свете. Через взаимное заражение социально-историческим дальтонизмом произошло изменение отношения к насилию: то, что раньше в обыденном сознании граничило с уголовщиной, стало объектом восхищения. Террору стали приписываться функции очистительного исторического жертвоприношения, бомбометатели предстали праведными жертвами старого режима.

Для любой победившей революции на первый план выдвигается задача противодействия «недобитой» контрреволюции. Сила последней преувеличивается тем более, что революционеры плохо представляют себе технологию строительства нового общества, а потому нуждаются в «виновниках» своих неизбежных промахов.

В русской революции поражает не столько количество «вождей», как обилие «вожачков». Фигуры первых известны — чаще это бессеребренники, сконцентрированные на видениях «светлого будущего» и ради его приближения работающие на износ, до утраты способности замечать людские страдания. «Вожак», напротив, это чаще расчетливый манипулятор толпой, разжигающий ее примитивные страсти и черпающий силы в людском неведении. До сих пор эта «средняя» фигура революции наименее изучена. Между тем, именно через нее можно понять, как светлая вера во всеобщее счастье оказалась потеснена идеей «грабь награбленное».

Лозунги революции образуют знаковый ряд трансформации «старого» в «новое». Абсолютизировать их нельзя — они действительны ровно настолько, насколько резонируют с социальным нетерпением и традиционными (или «перевернутыми») стереотипами поведения. Исследователи давно подметили, что всепрощенчество первых дней революции (часто следующее за вспышкой гнева) скоро сменяется новой волной жажды мести. Эта последняя затем принимает характер жертвенной ритуалистики — до тех пор, пока не превращается в «конвейер смерти». В эту пору общество уже перестает различать грань между убийством и смертью. Известная «замещенная суицидность» революционеров приобретает социально значимый характер.

Несомненно, что исследование массового девиантного поведения — занятие не для слабонервных. Как бы то ни было, не замечать темных сторон революции — значит в конечном счете отказаться от ее познания вообще.

7. К переосмыслению большевизма. О большевиках до сих пор пишут либо в хвалебных, либо в ругательных тонах. Фигуры Ленина и Троцкого — этих наиболее рельефных функциональных величин русской и мировой революции — обычно предстают либо объектами умиления, либо брезгливого отторжения. Лишь немногие авторы (Ф. Помпер, Р. Сервис) нашли в себе силы и способность измерить вождей революции на шкале большого исторического времени; у других авторов (Р. Пайпс, Д. Волкогонов) они выступают ключевыми фигурами сегодняшнего обывательского неприятия советского прошлого.

И Ленин, и Троцкий с самого начала исходили из того, что революцию невозможно делать в белых перчатках, — но это не апологетика аморализма, а реакция на безнравственность старого мира, готовность взять на себя «грех» революции. Тем более важно соблюдать по отношению к ним беспристрастность, ибо мы имеем дело не с палачами, а с героическими «жертвами» переломного времени.

В основе большевизма лежала жажда революционного обновления России, связанная с представлением о тупиковом характере всего тогдашнего мирового капитализма. Разные по своему историческому происхождению и социальной природе — новые и старые, российские и мировые антагонизмы в ходе войны переплелись в столь сложный узел, что разрешить его «обычным» путем уже не представлялось возможным. Большевики правильно уловили, что возможен выход за пределы тогдашнего капитализма, то есть мировая антибуржуазная революция. Именно это позволило им, сознавая, что Россия экономически и культурно не созрела для социализма, призвать народ стать авангардом мировой революции, чтобы затем, через постепенное преобразование российского общества «сверху», плавно вписаться в европейскую цивилизацию. Было бы неверно оценивать их действия как авантюру. В масштабах России это было осознанным «забеганием вперед», основанным на использовании высвободившейся энергии народа. Это был новый, революционный тип модернизации.

«Заблуждение» или парадоксальность победы большевизма состоит в том, что рассчитывая на сознание лучшей части общества, он на деле мобилизовал историческое подсознание народа, выплеснувшееся через насилие и утвердившееся через признание нового авторитаризма. Но лидеры большевизма пытались преодолеть и это — самое трудное, как показал исторический опыт — «человеческое» препятствие на пути обновления общества.

В любом из своих проявлений большевизм исторически поразительно функционален. В современных условиях трагизм этой ситуации понять трудно. Обычно ленинские надежды на «ум, честь и совесть эпохи» подлежат осмеянию, но при этом забывается, что эта формулировка скрывала за собой отчаяние перед неспособностью тогдашней европейской демократии избавить человечество от войны и предрасположенностью парламентских партий к карьеристскому перерождению. Еще большим насмешкам подвергается пресловутая ленинская «кухарка», которой надлежало научиться управлять государством, а между тем без развитой способности к самоуправлению и контролю над «верхами» со стороны «низов» общество становится плутократическим источником всеобщей опасности.

Ленин не мог оставить после себя долговременного проекта переустройства России. Тем более важно понять, что его «завещание», помимо самых общих советов и размышлений, пронизано «последней» надеждой на коллективный разум лучших людей страны.

Революция, сколь грязными и трагичными ни выглядели бы ее страницы, все же остается жизнеутверждающим актом, как и рождение всего нового. Сегодня очевидно, что русская революция нуждается в качественно новых подходах, основу которых должна составить та предельная объективность, которая одновременно является и истинно гуманистической позицией.

Примечания

1. Текст доклада предназначался главным образом для зарубежных специалистов. Минимальные коррективы, приближающие читателя к историографическим реальностям сегодняшнего дня, внесены лишь в примечания.
2. Тенденция деполитизации и деидеологизации историографии Октября в работах российских авторов проявила себя еще в 1989 г. (см.: Россия, 1917 год: выбор исторического пути. М. 1989), но в дальнейшем развивалась очень неуверенно (см.: SCHISHKIN V. A. The October Revolution and Perestroika: A Critical Analysis of Recent Soviet Historiography. — European History Quarterly. Vol. 22, № 4, October 1992, p. 517—540; ВАСЬКОВСКИЙ О. А., ТЕРТЫШНЫЙ А. Т. Феномен диктатуры пролетариата (1917 год в России в оценке историков). Екатеринбург. 1995).
3. Имеются и разительные перескоки от апологетики большевизма к осуждению «тоталитаризма» (см.: ТРУКАН Г. А. Революция, которая потрясла мир. — История СССР, 1990, № 1; его же. Путь к тоталитаризму. 1917—1929 гг. М. 1994).

4. PIPES R. The Russian Revolution. N. Y. 1990; ejusd. Seventy — Five Years On — The Great October Revolution as a Clandestine Coup d'Etat. — Times Literary Supplement, 1992, 6 Oct.
5. 28—30 ноября 1994 г. Научный совет РАН провел первую, а 14—15 ноября 1995 г. вторую из серии запланированных конференций, посвященных этой проблематике. На Западе проблематика «Революция и человек», возможно, получит дальнейшее развитие в рамках либертарианского переосмысления революции (см.: ACTON E. Rethinking the Russian Revolution. Lnd. 1990).
6. BONWETSCH B. Die Russische Revolution 1917. Darmstadt. 1991.
7. BULDAKOV V. Revolution or Crisis of Empire? — Bulletin of the Aberdeen Centre for Soviet and East European Studies, 1993, № 4, June, p. 9—10; ejusd. Die Oktoberrevolution in der russischen und osteuropaschen Geschichte. — Berliner Jahrbücher für osteuropäischen Geschichte, 1994, Bd. 1, S. 53—58; его же. XX век в истории России: имперский алгоритм? В кн.: Национальные отношения в России и СНГ. М. 1994. с. 122—131.
8. См.: Россия, 1917 год: выбор исторического пути («Круглый стол» историков Октября, 22—23 октября 1988 г.). М. 1989, с. 23 (выступление П. В. Волобуева).
9. См.: FLEENLY R. Rethinking the Russian Revolution. — European History Quarterly, 1989, Vol. 13, № 1, p. 105—113; KOTKIN S. «One Hand Clapping»: Russian Workers and 1917. — Labor History, 1991, Fall, Vol. 32, № 4, p. 604—609; MOON D. Agriculture and Peasants, Industry and Workers, Political Parties and Revolution: Recent Books on Russian History. — European History Quarterly, 1992, Vol. 22, № 4, p. 597—604.
10. См.: CHANNON J. From Muzhik to Kolkhoznik: Some Recent Western and Soviet Studies of Peasants. — The Slavonic and East European Review, Vol. 70, № 1, January 1992; FREEZE G. New Scholarship on the Russian Peasantry. — European History Quarterly. 1992, Vol. 22, № 4, p. 605—616; Менталитет и аграрное развитие России (XIX—XX вв.). М. 1996.
11. ГЕРАСИМЕНКО Г. А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917 г.). М. 1992; его же. Народ и власть. 1917. М. 1995.
12. СОРОКИН П. А. Долгий путь. Сыктывкар. 1991, с. 87.

Борьба за власть в партийно-государственных верхах СССР весной 1953 года

Ю. Н. Жуков

4 марта 1953 г. по московскому радио в 6 ч. 30 м. было передано «Правительственное сообщение о болезни председателя Совета министров Союза ССР и секретаря Центрального комитета КПСС товарища Иосифа Виссарионовича Сталина». В нем, в частности, говорилось следующее: «Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет министров Союза ССР сознают все значение того факта, что тяжелая болезнь товарища Сталина повлечет за собою более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности. Центральный комитет и Совет министров в руководстве партией и страной со всей серьезностью учитывают все обстоятельства, связанные с временным уходом товарища Сталина от руководящей государственной и партийной деятельности»¹. Так открыто было высказано то, что давно волновало высшее руководство СССР. Давалось понять, что вопрос о власти стал предметом обсуждения и ждет решения в ближайшее время.

Немногие очевидцы смерти Сталина настойчиво и в согласии друг с другом утверждают, что «дележ портфелей» происходил в Волынском уже вечером 5 марта, сразу же после смерти Сталина. Вот слова Н. С. Хрущева: «Как только Сталин умер, Берия тотчас сел в свою машину и умчался в Москву с «ближней дачи». Мы решили вызвать туда всех членов Бюро или, если получится, всех членов Президиума ЦК партии... Вот собрались все. Тоже увидели, что Сталин умер. ...Я... волновался за будущее партии, всей страны. Чувствовал, что сейчас Берия начнет заправлять всем. Последует начало конца, подготовленного этим мясником, этим убийцей. И вот пошло распределение «портфелей»². Дочь Сталина С. И. Аллилуева подтверждала отдельные детали рассказанного Хрущевым и подкрепляла эту версию: «Когда все было кончено, он [Берия] первым выскочил в коридор и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества... Потом члены правительства устремились к выходу — надо было ехать в Москву в ЦК, где все сидели и ждали вестей»³.

Но Аллилуева не могла тогда знать о состоявшемся вечером 5 марта, за полтора часа до смерти Сталина, заседании пленума ЦК КПСС, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Настойчивость же, с которой Хрущев создавал свою версию тех событий, когда рассказывал о них 31 января 1955 г. на пленуме ЦК КПСС и когда много позже

Жуков Юрий Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

наговаривал на магнитофон свои мемуары, свидетельствует о его нежелании раскрывать тайны борьбы за власть, в которой он принимал непосредственное участие.

Когда же было подготовлено правительственное сообщение о болезни Сталина? И когда узкое руководство страны приступило к поиску соглашения о переделе власти? Газеты с правительственным сообщением, вышедшие утром 4 марта без малейшего опоздания, были подписаны в печать, следовательно, не позднее 24 час. 3 марта. Чтобы набрать тексты сообщения и бюллетеня и переверстать первую полосу, требовалось около двух часов. На рассылку текстов в редакции основных газет, фельдсвязью по Москве и телетайпом или фототелеграфом по стране, нужно еще не менее получаса. Наконец, необходимо время для того, чтобы согласовать с членами Президиума Совета Министров СССР и ЦК КПСС или хотя бы их бюро оба документа и размножить их в соответствующем количестве. Значит, вечером 3 марта, когда по решению бюро Президиума ЦК партии, принятому в тот же день, были разосланы приглашения на пленум, первоначально намеченный на 4 марта, и никак не позже 20.30 текст правительственного сообщения уже существовал⁴.

На исходе 3 марта соглашение о разделе и переделе власти еще не стало окончательным. Пока ограничились изменением состава действовавшей вот уже два года тройки, порою принимавшей важные решения и публиковавшей их «за подписью председателя Совета министров СССР И. В. Сталина». В ней остались Г. М. Маленков и Л. П. Берия, но место Н. А. Булганина занял В. М. Молотов, еще в феврале 1949 г. удаленный Сталиным из узкого руководства и заодно освобожденный от должности министра иностранных дел СССР. В силу своего официального положения как одного из трех первых заместителей Председателя Совета министров СССР и единственного из тройки секретаря ЦК КПСС Маленков, могший считаться преемником Сталина, оказался не вполне готовым к тому, чтобы унаследовать власть прежнего вождя во всей ее полноте. Маленкову не хватило тогда времени, чтобы успеть воспользоваться теми преимуществами, которые давали ему «мингрельское дело» и «дело врачей», и устранить самого сильного и наиболее опасного соперника — Берия. Это вынуждало Маленкова найти такое решение, которое позволило бы продлить неустойчивое, но пока благоприятное для него равновесие сил во властных структурах, получив необходимую отсрочку.

Позволяло сделать это возвращение Молотова в состав узкого руководства как единственного тогда человека, остававшегося непримиримым конкурентом Берии и достаточно популярным как в народе, так и у значительной части партийно-государственного аппарата. Несмотря ни на что, Молотов еще сохранял былой ореол ближайшего соратника Сталина и второго лица в стране, ранее 10 лет возглавлявшего правительство. Этот ход Маленкова в аппаратной игре повлек за собою разрастание узкого руководства до пятерки, в которую включили Булганина и Л. М. Кагановича. Последний, тоже давний соратник Сталина и Молотова, как бы подчеркивал преемственность новой власти.

Эта властная конструкция спустя 10 дней получила название коллективного руководства. Ее коллективность зиждилась не на общности устремлений, единстве целей и согласованности единомышленников, а на прямо противоположном: она обуславливалась с трудом сбалансированными противоречиями, разнородными взглядами и интересами в руководстве, притязаниями его членов на единоличное лидерство. Достигнутое тогда временное равновесие сил не обрело устойчивости и не стало привычным для народа, почему и воспринималось как вынужденное явление. Оно оказалось первым раундом развернувшейся жестокой борьбы за власть, а пока что позволило приступить к распределению портфелей. Вероятно, на это и ушло все 3 марта.

4 марта, где-то в полдень, секретари ЦК партии еще ничего не знали о результатах состоявшихся переговоров и начали свою каждодневную деятельность, завизировав три проекта решений достаточно заурядного

характера: по заявлению Б. С. Агафонова — об организационных вопросах науки; по записке Н. Г. Пальгунова — о создании в ТАССе группы международных обозревателей; о работе школ Ставропольского края⁵. А потом оставили привычные обязанности и кабинеты ради присутствия на экстренном заседании фактически последнего бюро Президиума ЦК КПСС и стали свидетелями принятия тех решений «по оргвопросам», которые определили внутреннюю жизнь СССР на последующее время.

Прежде всего было признано необходимым реорганизовать властные структуры, упростив и сократив их: «иметь в Совете министров СССР вместо двух органов — президиума и бюро президиума, один орган — президиум», в состав которого должны входить были председатель Совета министров и его первые заместители, являвшиеся одновременно членами Президиума ЦК КПСС. Аналогичную перестройку претерпели высшие партийные органы, где тоже были слиты бюро президиума и Президиум ЦК. Затем определили персональный состав новых органов власти. Президиум ЦК включил (помимо прежних членов упраздненного бюро — Маленкова, Берии, К. Е. Ворошилова, Хрущева, Булганина, Кагановича, М. З. Сабурова и М. Г. Первухина) еще Молотова и А. И. Микояна. Президиум Совета министров оказался вдвое меньшим: председателем утвердили Маленкова, его первыми заместителями — Берию, Молотова, Булганина и Кагановича. Решено было провести 5 марта, в 20 час. совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР.

Происшедшее предали гласности в завуалированной форме. Газета «Правда» в передовице от 5 марта «Великое единство партии и народа» при традиционном наборе пропагандистских штампов упомянула три фамилии: Ленина, Сталина и Маленкова. Тем самым прямо указывалось всем, чьи распоряжения и указания отныне следует принимать к беспрекословному исполнению и на кого ссылаться прежде всего в статьях и при выступлениях. Далее «наверху» предстояло к моменту открытия совместного заседания договориться о должностях для членов нового Президиума ЦК и сформировать правительство.

Еще накануне участники тайных переговоров, стремясь зафиксировать свое особое положение, отказались от воссоздания многолюдного Президиума Совета министров и подменили его прежним бюро, переименовав последнее. Отсюда — и отказ от восстановления координировавших и направлявших отраслевую деятельность министерств и ведомств ряда бюро при Совмине, чьи председатели составляли прежде доходивший до 12 человек Президиум Совмина. Вместо этого сократили вдвое число министерств. Реальная власть в правительстве дробилась между 25 министрами, лишь несколько из которых оказывались в кругу избранных, то есть первых заместителей главы правительства. Теперь предстояло договориться о новой структуре высших органов управления и о кадровых назначениях.

Однако за полтора дня сделать это полностью оказалось невозможным, ибо каждый из членов бывлой тройки настойчиво стремился сохранить свое положение триумвира, не допустить ни умаления собственных, только что занятых им позиций, ни усиления их у остальных, и настоять при утверждении на министерские посты тех, кого каждый мог считать своими союзниками. К исходу 5 марта согласовали распределение только ключевых должностей и провели перетряску секретариата ЦК. Выявилось, что тактика, избранная Маленковым, себя оправдала. Отсутствие у его соперников времени на то, чтобы сговориться и принять контрмеры, позволило ему получить то, чего он тогда добивался: сосредоточить в своих руках контроль над государственным и партийным аппаратами.

Как председатель Совета министров СССР Маленков наблюдал за работой Советов министров союзных республик. Как председательствующий на заседаниях Совмина влиял на формирование основ внутренней и внешней политики, ставя на обсуждение или отвергая как «неподготовленные» те или иные вопросы. По сложившейся традиции он председательствовал еще на заседаниях Президиума ЦК, определял даты их проведения

и повестку дня. Удержав за собой должность секретаря ЦК, продолжал также направлять работу партаппарата, мог оказывать прямое воздействие на характер решений, принимаемых секретариатом либо выносимых на утверждение или обсуждение в Президиум ЦК.

Берия, который стал теперь вторым лицом в стране, значительно уступал Маленкову по положению и по возможностям, хотя и сумел получить многое. Прежде всего, возвратил себе отобранные у него ранее два силовых министерства — государственной безопасности и внутренних дел. Они с этого момента сливались в одно МВД СССР. Он сохранил за собой также контроль за деятельностью наиважнейших для создания и наращивания военной мощи и самых засекреченных учреждений: главных управлений при Совмине СССР — Первого (атомно-ядерная программа) и Второго (ракетостроение). От Берии в зависимости оказывалось теперь военное министерство, и у него сохранялись прямые связи с промышленными министерствами, обязанными выполнять особые заказы вне всякой очереди, даже в нарушение пятилетних и годовых планов развития народного хозяйства.

Молотов, менее активный участник борьбы за власть, ограничился постами министра иностранных дел и, по должности, главы внешнеполитической разведки — Комитета информации. Достаточно ограниченные в сравнении с прежними полномочия достались Булганину, вторично возглавившему министерство обороны. И оба эти члена пятерки вынуждены были принять своими первыми заместителями тех лиц, кого они сами вряд ли подобрали бы себе: Молотов — Я. А. Малика и А. Я. Вышинского, Булганин — А. М. Василевского и Г. К. Жукова. Напомним, что Вышинский был министром иностранных дел в 1949—1953 гг., Василевский — министром Вооруженных Сил и потом военным министром в те же годы. Еще меньше выпало Кагановичу, единственному из первых заместителей главы правительства, не получившему министерского портфеля.

Следующий уровень власти составили пятеро, ставшие заместителями председателя Совмина, каковой факт из-за спешки забыли тогда зафиксировать в проекте решения. Это, в силу статуса давнего члена Политбюро, Микоян, назначенный министром внутренней и внешней торговли (пост, который он с перерывами занимал с середины 20-х годов), и лица, возглавившие фундамент военно-промышленного комплекса — укрупненные министерства, заменившие ведущие отраслевые бюро при Совмине: Сабуров — министр машиностроения (прежние министерства автомобильной и тракторной промышленности, машиностроения и приборостроения, сельскохозяйственного машиностроения, станкостроения), В. А. Малышев — министр транспортного и тяжелого машиностроения (упраздненные министерства транспортного машиностроения, судостроительной промышленности, тяжелого машиностроения, строительного и дорожного машиностроения), Первухин — министр электростанций и электропромышленности (ранее министерства электростанций, электропромышленности, промышленности средств связи). Госплан СССР вместе с присоединенными к нему госкомитетами по материально-техническому снабжению и снабжению прод. и промтоварами передали Г. К. Косячко, ряд лет проработавшему первым заместителем председателя этого комитета. Ворошилов был оставлен членом Президиума ЦК и удостоился декоративной должности председателя Президиума Верховного Совета СССР вместо Н. М. Шверника, переброшенного в ВЦСПС⁶.

Кадровые передвижки, отражавшие новую расстановку сил, провели и в секретариате ЦК. Из него вывели Л. И. Брежнева, Н. М. Пегова, Н. Г. Игнатова и П. К. Пономаренко. Первых двух назначили соответственно заместителем начальника Главного политического управления Министерства обороны и секретарем Президиума Верховного Совета СССР. Вместо них ввели в секретариат сторонников Маленкова, проводников его взглядов и политического курса. С. Д. Игнатьеву, лишившемуся должности министра МГБ, дали в ведение среди прочих отделов ЦК и отдел административных органов, опекавший министерства обороны, внутренних дел,

юстиции, прокуратуру и Верховный суд. Ввели П. Н. Поспелова, заменившего Н. А. Михайлова в роли главного идеолога партии и наблюдавшего за деятельностью таких отделов ЦК, как пропаганды и агитации, художественной литературы и искусства, философских и правовых наук, экономических и исторических наук, науки и вузов, школ; Н. Н. Шаталина, призванного держать под контролем подбор и расстановку кадров во всех государственных учреждениях, общественных организациях и на всех предприятиях страны.

Подняли статус Хрущева. Его переместили с поста первого секретаря Московской областной парторганизации, в то время стоявшей над горкомом партии, и «признали необходимым», чтобы он «сосредоточился на работе в Центральном Комитете»; иначе говоря, назначили вторым секретарем ЦК⁷. Но, при существенно измененном составе секретариата и в окружении тех, кто будет согласовывать решения прежде всего с Маленковым, Хрущева фактически лишили возможности проявлять самостоятельность и вынуждали заниматься преимущественно организационными вопросами.

На этом время, отпущенное узким руководством самому себе для формирования высших органов власти, иссякло. Из 25 должностей министров 17 остались вакантными. А. Ф. Горкин, еще не знавший о том, что он уже не секретарь, а заместитель секретаря Президиума Верховного Совета СССР, не увидел в том проблемы и днем 5 марта направил Маленкову предложение созвать сессию Верховного Совета 8 марта. Однако глава правительства отклонил эту идею, но не из-за того, что сомневался в возможности успеть заполнить свободные министерские посты. Кроме утверждения нового правительства на сессии следовало еще принять давно составленный министром финансов А. Г. Зверевым и уже согласованный бюджет СССР не текущий год. Здесь-то и таилось препятствие, которое предстояло преодолеть Маленкову.

В 20 часов 5 марта в Свердловском зале Большого Кремлевского дворца открылось непривычное по названию совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР. Из 236 приглашенных отсутствовали 14, в их числе еще числившийся министром иностранных дел Вышинский, посол в Великобритании А. А. Громько, посол в США Г. Н. Зарубин, посол в КНР А. С. Панюшкин, шеф-редактор выпускавшейся в Бухаресте газеты Коминформа «За прочный мир, за народную демократию» М. Б. Митин, главнокомандующий советскими оккупационными войсками в Германии В. И. Чуйков, а также Булганин, дежуривший в тот момент на «ближней даче» в Волынском⁸.

Первым выступил министр здравоохранения А. Ф. Третьяков. Информацией о продолжавшем ухудшаться состоянии здоровья Сталина он подготовил приученную к послушанию и повиновению собранную в зале массу — высшее звено аппарата — к тому, что от нее требовалось: высказать полную и единодушную поддержку того, что изложил затем в краткой речи Маленков: «Все понимают, — сказал он, — огромную ответственность за руководство страной, которая ложится теперь на всех нас. Всем понятно, что страна не может терпеть ни одного часа перебоя в руководстве. Вот почему бюро Президиума Центрального комитета партии созвало настоящее совместное заседание... Поручило мне доложить вам ряд мероприятий по организации партийного и государственного руководства... Обеспечение бесперебойного и правильного руководства всей жизнью страны... требует величайшей сплоченности руководства, недопущение какого-либо разброда или паники»⁹.

Необходимость преемственности власти естественна для любой страны. Но как понимать требование величайшей сплоченности при недопущении разброда и паники? Слово «паника» прежде появлялось в партийно-государственных заявлениях только раз: в радиоречи, произнесенной Сталиным 3 июля 1941 г., и отражало оно тогда прежде всего панику и растерянность у самого вождя. Затем зачитали и предложили одобрить проект постановления, которое являлось результатом достигнутой узким руковод-

ством договоренности: поддержать реорганизацию и кадровые перестановки, не содержавшие ни одной новой фамилии. Не вызвал ни у кого ни возражений, ни удивления и тот факт, что о всемогущей КПСС речь шла в последних пяти из 17 пунктов проекта. Это подчеркнуто второе место партии во властных структурах собравшиеся приняли спокойно. Сказался профессиональный, ставший второю натурой конформизм, позволявший удерживаться в должностях и подниматься вверх, ступенька за ступенькой, по бюрократической табели о рангах в рамках номенклатуры.

Заседание провели вовремя. Через час с небольшим после него пришло сообщение, что Сталин умер. Эта уже ожидавшаяся весть заставила скорректировать последующие действия: не информировать пока что население о принятых решениях, а вместо того подготовить обращение ЦК КПСС, Совета министров и Президиума Верховного Совета СССР «Ко всем членам партии, ко всем трудящимся Советского Союза», использовав его с двойной целью: чтобы сообщить о смерти вождя и о программе нового руководства.

В этой программе, помимо повторявшихся пропагандистских стереотипов, прослеживалось и новое. Отсутствовало упоминание о необходимости развивать тяжелую индустрию как основу основ советской экономики, с чего обычно начинались все подобные документы. Впервые во главу угла ставилось не движение к цели, а сама цель — подъем материального благосостояния, хотя и не уточнялось, как, в какие сроки и за счет чего он будет достигнут. Наконец, хотя и отмечалась готовность дать «сокрушительный отпор любому агрессору», не упоминался извечный враг — империализм; ничего не было сказано ни о США, ни о НАТО¹⁰.

Обращение передали по радио в 6 час. 6 марта, а в 21 час 30 мин. радиодиктор Ю. Б. Левитан зачитал постановление совместного заседания (газеты опубликовали его 7 марта, без указания даты принятия). Его содержательная часть претерпела минимальные коррективы: Сталина не упоминали среди членов Президиума ЦК партии и секретарей ЦК. Но преамбула сохранилась в первоизданном виде. Вечером 5 марта, при жизни Сталина, без мотивировки назначения Маленкова на пост председателя Совета министров СССР обойтись было невозможно; теперь же, когда нужда в таком объяснении отпала, повторение мотивировки выглядело нарочитым и заставляло искать скрытый смысл. Ее сохранение нельзя объяснить недосмотром при спешке. Исключение фамилии Сталина противоречит этому, свидетельствует об обратном: о повторном редактировании текста. Следовательно, многозначительную фразу оставили сознательно, намеренно допуская утечку информации о наличии в узком руководстве неких разногласий. Наконец, речи, произнесенные 9 марта 1953 г. на Красной площади во время похорон Сталина, не оставили в том никакого сомнения. В них отчетливо проявились расхождения между членами тройки, чье соперничество перешло из личного в политическое.

Ритуал траурной церемонии, согласно кремлевской традиции, должен был продемонстрировать и истинное положение лиц в советской иерархии. Остальное являлось несущественным, а потому и не обязательным. Речи могли стать ничего не значившим набором затасканных штампов, обычным пустословием. Однако 9 марта произошло нарушение прежних правил игры. И Маленков, и Берия, и Молотов в своих выступлениях соблюли приличия, отдав дань уважения покойному, но этим не ограничились. Они постарались, используя предоставившуюся возможность, выразить собственное видение дальнейшего пути развития СССР. Раскрывая прежде затаенные позиции, апеллировали к слушателям, но не столько к народу, сколько к аппарату, который мог стать единственным арбитром в их конфликте, судьей отнюдь не нейтральным, а откровенно предвзятым, лично заинтересованным в окончательном выборе концепции будущей политики.

Первым, в соответствии со своим рангом, слово получил Маленков. Поминальную часть речи он построил, как клятву: Сталин завещал — а мы соблюдаем и приумножим. Подтверждая верность доктрине, тут же от-

метил, что «завоевания социализма» ценны не сами по себе, а только как предпосылка дальнейшего поступательного движения. Объявил главной целью нового руководства «неуклонно добиваться дальнейшего улучшения материального благосостояния рабочих, колхозников, интеллигенции, всех советских людей». Во внешнеполитической части речи Маленков тоже повторил соответствующие фразы правительственного обращения. И вместе с тем именно здесь внес существенное дополнение, указав, что такая внешняя политика должна опираться на положение о «возможности длительного сосуществования и мирного соревнования двух различных систем — капиталистической и социалистической». А в конце речи вернулся к тому, что полагал важным, и не просто повторил, но буквально воззвал к стране и миру: «Наша главная задача состоит в том, чтобы... жить в мире со всеми странами». Только такая внешняя политика является «самой правильной, необходимой и справедливой», «единственно правильной». Опираясь же она должна «на взаимное доверие», не ограничиваться пропагандистскими заявлениями, а претворяться в конкретные решения и договоренности, стать «действенной», проверяться только фактами.

Новое видение будущего страны продемонстрировал и Берия, придав в своей речи первенствующее значение решению внутренних проблем. Не отказываясь от использования стереотипов пропаганды, не просто упомянул о дружбе народов СССР, а развил этот тезис, сместив акцент с общего (единство) на своеобразное (национальное), и дважды подчеркнул это. Характеризуя будущую внутреннюю политику в целом, откровенно полемично наметил систему приоритетов: политика будет «направлена на дальнейшее укрепление экономического и военного могущества нашего государства, на дальнейшее развитие народного хозяйства и максимальное удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей всего советского общества... Советское правительство будет заботливо охранять их [граждан. — Ю. Ж.] права, записанные в сталинской конституции».

Берия скорректировал внешнеполитическую линию Маленкова приемом умолчания. Повторив общее положение о необходимости сохранения и упрочения мира и развития деловых связей, ни словом не обмолвился о мирном и длительном сосуществовании двух систем. А затем призвал «неустанно повышать и оттачивать бдительность партии и народа к проискам и козням врагов Советского государства», «еще более усилить свою бдительность». И разъяснил, что тому призваны служить и вооруженные силы, которые «оснащены всеми видами современного оружия». Заканчивая выступление, Берия вернулся к вопросу о единстве и сплоченности руководства, высказав убеждение, что таковые станут «залогом успешного претворения в жизнь внутренней и внешней политики партии и государства». И заверил «народы» страны «в том, что Коммунистическая партия и правительство Советского Союза не пощадят своих сил и своих жизней для того, чтобы сохранить стальное единство руководства».

Сходные с бериевскими взгляды в оценке существующей ситуации, в видении дальнейшего пути развития СССР, а также в определении задач, требующих незамедлительного решения, высказал Молотов, выступивший последним. Он остановился на необходимости «заботиться об укреплении советских вооруженных сил... на случай вылазки агрессора», «проявлять должную бдительность и твердость в борьбе против всех и всяких козней врагов, агентов империалистических агрессивных государств». Потом бегло коснулся международного положения и подтвердил как министр иностранных дел, что СССР будет проводить политику мира, сотрудничества и деловых связей, но только «между народами», а устанавливать связи следует лишь с теми государствами, «которые сами также стремятся к этому». Касаясь межнациональных отношений, подчеркнул, что решение этого вопроса уже вышло за рамки СССР, ибо «имеет особо важное значение, особенно в связи с образованием государств народной демократии и ростом национально-освободительного движения в колониальных и зависимых странах»¹¹.

Так 9 марта 1953 г. тем людям, кто умел читать между строк, показали,

в чем именно заключается вышеупомянутый «разброд» в руководстве. Предложили как бы две правительственные программы, два предполагаемых курса. Первый, изложенный Маленковым, строился на достижении разрядки в международных отношениях, чтобы использовать высвободившиеся благодаря тому силы и средства для подъема жизненного уровня населения. Второй, сформулированный в речах Берии и Молотова, исходил из убежденности, что международная напряженность в обозримом будущем сохранится и перерастет в вооруженный конфликт между двумя системами. Потому приоритет следует сохранить за тяжелой индустрией и оборонной промышленностью, расходуя на мирные цели только то, что останется. Так выяснилось, что введение в триумвират Молотова оказалось противовесом слишком сильному влиянию не столько Берии, сколько Маленкова. Близилась развязка — решающее столкновение в борьбе за власть с пересмотром договоренности о разделе полномочий.

Оно произошло четыре дня спустя. 8 марта из Пекина отозвали посла Панюшкина, которого должен был сменить В. В. Кузнецов, «уступивший» свою должность главы советских профсоюзов Швернику. 10 марта прошел пленум бюро Московского обкома партии, избравший, как от него потребовали свыше, первым секретарем Михайлова в связи с повышением Хрущева. 11 марта Президиум Совета министров СССР ликвидировал три отраслевых бюро: по химии и электростанциям, по машиностроению и электропромышленности, по пищевой промышленности. 12 марта пленум ВЦСПС избрал своим председателем Шверника. Но 13 марта процесс оговоренных кадровых перемещений вдруг прервался.

Опубликованное газетами и не раз зачитанное по радио постановление совместного заседания предусматривало созыв сессии Верховного Совета СССР 14 марта. Однако собравшийся накануне Президиум ЦК партии решил отсрочить ее на сутки, проведя перед тем внеочередной пленум ЦК КПСС; формально — для того, чтобы подготовить сессию и обсудить вопросы, выносимые на ее рассмотрение. Фактически — чтобы урезать полномочия Маленкова. Дело в том, что большинство членов Президиума ЦК (Берия, Молотов, Булганин, Каганович, Хрущев и Микоян) добились сначала на узком заседании, затем и на пленуме, разделения двух ветвей власти: государственной и партийной, решив более не сосредоточивать их высшие посты в руках одного человека, в конкретном случае — Маленкова, и на этом основании освободили его от обязанностей секретаря ЦК партии, чтобы он, подобно Хрущеву, «мог сосредоточиться» на работе в Совете министров СССР¹².

Это решение изменило расстановку сил в партаппарате и подняло «уровень» Хрущева, который вследствие того становился фактически первым секретарем ЦК и обретал реальную власть. Ту же цель преследовал вывод из только что обновленного секретариата ЦК еще двоих: А. Б. Аристова, после XIX партсъезда наблюдавшего за работой парторганизаций союзных республик, а также крайкомов и обкомов РСФСР, назначили председателем Хабаровского крайисполкома, и Михайлова, направленного в Московский обком партии. Существенно повлияло на политический Олимп еще два решения: Шаталина перевели в члены ЦК КПСС, а Микояна ввели в Президиум Совмина СССР, в благодарность за поддержку при голосовании¹³.

Пока что эти кадровые перестановки, нарушившие прежнее соглашение, еще нельзя было рассматривать как явное поражение Маленкова. Скорее их можно расценить как вынужденный для него компромисс с появившейся в узком руководстве достаточно сильной группировкой, дружно выступившей против его же выдвинутого лидера. Ведь Маленков не только потерял, но и кое-что приобрел, хотя не сумел полностью компенсировать утраченное. В секретариате ЦК, который теперь состоял всего из Хрущева, Сулова, Поспелова и Шаталина, он сохранил двух последних — своих сторонников. А использовав принцип разделения ветвей власти, добился от пленума согласия на подготовку постановления о расширении прав министров СССР, что освобождало и их, и его самого от слишком назойливой

опеки во стороны Хрущева и отделов ЦК. Тут поневоле помогли Маленкову его соперники Берия, Молотов, Булганин и Микоян, заинтересованные в усилении собственных позиций.

Главным результатом пленума для Маленкова явилась отсрочка обсуждения госбюджета на текущий год с одобрением необходимости коренной переработки имевшегося проекта, предусматривавшего непомерные расходы на оборону. Это те самые расходы, которые после второй мировой войны не сокращались, а все росли и росли, увеличившись за шесть лет почти вдвое: с 15,8% расходной части бюджета в 1947 г. до 27,7% в 1952 году. Причем, согласно лишь открытым, официальным данным, существенно заниженным. Они не включали (военная тайна) сведений о затратах на разработку и производство ядерного оружия, ракет и даже обычного вооружения. И не отражали полную стоимость содержания самой огромной армии в мире с двумя мощными ударными группировками в зонах предполагаемых боевых действий: Германия и Дальний Восток.

В 1953 г., как вспоминал позже тогдашний министр финансов Зверев, дефицит бюджета, остающийся даже при сохранении на прежнем уровне расходов на оборону, должен был составить не менее 50 млрд. руб., то есть десятую часть. Маленкову, чтобы сдержать свое обещание о приоритете мирной экономики и повышении жизненного уровня, предстояло получить согласие узкого руководства на пересмотр сверстанного народнохозяйственного плана и его финансового эквивалента — бюджета, а значит — заставить Берию и Булганина пойти на ущемление их интересов. И он сумел добиться этого на пленуме. Почему и оказался единственным докладчиком на сессии, длившейся всего два часа. Он выступил 15 марта с речью, в которой кратко подытожил результаты пленума, о чем большинство депутатов узнало только 21 марта из газет¹⁴.

Маленков объяснял предложенную перестройку вовсе не последними событиями, а давней практической необходимостью: «Мероприятия по укрупнению ныне существующих министерств, по объединению в одном министерстве руководства родственными отраслями народного хозяйства, культуры, управления назрели не сегодня. Они уже длительное время, при жизни товарища Сталина, вместе с ним вынашивались в нашей партии и правительстве. И теперь, в связи с тяжелой утратой, которую понесла наша страна, мы лишь ускорили проведение в жизнь назревших организационных мер». Вскользь коснулся он вопроса о «коллективном руководстве» (возникшего буквально накануне как результат очередного раунда борьбы за власть): «Сила нашего руководства состоит в его коллективности, сплоченности и монолитности. Мы считаем, что строжайшее соблюдение этого высшего принципа является залогом правильности руководства страной». Такая формулировка означала, что если Маленков принимает свершившийся передел полномочий с ограничением его прав, то и он предупреждает соперников, что тоже не позволит кому-либо из них стать единоличным лидером. А потом подчеркнул свое «первое место среди равных»: «Правительство во всей своей деятельности будет строго проводить выработанную партией политику во внутренних и внешних делах. Мы уже заявили об этой позиции Советского правительства. Я имею в виду свое выступление, выступление товарища Берия Лаврентия Павловича, выступление товарища Молотова Вячеслава Михайловича на траурной церемонии 9 марта». И далее в нескольких фразах повторил собственную программу действий¹⁵.

Лишь после этого пленума, на котором обозначилось новое ядро власти, на этот раз четверка — Маленков, Берия, Молотов и Хрущев, и после сессии, утвердившей правительство в составе 28 человек, стало возможным завершить то, что начала делать тройка. Прошло формирование коллегий укрупненных министерств, создание их внутренних структур, утверждение в должностях руководителей подразделений в центральном аппарате и на местах. Осуществление этого проводилось с 15—17 марта, после постановления Совета министров СССР, решения Президиума и возобновившего теперь свою работу секретариата ЦК партии.

Но с каждой очередной неделей и с каждым очередным назначением

интересы членов четверки расходились все больше и больше. Единственно общим для них во внешней политике оставалось стремление прекратить войну в Корее: то, что наметили Маленков, Берия и Булганин еще весной 1951 г. и против чего не возражали теперь Молотов и Хрущев. Мир на Дальнем Востоке позволял выйти из тупика, в котором оказались оба военных блока. Для Маленкова же — еще и решение первой из промежуточных задач при проведении в жизнь его курса: «В настоящее время нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных сторон. Это касается наших отношений со всеми государствами, в том числе и наших отношений с Соединенными Штатами Америки».

Дополнительную уверенность Маленкову в том, что международная разрядка возможна, придало событие 12 марта, когда посол Великобритании в Москве А. Гаскойн посетил Молотова и по инициативе Лондона сообщил, что «сможет оказать помощь в деле ослабления напряженности отношений между двумя странами» (СССР и США). И все же советское правительство отказалось тогда от весьма выгодной с пропагандистской точки зрения роли инициатора мирного процесса и предоставило право сделать первый ход бывшим союзникам¹⁶.

После того, как в Москве стало известно о согласии главнокомандующего объединенными силами ООН в Корее генерала М. Кларка вновь направить делегацию в Паньмыньчжон, с заявлением выступил Молотов, который приветствовал намеченную встречу делегаций воюющих сторон. Затем он сказал и о решающем: «Советское правительство выражает уверенность, что это предложение будет правильно понято правительством Соединенных Штатов Америки. Советское правительство неизменно поддерживало все шаги, направленные на установление перемирия и на прекращение войны в Корее»¹⁷. Вскоре правительство СССР практически подтвердило свою готовность пойти кое в чем навстречу бывшим союзникам, включая Великобританию¹⁸.

16 апреля в вашингтонском отеле «Статлер» на традиционном заседании Американского общества редакторов газет Д. Эйзенхауэр выступил с речью «Шанс для мира». В ней, ставшей как бы своеобразным ответом Маленкову, президент США выразил свои взгляды на происшедшие за последнее время перемены и связанные с ними свои ожидания: «Теперь к власти в Советском Союзе пришло новое руководство. Его связи с прошлым, какими бы сильными они ни были, не могут полностью связать его. Его будущее в значительной мере зависит от него самого. Новое советское руководство имеет сейчас драгоценную возможность осознать вместе с остальным миром, какая возникла ответственность, и помочь повернуть ход истории. Сделает ли оно это? Мы этого еще не знаем. Недавние заявления и жесты советских руководителей в известной мере показывают, что они, быть может, признают возможность такого момента».

Среди «конкретных дел» Эйзенхауэр назвал такие, завершения которых добивалась, причем весьма давно, именно Москва, а не Вашингтон: подготовка мирных договоров с Австрией и единой Германией; освобождение немецких военнопленных, все еще остававшихся в СССР; заключение «почетного перемирия» в Корее. Но президент США упомянул и то, к чему Кремль тогда еще не имел ни малейшего отношения: «прекращение прямых и косвенных посягательств на безопасность Индокитая и Малайи». Наконец, пожелал, чтобы Советский Союз обеспечил «полную независимость народов Восточной Европы». В обмен на уступки со стороны СССР по этим пунктам Эйзенхауэр готов был заключить соглашение об ограничении вооружений и по контролю за производством ядерной энергии, чтобы обеспечить «запрет ядерного оружия»¹⁹.

22 апреля советские газеты опубликовали одобренные неделей раньше Президиумом ЦК партии «Призывы к 1 мая». Если первой шла традиционная здравица в честь международного праздника трудящихся, то вторым оказался призыв из выступления Маленкова: «Нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на

основе взаимной договоренности заинтересованных сторон». 1 мая в речи на Красной площади перед началом военного парада то же положение повторил Булганин ²⁰.

25 апреля газета «Правда» опубликовала полный текст речи Эйзенхауэра, сохранив даже некоторые антисоветские выпады, содержащиеся в ней. В предпосланной ей редакционной статье «К выступлению президента Эйзенхауэра» газета пункт за пунктом отвечала на все предложения и обвинения, содержащиеся в речи. А завершалась статья так: «Как известно, советские руководители свой призыв к мирному урегулированию международных проблем не связывают ни с какими предварительными требованиями к США или к другим странам, примкнувшим или не примкнувшим к англо-американскому блоку. Значит ли это, что у советской стороны нет никаких претензий? Конечно, не значит. Несмотря на это, советские руководители будут приветствовать любой шаг правительства США или правительства любой другой страны, если это будет направлено на дружественное урегулирование спорных вопросов. Это свидетельствует о готовности советской стороны к серьезному деловому обсуждению соответствующих проблем как путем прямых переговоров, так и, в необходимых случаях, в рамках ООН». Британский премьер У. Черчилль выступил 11 мая в палате общин и предложил «без долгих отлагательств» созвать «конференцию в самых высших сферах между ведущими державами» ²¹.

Несколько дней спустя предложение Черчилля поддержали в комиссии по иностранным делам Национального собрания Франции. 21 мая Эйзенхауэр высказал мнение, что для начала следует провести совещание лидеров трех западных держав, чтобы согласовать их позиции перед грядущей конференцией. И в «Правде» 24 мая появилась редакционная статья «К современному международному положению», сводимая к одной четкой фразе: «Советский Союз всегда готов с полной серьезностью и добросовестностью рассмотреть любые предложения, направленные на обеспечение мира и возможно более широких экономических и культурных связей между государствами». В Паньмыньжоне же переговоры возобновились еще 26 апреля. Спустя месяц удалось сблизить позиции обеих сторон и 8 июня подписать соглашение об обмене военнопленными, а 27 июля — о перемирии.

Тогда же новое советское правительство начало форсировать разрешение германской проблемы. 29 мая была ликвидирована Советская контрольная комиссия, а главнокомандующего советскими войсками в ГДР избавили от занятий гражданскими делами, которые передали в ведение верховного комиссара СССР в Германии В. С. Семенова. 5 июня аналогичные меры провели в Австрии, где спустя неделю верховного комиссара И. И. Ильичева возвели в ранг посла. 26 июня СССР официально объявил о досрочном освобождении и возвращении на родину немецких военнопленных ²².

Тем временем Молотов уже с середины апреля восстанавливал свои прежние позиции в МИДе. Определенную роль сыграл в том отъезд Вышинского в Нью-Йорк как советского представителя в ООН. Всего за две недели Молотов успел отправить Малика послом в Лондон, утвердить возвращенного в Москву Громыко своим первым заместителем, а так и не уехавшего еще в Пекин Кузнецова — своим вторым заместителем. Избавился он и от В. Н. Павлова (прежнего переводчика у Сталина), которого «спихнул» главным редактором в Издательство литературы на иностранных языках, и заменил посла в Париже А. П. Павлова на С. А. Виноградова, побывавшего вместе с Молотовым в опале. Затем назначил на ключевые посты в МИДе как заведующих отделами хорошо знакомых ему по совместной работе лиц: А. А. Соболева — по странам Америки, Н. Т. Федоренко — по странам Дальнего Востока, Г. П. Пушкина — сначала по странам Среднего и Ближнего Востока (его заменил Г. Т. Зайцев), а затем в 3-й европейский отдел.

Несколько иначе, довольно келейно, стал готовить Маленков осуществление второй составляющей своего плана: переориентацию производства

с военной на мирную продукцию. О предстоящей конверсии и ее масштабах до середины лета практически не знал никто кроме лиц, напрямую связанных с предварительными расчетами по отраслям и заводам и введением их в народнохозяйственный план и бюджет. Вызывалась такая скрытность тем, что при решении не внешнеполитической, а сугубо экономической проблемы союзников у Маленкова в узком руководстве быть не могло. Ни Берия, ни Булганин не желали умаления роли оборонной промышленности и сокращения всегда неограниченных ассигнований на вооружение. Их поддерживал и Зверев, представивший 11 апреля такой второй вариант бюджета, в котором только открытые военные расходы составляли 24,8%²³.

Это означало отказ от завершения восстановления народного хозяйства и от модернизации промышленности. А ведь приходилось учитывать еще и секретные статьи бюджета: расходы на содержание внутренних и пограничных войск, создание водородной бомбы, баллистических ракет Р-5 и Р-11 составляли около трети годовых ассигнований. Столь непосильное для страны бремя порождало длительную отсрочку надежд народа на материальное улучшение жизни. Конечно, при еще сохранившейся конфронтации двух блоков нечего было думать о поддержке со стороны Президиума и пленума ЦК партии смены курса внутренней политики, одобрении конверсии. Узкому руководству, страдавшему синдромом 22 июня 1941 г. и пораженному острой ксенофобией, выражавшейся в вульгарной трактовке борьбы социализма и капитализма, следовало сначала предъявить неоспоримые свидетельства разрядки. Например — мир в Корее. Затем доказать, что разрядка приобрела необратимый ход. И только потом заводить разговор о сокращении военных расходов.

Потому-то Маленков применил не раз испытанную в кулуарах Кремля тактику. Внешне все выглядело как очередная реорганизация системы управления. В действительности началась децентрализация военно-промышленного комплекса (ВПК). Еще в первой половине марта Маленков настоял на ликвидации отраслевых бюро при Совмине и сумел разделить контроль над ВПК между «ястребом» Берией, «голубями» Сабуровым, Малышевым и пока не игравшим самостоятельной роли Д. Ф. Устиновым. Следующим шагом к конверсии стало закрытое постановление Совета министров СССР 11 апреля «О расширении прав министров СССР». Оно наделило значительной самостоятельностью не всех министров СССР, а только тех, кто непосредственно руководил промышленностью, строительством и транспортом, то есть Сабурова, Малышева, Первухина, Устинова и немногих иных. Они освобождались от необходимости согласовывать или утверждать значительный круг повседневных вопросов в Президиуме Совета министров, то есть у Берии, Молотова, Булганина и Кагановича, и в ЦК КПСС — у Хрущева через соответствующие отделы ЦК, занимавшиеся контролем за выполнением производственных планов.

Постановление от 11 апреля предоставило министрам СССР права: утверждать структуру и штаты административно-управленческого аппарата как самих министерств, так и подведомственных предприятий и строек; изменять ставки зарплаты и тарифные сетки, вводить в необходимых случаях прогрессивную или повременно-премиальную системы оплаты труда, переводить предприятия в более высокую по оплате группу; утверждать или изменять проектные задания, сметно-финансовые расчеты, капиталовложения по отдельным стройкам, годовые планы ввода в действие или ремонта оборудования; перераспределять между предприятиями свободные оборотные средства или их излишки, изменять годовые ассигнования, переводить кредиты из статьи в статью; изменять номенклатуру продукции.

Если бы постановление ограничивалось только этими вопросами, оно не изменяло бы изжившую себя систему управления народным хозяйством, которая сложилась в годы первой пятилетки и годилась для руководства отраслями, имевшими тогда по два-три завода или комбината, по пять-шесть строек. Остался бы консервативно-бюрократический механизм управления, приобретавший все более деструктивный характер, и усугубился

порочный стиль руководства, вот уже четверть века сводившийся к одному: «План любой ценой, и непременно досрочно!». Но постановление содержало и такие пункты, которые наделяли некоторыми правами директорский корпус, разрешив ему продавать, покупать, безвозмездно передавать и получать излишки нефондированных материалов, демонтированное оборудование, сами фонды²⁴. Это послабление развязало хозяйственникам руки и должно было постепенно, рано или поздно, подорвать основы старой управленческой системы.

В мае началась новая перестройка лишь двумя месяцами раньше реорганизованных министерств. Упрощались их центральные аппараты и сокращались штаты (от 12% в Минфине до 41% в Мингосконтроле)²⁵. Свидетельством перемен стали и реформы в республиках. В конце марта укрупнение министерств началось в Азербайджане. 4 мая оно распространилось на Казахстан, РСФСР, Украину, Киргизию и Латвию, а завершилось к середине июня. С 22 апреля по 28 мая в Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Татарии и Башкирии ликвидировали областное деление, введенное двумя годами ранее. Реформа медленно, но заметно приобретала черты целенаправленной борьбы с бюрократией. Уже на своем первом этапе она высвободила из управленческих структур более 100 тыс. человек, основную часть которых направляли на производство. Многих чиновников понизили в должностях, лишили огромных зарплат и различного рода привилегий, включая телефоны правительственной связи («вертушки»), персональные машины, спецполиклиники и спецстоловые (в которых приобретались дефицитные продукты высокого качества чуть ли не задаром) и такое денежное довольствие, как неофициальную добавку к зарплате («конверты»).

Однако, опасаясь восстановить против себя сильный в массе бюрократический аппарат, Маленков совершил и обходной маневр, попытавшись расщелить чиновников и перетянуть на свою сторону тех, на кого ему пришлось бы опираться в дальнейшем. Секретными постановлениями Совета министров СССР от 26 мая и 13 июня были значительно повышены размеры вложений в «конверты» для некоторых должностей²⁶. Это повышение персональных ставок двум группам бюрократии — главам союзных министерств и местных исполкомов — прояснило отношение Маленкова к республиканским правительствам и их министерствам как излишним и надуманным для управления экономикой. Маленков стремился постепенно добиться ликвидации существовавшей лишь в строчках конституции призрачной суверенности союзных республик. Отрицательно относился он и к необычайно возросшим за последние годы, особенно после вступления в ООН БССР и УССР, претензиям республик на большую самостоятельность. Он был поборником унитарного государства.

Постановления об изменении персональных ставок нанесли удар и по кадрам КПСС, и значит, по ее престижу, по традиционному представлению о ее месте и роли в жизни общества. До 26 мая «конверты» позволяли приводить государственный и партийный аппараты в финансовое соответствие, создавая двуединую иерархическую структуру. На союзном уровне были денежно равнозначны должности замминистра и завотделом (не всяким) ЦК КПСС, начальника главка министерства и завсектором ЦК; на республиканском — председателя Совета министров и первого секретаря ЦК местной компартии, министра и завотделом местного ЦК, замминистра и замзавотделом местного ЦК; на областном — председателя облисполкома и первого секретаря обкома партии. 26 мая это рухнуло. Партработники, если определять их имидж величиной ежемесячного жалованья, вдруг оказались на порядок или даже на два ниже работников исполнительных структур. Столь вопиющая «несправедливость» заставила их сплотиться с тоже «обойденными» членами республиканских правительств и дружно выступить в защиту своих материальных интересов. Они направляли в ЦК КПСС, на имя Хрущева, жалостливые просьбы о повышении и для них суммы в «конвертах», а заодно о возвращении пониженным в должностях утраченных привилегий²⁷.

Три месяца Шаталину удавалось сдерживать неумную алчность

партии госаппаратчиков. Он отклонял (но только вследствие твердой поддержки со стороны Маленкова) подобные претензии. А что делали другие бонзы? Берия, получив укрупненное министерство, поначалу занимался кадровыми вопросами, и не столько ради реальных нужд реорганизации, сколько из-за стремления окружить себя теми, на кого мог бы положиться в случае необходимости. 4 марта, только что вступив, пока неофициально, в новую должность, он произвел перестановку в высшем звене руководства МВД и провел через бюро Президиума ЦК утверждение своими первыми заместителями С. А. Гоглидзе (прежде занимал тот же пост в МГБ), С. Н. Круглова (с декабря 1945 г. министр внутренних дел СССР), И. А. Серова (в последние годы — заместитель Круглова). А заместителями стали Б. З. Кобулов, отозванный из Берлина, где он служил заместителем начальника Советской контрольной комиссии, и П. В. Федотов, продолжительное время фактически возглавлявший Комитет информации.

Две недели спустя для Берии утвердили руководителей основных структурных подразделений министерства. Начальником I главного управления (внешняя разведка) стал С. Р. Савченко, до того заместитель министра госбезопасности СССР; II (контрразведка) — В. С. Рясной; III (военная контрразведка) — С. А. Гоглидзе; IV (идеологический контроль) — Н. С. Сазыкин; следственной части по особо важным делам — Л. Е. Влодзимирский; управления правительственной охраны — С. Ф. Кузьмичев; контрольной инспекции — Л. Ф. Райхман. В этой же группе оказались пониженные в должности бывшие заместители министра МГБ: Б. П. Обручников, назначенный начальником управления, и Н. П. Стаханов, возглавивший Главное управление милиции. Представляя кандидатов на должности, Берия говорил, что Кузьмичев и Райхман чуть ли не накануне были освобождены из тюрьмы, где провели два года как соучастники Абакумова. Зато обратным выглядело отстранение ближайших сподвижников Абакумова (Л. Ф. Цанавы) и Игнатьева (А. А. Епишева), что продемонстрировало оценку подчиненных вне зависимости от отношения к ним предшественников Берии.

Затем Берия реорганизовал вверенное его попечению ведомство. 15 марта по его предложению Совмин СССР утвердил включение в структуру нового МВД ранее самостоятельных учреждений — Главного управления геодезии и картографии, Управления уполномоченного по охране государственной и военной тайн в печати (то есть Главлит, попросту — цензура). Одновременно в Министерство юстиции был передан ГУЛАГ, а в промышленные и строительные министерства — 18 гигантских хозяйственных управлений, применявших принудительный труд заключенных, в том числе Дальстрой, Спецстрой, Главспецнефтестрой, Гидропроект. Берия, избавляясь от того, чем занималось старое МВД, снимал с себя ответственность за выполнение планов по заготовке древесины, добыче угля и руды, сдаче в срок промышленных объектов, проектированию грандиозных каналов. 19 марта по его представлению секретариат ЦК переутвердил в должностях министрами внутренних дел союзных республик (кроме РСФСР, где такого поста не было) прежних министров госбезопасности, а начальниками управлений МВД по автономным республикам, краям и областям РСФСР — соответствующих начальников управлений МГБ. Берия оставил практически без изменений сложившееся при Игнатьеве руководство местными органами, сделав четыре исключения: назначил, с согласия Хрущева, председательствовавшего на секретариате ЦК, министрами: на Украину — П. Я. Мешика, бывшего заместителя начальника I главного управления при Совете министров СССР, и в Грузию — В. А. Кокучая; начальниками управлений: по Московской области — П. П. Макарова и по Ленинградской — Н. К. Богданова²⁸.

Только теперь у Берии появилась возможность сосредоточиться на главном — борьбе за власть с проведением собственной политической линии. Практикуя начатое в марте прекращение судебно-следственных дел и освобождение из заключения некоторых бывших сотрудников МГБ с их реабилитацией и возвращением им прежних чинов и званий, Берия действо-

вал строго выборочно. Он дал свободу и должности на Лубянке Н. А. Эйтингону, Л. Ф. Райхману, Н. Н. Селивановскому, С. Д. Кузьмичеву, М. И. Белкину, также некоторым иным, но только тем, кого хорошо знал по совместной работе и на чью безоговорочную поддержку мог рассчитывать. Однако он оставил в Лефортовской тюрьме Абакумова, а 16 марта отправил туда же М. Д. Рюмина, который способствовал летом 1951 г. падению Абакумова, признававшего над собою лишь власть Сталина.

Рюмин, один из главных инициаторов «дела врачей» Лечсанупра Кремля, был вознесен в конце 1951 г. на должность заместителя министра МГБ СССР, а год спустя, когда он стал ненужным, его отправили старшим контролером в Министерство госконтроля. Держа в заключении Абакумова и Рюмина, Берия отстранялся от подозрения в причастности к «делу врачей» (один из них, Я. Г. Этингер, был лично связан с Берией), а также к «мингрельскому делу». 2 апреля он направил Маленкову записку, в которой обвинил С. И. Огольцова (в прошлом заместителя Абакумова) и Цанаву (после войны — министра госбезопасности Белоруссии) в предумышленном убийстве в 1948 г. выдающегося режиссера и актера С. М. Михозлса, прося согласия на арест и привлечение к уголовной ответственности виновных. И тогда же внес на рассмотрение Президиума ЦК КПСС аналогичный вопрос, основанный на признании Рюмина, который сообщил: дело 28 врачей — сотрудников и консультантов Лечсанупра Кремля, а также 9 человек их семей — русских, евреев, украинцев, обвиненных лично им во вредительстве, шпионаже и террористических действиях, полностью сфальсифицировано и создано искусственно на основе ложных, надуманных сведений или самооговоров ²⁹.

3 апреля Президиум ЦК КПСС утвердил проект постановления о прекращении «дела врачей», об освобождении и реабилитации привлеченных к следствию по нему, и в то же время не отменил прежние решения по данному вопросу, принятые им же 4 декабря 1952 г. и 9 января 1953 года. Козлом отпущения сделали Рюмина как главного виновника беззакония. С Игнатьевым же как министром, направляющим действия подчиненных и отвечающим за них, поступили так: третьим пунктом того же постановления потребовали от него «объяснения о допущенных Министерством государственной безопасности грубейших нарушениях советских законов и фальсификации следственных материалов»; а потом, другим решением, освободили его от обязанностей секретаря ЦК партии ³⁰.

Теперь Берия освободился от контроля со стороны Маленкова, действовавшего через Игнатьева, предстал перед общественностью как бы поборником справедливости и даже постарался придать своему одиозному министерству более привлекательный вид.

Официально все это выглядело так. Сначала поместили в газетах и неоднократно передавали по радио 4 апреля «Сообщение Министерства внутренних дел СССР» о прекращении «дела врачей», освобождении арестованных и их реабилитации. 6 апреля в газете «Правда» увидела свет статья «Советская социалистическая законность неприкосновенна», в которой сообщалось, что «честный общественный деятель, народный артист СССР Михозлс» «был оклеветан», а ответственность и за это преступление, и за «дело врачей» возлагалась на «ныне арестованного» Рюмина, действовавшего «как скрытый враг нашего государства, нашего народа»; в вину же Игнатьеву вменялось то, что он «проявил политическую слепоту и ротозейство» и «оказался на поводе» у «преступного авантюриста» Рюмина. Наконец, 7 апреля была опубликована информация «В Центральном комитете КПСС», которая уведомляла читателей, что Игнатьев выведен из секретариата ЦК партии.

10 апреля по инициативе Берии Президиум ЦК партии утвердил постановление об отмене двух партийных решений по «мингрельскому делу», согласно которому высокопоставленные чины Грузии мингрельского происхождения (заметим тут, что Берия тоже был мингрелом) обвинялись в сотрудничестве с националистической белоэмиграцией и с зарубежными спецслужбами ³¹. Это реабилитационное постановление не стали публиковать

в центральной прессе и ограничились его оглашением на закрытых партсобраниях в Грузии. Именно с этого момента члены лидерской группы осознали, что они полностью обелили Берию, сняв с него все грехи, но оставив за ним возможность обвинять теперь уже их в грехах; поняли, что Абакумов и Рюмин в его руках стали дамкловым мечом над каждым из них.

А Берия 26 мая проявил дружеское участие к Маленкову и заботу о его добром имени, направив ему записку о том, что давнее дело бывшего министра авиационной промышленности А. И. Шахурина, командующего ВВС страны Главного маршала авиации А. А. Новикова, заведующих отделами ЦК партии А. В. Будникова и Г. М. Григорьева, осужденных в 1946 г. за провал в строительстве самолетов, является еще одной фальшивкой Абакумова. Значит, не обоснована и тогдашняя кратковременная опала Маленкова в связи с этим делом как куратора авиационной промышленности в ГКО. После чего Маленков уже сам сделал все дальнейшее, чтобы ускорить реабилитацию жертв произвола. И 29 мая военная коллегия Верховного суда СССР прекратила дело Шахурина и других за отсутствием состава преступления, а 12 июня Президиум ЦК отменил соответствующее решение Политбюро от 16 мая 1946 года³². Так Берия наглядно показывал соперникам, что они зависят от него.

А пока что он форсировал работы по развитию ракетно-ядерного щита и запуски ракет на секретных полигонах в Капустином Яру и под Семипалатинском, детали чего были известны в совокупности только ему. Под Сталинградом, на первом полигоне, завершались испытания ракеты ПВО 10-Х, созданной конструкторским бюро В. Н. Челомея, и продолжались, с переменным успехом, запуски баллистических ракет стратегического назначения Р-5 и Р-11 из конструкторского бюро С. П. Королева. На втором полигоне велись приготовления к взрыву водородной бомбы. Успех того и другого сделал бы Молотова как сторонника жесткого внешнеполитического курса и Булганина как министра обороны союзниками Берии. После чего желательно было привлечь на свою сторону еще одного члена узкого руководства. Не годились Каганович и Микоян, не имевшие за собой ничего, кроме прошлого. Требовался голос Хрущева, который мог обеспечить поддержку и 125-тысячной армии партийных функционеров, и всеохватывающей пропагандистской машины.

Хрущев, вошедший в группу лидеров, поначалу вел себя незаметно: как один из шести секретарей ЦК партии, хотя и руководивший повседневной работой партийного аппарата. Нам думается, что в те дни он еще страшился ответственности за трагедию, происшедшую при похоронах Сталина в ночь на 7 марта в Москве. Ведь именно он как председатель комиссии по организации похорон обязан был сделать все возможное, чтобы избежать жертв чудовищной давки. Увереннее Хрущев почувствовал себя после пленума ЦК, когда официально стал председательствовать на заседаниях секретариата ЦК. Но и тогда он еще продолжал уклоняться от поддержки, даже косвенно, любого из двух претендентов на полную власть и избегал высказывать свои взгляды относительно внешней политики страны и путей ее экономического развития.

Сокращение числа секретарей ЦК партии с 10 в октябре 1952 г. до 4-х спустя пять месяцев нарушило прежнюю практику наблюдения ими за работой 17-ти отделов ЦК и усилило роль самих секретарей, получивших в свое распоряжение по четыре-пять отделов. Значимость последних соответственно понизилась, хотя они и оставались «приводными ремнями» ЦК и каналом обратной связи, последней инстанцией для жаловавшихся, советовавших или доносивших о чем-то местных партийных организаций и отдельных членов партии. А в самом секретариате царили пока зыбкость и неустойчивость, отражавшие борьбу между членами Президиума ЦК. В таких условиях опереться на кого-либо из секретарей означало в открытую стать на сторону либо Маленкова, либо Берии, то есть выиграть многое или проиграть все. Опора же на отделы сулила возможность потом, кто бы ни взял верх, возглавить многотысячный партийный аппарат. Хрущев избрал второй вариант. Он не стал тогда вдаваться в международные

связи КПСС, знакомиться с положением в зарубежных коммунистических и рабочих партиях, оценивать их ориентацию и отношение к СССР, оставив это на усмотрение Сулова. Не вникал пока и в начатую Поспеловым с середины марта кампанию по десталинизации, поначалу весьма слабую. Не обращал внимания и на поддержку Поспеловым легкой «оттепели» в литературе и искусстве. А все силы отдал реорганизации части аппарата ЦК, обосновывая ее оглашенной тенденцией к упрощению и сокращению управленческих структур.

17 марта, на первом после смерти Сталина заседании секретариата, Хрущев помог Сулову преобразовать Комиссию по связям с зарубежными компартиями в отдел ЦК и передал его Сулову под наблюдение. 25 марта провел слияние четырех отделов — художественной литературы и искусства, науки и вузов, философских и правовых наук, экономических и исторических наук — в отдел науки и культуры, сделав его заведующим хорошо знакомого ему по партийной работе на Украине А. М. Румянцева. А В. С. Кружкова, бывшего зав. отделом художественной литературы и искусства, не сократил (как Ю. А. Жданова) и не понизил в должности, но передвинул на важный в партийной иерархии отдел пропаганды и агитации, который с войны последовательно занимали Г. Ф. Александров, Д. Т. Шепилов, Сулов и Михайлов. 8 апреля Хрущев слил административный отдел, занимавшийся подбором кадров для силовых министерств, включая МВД, с отделом планово-финансовых органов и утвердил заведующим А. Л. Дедова, рекомендованного Шаталиным, то есть Маленковым³³.

Лишь 16 апреля Хрущев совершил поступок, раскрывший его ориентацию, поддержав предложение о ликвидации одного из ключевых структурных подразделений ЦК, фактически стоявшего над всеми остальными, — отдела по подбору и расстановке кадров, за работой которого наблюдал Шаталин, и утвердил Е. И. Громова заведующим вторым по важности для функционирования КПСС отделом — партийных, профсоюзных и комсомольских органов, впоследствии переименованным в организационный и взятый сразу же Хрущевым под свой прямой контроль. Наконец, помог Сулову в третий по счету раз возглавить отдел по связям с зарубежными компартиями, освободив от поста прежнего заведующего В. Г. Григорьяна и отправив его на работу в МИД³⁴.

Это однозначно свидетельствовало о переходе Хрущева в лагерь Берии. Нам кажется, что Хрущев опасался услышать новые «признания» Абакумова, теперь уже о самом себе: о своей роли в ликвидации сепаратистского вооруженного подполья — западноукраинской Украинской повстанческой армии в 1944—1949 гг., окончившейся лишь частичной удачей, и о его инициативе при подготовке секретного указа Президиума Верховного Совета СССР насчет высылки в Сибирь украинских и прибалтийских крестьян, отказывавшихся вступать в колхозы. Новой ситуацией воспользовался Берия, пожелавший приписать лично себе и новому МВД «умиротворение» западных земель. Сначала он нарочито преувеличил опасность ситуации. Со второй половины апреля отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов совместно с МВД начал концентрировать сугубо негативные сведения о ситуации в Литве и Западной Украине, оперируя данными с 1944 по 1952 год. Соответствующие материалы, отраженные в двух записках Берии, были внесены на рассмотрение Президиума ЦК: 8 мая — по Литве, 16 мая — по Западной Украине. Благодаря поддержке со стороны Хрущева и Молотова инициативу Берии признали своевременной, важной и поручили секретариату ЦК в трехдневный срок подготовить проекты постановлений. 20 мая вариант обоих документов обсудили, внесли коррективы и 26 мая утвердили их³⁵.

В них содержался такой вывод: «Главной причиной неблагоприятного положения в Литовской ССР [западных областях Украинской ССР] являются ошибки и извращения, допущенные партийными и советскими органами в политической и организационной работе и в руководстве колхозным строительством»; они выражаются в «огульном применении карательных мер и репрессий»; республиканские органы власти «неправильно относятся

к делу выращивания национальных кадров,... руководящие посты в центральных, областных и районных организациях в большей части заняты работниками неместной национальности, людьми, не знающими литовского [украинского] языка,.. делопроизводство, как правило, ведется на русском языке».

В постановляющей части требовалось «обеспечить в ближайшее время ликвидацию антисоветского националистического подполья», «покончить с администрированием в отношении населения», «в кратчайший срок исправить ошибки и извращения в деле подбора и выдвижения кадров, обеспечить смелое выдвижение литовских [украинских] кадров на руководящую работу». Разница между постановлениями заключалась лишь в том, что для западных областей Украины украинцев из восточных областей приравнивали к русским и запретили направлять их на работу в западные области. А в первой половине июня Президиум ЦК КПСС утвердил еще два идентичных постановления: «Вопросы Белорусской ССР» и «Вопросы Латвийской ССР». Их редактировал и вносил на рассмотрение Хрущев. И одновременно готовил аналогичные документы по Эстонии и Молдавии ³⁶.

В июне наметилась новая расстановка сил «наверху»: Маленков, Первухин, Сабуров против Берии, Молотова, Хрущева и Булганина. Ворошилов, Каганович и Микоян еще не приняли решение, готовясь примкнуть к победителям.

По традиционному кремлевскому сценарию в ближайшие дни должен был собраться Президиум ЦК партии. Но 17 июня забастовка берлинских строителей переросла в стихийное выступление, охватившее несколько городов ГДР. Для нормализации положения туда направили Берию. За трое суток он «навел порядок» в советской оккупационной зоне. Однако в Москве Берию не встретили как триумфатора и умолчали о его миссии, а спустя два дня арестовали, ибо он «сколотил враждебную Советскому государству изменническую группу заговорщиков для захвата власти» ³⁷. В подкрепление этого обвинения доньше не представлено ни одного доказательства. Осталось неясным, кто, помимо Берии и расстрелянных с ним его сподвижников, входил в число заговорщиков, на какие боевые части они опирались и мн. др. Наша гипотеза состоит в том, что Маленков, чтобы выиграть время, использовав поездку Берии в Берлин, успел привлечь на свою сторону двух заместителей Лаврентия Павловича по МВД — Серова и Круглова, Жукова как заместителя Булганина и командующего войсками Московского военного округа генерала армии К. С. Москаленко. Затем заявил Хрущеву, Булганину и Микояну, что у него имеются доказательства их участия в антипартийных действиях, и предъявил ультиматум: либо они на заседании Президиума ЦК поддержат предложение об аресте Берии, либо сами будут арестованы. Для Хрущева, Булганина и Микояна выбора не было, и они безоговорочно приняли предъявленные условия, заверили Маленкова в поддержке и сдержали слово. И в том же кабинете председателя Совета министров СССР, в кремлевской резиденции Сталина, 26 июня Берия был арестован. В те часы в Москву входили танки Таманской дивизии по Киевскому шоссе, Дорогомилловской улице и через Бородинский мост; на Смоленской пл. свернули на Садовое кольцо и помчались к центру города.

Те жаркие четыре месяца 1953 г. многому научили Хрущева. Он больше не ввязывался в чужие авантюры, действовал сугубо сам, медленно, неустанно продвигался к избранной цели. В середине августа восстановил «конверты», повысив сумму в них ответственным сотрудникам аппарата ЦК КПСС, и выплатил им разницу за три месяца, после чего они рьяно взялись за подготовку очередного пленума ЦК, подбирали выступающих, готовили для них речи, реплики и вопросы из зала. А на пленуме его участники единодушно избрали Хрущева первым секретарем ЦК партии. Власть стала «двуглавой». 7 декабря Хрущева без обязательного утверждения сессией Верховного Совета СССР ввели в Президиум Совмина СССР и утвердили заместителем главы правительства. А заодно поручили воз-

главить созданное в тот же день отраслевое бюро по сельскому хозяйству и заготовкам и сделали ответственным за разработку и осуществление аграрной программы³⁸.

Вскоре заговорили об освоении целинных и залежных земель. Наконец, в декабре же 1953 г. Хрущев вспомнил о не отмененных четырех постановлениях, рожденных Берией, после чего ЦК партии принял решение о расширении прав союзных республик. Борьба за высшую власть продолжалась. Впрочем в СССР она никогда не прерывалась.

Примечания

1. Правда, 4.III.1953.
2. Вопросы истории, 1992, № 2—3, с. 93.
3. АЛЛИЛУЕВА С. 20 писем к другу. М. 1990, с. 10.
4. Центр хранения современной документации (ЦХСД), ф. 2, оп. 1, д. 127, л. 35—37; д. 24, л. 1—2.
5. Там же, ф. 4, оп. 9, д. 383, л. 1—7.
6. Там же, ф. 2, оп. 1, д. 26, л. 8.
7. Источник, 1994, № 1, с. 107—111.
8. ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 12, л. 1.
9. Источник, 1994, № 1, с. 107—110.
10. Правда, 6.III.1953.
11. Правда, 10.III.1953.
12. Постановления Совета Министров СССР за март 1953 г. Б. м. Б. г., с. 197; ЦХСД, ф. 2, оп. 1, д. 26, л. 1.
13. ЦХСД, ф. 2, оп. 1, л. 2—3, 9.
14. Заседания Верховного Совета СССР, третья сессия. М. 1947, с. 22; там же, третья сессия. М. 1952, с. 25; ЗВЕРЕВ А. Г. Записки министра. М. 1973, с. 248—249.
15. Правда, 16.III.1953.
16. ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 32, л. 7.
17. Правда, 1.IV и 2.IV.1953.
18. ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 32, л. 12—17, 24.
19. Правда, 25.IV.1953.
20. Там же, 21.IV и 2.V.1953.
21. Там же, 14.V.1953.
22. Там же, 29.V, 7 и 12 VI.1953; Отношения СССР с ГДР. Док-ты и мат-лы, 1949—1955. М. 1974, с. 268—269.
23. ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 391, л. 17; д. 394, л. 105; ф. 5, оп. 30, д. 12, л. 48.
24. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.). Т. 4. М. 1968, с. 5—14.
25. Постановления Совета Министров СССР за май 1953 г. Б. м. Б. г., с. 57, 61.
26. ЦХСД, ф. 5, оп. 26, д. 46, л. 53—55; д. 55, л. 11—14; оп. 30, д. 37, л. 40.
27. Там же, оп. 26, д. 46, л. 79—80; оп. 30, д. 14, л. 5.
28. Постановления Совета Министров СССР за март 1953 г. Б. м. Б. г., с. 215, 219; ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 398, л. 26; д. 384, л. 1; д. 403, л. 53, 77—78.
29. ВАКСБЕРГ А. Нераскрытые тайны. М. 1993, с. 297, 298.
30. КОСТЫРЧЕНКО Г. В плену у красного фараона. М. 1994, с. 358; Правда, 7.IV.1953.
31. ЦХСД, ф. 5, оп. 15, д. 404, л. 113; оп. 30, д. 3, л. 3—7.
32. Источник, 1993, № 4, с. 91—93, 99—100.
33. ЦХСД, ф. 4, оп. 9, д. 384, л. 27; д. 386, л. 15—16; д. 387, л. 54; д. 392, л. 2.
34. Там же, д. 392, л. 5; д. 393, л. 41.
35. Источник, 1993, № 4, с. 87—88.
36. ЦХСД ф. 5, оп. 30, д. 6, л. 12—29; оп. 15, д. 445, л. 46, 267—277; д. 443, л. 29—59.
37. Правда, 10.VII.1953.
38. ЦХСД, ф. 5, оп. 30, д. 11, л. 73; ф. 2, оп. 1, д. 51, л. 50; Постановления Совета Министров СССР за декабрь 1953 г. Б. м. Б. г., с. 66.
39. Правда, 7.III.1954.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Шамиль

Д. И. Олейников

В 1212 году, в первый день месяца мухаррама, открывающего новый год, а по европейскому летосчислению 26 июня 1797 года¹, в аварском ауле Гимры родился Шамиль. Точнее говоря, первого и долгожданного сына сначала назвали в честь деда — Али. Но малыш был болезненным и слабым, часто хворал, и обычное лечение (заговоры, окуривания, умывание «святой водой») не помогало. Тогда родители — Денгау-Магомед и Баху-Меседу — решились на сильнодействующее средство: они переименовали мальчику имя. Это, по поверью, должно было запутать дорогу в дом для злых духов, охотившихся за детьми². «Я выздоровел скоро, но не знаю, от перемены ли имени», — рассказывал позже Шамиль³. Новое имя было дано в честь дяди и было одним из 101 имен Аллаха («всеобъемлющий»). Лишь в 26 лет Шамиль узнал от еврея-иудаиста о том, что его имя родственно с ветхозаветным Шамуил (Самуил) и означает также «выпрошенный у господ».

Гимринские старики вспоминали, что Шамиль отличался угрюмостью, гордостью, непреклонной волей, властолюбием и еще — любознательностью. Его неразлучным и единственным другом был Кази-Мухаммед, внук чужака в Гимрах ученого Исмаила. Даже замкнутый Шамиль говорил о нем: «Он молчалив как камень». Кази-Мухаммед был старше почти на четыре года и всерьез посвятил себя духовному совершенствованию. Рассказывают о его споре с Шамилем. Кази-Мухаммед уверял друга, что не в каждой речке можно плавать, и приводил пример: не было еще в Гимрах человека, который бы сунулся в Ашильтинскую теснину, где сливаются, низвергаясь с высоты, три реки, — там пловцу не миновать гибели. Шамиль бросился в озеро и доказал обратное⁴. Эта история была характерна для Шамиля. Надпись на клинке его шашки гласила: «Тот не храбрец, кто в бранном деле думает о последствиях»⁵.

Колыбельной мальчика было неизменное: «Ля илльляха, иль аллах...» («Нет бога кроме Аллаха...»). В шесть лет Шамиль начал читать Коран, хотя обычно чтению обучали с семи лет. Первым учителем мальчика был дядя, а в год совершеннолетия Шамиль отправился в Унцукуль, чтобы под руководством наставников («кто не имеет наставника, для того дьявол наставник») углубить свои знания. По свидетельству Гаджи-Али, за годы

Олейников Дмитрий Иванович — кандидат исторических наук, редактор отдела журнала «Родина».

Статья написана при содействии Московского отделения Российского научного фонда.

учения «он приобрел в науках познания, которыми превосходил своих товарищей»⁶. Полностью удовлетворить его жажду знаний, похоже, не всегда могли и учителя⁷; одним из наставников его в дальнейшем стал сеид (т. е. потомок Мухаммеда), авторитетный в Дагестане Джемалэтдин-Гуссейн Казикумухский. Враждебно относившийся к Джемалэтдину казикумухский хан Аслан запрещал ему принимать посетителей и учить их тарикату. Джемалэтдин же говорил, что никого к себе не призывает, но и не намерен прогонять никого из проходящих к нему. Так что выбор Шамилем Джемалэтдина в качестве духовного наставника в какой-то мере говорит о самостоятельности его поведения⁸.

При этом сам тарикат, которому учил Джемалэтдин (так наз. накшубандийский), не имел политической направленности. «Постоянное занятие лучшими молитвами, то есть воспоминанием бога», — вот его основное правило⁹. Но был и другой тарикат. Его главным учителем в Дагестане был Мухаммед Ярагский. «Мусульманин, — говорил он, — это человек, покорный воле божьей и ничьей больше!»¹⁰ Основываясь на этом, Мухаммед Ярагский развивал учение о незаконности светской власти. Он не боялся объявить в лицо Аслан-хану: «Ты и твой народ во власти неверных, а при этом исполнение вашего шариата ничего не стоит!»¹¹

Несогласия двух уважаемых учителей не давали покоя Шамилю и его старшему товарищу Кази-Мухаммеду. «Как же быть, — спрашивали они у Мухаммеда Ярагского, — Аллах велит в своей книге воевать с неверными, но наставник Джемалэтдин воспрещает это. Чьи повеления исполнять?» Ответ был: «Повеления божии мы должны исполнять более, чем людские». После этого пути друзей на некоторое время разошлись. Шамиль остался с Джемалэтдином, а Кази-Мухаммед перешел в ученики к Мухаммеду Ярагскому, позже женился на его дочери.

Осенней ночью 1825 г. Мухаммед Ярагский разбудил Кази-Мухаммеда и с Кораном в руке благословил его: «Именем Аллаха подвигаю тебя на священную войну за правоверие и да будешь ты наречен Кази-муллой!»¹² С посохом и сумой отправился Кази-мулла по Дагестану проповедовать необходимость священной войны; в 1828 г. Мухаммед Ярагский объявил его имамом, призванным поднять знамя Пророка и возглавить священную войну с неверными, то есть со всеми, кто признает нормы обычного права вместо мусульманского шариата и исполняет требования священных книг лишь формально. Имам — слово, происходящее от «амма» (руководить, предводительствовать, стоять впереди) и имеющее в истоке «умма» (начало)¹³. В повседневной жизни имам — лишь стоящий впереди руководитель общей молитвой в мечети. Применительно к Кази-мулле и его преемникам звание имама означало гораздо большее. Во-первых, религиозный авторитет мюршида, знающего, как трактовать законы шариата, давал имаму судебную власть. Во-вторых, газават, ведущийся вместе с учениками-мюридами, оправдывал власть имама-военачальника. Все это означает, что в горах Дагестана появилась новая сила, способная в перспективе противостоять хану.

«В первые дни после принятия Кази-Мухаммедом имамства... — сообщает Гаджи-Али, — Шамиль не соглашался с ним и не исполнял его приказаний»¹⁴. Вновь друзья вступили в спор, на этот раз богословский; он оказался переломным для мировоззрения и всей судьбы Шамиля. О том, как он мог протекать, можно получить представление, обратившись к диалогу Кази-муллы с одним из учителей Шамиля — Сеидом-Эфенди. «Наш народ — народ мусульманский, — говорил Сеид-Эфенди, а земля наша — дом мира и, благодаря богу, еще не сделалась домом войны. Ты слишком мрачно смотришь на вещи». — «Голова мусульманина, а тем более чистого узденя, принадлежит не ханам, а единому аллаху. Но дело не в этом, — отвечал Кази-мулла. — Можем ли мы быть мусульманами, когда не следуем указаниям пророка, когда гяуры...» — «Погоди! — прервал его эфенди. — Кто тебе сказал, что наш народ не следует повелениям пророка? Он молится единому Богу, чтит Коран, постится, ходит в Мекку и совершает суд по шариату. Чего же недостает народу, чего же он не делает?» —

«Газават есть обязанность каждого мусульманина. Где же это? Одной молитвы недостаточно, чтобы быть совершенным перед Богом. В Коране сказано: кто исполняет одну половину его и не исполняет другую, тот принимает на себя великий грех»¹⁵.

Известно со слов самого Шамиля, что почти так же обратился к нему Кази-Мухаммед: «На какой бы манер мы с тобой ни молились, каких бы чудес ни делали, а одни тарикатом мы не спасемся. Без газавата не быть нам в царстве небесном. Давай, Шамиль, газават делать!» Шамиль было согласился¹⁶, но тут вмешался в ход событий Джемалэтдин. Он потребовал, чтобы бывший его ученик прекратил военные приготовления и занялся «настоящим делом, сущность которого заключается в молитве, а не в войне». Верные исламу должны обнажить меч, призывал Кази-мулла; «если вы не предпочтете покорность своему господу, то да будете рабами мучителей». Поставленный перед выбором: поддерживать Кази-муллу, в непогрешимость которого верилось с детства, или послушаться Учителя, Шамиль заперся в своем доме, предался молитве и чтению священных книг¹⁷. Тогда же он совершил паломничество в Мекку. Другое важное событие в жизни Шамиля того времени — женитьба на Патимат, дочери известного врача Абдул-Азиза¹⁸.

Но в 1830 г. Шамиль вновь в рядах соратников Кази-Мухаммеда. К тому времени первый имам уже не с посохом и сумой, а с отрядом вооруженных мюридов объезжал селения, наказывал и даже сажал в тюрьму вельмож-отступников, выливал из кувшинов вино, противное мусульманству, издавал приказы и устанавливал запреты согласно шариату. И вот уже сам кавказский наместник И. Ф. Паскевич отправляет в Петербург депешу: «Возмутитель Кази-Магома, по званию своему принадлежащий в духовному классу, видя, что духовенство магометанское с давнего времени утратило выгоды первенствовать в народных делах и решать несогласия между частными лицами посредством произвольных истолкований Корана: ибо власть судная в землях, состоящих под влиянием России, ныне находится отчасти на попечении местного начальства, а отчасти еще в заведывании самих владельцев и старшин обществ, покровительствуемых правительством нашим, предпринял произвести переворот в пользу духовенства восстановлением вновь шариатов»¹⁹.

Шамиль был рядом с Кази-муллой при попытке овладеть столицей аварского ханства — Хунзахом (12 февраля 1830 г.). Поражение показало, насколько еще мало сил и авторитета у первого имама. Предводительствуемые Шамилем гумбетовцы перешли на сторону ханши Паху-Бике, отобрали у Шамиля оружие и чалму и чуть не убили. На защиту ханской власти выступили русские войска.

Со времени Венского конгресса 1815 г. Россия придерживалась принципа легитимизма, требующего вооруженной помощи законным правительствам против любых мятежных движений. Этот принцип действовал и в отношении государств Северного Кавказа, признавших верховную власть императора всероссийского. Но выступив в поддержку аварских ханов, русские войска оказались втянутыми в начинавшуюся в горах Дагестана гражданскую войну. Для Кази-муллы и его сподвижников немусульманская русская власть, чуждая сама по себе, к тому же еще встала на сторону неверных и отступников. Теперь военные экспедиции Кази-муллы были обращены и против русских (осада Дербента, Внезапной, Бурной, успешный набег на Кизляр). Шамиль в этих походах был его правой рукой.

В 1832 г., после похода в Чечню, Кази-мулла заявил, что жить ему осталось недолго и что Шамиль придет ему на смену. «Я видел сон, — рассказывал он, — будто по реке плыло два бревна, одно из которых принадлежало мне, а второе Шамилю. Мое бревно река унесла вниз, а бревно Шамиля выбросило на берег, причем это был можжевельник, а ведь сказано, что польза от можжевельника сохраняется навеки»²⁰.

17 октября 1832 г. на подступах к Гимрам сторонники Кази-муллы сразились с отрядом генералов Г. В. Розена, А. А. Вельяминова и В. Д. Вольховского. В его состав входили русские войска и местное

ополчение. Бой длился целый день, и к вечеру Кази-мулла, Шамиль и уцелевшие воины были окружены в каменной сакле. Солдаты уже разбирали крышу; достаточно было бросить сверху огонь в хранившийся внутри порох, и некому стало бы сопротивляться. Первым бросился на прорыв окружения Кази-мулла — и пал, сраженный штыками. Шамиль, глядя на погибшего, обратился к мюридам: «Гурии посещают мучеников за веру прежде, чем души покидают их. Возможно, что они уже находятся в небе и ожидают нас». С этими словами он выскочил наружу и тут же зарубил двух солдат, стоявших у двери. Третий всадил ему в грудь штык — Шамиль схватил штык рукой и ударил солдата шашкой. В тесноте схватки солдаты не стреляли, боясь поразить своих, и Шамиль исчез в темноте.

Исчез и расположенный в двух верстах отряд Гамзат-бека, наиба Кази-муллы. Гамзат-бек должен был ударить в тыл русским, но только обозначил боевые действия: считая себя одним из возможных преемников первого имама, он не захотел идти на верную гибель. Шамилю предстояло три месяца залечивать раны (первые двадцать дней ему было больно даже лежать), и Гамзат-бек оказался первым претендентом на звание имама. Многие знали о недостойном поведении Гамзат-бека в бою под Гимрами, многие хотели видеть имамом Шамиля, многие просто решили, что «шариат умер со смертью Кази-Мухаммеда». Тем не менее, «ученые, а также видные люди» поставили имамом именно Гамзат-бека, которого, по его словам, сам Кази-мулла незадолго до смерти объявил своим преемником. Признав свою вину за гимринское поражение он приговорил сам себя к публичному телесному наказанию, а от Шамиля пришло важное письмо. В нем говорилось: «Для поддержания ислама нужно единодушие. Кто бы ни был предводитель мюридов, внушите народу повиноваться ему покуда. Да не будут наши горцы подобны собакам, прости Господи, да не грызутся они из-за кости властолюбия, тогда как кость эта может быть похищена неверными. Соединимся все против неверных новыми силами, призвав Аллаха на помощь и избрав одного для исполнения его воли. Так делали наши отцы, первые мусульмане... Мир вам»²¹. По выздоровлении Шамиль присоединился к Гамзат-беку.

Лишь несколько обществ Дагестана признали поначалу власть нового имама. Потребовался год походов и жестоких боев, в которых гибли сотни воинов, чтобы распространить в Аварии новую власть. Первый отряд Гамзат-бека не превышал 100 человек, но год спустя, летом 1834 г., его войско доходило до 20 тысяч. Жестоко расправился Гамзат-бек с правителями Аварии. Овладев после семидневной осады столицей ханства — Хунзахом, его мюриды перебили всех «именитых старшин и главварей хунзахцев»²² и детей аварской ханши. Гамзат поселился в ханском дворце, а ханша Паху-бике и последний ее сын малолетний Булач-хан были высланы.

Вскоре Гамзат-бек решил избавиться и от Паху-бике. Противное горской морали и законам убийство старухи (ее схватили во время чтения Корана и отсекли голову) подорвало авторитет Гамзат-бека. «Народ... перестал за него молиться и стал говорить: „Он поплатится жизнью за убийство престарелой ханши“»²³. И действительно, 7 сентября 1834 г. Гамзат-бек, незадолго до того назвавший Шамиля своим преемником, был убит в мечети во время молитвы. Это была кровная месть. Четыре дня его тело лежало на площади, мюридов же имама хунзахцы частично выгнали, частично истребили. Управлять Аварией стал Хаджи-Мурат. Именно с того времени большинство хунзахцев стали непримиримыми врагами имамов. Один из русских участников боевых действий на Кавказе писал: «В Хунзахе мы были настолько безопасны..., что ходили без оружия... были совершенно как дома. Я возьму, бывало, книжку и пойду гулять по полям хунзахским, как будто в Малороссии по собственным поместьям: недостало лишь халата. Встречающиеся аварцы приветствовали меня „Салам алейкум“, как будто своего земляка»²⁴.

С 1833 г. в горах распространилась весть: «Шамиль воскрес из мертвых! Аллах послал его во второй раз в мир для защиты ислама»²⁵. Каким горцы

видели и воспринимали его тогда, передает Гаджи-Али: «Шамиль был человек ученый, набожный, проницательный, храбрый, мужественный, решительный и в то же время — хороший наездник, стрелок, пловец, борец, бегун — словом, никто ни в чем не мог состязаться с ним. Он хорошо изучил народ и землю Дагестана в то время, как находился при Гамзат-беке. Он был способен на все, что бы ни задумал предпринять»²⁶. Сам Шамиль вспоминал, что при первых имамах он был как бы «военным министром»²⁷. 19 сентября 1834 г. «народ и ученые», как пишет хронист, избрали Шамиля имамом.

Церемония избрания была весьма торжественной. Поначалу Шамиль долго отказывался. Наконец, в главную мечеть Ашильты собрались «кадии и народ» и послали за Шамилем. Он пришел пешком, в сопровождении пятерых мюридов. Главный кадий спросил: «Согласен ли ты быть нашим имамом, Шамиль?» и, услышав в ответ «Согласен», стал молиться за упрочение имамства Шамиля, продление его жизни и дарование счастья и благополучия народу, признавшему над собою его власть. Наконец, кадий поднял руки к небу и произнес «фатиха» («кончено», «да будет по сему») и трижды погладил бороду руками. То же повторили окружающие. Обряд свершился.

Через две недели Шамиль приказал доставить в Ашильту казну, сокровища, оружие и скот, доставшиеся Гамзат-беку от Паху-бике. Этим он фактически объявил о своей верховной власти в Аварии. Единственный прямой законный наследник аварской ханской власти — 11-летний Булачхан — был по приказу Шамиля сброшен в реку. Отсюда ясно, что Шамиль осуждал жестокие действия Гамзат-бека в Хунзахе только за их политическую недалекость. До конца жизни он считал, что все зло в горах от знати (хотя и был по матери потомком аварских беков). «Прежде всего уничтожайте ханскую власть и дворянские звания, держите беков в таком же черном теле, в каком держал их я, — записывал в Калуге советы имама русскому правительству Руновский. — После того делайте что хотите, и горцы будут вам повиноваться»²⁸.

В Аварии возникло двоевластие. То было время «сильного возбуждения ненависти и вражды между людьми, проживающими в Дагестане», — грустно заметил хронист²⁹. Шамиль попытался добиться признания своей власти силой, разоряя аварские селения. Аварцы послали в Тифлис делегацию с просьбой защитить их. Они говорили, что Шамиль их враг и хочет истребить их, как истребил их ханов³⁰. Гимринские жители стали относиться к Шамилю, призывавшему не подчиняться официальной власти, столь неприязненно, что вынудили его окончательно переселиться в Ашильту. Сам Шамиль сравнивал свое переселение с переселением первых мусульман из Мекки в Медину. В русских же документах о нем стали писать: «...Мулла Шамиль, гимринский житель, изгнанный своим обществом и проживающий в койсубулинской деревне Ашильта»³¹.

После этого русские власти сравнительно долго относились к Шамилю терпимо. Генерал Ф. К. фон Клюгенау (австриец на русской службе, на Кавказе — с 1820 г., в дальнейшем командовал всеми русскими войсками в Дагестане) еще в июле 1835 г. изображал в своих рапортах Шамиля как мирного деятеля, собравшегося поселиться в Ашильте, дабы заняться садами и угодьями. И действительно, в апреле 1836 г. Шамиль писал «темирхан-шуринскому начальнику» Клюгенау: «Пока я нахожусь в живых, вы найдете во мне усердного и неспособного на измену слугу русского правительства». В доказательство мирных намерений к посланию было приложено письмо русского пленного, в возвращении которого имам был готов оказать содействие. Но в том же письме были выдвинуты ясные условия: «Я прошу вас об одном: не мешайте нам драться между собою. Храбрейший из нас, конечно, останется победителем, необузданные смирятся, власть и порядок восторжествуют, и тогда будет, с божьей помощью, общее спокойствие». О том же пишет Шамиль генералу И. А. Реутту 7 августа 1836 г.: «Я сделал условие восстановить шариат в народе, в чем и имею успех, после чего никуда не поеду и останусь в своем доме в Ашильте, если вы будете

продолжать дружество и братство между нами»³². И Шамиль и русские генералы были заинтересованы в каком-либо официальном разрешении официальной ситуации. Начать можно было с личных переговоров.

Если бы эти переговоры 18 сентября 1837 г. у Гимринского родника оказались успешными! Если бы опытному генералу Клюгенау удалось уговорить сорокалетнего имама воспользоваться приездом в Закавказье Николая I и отправиться в Тифлис «лично молить» императора «о всемилоостивейшем прощении», как было указано в официальной бумаге, объявлявшей генералу «высочайшую волю». «Император возвеличит его, Шамиля, окажет ему почет, сделает управляющим делами всех дагестанских мусульман», — записал обещания Клюгенау очевидец.

В этот момент решался вопрос о войне и мире на Кавказе в последующую четверть века. Шамиль не принял окончательного решения, попросив отсрочку для совета с сподвижниками. Но когда генерал и имам встали с бурки и протянули друг другу руки, исход переговоров решило вмешательство сподвижника Шамиля Ахбердила Мухаммада. Он бросился между «высокими договаривающимися сторонами» с возгласом «неприлично имаму правоверных подавать руку гяуру» и остановил Шамиля. Вспыльчивый Клюгенау замахнулся на дерзкого горца костью, Ахбердиль выхватил кинжал... У Клюгенау за спиной — 25 спутников, у Шамиля — 200. Шамиль схватил генерала за кость, Ахбердила за руку с кинжалом; за полу сюртука оттащил бранящегося Клюгенау его адъютант, штабс-капитан Н. И. Евдокимов. Взаимная ругань на этот раз не переросла в смертоубийство. Встреча закончилась словами Шамиля: «Уведите этого проклятого человека от нас подальше!»

Через некоторое время Шамиль окончательно отказался ехать в Тифлис. В официальном письме Шамиль писал Клюгенау: «Докладываю Вам, что, наконец, решился не отправляться в Тифлис, если даже и изрежут меня по кускам, потому что я многократно видел от вас измены, которые всем известны». На словах же Шамиль передал, что «Кибит-Магомет, Ташав-Хаджи и Абдуррахман не дали согласия на его отъезд в Тифлис и что в случае его тайного покушения на сие они его убьют»³³. После этих событий в ауле Гоцатль русские власти собрали совещание правителей, ученых и почетных лиц Дагестана, чтобы решить вопрос о временном правлении в Аварии. После других споров право своего сына, Мухаммед-Мирзы, досказал Аслан-хан Казикумухский. Тогда же была принесена новая присяга на верность Николаю I.

И вновь зазвучали речи Мухаммеда Ярагского: «Молитвы и повинование Аллаху не избавят нас от вреда, наносимого сподвижниками сатаны... Не слова избавят от них, а сабли, всегда готовые к бою. Пусть лучше каждый юноша приготовится к тому, чтобы отправиться в путь и присоединиться к Шамилю»³⁴. Гражданская война продолжилась.

Шамиль научился собирать сторонников с помощью не только силы, но и дипломатии. Русские — не мусульмане, и поэтому они главные враги правоверных. Вот идея, вокруг которой Шамиль решил объединять Дагестан. «Я и вы — братья по вере, — говорил он потенциальным союзникам. — Две собаки дерутся, но, когда увидят волка, то, забыв свою вражду, вместе бросаются на него. Хотя мы враги между собою, но русские — волк наш, а потому прошу вас соединиться со мною и сражаться против общего врага»³⁵.

Военные экспедиции Шамиля (он всегда начинает походы в самый благоприятный для правоверного день — четверг) проходили с переменным успехом.

С зимы 1837/1838 гг. началось новое наступление русских войск вглубь Аварии. Девять возведенных тогда крепостей (каменных и деревянных), в том числе в Хунзахе и Гимрах, позволяли контролировать значительную территорию Аварии. Видя вооруженную поддержку, противники Шамиля требовали от жителей Ашильты изгнать его. Положение имама настолько осложнилось, что большинство сподвижников склонялось уйти в Чечню. Шамиль решил остаться и занялся постройкой собственной укрепленной

столицы на горе Ахульго (в русских документах того времени ее именовали «замком») с подземными жилищами.

Действительно, место неподалеку от аула Ашильта и само по себе было естественной крепостью, прикрытой реками и высокой горой. На этой горе близлежащую местность и удобнейшие подступы контролировала Сурхаева башня. «Обе скалы, укрепленные Шамилем... представлялись с левого берега Койсу в виде голой, каменистой поверхности, изрытой во всех направлениях. Одна из этих скал, западная, называлась Старым Ахульго, другая — Новым. Разделяло их ущелье, или, лучше сказать, трещина. Обрывистые стены сходились в иных местах так близко, что перекинут был мостик для удобнейшего сообщения между скалами»³⁶, — так увидел крепость Д. А. Милютин.

Осаждавшие Ахульго генералы удивлялись тому, насколько быстро приобрели горцы опыт оборонительных боев против артиллерии. В рапорте военному министру А. И. Чернышову сообщалось, что оборонительные сооружения воздвигнуты «с большой тщательностью и с таким соображением, которое принесло бы честь и не лезгинскому инженеру».

Экспедиция по овладению Ахульго, как казалось, должна была положить конец влиянию Шамиля в горах, лишить его «гнезда» и вытеснить из Дагестана. Записка генерала П. Х. Граббе Чернышову объясняет политические причины похода. Шамиль, говорится в ней, с 1836 г. «начал открыто проповедовать всеобщее равенство, истребление ханов и всякой наследственной власти, необходимость поголовного ополчения против неверных для поддержания свободы гор и чистоты магометанской веры»³⁷. Против Шамиля выступили вместе с русскими войсками 45 горских князей, беков и старшин с отрядом более 3 тыс. человек. Командующий экспедицией генерал Граббе отметил в приказе от 9 мая 1839 г., что многие горцы «желают, наконец, покоя под защитой нашего оружия. Отличим их от непокорных там, где они явятся. Женщинам же и детям, ребята, непременно и везде — пощада! Не будьте страшны для безоружных»³⁸.

Шамилю борьба с отрядом Граббе послужила серьезным уроком. Прямые военные столкновения сопоставимых сил³⁹, важнейшим из которых был бой за селение Аргвани (его укрепляли почти год), заканчивались поражениями. Штурм крепости Ахульго, которой имам придавал важное значение, генерала Граббе готовил в течение почти всего лета 1839 года. В июне крепость была блокирована; 4 июля после длительных инженерных работ и бомбардировки русские взяли Сурхаеву башню. Кольцо осады придвинулось так тесно, что у осажденных «изменился цвет лица и сердце жалось». Воду из реки приходилось доставать, «отдавая на погибель каждую ночь по одному человеку»⁴⁰.

В августе под давлением изможденных долгой осадой мюридов Шамиль пошел на переговоры. Предложенные ему условия были весьма жесткими. Прежде всего, в качестве гарантии искренности и безопасности переговоров, от Шамиля требовали аманатом (заложником) его старшего сына — 7-летнего Джемалэтдина. Всем воинам Шамиля предлагалось сдать оружие и покинуть Ахульго. За это Шамилю и его сподвижникам гарантировались жизнь, неприкосновенность имущества и семей, и даже денежное содержание.

Условия не были приняты, но в письмах генералу Граббе Шамиль просил о месячной отсрочке для принятия решения, уверял, что предан России и ее императору и раскаивается. Конечно, это была лишь уловка, испробованная еще в 1837 г., когда генерал К. К. Фезе поставил Шамиля на грань поражения. Но тогда войска генерала ушли после того, как жители гумбетовских обществ, где жил и Шамиль, принесли присягу на верноподданство. Это было воспринято как победа горцев. Теперь Граббе было мало «уверений в нижайшем почтении». В конце концов Шамиль передал через посредников, что он оскорблен тем, что у него взяли сына, обещая заключить мир и отвести войска, но этого не сделали. «После всего этого мы вам не верим. Вы люди вероломные, лживые и коварные», — так передавал слова Шамиля его посланец Юсуф. 21 августа начался решитель-

ный штурм Ахульго. «Подробное изложение тех событий, — пишет хронист, — составило бы толстенную книгу, от чтения которой горели бы сердца, а глаза стали бы влажными»⁴¹.

Во время жестокой артиллерийской бомбардировки Шамиль решил «стать мучеником за веру», то есть принять смерть в бою. Он вышел на открытое место и сел, взяв на колени своего второго сына Газимухаммеда. Шамя можно было узнать издали — он носил саблю на правом боку, поскольку владел ею одинаково хорошо обеими руками. И все же пули и осколки не тронули его. Имам решил, что Аллах захотел, чтобы отец и сын «подавили воюющих неверных, подчинили мунапиков-отступников, возвысили религию и навели порядок в жизни мусульман — как земной, так и загробной»⁴². В ночь на 22 августа, накануне падения Ахульго, Шамиль покинул обреченную крепость. Там остались и погибли его жена Джавгарат, его двухлетний сын Сагид (люди слышали, как он взывал к отцу над телом умершей от раны в голову матери), дядя Бартихан, сестра Патимат. Три для Шамиль и несколько его спутников прятались в пещере у реки и, наконец, спаслись бегством вдоль реки Койсу. Шамиль вынес на себе раненого в ногу сына Газимухаммеда. Погоня отстала; последней преградой для маленького отряда стали дозорные из числа гимринцев — односельчан Шамя. Грозный вид имама, размахивавшего саблей и угрожавшего карой Аллаха, вынудил их пропустить беглецов.

Генерал Граббе поспешил доложить начальству о совершенном восстановлении спокойствия в крае. Действительно, падение казавшегося неприступным Ахульго оказало мощное моральное воздействие на общества Дагестана. К генералу Граббе потянулись депутации с аманатами и оружием (даже из тех районов, где не проходили русские войска) — заверять в миролюбии. Из Петербурга пришло сообщение о награждении Граббе орденом Александра Невского. Казалось, в крае восстановлено спокойствие, грозный имам превратился в беспомощного изгнанника-скитальца, скрывавшегося в аулах Северного Дагестана. Однако представления о способах поддержания водворенного порядка ни у генерала Граббе, ни у генерала А. П. Пулло не соответствовали реальной обстановке. Не понимая до конца особенностей управления в горских краях, они назначили в селения приставов для надзора за порядком, обложили горцев ежегодной данью оружием (в надежде постепенно таким путем совершенно изъять его), собирали и денежную дань — по рублю с дома. Жестокие методы поддержания порядка, использованные генералом Пулло, вызвали протест сунженских и терских чеченцев, живших в пределах русского управления, озлобление населения всей Чечни.

Если учесть, что еще с 1834 г. в Чечне боролся за веру один из самых последовательных соратников Шамя Ташав-Хаджи (Ташу-хаджи), то станет понятным, насколько взрывоопасной стала там обстановка после появления в чеченском ауле Беной беглеца Шамя, приглашенного туда кунаком. Оттуда Шамиль перебрался в Ведено, затем в Гуш-Керт. Поначалу он чувствовал себя «брошенной тряпкой», признавался, что не имеет никаких сил даже вступаться за обиженных. Но вскоре авторитет ученого и справедливого человека стал притягивать к Шамя местных жителей. За защитой, за добрым советом приходили, а то и переселялись поближе к нему жители соседних и даже дальних селений.

Когда же прошел слух о том, что русские скоро потребуют дополнительную дань и даже по паре штанов с каждой десяти женщин Нижней Чечни, чеченцы-шатоевцы призвали Шамя возглавить движение против новой власти. Вокруг Шамя образовалось новое войско. Даже старшины из округов Нижней Чечни приходили и разламывали перед Шамя отличительные знаки, пожалованные им русской властью. 8 марта 1840 г. Шамиль был объявлен имамом Чечни⁴³.

«Когда зима сбросила свои снежные тулупы и надела весна свое зеленое платье, — записывал хронист, — победоносный и дерзкий лев Шамиль, уповая на Аллаха, выступил в поход под зелеными знаменами»⁴⁴. Именно к этому времени относится воззвание Шамя к старшинам: «Я дал присягу

алкорану до тех пор воевать с неверными русскими, покуда не будет снята с плеч моя голова»⁴⁵. И вот в Тифлис и Петербург летят тревожные сообщения: что восставшие чеченцы вошли в Урус-Мартановский район и успели «поколебать умы жителей покорных деревень»; что восстание в Большой Чечне возглавил сам Шамиль, что у него 200 мюридов; что у него уже 12 000 воинов; что 15 марта генерал Пулло вступил в бой с Шамилем на берегу реки Сунжи и, хотя и победил, «находит свои силы слишком слабыми, чтобы противостоять покушениям и влиянию Шамиля».

О том, насколько переменились обстоятельства, свидетельствует бой в июне 1840 г. за крепость Ишкарты с отрядом Ключенау: русские и их союзники (Ахмадхан Мехтулинский и Абумуслим-хан-шамхал) потерпели полное поражение.

Началась эпоха военных побед и утверждения политической власти Шамиля. В июне 1841 г. военному министру Чернышову докладывали: «Можно сказать утвердительно, что мы не имели еще на Кавказе врага лютейшего и опаснейшего, как Шамиль. Стечением обстоятельств власть его получила характер власти духовно-военной, той самой, которою в начале исламизма меч Мухаммеда поколебал три части Вселенной»⁴⁶.

Теперь имам Чечни и Дагестана не просто принимал присягу селений на верность шариату, но и назначал управителей кура (волостей) из числа своих ближайших сподвижников. Изменилась и военная стратегия Шамиля — в бой с русскими войсками его отряды вступали только имея основательные виды на успех. Именно благодаря умению Шамиля найти удобный момент был окружен и уничтожен русский гарнизон в Унцукуле (селение разграбили и сожгли⁴⁷); вытеснены русские войска из Хунзаха.

Из Чечни влияние имама постепенно распространилось на весь горный Дагестан; из лежащих к западу Тушетии и Хевсуретии горцы пригоняли захваченные стада скота.

27 декабря 1844 г. Николай I назначил наместником Кавказа 63-летнего графа М. С. Воронцова, сместив его неудачливого предшественника А. И. Нейдгарта. Император настоял на экспедиции против столицы Шамиля — аула Дарго, надеясь покончить с имамом одним ударом. В начале июня 1845 г. Воронцов лично возглавил 22-тысячный (по другим данным 18-тысячный) отряд с 42 пушками и батареей «конгривовых» (по имени англичанина-изобретателя) ракет.

От правильно выбранной тактики теперь зависела судьба Шамиля. И третий имам принял решение, противоположное тому, которое в 1832 г. привело к гибели первого имама. Не защищать Дарго до последней капли крови, а изматывать большой, неповоротливый в горах русский отряд засадами, сжигать села на его пути, уничтожать транспорты с провизией и боеприпасами. На пути русских к водопою выставлялись кольца с отрубленными головами и запиской: «Это воздаяние тем, кто ходил к вам». Воронцов в конце концов вошел в Дарго, а точнее туда, где был Дарго: все дома были брошены жителями и сожжены. Но к тому времени в горах выпал снег и союзниками Шамиля стали голод и холод.

Воронцов направлял к имаму посланцев: «Пусть приходит Шамиль или для мира, или для сражения»⁴⁸, но без успеха. В конце концов наместник Кавказа отдал приказ сжечь палатки и отступать. Он бежал из ловушки, потеряв убитыми 984 человека (в том числе трех генералов), около трех тыс. ранеными и пленными, три орудия и весь обоз с золотыми деньгами⁴⁹. «Убивали их и валили, — сообщает хронист, — как сжатые снопы и срубленные деревья... Их избивали, косили и раздевали до тех пор, пока они не спустились в селение Шамхаль-Берди». «Бедняк, который прежде не имел осла, приобрел несколько лошадей и оделся в суконную чуху, тот, кто прежде и палку в руках не держал, добыл хорошее оружие», — записывает Гаджи-Али⁵⁰.

Именно 1843—1845 гг. считал Шамиль временем свои наивысших достижений. Применительно к этому времени и можно говорить об образовавшемся особом теократическом государстве — имамате. Госу-

дарство Шамиля М. Н. Покровский рассматривал как наивысшую точку, «до которой поднималось когда-либо политическое творчество кавказских горцев»⁵¹.

На тридцать лет Дагестан превратился в «гигантский монастырь, полный вооруженных монахов, для которых не существовало иного закона, кроме приказа их настоятеля, имама». Весь горный Дагестан, вся горная Чечня и часть равнинной — 400 тыс. человек на пространстве в тысячу квадратных километров — признавали его власть. После разрушения Дарго столицей имамата стал аул Ведено. Шамиль называл столицу Дарго-Ведено. Жители некоторых пограничных с имаматом районов платили Шамилю дань — за то, чтобы он запретил набеги на них (тушинцы, например, платили по 3 руб. серебром с дома)⁵².

В новом государстве имаму Шамилю принадлежала верховная военная и гражданская власть. Он возглавлял верховный совет («диван-хана») из 32 «почтенных» членов (иногда говорят о шести постоянных членах)⁵³. Поначалу совет собирался каждый день, кроме пятницы, но постепенно его функции все больше становились декоративными. Кроме того, время от времени Шамиль созывал съезды должностных и именитых людей, чтобы обсудить важнейшие насущные проблемы. Эти съезды носили только законосовещательный характер. На местах власть принадлежала наибам (в годы наибольших успехов числилось 52 наибства), наделенных военной властью (кроме сложных наступательных предприятий), творивших суд и расправу (вынесенный наибом смертный приговор требовал, однако, утверждения Шамиля). Лишь в делах по шариату Шамиль приказывал оставлять решение муфтиям и подчиненным им кадиям (начальникам селения, облеченным духовным саном). Муфтии, в свою очередь, подчинялись главному кадию — первому, после имама, религиозному авторитету.

Устройство местного управления совпадало с военным делением: в ведении наибов и подчиненных им лиц находились пятисотенные, сотенные и десятские — командиры в военное и исполнители в мирное время. Управление отдаленными наибствами Шамилю облегчалось с помощью мудиров (своеобразных генерал-губернаторов), распорядившихся в малой Чечне, большой Чечне, отдельных районах Дагестана. С 1847 г., на каждые четыре наибства полагался мудир, но «между ими и подведомственными им наибами стали возникать непрерывно такие пререкания и столкновения, что Шамиль вынужден был отказаться от назначения мудиров, и в последнее десятилетие имамства их уже не было»⁵⁴.

Была у Шамиля и секретная служба. Мухтасибы вели тайное наблюдение за действиями административных лиц, а татели — за исполнением религиозных обязанностей населением; они же исполняли приговоры, предусматривавшие телесные наказания. Состоявшие при наибах палачи носили черную чалму. Шамиля при торжественных выходах также сопровождал палач с секирой: он публично и торжественно совершал показательные смертные приговоры (обычные казни особых церемоний не требовали — были под рукой сабля, кинжал или ружье).

Налоговая система основывалась отчасти на опыте Турции и России (при первых двух имамах не было даже попыток этого). При этом Шамиль учел особенности своей страны: ввиду тяжелого положения населения и ограничения торговли подати взимались всем, «чем жители пожелают»; в казну вносились штрафы, имущество эмигрантов, обязательная доля военной добычи. На помощь бедным, мечети и школам (многие велел учредить в селениях именно Шамиль) использовалась традиционная у мусульман статья дохода — «закат», особый налог в пользу нуждающихся.

Большинство чиновников получало жалование из казны. Наибы и мудир «кормились» (если использовать термин русской истории) на подвластной территории, получая доходы от штрафов и «добровольных приношений» произвольного размера. Мухтасибы же не получали никакого жалования, поскольку выбирались Шамилем из числа лично известных ему честных и истинно религиозных людей.

Весьма стройную систему воинской повинности определял специальный свод правил — военный низам. Регулярную армию Шамиля составляли дружины наибов: каждые десять дворов должны были выставить и содержать хорошо вооруженного и подготовленного всадника. Дружины состояли из 300—500 воинов, но могли достигать до 1000 человек — с ними, а также с десятком «личных» (т. н. «наибских»⁵⁵) мюридов наиб обязан был явиться к имаму по первому требованию; при этом каждый рядовой воин являлся со своим оружием: пистолет, ружье и шашка были обязательны для ополченца, конь — при достаточной зажиточности. Каждый дружинник становился десятником, возглавляя мужчин из тех десяти дворов, откуда выбрали его. По оценкам русских, такое войско могло насчитывать до 48 тыс. человек. Личная охрана Шамиля состояла из 120 чел., 12 десятников и сотника, а также его мюридов (не религиозные ученики, а особо приближенные воины)⁵⁶.

Был у Шамиля и отдельный батальон из беглых русских солдат. Их использовали для подсобных работ, однако знатоки артиллерии из их числа занимали в войсках заметное место (как, например, Урус-Хасан — беглый русский, принявший ислам). Переводчиком у Шамиля был русский по имени Андрей.

Как и во всякой армии, у Шамиля была особая система наград (серебряные ордена, надписи на шашках и знамена) и система наказаний: штраф и знаки позора для струсивших в бою (таким обшивали войлоком правый рукав или прикрепляли кусок материи к спине — до тех пор, пока в бою не будет доказано бесстрашие). Была и собственная Сибирь — холодное урочище Четль («аул без солнца») на высочайшей горе. Ссылкой туда заменялась смертная казнь тем преступникам, кто имел какие-либо прежние заслуги перед обществом или был лично известен Шамилю с хорошей стороны. Были аулы для ссылки помягче — в Тиндаль был отправлен Гаджи-Юсуф, строитель укреплений и создатель военного низама⁵⁷.

Один из первых историков Кавказской войны писал: «Как ни замечательна военно-политическая деятельность Шамиля, его административные способности заслуживают еще большего удивления»⁵⁸. Однако государственное устройство, выросшее из условий военной организации, требовало от всех постоянного напряжения и даже в относительно спокойные времена держало население в состоянии сжатой пружины.

Шел год за годом, а конца войне видно не было; накапливалась непреодолимая усталость. Все чаще порядок в имамате приходилось поддерживать силой. Шамиль приказывал отрубать преступникам головы и выставлять на всеобщее обозрение. Страх смертной казни, по мнению Шамиля, лежал в основе его могущества и безграничного влияния на горцев⁵⁹.

«Правду сказать, — признавался Шамиль Руновскому, — я употреблял против горцев жестокие меры: много людей убито по моему приказанию... Бил я и шатоевцев, и андийцев, и тадбутинцев, и ичкерийцев; но я бил их не за преданность русским — вы знаете, что они никогда ее не выказывали, а за их скверную натуру, склонную к грабительству и разбоям... И вы будете их бить все за ту же склонность, которую им очень трудно оставить. Потому я не стыжусь своих дел и не боюсь дать за них ответ Богу». Чем труднее становилось удерживать власть, тем больше верил Шамиль в то, что горцам «присущи пьянство, грабеж, убийство и разврат», что управляет он «народом скверным, разбойниками, которые только тогда сделают что-нибудь доброе, когда увидят, что над их головами висит шашка, уже срубившая несколько голов». «Если бы я поступал иначе, — рассуждал Шамиль, — я должен был бы дать ответ богу, и он меня бы наказал за то, что я не наказывал строго свой народ»⁶⁰.

Как ни хотел он создать государство всеобщего благоденствия, заменяя, где возможно, обычное право (адат) шариатом, само бюрократическое устройство управления, казенного жалования и распределения порождало новые формы неравенства. «Горцы оставались под бичом Шамиля поработченными, стесненными... с терпением перенося все трудности, — писал Гаджи-Али. — Шамиль и его наибы не переставали притеснять народ, напрасно убивать и грабить,... он не слушался советов благоразумных,... не переставал назначать наибами людей, известных своей испорченностью, и слушать клевету доносчиков, притеснителей»⁶¹.

Свою власть Шамиль воспринимал как тяжкое бремя; главным его желанием было установить в крае спокойствие и, передав власть тому, кого изберет народ, отправиться навсегда в Мекку⁶². Со временем на роль «народного избранника» стал явно намечаться средний сын имама Кази-Мухаммед. «Я сделался уже слаб и голова моя поседела, — рассуждал Шамиль, — потому хочу поручить все дела сыну; сам же буду приготовляться к смерти и молиться богу». Еще в 1839 г., боясь скорой смерти, Шамиль надумал объявить Кази-Мухаммеда наследником (при регенте); по достижении им совершеннолетия — сделал наибом, позже передал ему управление всем Дагестаном. Распространились слухи о том, что Шамиль передает имамство сыну, как родовое наследство, а значит, заботится только о себе, жаждет возвышения и богатства, но нисколько не думает о боге. Наступило время, когда народ стал называть Кази-Мухаммеда имамом, а наибы, в глаза и за глаза расхваливая его, только льстили и отцу и сыну.

Отцу Кази-Мухаммед уступал во многом. Окружающие боялись открыто осуждать его, но примечали все: и то, что он трусоват, скуп, имеет дурной характер; и то, что избалован, и, в отличие от отца, всегда довольствовавшегося хинкалом из кукурузы и калмыцким чаем, требует к столу плов и кофе. Между тем, строгий со всеми и даже с самим собой, Шамиль был весьма снисходителен по отношению к сыновьям.

В конце концов около 1857 г. Кази-Мухаммед возглавил оппозицию Шамилю. В нее вошли те, кто хотел пользоваться слабостью и неопытностью «наследника престола», те, кого Шамиль напрасно почитал за своих апостолов-помощников. Немало вреда принесло и самоуправство его наибов. Так, они разогнали и перебили отряд терских казаков, перешедших

к Шамилю вместе с семьями и священниками, несмотря на то, что Шамиль приказал выделить им землю и охранять при переселении на нее. Но «наиб изменил, а народ упрекал Шамиля». Другие, преследуя личные выгоды, перекочевывали из одного стана воюющих в другой, подобно увековеченным Львом Толстым Хаджи-Мурату и Даниял-султану. С сожалением повторял Шамиль вслед за арабским поэтом: «Я вижу тысячу человек, строящих здание, которое может разрушить один человек! Так что же сможет построить один человек, когда сзади по тысяче разрушителей?»⁶³.

Французский посол в Петербурге Б. Д. Ж. Кастельбажак еще поздравлял Николая I с победой русского флота над турецким при Синопе, а Наполеон III уже писал русскому императору письмо, суть которого передает восклицание английского посла в Турции С. Каннинга: «Слава богу — это война!» Союзники еще не решили окончательно — где будут открыты военные действия против России, и Кавказ рассматривался для этой цели не менее пристально, чем Крым. Английский генерал А. Макинтош незадолго до войны «путешествовал» по Кавказу, изучая возможный театр военных действий. Ударить именно на Кавказе предлагал лорду Пальмерстону бывший друг Александра I, один из вождей польского освободительного движения А. Чарторьский. Вступить в контакт с Шамилем требовал от подчиненных адмирал Д. У. Дандас, командовавший английским флотом в Черном море.

В том, что Шамиль послужит союзником в войне против России, поначалу никто не сомневался. Но постепенно англичане убеждались, что для них «храбрый и фанатичный священник» оказывается «самым неудобным из независимых вождей»⁶⁴. Походы его 1853—1854 гг. на соединение с турецкими войсками в конце концов превращались в разорительные набеги на Грузию. «Я выходил к вам навстречу с сильным войском, — писал Шамиль командиру турецкого экспедиционного корпуса в Грузии Омер-Паше, — но невозможно было наше соединение по причине сражения, бывшего между нами и грузинским князем. Мы отбили у них стада, имение, жен и детей, покорили их крепости, с большой добычей и торжеством возвратились домой, так радуйтесь и вы!»

Поход 15-тысячного войска превратился в набег небольших отрядов мюридов. Набегам подвергались оба берега реки Алазани в Кахетии, были разорены и сожжены 15 селений, в плен уведено около 300 человек (в том числе княгини Чавчавадзе и Орбелиани); общий ущерб составил 353 тысячи рублей⁶⁵. Англичанин Ч. Дункан, свидетель турецкой кампании на Кавказе, разочарованно отмечал непригодность воинства Шамиля к согласованным и целенаправленным боевым действиям. Мюриды, по его наблюдениям, покидают аулы и устремляются на равнину «только ради грабежа». После же достигнутой цели ни один предводитель не сможет, да и не захочет, и не рискнет остановить их поспешное отступление⁶⁶.

Поражение Шамиля осенью 1854 г. в Чечне (союзникам было сообщено, что поход ставил целью выйти через Военно-Грузинскую дорогу на соединение с черкесами и турками) положило конец активному выполнению имамом союзнических обязательств. Шамиль в письмах туркам просил, чтобы они «не думали, что мы ничего не делаем, — мы тоже действуем», уверял, что усердно молится о соединении с союзниками, но в остальном нужно отдаться воле Аллаха, ибо «для всякого дела у аллаха есть определенное время». Когда же Омер-паша прислал главе горского государства турецкие генеральские эполеты, Шамиль был оскорблен таким явным указанием на подчинение султану, припомнил, что сам султан лишь однажды, осенью 1853 г., лично обратился к нему с письмом, — и поклялся больше не иметь с турками ничего общего⁶⁷.

Шамиль не смог решительно повлиять на течение Крымской войны — даже в пределах Кавказского театра военных действий. И все же в Европе, особенно во Франции, мода на Шамиля и кавказскую экзотику все сильнее подхлестывалась публицистикой. Помимо книг и статей о «пророке-правителе», «льве Дагестана» появились и стихи, и пьесы, и многочисленные изображения Шамиля, может быть, и не имевшие никакого сходства ни с Шамилем, ни с горцем вообще, но приносявшие доход.

В фантазии прозаиков Шамиль — «плотный мужчина» то с черными глазами и черной бородой, то с длинной русой бородой и серыми продолговатыми глазами. Эти фантазии стоит сопоставить с устным портретом, сделанным по рассказам очевидцев: «Рост высокий, лицо кроткое, спокойное, важное, чаще имеющее меланхолический вид. Черты лица его доказывают, что обладатель их отличается могучей энергией. Цвет лица бледный, резко обозначающий брови и почти черные глаза, которые он, по азиатскому обычаю (наподобие отдыхающего льва) держит полузакрытыми; у него рыжая лоснящаяся борода, красные губы и правильные мелкие зубы, белые и острые, как у шакала; руки его, о которых, по-видимому, он очень заботится — небольшие и белые; походка медленная, степенная. С первого взгляда можно угадать в нем человека большого внутреннего достоинства, человека, рожденного повелевать. Будничный костюм Шамиля состоит из черескрасно зеленого или белого лезгинского сукна. На голове он носит папаху из белой как снег овчины. Папаха обвита тюрбаном из белой кисеи, конец которой висит сзади. Верхняя половина папахи покрыта красным сукном с черной верхушкой. На ногах нечто типа штиблет из красного или желтого сафьяна. В холодную погоду, помимо этого костюма, он надевает суконное пальто малинового цвета, подбитое черными смушками. Торжественно отправляясь в мечеть по пятницам, он облачается в длинное белое или зеленое платье — остальная часть его костюма ничем не примечательна». Это описание — компиляция А. Дюма, путешествовавшего по Кавказу на рубеже 1858—1859 годов. В том же году в Париже увидела свет его книга «Кавказ», в которой писатель предлагал оригинальную периодизацию истории Кавказа, разделив ее на периоды от Прометея до Христа, от Христа до Мухаммеда и от Мухаммеда до Шамиля⁶⁸. Книга Дюма как бы подводила итог романтически-политическому всплеску интереса Запада к Шамилю и Кавказу. В 1854—1856 гг. вышло по меньшей мере 28 книг на эту тему, затем интерес резко упал.

В 1857 г., когда Шамиль обратился к недавним союзникам «с ходатайством, чтобы во имя человечности они положили конец» неравной борьбе, которую Россия и ее горские союзники ведут с обессиленным имамом⁶⁹, никакой реакции не последовало.

Весной 1855 г. был обменян на грузинских княгинь и вернулся к Шамилю его старший сын. К тому времени Джемалэтдин прожил в России 15 лет, получил военное образование, стал поручиком Уланского полка и уже готовился жениться на внучке президента Академии Наук Елизавете Олениной (царь обещал быть на свадьбе посаженным отцом). Отец круто переменял его судьбу: женил на дочери чеченского наиба Талгика и поселил в ауле Карата. Шамиль с горечью выслушивал умные, но критические высказывания сына о войсках, артиллерии, военном обучении горцев. А после восторженных рассказов Джемалэтдина о Петербурге, царе, его огромном войске и несметной казне, после просьб о примирении с Россией отец и братья стали чуждаться его. 25-летнего молодого человека стала подкашивать чахотка — болезнь, в горах неизвестная. Шамиль делал все, что мог, для спасения сына и даже втайне от своих подданных послал гонцов в русскую крепость — за лучшим на Кавказе врачом С. И. Пиотровским (оставив трех лучших мюридов заложниками). Но и Пиотровский ничего не мог поделать. 28 июня 1858 г. Шамиль второй раз — и навсегда — потерял Джемалэтдина.

А между тем на Кавказе была сосредоточена 220-тысячная русская армия. Ее генералы, имея опыт войны в горах, научились использовать свой численный перевес. Новые, более меткие и дальнобойные ружья (урок Крымской войны!) давали русским очевидное превосходство. Новый наместник Кавказа князь А. И. Барятинский, воевавший здесь с 1835 г., знал, что нужно прекратить карательные экспедиции, воевать не столько штыком, сколько топором: создавать просеки для маневрирования войсками, защищать их новыми крепостями. Главное же, Барятинский повел весьма дружелюбную политику по отношению к мирным горцам, подкрепляя ее щедростью. Как заметила Л. Бланч, «Шамиля всегда сопровождал палач,

а Барятинского — казначей, который тут же награждал отличившихся главарей и предводителей золотом и драгоценными камнями»⁷⁰. Барятинскому удалось подчинить всю равнинную Чечню и восток Дагестана.

Шамиль успокаивал соратников: «Не пугайтесь русских. Когда я вышел из Ахульго, со мной было лишь семь человек, а теперь я вот каким сделался с вашей помощью. Не думайте, что я оставлю вас без всякой помощи и уйду в горы, нет, я умру здесь, на земле нашей. Вы такие смелые и храбрые!»⁷¹. Имам, его сын Кази-Мухаммед, его наибы, ученые, сотенные начальники дали клятву сражаться с русскими до конца (однако вскоре многие нарушили ее).

К 1859 г. кольцо русских гарнизонов вокруг Ведено, горной резиденции Шамиля, замкнулось. 1 апреля после упорной обороны сын Шамиля Кази-Мухаммед оставил аул войскам генерала Евдокимова (бывшего когда-то участником переговоров Шамиля и Клюгенау).

В селении Эрсеной имам обратился к чеченцам с пламенной речью: «Во всем Дагестане храбрее вас нет, чеченцы! Вы светочи религии, опора мусульман, вы были причиной восстановления ислама после его упадка. Вы много пролили русской крови, забрали их имения, пленили знатных их. Сколько раз вы заставляли их сердца трепетать от страха... Я не уйду отсюда в горы, пока не останется ни одного дерева в Чечне». Но чеченцы «не видя никакой пользы от его речи, оставили его и разбрелись по домам»⁷². Это означало, что власть Шамиля больше не распространяется на Чечню. От обширного имамата остались лишь несколько районов нагорного Дагестана. Барятинский и начальник штаба Кавказской армии Д. А. Милютин основательно подготовили мощную наступательную операцию. Одновременно в станице Червленной уже была заготовлена карета для Шамиля — везти его в Петербург. 15 июля 1859 г. с трех сторон двинулись русские войска, поддержанные их дагестанскими союзниками. Наибы, на которых больше всего понадеялся Шамиль, незадолго до того поклявшиеся ему в верности до конца, стали переходить на сторону Барятинского.

2 августа сдал без боя свои укрепления Даниял-султан, а 7-го сдался сам — и получил прощение. 8 августа наиб Кибит-Магома в крепости Карата, на стойкость которой так надеялся Шамиль, привел жителей к присяге русским и в знак покорности сжег свой дворец. Через несколько дней он уже руководил штурмом аула Телетль. Мирза Шамиля, Эмир-хан Чиркеевский, явился к Барятинскому с печатью имама. Узнав об этом, Шамиль вспомнил арабские стихи: «У меня были братья... я считал их меткими стрелами. Да! Они таковы, но только теперь — в моем сердце».

Совершив свой последний переход, Шамиль с остатками его верных наибов достиг аула Гуниб. Интересно описание обоза Шамиля: на шести лошадях везли деньги, на шести — оружие, книги — на семнадцати; на одной лошади — драгоценности и на сорока — «вещи и платья жен, сукно и прочее»⁷³. Горцы из аулов, мимо которых шел уже небольшой отряд Шамиля, ночью разграбили обоз. В Гуниб Шамиль прибыл имея только то оружие, которое было у него в руках, и лошадь, на которой он сидел.

Гуниб, скала с вершиной в форме чаши, — природная крепость — был укреплен по всем правилам военного искусства. Даже женщины взяли оружие; жены и невестки Шамиля таскали камни. Но огромную горную крепость отряд в 400 человек удержать не мог. А каждая тропинка вокруг уже была блокирована войсками Барятинского.

18 августа 1859 г. Шамиль получил предложение Барятинского сдаться на очень льготных условиях — Шамилю разрешался выход в Мекку на поселение вместе со всеми, кто пожелает. Шамиль не верил в искренность этих обещаний и затягивал переговоры, как мог. В конце концов Барятинский приказал штурмовать Гуниб рано утром 25 августа. Положение имама стало безвыходным — вокруг него собрались последние 40 мюридов. Внезапно огонь русских прекратился и последовало еще одно предложение о сдаче.

24 года 11 месяцев и 7 дней сражался Шамиль за свои убеждения и идеалы. Но теперь, когда даже сыновья Кази-Мухаммед и Мухаммед-

Шафи сказали, что прекратят борьбу и покинут отца, а соратники уговаривали не подвергать гибели женщин и детей, — он решил сдаться. Шамиль был настолько убежден в вероломстве русских, что в любой миг ждал подвоха и собирался дорого продать свою жизнь. Но русские встретили его выход из укрепления приветственным «Ура!»

В роще, в полутора верстах от Гуниба, встретил Шамиля Барятинский. На его первое предложение сдаться имам ответил: «У меня есть еще в руке шашка — приди и возьми ее!» и теперь, идя на свидание с «сардаром» боялся услышать: «А что, донгуз (свинья), где твоя шашка, которую ты предлагал мне взять самому?»⁷⁴ Шамиль предполагал в таком случае тотчас заколоть себя. Но с первых же часов плена к нему относились с почестями, подобающими главе побежденного государства. В пути по Дагестану никто не препятствовал народу прощаться с имамом: очевидцы запомнили тысячи горцев, выходивших ему навстречу, рыдающих женщин, мужчин, целовавших края одежды Шамиля. 5 сентября начался путь Шамиля и его сына Кази-Мухаммеда по России. В городах их встречали празднично — спектаклями, музыкой, фейерверками, но Шамиль время от времени сверялся с компасом: не в Сибирь ли его везут? Сомнения рассеялись лишь 15 сентября, под Харьковом, в городе Чугуеве. Здесь имам (при оружии!) предстал перед Александром II, проводившим традиционный военный смотр. «Я очень рад, — сказал император, — что ты наконец в России, жалею, что это случилось не ранее! Ты раскаиваться не будешь. Я тебя устрою и мы будем друзьями!»⁷⁵

Путь Шамиля по России продолжался. В Курске местное общество поражалось тому, что «мюриды, кавказские палачи» плакали на спектакле в Итальянской опере; в Туле Шамиль удивленно осматривал действие пара и машин на огромном оружейном заводе. В Москве состоялась встреча двух легендарных правителей Кавказа: Шамиля и генерала А. П. Ермолова. Через месяц после капитуляции имам прибыл в Петербург, и даже там общество было поражено его «общительностью, утонченной светскостью в обращении, необыкновенным тактом... любезностью».

С 10 октября Шамиль уже находился в Калуге — городе, назначенном для его почетной ссылки. Здесь был специально для него отделан один из лучших домов с закрытым садом для прогулок и небольшой мечетью во дворе. Сюда из Дагестана перебралось все семейство Шамиля (2 жены, дети, зятья, внуки; всего с прислугой — 22 человека). На содержание этого «Кавказа в Калуге» царь ежегодно отпускал по 20 тыс. рублей. Кроме того, пенсия Шамиля составляла ежегодно 10—15 тыс. рублей. Эти цифры на порядок выше, чем годовые доходы от набегов горцев 1850 или 1851 г. на пограничные с имаматом районы.

Но и золотая клетка остается клеткой. Шамиль никогда не забывал о Мекке. Туда он мечтал удалиться в случае удачи или неудачи в борьбе за истинную веру, туда, как понял он их переговоров с полковником И. Д. Лазаревым в Гунибе, обещал отпустить его Барятинский. То, что вместо Мекки имам попал в Калугу, долго рассматривалось им как проявление известного вероломства русских. Весь свой такт употребил Шамиль для того, чтобы добиться разрешения отправиться к святым местам. Первую попытку он предпринял после того, как третий сын Шамиля, Мухаммед-Шафи вступил в русскую службу — в Собственный Его Императорского Величества конвой. 27 июля 1861 г. в Царском Селе Шамиль просил дозволения императора ехать в Мекку. Александр ответил уклончиво — мол, не сейчас, и Шамиль расстроился оттого, что поторопился в своей главной просьбе.

Несколько лет дальнейшим его попыткам всемерно мешал невзлюбивший Шамиля полковник О. А. Пржеславский, приставленный к Шамилю в 1863—1865 гг. («при произнесении фамилии Пржеславского у меня темнеет в глазах и кровь приливает к голове, и я не отвечаю, что я в состоянии сделать с ним или с собой», — жаловался калужскому губернатору Шамиль). Все силы пленника ушли на то, чтобы сместить своего охранника, — и пленник победил! Пржеславского сменил в этой роли новый воинский

начальник Калужской губернии генерал М. Н. Чичагов. Шамиль подружился с ним, но ясно понимал свое положение и, например, на просьбу Чичагова дать совет, как приступить к обезоружению горцев, ответил: «Я не могу этого сделать; я посоветую хорошо, а исполнение будет плохое, скажут — Шамиль виноват». Но Шамиль поспешил узнать: «Чем и как лучше всего доказать, как я обожаю своего Государя?» И внял совету генерала: присягнуть со всем семейством на верноподданство. Присяга состоялась 26 августа 1866 г. в зале Калужского дворянского собрания. После нее Шамиль осторожно попросил военного министра Милютина перевести его в город с более благоприятным климатом. Поначалу просьбу отклонили, но в 1869 г., используя дружбу с Бярятинским, Шамиль смог переселиться в Киев. К тому времени им уже была произнесена знаменитая речь (на свадьбе будущего Александра III): «Старый Шамиль на склоне лет жалеет о том, что он не может родиться еще раз, дабы посвятить свою жизнь на служение белому царю, благодеяниями которого он теперь пользуется»⁷⁶.

Не прошло и полгода жизни Шамяля в Киеве, как последовало и столь долгожданное разрешение на поездку в Мекку (семью Казы-Мухаммеда «на всякий случай» придержали в России).

Весной 1870 г. мусульманский мир встречал имама с восторгом и почестями. В Стамбуле Шамиль провел 6 месяцев. Авторитет имама еще более возрос, когда благодаря его вмешательству напряжение, создавшееся между турецким султаном и Исмаил-пашой и грозившее военным конфликтом, разрешилось свадьбой дочери султана и сына Исмаила.

И вот, наконец, шериф Мекки возводит Шамяля на кафедру мекканской мечети, «чтобы видели его и знатные и простой народ». После Мекки он посетил Медину. Завидев вдаль «купол миров» — своды мечети в Медине, имам заплакал. В молельне, где, по преданию, молился Мухаммед, Шамиль просил Аллаха: «О владыко, о, мой господин! Если мое намерение, мои страдания, усилие и мое сражение за веру перед тобою чисты и находят одобрение у твоего посланца, то не удаляй меня от соседства с твоим пророком, дай мне умереть в храме твоего любимца»⁷⁷. Царь отпустил имама с условием, что он вернется. Но великому князю Михаилу и фельд-маршалу Бярятинскому летят письма: Шамиль очень болен, лежит в постели и скоро, видимо, покинет этот свет. Стало ясно, что дни свои имам кончит в священном городе: он и болезнь принял как божий дар, как разрешение умереть там, где просил.

В ночь заклания 1287 года хиджры, которую европейцы именуют 4 февраля 1871 г., Шамиль «переселился к чистоте его милосердия». Рассказывают, что тело его принесли к могиле пророка Мухаммеда и оставили над ней для молитвы. Похоронен Шамиль в Медине, на кладбище Джаанаталь-Бакир, в одном из самых почитаемых и посещаемых паломниками мест.

Примечания

1. В литературе последних 5 лет, включая изданную в самом Дагестане, год рождения Шамяля указывают по-разному (встречается 1789, 1795, 1796, 1798, 1799 и даже 1801). Между тем дата рождения Шамяля точно известна (см. Дневник полковника Руновского, состоявшего приставом при Шамяле во время пребывания его в Калуге с 1859 по 1862 г., в кн.: Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). Т. 12. Ч. 3. Тифлис. 1904, с. 1445; КАЗЕМ-БЕК МИРЗА А. К. Муридизм и Шамиль. — Русское слово, 1859, № 12, с. 210). Руновский записал 9 июля 1860 г.: «Сегодня Шамиль объявил мне, что с этого числа у них начинается новый год, что в этот же день родился он сам и что сегодня ему исполняется 65 лет», и этим ввел в заблуждение тех историков, которые поспешили отнять 65 от 1860. Разъяснение дал Мирза Казем-Бек: поскольку мусульманский год «короче» христианского (за 32 года набегае разница примерно в один год), Шамиль «считает себе 65-й год, хотя по астрономическому исчислению ему 63-й год» и родился он в 1212 году хиджры. Остается осуществить перевод даты по изданию: Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летосчисление. Л. 1940, с. 247.

2. ГАДЖИЕВА С. Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX — начале XX в. М. 1985, с. 281.
3. КАЗЕМ-БЕК М. Муридизм и Шамиль. — Русское слово, 1859, № 12, с. 211.
4. МАГОМЕДОВ Р. Юность Шамиля. Махачкала. 1941, с. 8—9.
5. РАМАЗАНОВ Х. Х., РАМАЗАНОВ А. Х. Шамиль. Махачкала. 1990, с. 46.
6. ГАДЖИ-АЛИ. Сказание очевидца о Шамиле. Махачкала. 1990, с. 15.
7. АКАК. Т. 12. Ч. 3, с. 1425.
8. Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). Вып. 2. Тифлис. 1869, с. 2. Тарикат (от арабского «*тарик*» — дорога, путь, в этом слове слышно дальнейшее родство с греческим «*история*») — особый свод морально-этических положений и психологических приемов, позволяющий «подняться до духовного и внутреннего поклонения богу»; метод мистического познания истины.
9. ССКГ. Вып. 2, с. 9.
10. САДЫКИ ГАЛИБ. Шейх Мухаммед Ярагский (Яраги). — Тарих, 1991, № 1, с. 4.
11. ПОТТО В. А. Кавказская война. Т. 5. Ставрополь. 1994, с. 24.
12. ПОТТО В. А. Ук. соч. Т. 5, с. 27.
13. КАЗЕМ-БЕК М. О значении имама. — Русское слово, 1860. № 3, с. 278, 301.
14. ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 15.
15. ПОТТО В. А. Ук. соч. Т. 5, с. 42—43.
16. АКАК. Т. 12, ч. 3, с. 1496.
17. ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ М. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Ч. 1. Махачкала. 1990, с. 20—21.
18. Всего у Шамиля было восемь жен: гимринка Хория, с которой он прожил только три дня; Патимат, дочь Абдул-Азиза; гимринка Джавгарат, погибшая при взятии Ахульго в 1839 г.; Зайдат, дочь учителя Шамиля Джемалэтдина; армянка Шуанет, сменившая христианство на ислам из любви к мужу; еще одна Патимат, взятая в жены специально для того, чтобы вести хозяйство; кистинка Аминат — с ней Шамиль развелся из политических соображений, и, наконец, чеченка Зайнаб — с ней Шамиль прожил всего три часа (ЧИЧАГОВА М. Н. Шамиль на Кавказе и в России. М. 1990, с. 146—147).
19. Материалы по истории Дагестана и Чечни Первая половина XIX века. Махачкала. 1940, с. 211.
20. ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ М. Ук. соч., с. 31.
21. ЧИЧАГОВА М. Н. Ук. соч. с. 32.
22. ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ М. Ук. соч., с. 43.
23. ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 14.
24. Цит. по: ГАДЖИЕВ В. Г. Хайдарбек Геничутлинский и его историко-биографические и исторические очерки. (Введение). В кн.: ХАЙДАРБЕК ГЕНИЧУТЛИНСКИЙ. Историко-биографические и исторические очерки. Махачкала. 1992, с. 20. Видимо, по недоразумению Гаджиев называет автора воспоминаний Я. И. Костенецкого декабристом.
25. КАЗЕМ-БЕК М. Муридизм и Шамиль, с. 214.
26. ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 16.
27. Кодекс Шамиля. Махачкала. 1992, с. 35.
28. АКАК. Т. 12, ч. 3, с. 1500.
29. ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ М. Ук. соч., с. 53.
30. ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 18.
31. ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ М. Ук. соч., с. 129.
32. ДРОЗДОВ И. Начало деятельности Шамиля. В кн.: Кавказский сборник. Т. 20. Тифлис. 1899, с. 273, 286—287.
33. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Первая половина XIX века. Махачкала. 1940, с. 371.
34. ХАЙДАРБЕК ГЕНИЧУТЛИНСКИЙ. Ук. соч. с. 78.
35. ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 21—22.
36. Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки, ф. 169.8, № 8, л. 27 (Дневник Д. А. Милютина).
37. Материалы по истории Дагестана и Чечни, с. 429
38. АКАК. Т. 9. Тифлис. 1884, с. 326.
39. Отряд генерала Граббе составлял около 8 тыс. человек с артиллерией; у Шамиля было до 16 тыс. человек (BAUMANN R. F. Russian-Soviet Unconventional Wars in the Caucasus, Central Asia, and Afghanistan. (Leavenworth Papers. № 20.) Fort Leavenworth, Kansas. 1993, p. 12.
40. ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ М. Ук. соч., с. 70.

41. Там же, с. 74, 83.
42. Там же, с. 77.
43. ВАЧАГАЕВ М. М. Чечня в годы Кавказской войны (1816—1859). Автореф. канд. дисс. М. 1995, с. 18
44. ХАЙДАРБЕК ГЕНИЧУТЛИНСКИЙ. Ук. соч., с. 84.
45. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа, с. 255.
46. АКАК. Т. 9, с. 346.
47. ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 28.
48. ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ М. Ук. соч. Ч. 2, с. 25.
49. GAMMER M. «The Conqueror of Napoleon» in the Caucasus. — *Central Asian Survey*, 1993, № 12 (3), p. 254.
50. ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ М. Ук. соч. Ч. 2, с. 28—29; ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 37.
51. ПОКРОВСКИЙ М. Н. Дипломатия и война. М. 1924, с. 212.
52. См.: БЛИЕВ М. М. ДЕГОЕВ В. В. Кавказская война. М. 1994, с. 409; Кодекс Шамиля. Махачкала. 1992, с. 40.
53. БЛИЕВ М. М. Ук. соч., с. 387.
54. Низам Шамиля. В кн.: ССКГ. Вып. 3. Тифлис. 1870, с. 5.
55. Шамиль отмечал, что были «мюриды по тарикату», то есть религиозные ученики, и «наибские мюриды», или «исполнители» (АКАК. Т. 12, с. 1473—1474). В русской литературе писали прежде всего о мюридах-«исполнителях».
56. Много пишут об особом корпусе «муртазек» — шести сотнях молодых и холостых «опричников», якобы составлявших «гвардию» Шамиля (БЛИЕВ М. М. Ук. соч., с. 386). По словам имама, это недоразумение — муртазеки несли особую, кордонную или караульную службу, связанную с отлучками из селения, и именно поэтому они были на содержании обществ и за них обрабатывали их земельные участки (Кодекс Шамиля, с. 39—40).
57. АКАК. Т. 12, с. 1439, 1456.
58. РОМАНОВСКИЙ Д. И. Кавказ и Кавказская война. СПб. 1860, с. 339.
59. АКАК. Т. 12, с. 1446.
60. Кодекс Шамиля, с. 51; АКАК. Т. 12, с. 1523.
61. ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 60.
62. АКАК. Т. 12, с. 1500.
63. ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 74—78, 47, 39—40.
64. ДЕГОЕВ В. В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-х—60-х годов XIX в. Владикавказ. 1992, с. 99.
65. ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 51—52; Шамиль — ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. М. 1953, с. 406—407, 416.
66. DUNCAN SN. A Campaign with the Turks in Asia. Lnd. 1855. Vol. 16, p. 216—217.
67. Шамиль — ставленник..., с. 426, 430; БЛИЕВ М. М. Ук. соч., с. 537.
68. Цит. по: ДОНОГОНО-КОРКМАСОВ М. Портреты Шамиля в Европе. Махачкала. 1990, с. 18—19, 20; БУЯНОВ М. И. Дюма в Дагестане. М. 1992, с. 128—129; ДЮМА А. Кавказ. Краснодар. 1992.
69. BARRETT T. The Remaking of the Lion of Dagestan. — *The Russian Review*, Vol. 53, July 1994, p. 359; Движение горцев, с. 665.
70. БЛАНЧ Л. Сабли рая. Махачкала. 1991, с. 82.
71. ГАДЖИ-АЛИ. Ук. соч., с. 56.
72. Там же, с. 58—59.
73. Там же, с. 62—63.
74. РУНОВСКИЙ А. Н. Записки о Шамиле. Махачкала. 1989, с. 139—140.
75. ЧИЧАГОВА М. Н. Ук. соч., с. 112.
76. ЗАХАРЬИН И. Н. Кавказ и его герои. СПб. 1902. Кн. 2, с. 459.
77. ТАХИР АЛЬ-КАРАХИ М. Ук. соч. Ч. 2, с. 78, 121.

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Заседание 22 июня 1944 года¹

Щербakov (председательствующий). Слово имеет т. Базилевич.

Базилевич. Мне кажется, что в предшествующих выступлениях ясно наметились три проблемы, которые в настоящее время стоят в центре внимания нашего исторического коллектива, — это проблема колониальной политики царского правительства, проблема внешней политики царского правительства на различных этапах и веках ее развития и проблема национального развития, главным образом, национального развития русского народа. Так как по первым двум проблемам было высказано много суждений, я позволю себе остановиться на третьей проблеме — на вопросах, связанных с национальным развитием русского народа. Эта проблема не нашла еще достаточного отражения в наших выступлениях. Проблема национального развития в целом распадается на три группы вопросов. Первая группа вопросов касается происхождения тех восточнославянских племен, которые стали этнической основой в развитии русского (великорусского) народа. Вторая группа вопросов касается возникновения русской (великорусской) народности. Третья группа вопросов касается превращения русской народности в русскую нацию.

По первой группе вопросов, мне кажется, идет достаточно плодотворная работа, и тот метод, который найден в этой работе, заслуживает полного признания. В результате больших археологических обследований и раскопок начиная с 1933 г. удастся восстановить основной процесс сложения славянской материальной культуры в отличие от смежных культур неславянских народностей. Этот путь, а также путь лингвистических исследований, приводит к выводу о возникновении славянской культуры. Совершенно правильно поставлена также третья проблема — об образовании русской нации, хотя сама проблема в конкретном ее выражении недостаточно изучена. Некоторые трудности возникали по второй группе вопросов, относящихся к той стадии этнического развития, которая занимает промежуточное положение между племенами и нацией. По этой группе вопросов меньше всего сделано. Мне кажется, будет вполне правильным считать, что племена путем экономического общения, а также исторической и экономической общности жизни складываются в народности, которые предшествуют образованию наций.

Ясные указания относительно национального развития были сделаны т. Сталиным на X съезде партии в 1921 г. в докладе «Очередные задачи

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, №№ 2—4.

партии в национальном вопросе»: «И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, еще не сложившихся в нацию, но уже объединенных в общее государство»². Таким образом, как указал т. Сталин, «народность» предшествует «нации». Но что отличает народность от нации, какие элементы, определяющие сложение нации (общность языка, территории, экономической жизни и психологического склада), отсутствуют или недостаточно развиты у народности, — по этому вопросу сделано еще мало. Между тем с этим вопросом связаны другие вопросы, не только научные, но и политические. Например, в какой мере мы русское государство эпохи Ивана III, Ивана IV, то есть конца XV и XVI в., можем называть «национальным» русским государством? Не приходится скрывать, что на лекциях, на публичных докладах мы часто получаем записки, указывающие на то, что как будто нельзя это государство называть «национальным» государством, ибо тогда еще не было русской нации. Я думаю, что эти возражения неправильны. Обычно при этом указывают, что характеристика русского государства XV и XVI в. как национального будто бы противоречит указанию т. Сталина, что на востоке Европы, в отличие от западной, «нации не развивались здесь и не могли развиваться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных. Таковы Австрия, Венгрия, Россия». (Из тезисов на X съезде партии)³.

Товарищи, которые отрицают на востоке Европы существование русского национального государства, не обращают внимания на другую часть данного указания, так как речь в нем идет о многонациональном буржуазном государстве, между тем, конечно, никто русское государство конца XV и XVI ст. не назовет буржуазным. Поэтому мне кажется неправильным, что в наших программах и учебниках после раздела, посвященного образованию русского национального государства, следует глава о превращении русского национального государства в многонациональное государство при Иване IV. Многонациональным государством при Иване IV русское государство быть не могло, оно вобрало некоторое количество народностей, однако удельный вес этих народностей в XVI и XVII ст. до присоединения Закавказья и Средней Азии был еще невелик. Я думаю, что и русское государство XVII в. нельзя назвать многонациональным, это — русское национальное государство в смысле государства русской народности, еще не сложившейся в русскую нацию. При этом термин «национальный» производится от слова «народность». Что это справедливо, мне кажется, указывают слова т. Сталина в известной беседе с Эмилем Людвигом, который назвал государство Петра I национальным государством⁴. Так что эпоха превращения русского национального государства в многонациональное должна быть отнесена к концу XVIII и началу XIX века. Вот та проблема; которая стоит перед историками русского национального развития и которая распадается на три главных части.

Теперь я коснусь нескольких общих вопросов. Наша задача состоит в том, чтобы в наших выступлениях дать верное отображение положения в области исторической науки, не преувеличивая своих заслуг, но и не перегибая палку в другую сторону. Между тем я считаю, что в выступлениях некоторых товарищей палка была сильно перегнута в отрицательную сторону. Создается впечатление, что историки за 5—6 лет ничего не сделали. Задают вопрос, с чем мы выйдем на арену международной научной жизни, у нас нет научных достижений, а что сделали, то плохо. Это неверно. Сделано недостаточно, и есть очень много крупных недостатков, но сделано, безусловно, много. Стоит только сравнить положение с преподаванием исторических курсов лет 6—7 тому назад и нынче, состояние этого дела в наших вузах и курсах.

Нас обыкновенно упрекают, что нет монографий, но мне кажется, что судить об исследовательской работе нужно не по печатной литературе, а по

фактически исполненной работе. Достаточно сказать, что в архиве Института истории Академии наук лежит не напечатанных 700 печатных листов, составляющих 40 исследовательских работ. Пусть они будут не все одинаковой ценности, может быть, даже некоторые устарели, но все же значительный процент этих работ заслуживает внимания и издания. Мы затруднены полиграфической базой, в особенности в условиях войны, но, к сожалению, и тем небольшим полиграфическим фондом, которым мы располагаем, мы пользуемся чрезвычайно неумело. Мы не можем напечатать не только крупную работу, но и выводы из исследований. Между тем две специальных работы, рассчитанные на очень узкий круг читателей, появляются в большом тираже. Я не буду касаться недостатков и достоинств работы А. И. Яковлева, едва ли целесообразно эту работу размером в 50 печатных листов издавать в 4 тыс. экземпляров. Это — небрежное расходование бумаги. Не лучше ли было бы выпустить ее в 400—500 экземплярах и издать еще несколько книг, в которых мы так нуждаемся. Исследовательская работа, несомненно, ведется, но ведется ни в таких темпах, в каких следовало бы ее вести, и в этой работе мы достигли не тех результатов, которых хотелось бы достигнуть.

Главным нашим методологическим недостатком, в котором чувствуется отдаленное влияние все той же «школы Покровского», является узкий схематизм, вульгаризация, отсутствие правильного усвоения положений диалектического и исторического материализма. Часто товарищи вместо того, чтобы то или иное верное положение превратить в исследование во всем многообразии проявлений исторической действительности, превращают это верное положение в схему, напичкывая его известным количеством отобранных фактов. Отсюда броски из одной стороны в другую, чрезвычайно резкие переломы у отдельных товарищей в трактовке тех или других событий, и ненужные переломы, не отвечающие существу дела. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров.

В последнее время нами был заново пересмотрен вопрос об Иване Грозном. Только в советской литературе Иван Грозный получил правильное освещение: это крупный государственный деятель, ему принадлежит большая заслуга в борьбе за государственное единство, за разрешение тех исторических задач, которые стояли перед русским народом. Но во что превращен Иван Грозный? Он совершенно лишен исторических перспектив. Если бы товарища, который собрал только одни положительные качества Ивана Грозного, попросить написать другой исторический образ, например, Петра Великого, то он, вероятно, написал бы примерно то же, что написал об Иване Грозном. Это — искажение исторической перспективы. И особенно старается здесь популярная и художественно-историческая литература, которая часто не считается с выводами исторической науки. Возьмем пример крестьянских восстаний. Мы имеем ясные, точные указания в работах классиков марксизма о характере, роли и значении крестьянских восстаний, но значит ли это, что все крестьянские восстания нужно равнять под одну гребенку, что восстание в начале XVII в. под руководством Болотникова, движение Разина в конце этого столетия, Пугачева в XVIII в. не имеют никаких различий между собой ни по характеру, ни по результатам? А у нас стирают всякое своеобразие исторической действительности. Можно привести еще примеры, но я ограничусь одним.

Большой заслугой нашей историографии за последнее время является то, что она поставила русскую историческую науку на должное место среди европейских наук. Мы правильно считаем, что наша историческая наука развивалась в основном самостоятельно, но это правильное положение превращают в неправильное положение, когда хотят изолировать русскую историческую науку от общего движения мировой исторической мысли и почему-то считают оскорбительным говорить о влиянии того или иного иностранного ученого на того или иного русского ученого. Я приведу пример из истории XVIII века. Миллер и Шлёцер — да, они были немцы, но они были крупными историками. Кто же будет отрицать, что в исторической науке они занимали одно из первых мест? Шлёцеру принадлежит

блестящая критика источников. Значит ли это, что мы оскорбим наше национальное чувство или будем несправедливы, если скажем, что Шлёцер оказал влияние на русскую историческую науку? По-нашему, совершенно не значит. По-моему, является положительным, что русская историческая наука развивалась в тесной связи с передовой западной мыслью. Ведь мы же не умоляем значение Гёте в литературе; смешно было бы говорить, что Лейбниц ничего не сделал в математике.

Теперь я позволю коснуться еще одного вопроса — о состоянии наших исторических знаний в широких массах нашего населения. Можно сказать, что в этой области сделано чрезвычайно много. Лекция на историческую тему, которая бы удовлетворила широкую аудиторию лет шесть-семь тому назад, теперь не удовлетворит. Аудитория требует более глубокого знания. Но наряду с этим положительным явлением все же значительная часть нашей интеллигенции не знает историю и, к сожалению, не знают даже квалифицированные люди. Это та часть, которая училась в средней школе между 1919—1932 г., когда не было еще постановления партии и правительства о преподавании гражданской истории, то есть проходили по схеме Покровского. Недавно происходили вступительные экзамены в Высшую дипломатическую школу. Явились люди, закончившие высшие учебные заведения. Но ответы некоторых товарищей поистине поразительны. На вопрос, кто такой Папа Римский, последовал ответ: отец римского императора. На вопрос, когда жила Екатерина, последовал ответ: в XIII столетии. Значит, до монголо-татарского нашествия? Вероятно, да. Кто такой был Карл Маркс? Последовал ответ: диалектик. Подробнее — француз. Когда он жил? В XVII столетии. На вопрос, что такое утопический социализм, последовал ответ: это буржуазное направление, представители которого хотели утопить социализм. Кто такой Наполеон? Французский царь. А что было после Наполеона? Пришли ремесленники к власти. Как, ремесленники? Ну да, бурбоны. Таких примеров можно привести много. Они являются некоторым отражением подготовки в историческом вопросе нашего студенчества технических вузов, которые прошли историю сравнительно давно. Упрек заслуживает и современное преподавание в школах. Мы даже в специальные учебные заведения получаем недостаточно подготовленных историков. На первом курсе очень трудно читать общий курс истории, потому что элементарных знаний у слушателей недостаточно. Это также существенный изъян в области состояния исторических знаний, изъян, на который следует обратить серьезное внимание.

Последнее, на чем я хочу остановиться, это дать ответ проф. Сыромятникову, который указал на мою статью о Петре Великом, напечатанную в «Большевике» за 1943 г., № 17. Он назвал использованный мною текст «Табели о рангах» 1722 г. недобросовестным отношением к источникам. «Табель о рангах» взята мною из сборника законодательных памятников Петра Великого, изданного крупнейшим специалистом по эпохе Петра акад. Богословским⁵, которого проф. Сыромятников изругал в своей книге, но забыл упомянуть основную его работу. Текст, опубликованный Богословским, несколько расходится с текстом Свода законов, но расхождения не имеют существенного значения. Кроме того, проф. Сыромятникову, очевидно, не известны, кроме текста Свода законов, другие документальные источники, касающиеся расположения чинов административной военной системы. Тогда бы он убедился, что чины, указанные в тексте, опубликованном Богословским, это не чины XIX в., а чины XVIII в., хотя порядок их в течение царствования Петра Первого изменялся.

Щ е р б а к о в. Слово имеет т. Тарле.

Т а р л е. Я, к величайшему своему прискорбию, не был в начале заседания на совещании. Меня это приглашение застало на персидской границе в Ереване. Но я очень рад, что подоспел к концу. Самый созыв мне представляется в высшей степени отрадным фактором. Этот призыв исходит из учреждения, которое время от времени принуждено выступать, чтобы указать исторической общественности на те, часто совершенно вопиющие, уклонения и заблуждения, в которые историческая общественность

впадает. Вот это вмешательство всякий раз и толкает нас вперед. Так было в 1934 г.: выступление тт. Сталина, Жданова и Кирова, выступление ЦК. Уже то обстоятельство, что они должны были выступить, показывает, насколько ненормально было положение дел на историческом фронте. Я не сказал бы, что мы, историки, ничего не сделали или мало сделали. Упрекают, что монографий мало. Но я согласен с т. Базилевичем, что много не печатается. Конечно, пишется тоже мало, но не в этом только дело. Дело в другом. Дело в том, что еще не совсем изжита, к сожалению, та, в высшей степени вирулентная, ядовитая культура, которая была насаждена «школой Покровского». Это не совсем изжито.

Советская историческая общественность должна знать, что от нее требуют партия и широчайшие круги советского народа, чтобы прежде всего наука двигалась вперед. До тех пор, пока советская наука вполне не освободится от печальных пережитков этой «школы», мы не отделаемся от больших тормозов, мешающих движению науки. Мне кажется, человек, который берется за монографическое исследование, обязан толкнуть, хотя бы немножко, науку вперед, и выявлять новые факты без оглядки на то, что было сказано 95 лет тому назад, то есть без предвзятого стремления подогнать фактическое содержание к тому фактическому изложению, которое было уместно и понятно сто лет назад. Будем следовать теории, будем следовать методам, но будем стараться обогащать науку новым фактическим содержанием, добываемым упорной нашей собственной исследовательской работой. Сейчас на историческом фронте дело обстоит лучше, конечно, 1934 год в данном случае — это был год в полном смысле слова раскрепощения исследовательской работы. Нужно продолжать в этом же духе. Я это веду к тому, чтобы показать, почему такое отрадное впечатление производит нынешний созыв, нынешний свободный обмен мнений.

Я хочу остановиться, если мне позволят, на некоторых частных вопросах, касающихся моих работ, и, если время позволит, я перейду к некоторым вопросам общего характера, которыми мне хотелось бы поделиться. Тут я буду очень немногословен. Мне это дело облегчила и сама природа «критики», которая была представлена здесь. Тов. Сидоров заявил, что я, говоря о Крымской войне, боюсь сказать, что царизм был виновником поражений этой войны. Я не боюсь этого сказать о царизме, а т. Сидоров боится сказать правду и предпочитает сказать неправду. Вы позвольте мне прочесть те строки, взятые как раз с той страницы, на которую ссылается т. Сидоров. Он, впрочем, даже и не претендует на то, что прочитал мою книгу. Если бы он ее действительно прочитал, то увидел бы, что в книге буквально 25 раз, если не больше, говорится, что царизм проиграл войну, а русский народ ее старался героически выдерживать. Я привел много фактических примеров, в литературе не бывших, на которых я доказывал это.

Я не претендую на то, чтобы т. Сидоров прочитал книгу, но я бы хотел, чтобы он прочитал хоть ту страницу, на которую он ссылается, чтобы он ее прочитал до конца. Он говорит, что я боюсь сказать, кто проиграл войну. Вот смотрите, что я пишу по этому поводу: «Ведь когда мы знакомимся с подвигами героев Крымской войны, мы ни на минуту не должны забывать о безобразной отсталости как в технике, так и в военной подготовке командного и рядового состава, ни об общем слабом промышленном развитии страны, ни о невозможном состоянии путей сообщения... Крепостной уклад со всеми губительными социально-экономическими последствиями, гнет николаевского режима, так страшно усилившийся именно в 1848—1855 г., — все это ослабляло военный потенциал России». Теперь далее: «У большинства тогдашних образованных слоев русского общества стало быстро нарастать давно накопившееся чувство возмущения и негодования против самодержавия и николаевщины».

Я знакомился еще с выступлением т. Панкратовой. Ошибка т. Панкратовой в том, что она взяла какую-то неправоленную стенограмму или запись и какие-то нелепости, которые она вычитала в ней, приписала мне. Для того, чтобы не уклоняться, чтобы покончить с этим вопросом, я на

этом остановлюсь. По существу т. Панкратова отвергает, что фактором, который тоже способствовал русскому народу в сопротивлении, являются пространства. Она полемизирует против того, что я с этой точки зрения признаю положительным фактором, что Россия большая, а не маленькая. Ошибка Панкратовой в том, что я никогда не говорил, что это единственный фактор. Я выступал в Саратове, и это высказывание не вызвало никаких недоуменных вопросов, а там сидели люди квалифицированные, квалификация коих не уступает ни моей квалификации, ни квалификации проф. Панкратовой.

Я сказал, что героический дух русского народа, наследственно передаваемый, способность к организации, веками доказанная, и другие человеческие факторы должны быть поставлены в центре, а одним из второстепенных факторов, который тоже, безусловно, помогал делу сопротивления, являются бескрайние пространства нашей страны. И повторяю это, и повторяю снова, что Московия, например, не могла бы придти к победе в таких темпах, так отстоять себя, как отстояла себя сталинская Россия, нынешний сталинский Советский Союз, хотя, конечно, главным фактором победы сталинской России было не пространство, а другие факторы. Но не признавать вовсе значения фактора пространства — этого азбучного факта военно-политической истории — нельзя. Вот главное, что я хотел сказать.

Прибавлю еще относительно того, что когда говорю, что великий колосс не пал после Крымской войны, я под этим понимал русский народ, конечно, не самодержавие. Не пал и даже не покачнулся. В этом смысле я, в сущности, даю объяснение цитируемых мною же строк Некрасова, где я касался того, что народ «не шатнулся до конца», как выразился поэт. Вот, больше возражений никаких не было. Я считал своим долгом высказать это. Теперь, если Александр Сергеевич мне разрешит остаться на трибуне, если я не исчерпал своего времени, я хочу остановиться еще на некоторых вопросах.

Щербakov. Временем Вы располагаете.

Тарле. Я бы хотел поделиться некоторыми своими соображениями с товарищами. Я вникал, что имеется в виду теми, кто нас созвал, что им желательно узнать от нас. Им желательно узнать, что мы делаем и как укладываемся в ту огромную работу, которую Россия сейчас проводит, над какими темами мы должны работать.

Я хочу поделиться соображениями о немногих из этих тем. Мы тут говорили о пространствах. Нами в этой области (то есть в изучении истории территории) до сих пор почти ничего не сделано, если не считать очень и очень немногих монографий старой литературы, монографий устаревших и не совсем, с нашей точки зрения, интересных. Не выяснена история территорий Советского Союза. Это — одна из самых трудных тем. Ведь когда мы имеем в виду Россию, мы должны ее сравнивать с антицедентами великих государств, а Римская империя, например, была таким антицедентом. Это тоже не сделано — у науки нет точного установления роста Римской империи. Тогда историческим материалом была какая-то средневековая карта (Петтингера), которая относится к последним векам Римской империи, еще один-два источника — и обчелся. У нас источников больше. Эта задача мне представляется не сделанной вообще, для истории территорий России это нужная вещь — фактическое обследование исторического материала, дающего понятие о том, как к России постепенно присоединяется то или иное государство, когда это было, какое положение было и т. д.

Скажу и о другой теме. Относительно истории дипломатии. Несколько лет тому назад одно за другим последовали два предложения, два сигнала, идущие с верхов партии, о том, что почти ничего не сделано по истории дипломатии, что советская общественность обезоружена в этих вопросах и что обезоружение в этих вопросах принесет не только научный, но и политический вред. Последовали два сигнала — первый, когда я имел великую честь принадлежать к одной критической группе, от которой требовали произвести очень серьезную критическую работу над кое-чем уже готовым. Второй сигнал, когда затем нам поручили писать историю дип-

ломатии, мы кое-что сделали, худо ли, хорошо ли, но ведь то, что мы написали, — это только наметка того, что еще нужно сделать.

Сейчас требования идут настойчивее, требования создать дипломатическое преподавание: «Открывайте факультет международных сношений» — «Принято столько-то» — «Примите еще!» Нужны люди, советская власть требует. Нужны подготовленные исторически дипломаты, а без знания истории нет хорошего дипломата, это наскоро не приобретается. Я преподаю в дипломатической школе при НКВД, состою заведующим кафедрой международных отношений в университете. Я ссылаюсь на товарищей, которые вместе со мной преподают. В чем затруднения наши? Мы не знаем, что дать читать нашим слушателям. Ведь дело доходило до анекдотических случаев с людьми, кончившими юридический факультет. Человек приходит экзаменоваться в дипломатическую школу и говорит, что Екатерина была перед нашествием татар. Он не виноват в этом — его так учили. Вернее, его совсем не учили. Он был на факультете в эпоху торжества «школы Покровского». Вот возьмите всю эту молодежь, которая жаждет знаний, что мы можем ей дать? Вот в этом смысле нужно писать и писать на темы по истории дипломатии.

Я поделюсь своими некоторыми впечатлениями. С одной стороны, от нас требуют, чтобы мы знали, что мы будем делать. Дана двухтомная программа — я говорю об «Истории дипломатии». Но это только программа. Там по каждой странице нужно писать исследования, потому что затрагиваются вопросы, по которым ничего нет. С другой стороны, тоже скажу, что это отсутствие научной литературы приносит гнетущий, прямо злободневный вред. Скажу одно — я имею честь принимать участие в одной комиссии. Эта комиссия занимается совсем злободневными и очень сейчас срочными делами, но кто туда втаскивает исторический материал? Вы можете подумать, что это делаю я как историк? Ничего подобного. От меня требуют в спешном порядке дать материал по ряду вопросов, например, насчет Белоруссии, насчет Севастополя, насчет Очакова и т. д. Это злободневное, нужное дело, а сколько таких вопросов? Есть вопросы, на которые я могу ответить, а сколько вопросов, на которые я не могу отвечать, на которые должен был бы отвечать тот или другой исторический коллектив! Я не сторонник того, чтобы громить особенно товарищей или впадать в особый пафос, указывать, что ничего не сделано. Сделано и делается, часто в трудных условиях.

Мы, ленинградские историки, затеяли писать историю Ленинграда, а две трети сотрудников выбыли — убиты непосредственно на фронте или заморены голодом финнами и т. д., их нет. Наш Ленинградский институт⁶ имеет какие-то жалкие остатки в смысле количественном. В этих условиях очень трудно сразу же делать много. Нужна правильная тематика, первоочередность задач должна быть установлена. Нет этого в достаточном количестве, это, во-первых, а во-вторых, требуется установка того, к чему нас призывают, направление. Власть говорит нам: работайте, имейте в виду только историческую правду и пишите. Так нам говорят в ЦК. Пишите, стремясь к правде. Вы знаете гораздо больше того, что знали предшественники. Фрэнсис Бекон недаром говорил, что самое последнее поколение всегда самое умное, оно знает то, что знали предшественники и плюс то, чего не знали предшественники. Мне представляется в данном случае, что очень хорошо, что нас призвали и что мы делимся с людьми власти нашими соображениями. Все это необходимо. Историческая наука у нас всегда от этого только выигрывала. Позвольте на этом кончить.

Щербakov. Слово имеет т. Толстов.

Толстов. Одним из разделов нашей исторической науки, который особенно много обязан указаниям, в свое время сделанным тт. Сталиным, Кировым и Ждановым в их замечаниях на конспект учебника истории СССР, является история народов, составляющих наш Союз. Здесь я должен присоединиться к предшествующим товарищам. Мы действительно можем похвалиться значительными успехами. За последнее десятилетие подняты и разрабатываются большие пласты истории народов, до того времени

почти совершенно не затронутые или в крайне недостаточной степени затронутые историческим исследованием. Развернута большая работа на местах, в Закавказье, в Средней Азии и в других частях Советского Союза. Отечественная война и сопровождающий ее грандиозный патриотический подъем среди всех народов СССР явились новым могучим толчком к развитию исторической науки в этом разделе, создав законное, естественное стремление как среди русского народа, так и среди других братских народов Советского Союза выявить свое прошлое, сделать достоянием широких масс великие культурные достижения своих предков, их вклад в мировую культуру, показать героические боевые традиции каждого из народов Советского Союза, так героически защищающих сейчас нашу Родину от подлого и жестокого врага, покусившегося на ее свободу и независимость.

Эта большая работа была бы еще лучше, еще успешней, если бы в ее организации, в ее ходе не был допущен ряд крупных погрешностей и недостатков. Основной погрешностью в развертывании этой работы считаю разобщенность этой работы, отсутствие единого руководящего центра. Разработка истории отдельных народов ведется изолированно, вне общей исторической связи, вне всемирно-исторических связей каждого народа в его развитии, вне, в первую очередь, достаточно полного учета связей между историями отдельных народов нашей Родины. Это сопровождается другим явлением, которое выявилось в отдельных выступлениях и на текущем нашем совещании в отношении освещения некоторых вопросов истории русского народа (Аджемян, Яковлев). Дело в том, что руководимые совершенно естественным и законным стремлением выявить лучшее в традициях каждого народа, некоторые наши историки иногда подменяют подлинную историю односторонне-тенденциозным освещением исторического прошлого данного народа, показом только положительных, исторически прогрессивных, созвучных нашей эпохе страниц его истории, оторванных от теневых, мрачных, реакционных ее сторон. В результате этого весь процесс оказывается искаженным. А так как работа над историческим прошлым каждого народа ведется изолированно, мы в ряде случаев имеем резкое расхождение между историками отдельных республик в оценке тех или иных вопросов истории народов нашей родины.

Я хочу привести две работы, посвященные истории наших среднеазиатских республик. Одна из них — «История Казахстана» — уже фигурировала на предшествующих заседаниях. Другая, посвященная истории таджикского народа, еще не упоминалась. Это — книга тт. Гафурова и Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость»⁷, вышедшая в Сталинабаде в 1944 году. Эта работа базируется на серьезной проработке источников и литературы, на большом количестве мало известного широкому читателю материала. Авторы руководствовались, несомненно, самыми хорошими намерениями, но благодаря указанным мною двум основным недочетам в организации нашей работы по истории народов в этой книге мы найдем целый ряд мест, которые не могут не вызвать возражений. Я отмечу прежде всего следующее. На протяжении всей книги, вернее, первой ее части (до XIX в.), мы имеем сознательное стремление вычленив историю Таджикистана из истории всех остальных народов Средней Азии. Авторы считают это принципиально необходимым, подчеркивая это в предисловии (стр. 1).

Между тем мы знаем, что и в древний период, и в средние века история таджикского народа и других народов Средней Азии, особенно узбекского народа, настолько тесно связаны между собой, что практически разделить их невозможно. Что же мы имеем в итоге? Вся древняя история Средней Азии, история Согда, история Сыр-Дарьинских областей, даже история Хорезма, никогда ничего общего не имевшая с историей Таджикистана, объявляются безоговорочно историей предков только таджикского народа. Мы знаем, что таджикский народ является законным наследником великих культурных традиций древней Средней Азии, но не он один. Это наследство делит с ним в первую очередь узбекский народ, основной этнографический массив которого, как известно, составили древние согдийцы (другая часть

которых влилась в состав таджиков) и хорезмийцы, ассимилировавшиеся с представителями разнообразных тюркских племен, на протяжении более чем полутора тысячелетий оседавших в оазисах и городах Мавераннахра, Сыр-Дарьи и Хорезма.

Идя дальше, мы встречаемся в разбираемой книге с весьма характерной концепцией взаимоотношения тюркских и иранских элементов в истории Средней Азии. Тюркские элементы на протяжении всей книги последовательно, без всяких исключений, рисуются как носители разбоя, угнетения, порабощения и реакции (стр. 85, 92—103 и др.) и, наоборот, иранские элементы совершенно безоговорочно и также последовательно рисуются как носители культуры и прогресса. Возьмем Саманидское государство, которое в истории Средней Азии и всего Востока имело огромное значение. Авторы совершенно правы, когда ярко рисуют те большие культурные и исторические заслуги, которые принадлежат этому ранне-феодальному среднеазиатскому государству. Но авторы идут дальше.

Они не раскрывают превращения этого государства в реакционную, тормозящую общественное развитие силу, не видят, что падение этого государства предопределено ходом исторического развития, переходом феодального строя на новую историческую ступень. Причины недовольства саманидским режимом среди народных масс сводятся почти исключительно к засилью тюркских гвардейцев саманидских правителей (стр. 87). Вот как авторы рисуют падение саманидов: «Период блестящего культурного расцвета Саманидского государства был оборван новым грабительским вторжением чужеземных захватчиков» (стр. 85). Имеются в виду караханидские тюрки, сыгравшие большую роль в истории формирования узбекского народа, но авторы не указывают на то, что эти чужеземные захватчики опирались на городские и крестьянские движения в Мавераннахре, направленные против саманидов, что ни одна рука не поднялась в Мавераннахре в защиту изжившего себя саманидского режима. Авторы пытаются объяснить бессилие саманидов в борьбе за власть лишь изменой феодалов и тех же тюркских гвардейцев (стр. 88).

Можно было бы привести много таких примеров. В этой книге замалчивается всякое участие тюркских элементов в культурном строительстве Средней Азии. Не показано, что в VI в. во главе с тюрком Аbruем и в VIII в. во главе с Муканной тюрки и согдийцы Мавераннахра рука об руку боролись с иноземными захватчиками. В книге не показано, что по крайней мере с VI в., на что имеются прямые документальные свидетельства, а фактически значительно раньше, мы можем говорить о процессах слияния тюркских кочевников с иранским оседлым населением в Мавераннахре. Если посмотреть внимательно эту книгу, мы встретимся с целым рядом других погрешностей, иногда мелких, иногда крупных, но идущих по той же линии.

Приведу в качестве примера даваемое в книге объяснение происхождения названия «таджик» (стр. 6—7). Этот вопрос в исторической науке давно решен и, в сущности, вопроса-то никакого нет, потому что всякий специалист знает, что в VII—VIII вв. это слово (каково бы ни было его первоначальное значение) было наименованием арабов в языке населения Ирана, Армении, Средней и Центральной Азии и Китая и лишь впоследствии было перенесено на все мусульманское население. Это подтверждается многочисленными документами. Авторы же приводят совершенно «дикую» этимологию, утверждая, что слово «таджик» происходит от слова «тадж», что означает «корона», откуда якобы слово «таджик» означает: «человек, носящий корону» (стр. 6, прим. 3). Фантастическая теория, ничего абсолютно за собой не имеющая и находящаяся в полном противоречии с известными каждому востоковеду фактами. Дальнейшее изложение отражает те же тенденции: узбеки XVI ст. рисуются исключительно как угнетатели и разбойники (стр. 137—139 и др.). Их роль в историческом развитии Средней Азии рассматривается исключительно в отрицательном плане. Исключительно узбекам приписывается относительная застойность и отсталость культуры Средней Азии в XVI—XVIII вв. (стр. 143—144),

на деле объясняющаяся гораздо сложнее. Нужно ли говорить, что это стремление только через «таджикские очки» взглянуть на исторический процесс влечет за собой совершенно ненужное и вредное создание какого-то взаимного недовольства между двумя братскими народами Советского Союза, являющимися ближайшими родственниками по своему происхождению, по своему культурному наследству, по всему своему историческому развитию.

Я останавлиюсь и на втором труде, хотя о нем уже говорили много, — на работе, посвященной истории Казахстана. Эта работа по своему объему, по вложенному труду, конечно, является очень солидным вкладом в историографию нашей страны, но здесь тот же недостаток, который я отметил в истории Таджикистана, налицо: замкнутость, отрыв казахского исторического процесса от всемирной истории, от истории русского народа, от истории других народов Средней Азии, одностороннее, только через «казахстанские очки» рассмотрение целого ряда важных исторических фактов. Все это приводит к целому ряду серьезных ошибок. Здесь мы встречаем те же элементы идеализации исторического прошлого казахского народа. Мы не найдем здесь характеристики отсталости, экстенсивности казахского хозяйства, не создавшего предпосылок для формирования централизованного феодального государства, невозможного на базе господства патриархально-родовых и примитивно-феодальных порядков, господствовавших в Казахстане в XVI и последующих веках. Напротив, на стр. 107 своего труда авторы именно утверждают, что Казахстан уже в XVI в. представлял собой централизованную феодальную монархию, в то время как никакой базы для создания централизованной феодальной монархии в экономике Казахстана в это время не существовало.

Авторы не показывают, что не в феодальной раздробленности, а в самой экономике кочевого хозяйства, неразрывно связанного архаической формой первого общественного разделения труда с хозяйством смежных земледельческих областей (Маркс и Энгельс. Переписка о книге Бернье и происхождении Ислама)⁸, коренились причины господства центробежных тенденций в политическом развитии Казахстана, тяготения отдельных его частей к Хорезму, к сыр-дарьинским узбекским городам, к Поволжью и Приуралью, к Сибири. Авторы не видят, что единственный в этих условиях путь для создания Казахского государства заключался в завоевании оседлых среднеазиатских областей, попытки чего являются базой для всей политической деятельности казахских ханов XVI в., а в XIX в. эту же попытку вновь предпринимает Кенесары. Авторы не понимают, что крушение этих попыток и является первопричиной политического распада Казахстана в XVII—XVIII вв. и втягивания отдельных его частей в сферу политического влияния смежных государств.

Отрыв истории Казахстана от истории смежных областей приводит к тому, что процесс вхождения Казахстана в систему Российского государства рисуется односторонне и неправильно как процесс голого захвата, обмана и насилия, как абсолютное историческое зло. Конечно, если бы Казахстан представлял из себя уже централизованную феодальную монархию, обладающую всеми потенциями самостоятельного исторического развития, тогда можно было так ставить вопрос, но если мы исторически правдиво рисуем, как развивалась история Казахстана и до возникновения казахского народа и после того, как он выступил на историческую арену, мы увидим картину совершенно иную. Мы увидим прежде всего, что история Казахстана связана с историей Восточной Европы, с историей Руси в частности, очень тесными и очень древними узами. Намек на это есть и в книге по истории Казахстана (стр. 76—77), но только намек: это те самые черные клобуки и половцы, о которых говорил в прошлый раз Б. Д. Греков. Ведь Казахстан — «Дешт-и-Кипчак», то есть «Половецкая степь».

Уже с раннего средневековья, а по существу, с гораздо более раннего времени (со скифской эпохи и даже с бронзового века), кочевые племена этой области тесно связаны с кочевыми племенами южно-русских степей, составляя с ними единое этнографическое целое. После XIII в. Казахстан

представлял собой восточную окраину Золотоордынского государства, в систему которого, как мы знаем, была включена и Русь, и борьба против которого составляла содержание русского исторического процесса на протяжении ряда веков. Закономерным завершением этой борьбы явилось подчинение русскому государству всех золотоордынских земель, навсегда устранившее опасность нового монгольского нашествия. Появление Руси на Волге в середине XVI в., победоносно завершившее этот процесс борьбы между монгольскими завоевателями и поднимающимся восточным славянством, поставившее Русь лицом к лицу с восточными улусами Золотой орды, не могло не стать предпосылкой для политического тяготения восточных золотоордынских областей к Руси.

И мы действительно видим на протяжении XVI—XVII вв. многократные примеры втягивания восточно-золотоордынских феодалов в систему вассальных связей с Московским государством. Без учета этого обстоятельства многое было бы непонятным в истории Сибири. Мы знаем вместе с тем, что распад Золотоордынского государства ослабил восточные границы территории, которая в него когда-то входила, и открыл ворота для новой волны монгольского нашествия — для калмыков-джунгар. XVII — первая половина XVIII в. для среднеазиатских государств, для Хивы и особенно для Казахстана — это подлинная година бедствий. И мы знаем, что уже в 30-х годах XVII в. узбекские правители ищут союза с Москвой против калмыков, в 1670-х годах хивинский Ануша-Хан просит Москву построить крепость на Мангышлаке для защиты от калмыков торгового пути из Хивы в Москву. С этой точки зрения понятны попытки Хакк-Назара⁹ и Тевеккеля установить вассальную связь с Россией. Тем более признание в XVIII в., в 1730 г., в обстановке жестокого нажима со стороны калмыков, феодальной зависимости от России Абулхайром — одним из весьма мудрых и дальновидных политических деятелей тогдашнего Казахстана — явилось единственно правильным политическим шагом. И мы знаем, что вхождение Младшего жуза в систему России обезопасило этот жуз от нашествия калмыков благодаря дипломатической акции русского правительства, вынудившей Галдач-Церена умерить свои аппетиты.

Тов. Минц уже отмечал непоследовательность авторов этой книги. Естественный шаг Абулхайра рассматривается авторами как измена интересам казахского народа, а тот же шаг Аблая, избранного авторами в качестве национального героя, рассматривается как положительный факт. Мы знаем, что падение Джунгарии не избавило Казахстан от угрозы покорения со стороны своих восточных соседей, что значительная часть Старшего жуза вошла в систему Китайской империи, что тот же Аблай через 17 лет после принятия им русского подданства (1740 г.) вынужден был в 1757 г. признать власть китайского императора. До Среднего жуза простиралась, таким образом, гегемония Китая, и в этой обстановке тяготение значительной части казахского народа к России являлось естественной попыткой найти мощного союзника в борьбе с восточными завоевателями.

Если мы посмотрим, таким образом, путь развития Казахстана на протяжении XVI—XVIII ст., то мы увидим, что здесь было только два альтернативных решения: или вхождение казахского народа в систему Российского государства, взявшего в свои руки вассальные феодальные связи Золотоордынского государства на Востоке, или расчленение казахского народа, ибо мы знаем, что на Востоке Китай, на Юге Коканд и Хива были вполне реальными завоевателями, подчинившими себе отдельные части Казахстана. Быть расчлененными между четырьмя государствами или войти целиком в состав одного из этих государств, причем, бесспорно, самого передового из них, — вот два пути, которые стояли тогда перед Казахстаном. Третьего пути не было. Ни сил отстоять свою самостоятельность и целостность, ни, главное, социально-экономических предпосылок для создания собственного национального государства казахский народ еще не имел.

Вопрос о боевых традициях казахского народа, который здесь был затронут в выступлении т. Минца, — бесспорно, вопрос, который должен

разрабатываться. Каждый народ должен знать своих героев, и у казахского народа немало героев, которыми он вправе гордиться. Но нельзя все валить в одну кучу. Нельзя рядом с действительными представителями освободительного народного движения Срымом Датовым¹⁰ и Исатаем Таймановым, поднимавшими народные массы на борьбу с растущим феодально-колониальным гнетом, против казахских феодалов, усиливавших эксплуатацию масс по мере втягивания в систему связей российского рынка, и приходившей к ним на помощь царской администрации ставить типичного представителя своекорыстной феодальной знати султана Каратая, использовавшего политическую ситуацию в своих личных целях в борьбе за власть в Младшем жузе, или заведомого авантюриста и агента среднеазиатских ханов, бандита Садыка Кенесарина, объединяя их только по одному признаку — что они выступали против русских.

Сложный и противоречивый в истории образ Кенесары Касымова нарисован в книге односторонне. Совершенно не видно, куда развивались политические тенденции движения Кенесары, особенно на втором этапе этого движения, когда совершенно ясно раскрылась его политическая программа — захват Киргизии, завоевание Коканда и возведение новой казахской династии на кокандский престол. Неслучайно в памяти киргизского народа образ Кенесары запечатлен как образ угнетателя и захватчика. В киргизском фольклоре сохранилось воспоминание о том, как жигиты Кенесары вторглись на территорию киргизских кочевий, когда отсутствовали их защитники, и как женщины Киргизии вышли на берег реки, вынесли своих детей в люльках и положили на дорогу, чтобы задержать наступающих, апеллируя к древнему священному в глазах народа обычаю. Киргизское предание говорит о том, что Кенесары растоптал этих детей копытами коней своих табунов, следом за которыми шли его жигиты. Когда Кенесары попал в плен, киргизские старейшины выдали его на расправу матерям, дети которых были растоптаны копытами его лошадей. Это фольклорный материал, и я не берусь утверждать, что это предание полностью соответствует действительности. Но оно рисует нам, как отразился в памяти киргизского народа образ Кенесары Касымова, война которого против киргиз и сыр-дарьинских узбеков носила бесспорно захватнический характер.

В книге же перед нами авантюры Кенесары в Киргизии и кокандских владениях рисуются в весьма сочувственных тонах. Совершенно забывая, что Кенесары — вождь и представитель казахских султанов, авторы нарочито подчеркивают, что в Киргизии он боролся «с манапами», создавая совершенно ложную иллюзию антифеодальной направленности его движения. Совершенно забывая, что Кенесары действительно напал на киргиз, авторы ополчаются на тех киргизских предводителей, которые отвергли предложение Кенесары подчиниться ему, обвиняя их в клевете на него, заключавшейся в том, что они опасаются, что Кенесары попытается завоевать Киргизию. Какая же это клевета, если он действительно это сделал? В целом эти страницы книги, бесспорно, благодаря содержащемуся в них искажению исторической правды будут весьма недоброжелательно приняты в Киргизии. И я не думаю, что авторы книги были бы довольны, если бы киргизские ученые встали на их путь и изобразили бы в «Истории киргизского народа» Кенесары Касымова в духе приведенного мной предания только как насильника и захватчика, умолчав о его роли на более раннем этапе движения, когда он на некоторое время действительно попытался возглавить освободительную борьбу народных масс против царизма. И здесь, как и в предшествующих примерах, односторонний, тенденциозный подход к материалу влечет за собой весьма нежелательные результаты: вместо воспитания и укрепления чувства дружбы и взаимопонимания народов авторы вопреки, я уверен, своему желанию сеют семена вражды и недоверия их друг к другу.

Таковы основные замечания, которые я хотел сделать. Мне кажется, что перед нами стоит большая задача — задача разработки узловых, связующих проблем истории нашей страны в целом, тех трудных исторических

вопросов, которые лежат на грани историй отдельных народов СССР. И из них самой важной, самой центральной является проблема формирования русского многонационального государства. Только в свете сталинского учения о причинах и условиях создания этого государства мы правильно сумеем осветить историю вхождения Казахстана в его систему. Предыстория процесса сплочения народов Восточной Европы и прилегавшей части Азии вокруг самого мощного и политически развитого из этих народов уходит, как правильно на прошлом совещании отметил акад. Б. Д. Греков, в далекое прошлое. Завершение этого процесса, как показал т. Сталин, было предопределено потребностью создания мощного централизованного государства для борьбы с монгольскими, турецкими и другими завоевателями, на протяжении веков угрожавшими народам нашей страны.

Исторически правдивое освещение развития экономических, культурных и политических связей между отдельными частями нашей родины, подготавливающих сплочение народов вокруг Великой Руси, завершенное Великой Октябрьской Социалистической революцией, превратившей «тюрьму народов», которой стала царская Россия в XIX в., в братское содружество свободных социалистических республик, будет способствовать развитию взаимного понимания, чувства любви и взаимного уважения между отдельными народами, на протяжении веков связанными общностью исторических судеб и составляющими ныне наш великий Союз. Между тем эти вопросы совершенно не разрабатываются. В изучении этих вопросов центральные научно-исследовательские учреждения должны занять ведущее место, оказав помощь научным учреждениям республик в разработке истории каждого народа. Тогда мы можем избежать тех недостатков, которые я попытался вскрыть в своем выступлении.

Последнее, на чем я хочу остановиться, — это один из важных разделов нашей отечественной истории, который незаслуженно у нас забывается. Речь идет о древней истории нашей страны, разрабатываемой у нас почти исключительно в археологическом плане. В нашем преподавании мы имеем курс древней истории античного мира Средиземноморья и Востока. Древняя же история нашей страны не имеет самостоятельного места, выступая лишь как незначительный привесок к курсу средневековой истории. Это является одной из причин того, что история древних связей между отдельными частями нашей страны остается неразработанной. Разработка истории древних могучих политических и культурных центров нашего Причерноморья, Кавказа, Средней Азии, их роль в мировой истории и особенно в истории народов более северных районов СССР, позднее выходящих на историческую арену, те традиции нашей отечественной античности, которые в дальнейшем в процессе развития славянства играют такую большую роль и накладывают отпечаток на всю дальнейшую культурную историю народов СССР. Разве этой задачи недостаточно, чтобы в наших научно-исследовательских учреждениях были созданы соответствующие сектора, а в ведущих университетах — кафедры, на которые было бы возложено обеспечение этого обширного раздела нашей истории? Почему мы должны тщательно изучать историю Египта, Ассирии, Рима, Греции и забывать, что в нашей стране существовали не менее важные, хотя и менее исследованные, исторические центры, история которых во многом предопределила все дальнейшее развитие народов нашей Родины?

Урарту, древняя Грузия, Армения и Албания, Древнехорезмийское и Древнебактрийское царства, Боспор Киммерийский, Скифские объединения должны стать объектом систематического, пристального внимания советских историков. Да уже и сейчас мы располагаем достаточным материалом, чтобы дать нашим студентам и школьникам не сухие конспекты и социологические определения, а живую и красочную историю одной эпохи нашей Родины, не уступающую тому, что дается в курсах истории античных Греции и Рима. При этом древняя история СССР должна разрабатываться как единое целое, ибо исторические и культурные традиции древних цивилизаций нашей страны сыграли свою роль в развитии всех ее народов, а не только тех, которые сейчас живут на тех же территориях. Эллинская

цивилизация вовсе не является лишь введением в историю средневековой и современной Греции. Если мы будем пытаться, как попытались это сделать гг. Гафуров и Прохоров, всю древнюю историю Средней Азии считать принадлежащей по праву наследства одному только таджикскому народу только на том основании, что он говорит на языке, принадлежащем к иранской лингвистической группе (хотя, впрочем, вопреки утверждению авторов разбираемой книги, весьма далеко стоящем от древнесогдийского, как известно, гораздо более близкого к осетинскому), то мы впадем в весьма и весьма серьезные ошибки.

Г е н к и н а. Товарищи, понятно, что война поставила перед историками ряд новых вопросов. Очень многие вопросы нашего исторического прошлого осветились по-новому. Ряд проблем потребовал дополнительного изучения, известного пересмотра, освещения по-новому на основе марксистско-ленинской теории. Всем нам ясно, и все мы с этим согласны, что обилие вопросов, которые здесь ставились, острота их постановки и та дискуссия, которая ведется нами довольно продолжительное время, она в основном является фактом положительным, показателем несомненного роста нашей исторической науки, ее движения вперед. Мы сегодня, в третью годовщину войны, собрались для того, чтобы обсуждать исторические вопросы. Мы можем смело сказать, что наша историческая наука неизмеримо шагнула вперед за годы войны.

Но у нас получилось так, что при решении большого количества новых вопросов, которые перед нами встали, возникла опасность такого пересмотра, который ведет нас в сторону от марксистской трактовки и ничего общего в марксизмом не имеет. Это тем более имеет для нас большое значение, что разногласия по важнейшим принципиальным вопросам отнюдь не ограничивается академическими спорами на узких закрытых заседаниях и поэтому имеет не только академический интерес. Ведь те вопросы, которые здесь обсуждаются, — это одновременно вопросы преподавания истории, пропаганды исторических знаний среди широких масс. Разногласия переносятся неизбежно на вузовскую кафедру, в студенческую аудиторию, на урок истории в средней школе. Создается сумятица, путаница и студенческой голове. Речь идет о тысячах наших студентов, о миллионах наших школьников, а когда речь идет о миллионах, как нас учили этому Ленин и Сталин, — это уже политика, это серьезнейшие вопросы нашего движения вперед, нашей исторической науки.

Некоторые здесь присутствующие были на общевузовском партийном собрании в университете ¹¹, которое происходило в конце марта этого года. Там приводился ряд примеров и по философскому факультету, и по литфаку, и по историческому факультету, которые свидетельствовали о тревожных сигналах, о фактах идеологической распушенности, о недостатках преподавания, о забвении в отдельных случаях марксистско-ленинских положений и оценок и т. д. Как это стало возможным наряду с несомненным ростом исторической науки? Когда мы выдвигаем или обсуждаем важнейшие проблемы истории, мы, мне кажется, часто допускаем ошибку такого порядка, что забываем в своих спорах некоторые важнейшие, всем нам хорошо известные основные документы нашей партии и основные ленинско-сталинские указания.

Здесь останавливались на двух важнейших документах — это замечания гг. Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебника по истории СССР и постановление жюри правительственной комиссии. Но ведь есть, товарищи, и более поздние документы, которые имеют для нас огромное принципиальное значение. Это, прежде всего, постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», это сам «Краткий курс истории ВКП(б)» и глава «Краткого курса», написанная т. Сталиным, «О диалектическом и историческом материализме». Это письмо т. Сталина по поводу статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма», написанное в июле 1934 г., но опубликованное лишь в мае 1941 года. И, наконец, книга т. Сталина о Великой Отечественной войне ¹², которая дает нам важнейшие указания

для разрешения тех вопросов, которые мы здесь обсуждаем. Надо прямо сказать, что всех выводов для себя, вытекающих из этой книги, историки еще не сделали.

Я остановлюсь на некоторых важнейших указаниях, которые даны в этих документах. Возьмем постановление Центрального Комитета партии от 14 ноября 1938 года. Какое оно имеет к нам отношение? Прежде всего — это постановление со всей силой разоблачает извращения «школы Покровского», наносит решающий удар всякой вульгаризаторской путанице. Затем, оно дает оценку положения, относящуюся тогда к вопросам изучения истории партии, и в некоторой степени это может быть отнесено сейчас к тому, что мы имеем на фронте исторической науки. В постановлении говорится, что выход «Краткого курса» положит конец произволу и неразберихе, обилию различных точек зрения, произвольному толкованию важнейших вопросов партийной теории. В постановлении говорилось об отсутствии исторического подхода, об упрощенчестве и вульгаризации, об антиисторических попытках приукрасить историю вместо правдивого ее изложения. Есть у нас, товарищи, произвол и неразбериха, произвольное толкование важнейших вопросов истории? Да, есть. Есть у нас еще упрощенчество и вульгаризация, отсутствие исторического подхода, антиисторические попытки приукрасить исторические факты вместо правдивого изложения? Да, есть. Поэтому так важно напомнить сейчас основные моменты постановления ЦК ВКП(б) от 14.XI.38 года.

Важнейшие указания даны и в «Кратком курсе истории ВКП(б)» в главе т. Сталина «О диалектическом и историческом материализме». Они сводятся, прежде всего, к требованию исторического подхода к изучаемым явлениям, к тому, «что без такого исторического подхода к общественным явлениям невозможно существование и развитие науки об истории, ибо только такой подход избавляет историческую науку от превращения ее в хаос случайностей и в груды нелепейших ошибок» («История ВКП(б)», стр. 105). Мы все, конечно, знаем и помним это решающее указание, но наши споры показали, что мы не всегда руководствуемся им при разрешении конкретных вопросов. Вот, например, вопрос о царизме как «жандарме Европы». Ленин и Сталин дают нам замечательный урок исторического подхода при разрешении этого вопроса. В одной своей статье, написанной в 1909 г., Ленин со всей ясностью вопрос о царизме как «жандарме Европы» поставил в определенные хронологические рамки. Ленин писал: «Полвека тому назад за Россией прочно укрепилась была слава международного жандарма. Наше самодержавие в течение прошлого века сделало не мало для поддержки всяческой реакции в Европе и даже для прямого военного подавления революционных движений в соседних странах. Достаточно вспомнить хотя бы венгерский поход Николая I и неоднократные расправы с Польшей, чтобы понять, почему вожди международного социалистического пролетариата, начиная с 40-х годов, неоднократно указывали европейским рабочим и европейской демократии на царизм, как на главный оплот реакции во всем цивилизованном мире.

Революционное движение в России, начиная с последней трети XIX в., понемногу изменило это положение дела. Чем сильнее колебался царизм под ударами растущей революции в его собственной стране, тем слабее становился он в качестве врага свободы в Европе. Но в Европе вполне сложилась к этому времени международная реакция буржуазных правительств, видевших восстания пролетариата, осознавших неизбежность борьбы не на живот, а на смерть между трудом и капиталом и готовых приветствовать каких угодно авантюристов и разбойников на троне ради совместной борьбы против пролетариата. И когда в начале XX века японская война и революция 1905 года нанесли сильнейшие удары царизму, международная буржуазия бросилась на помощь ему, поддержала его миллиардными займами, приложила все усилия для локализации революционного пожара, для восстановления «порядка» в России. Услуга за услугу. Царизм помогал не раз контрреволюционным буржуазным правительствам Европы во времена их борьбы с демократией. Теперь буржуазия

Европы, ставшая контрреволюционной по отношению к пролетариату, помогла царизму в его борьбе с революцией» (Ленин. Соч. Т. XIV, стр. 112) ¹³.

Таким образом, главным оплотом реакции во всем мире царизм был и мог быть лишь, примерно, в первой половине XIX в., особенно начиная с 40-х годов XIX ст., и в то же время с последней трети XIX в. царизм переставал быть «жандармом Европы», потому что в Россию постепенно переносился центр мирового революционного движения, революционная борьба трудящихся России все более расшатывала мощь царизма, главным оплотом реакции становились другие страны, а Россия все более превращалась в главный оплот революции. Эту же мысль подчеркивал т. Сталин в своем письме о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Тов. Сталин указывал на «переоценку роли царской власти как «последней твердыни общеевропейской реакции» (слова Энгельса). Что царская власть в России была могучей твердыней общеевропейской (а также азиатской) реакции, — писал т. Сталин, — в этом не может быть сомнения. Но чтобы она была **последней** твердыней этой реакции — в этом позволительно сомневаться». (Голос с места. Об этом ни в одном учебнике вузовском нет ни слова). Это вовсе не значит, что царизм в конце XIX в. стал «лучше», чем он был в первой половине XIX столетия. Общеизвестна сталинская характеристика царизма, данная в его работе «Об основах ленинизма», где т. Сталин говорит о том, что в эпоху империализма «царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной и варварской форме», что «царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат», что царская Россия была «величайшим резервом западного империализма», «сторожевым псом империализма на востоке Европы» ¹⁴, и т. д.

Я бы хотела отметить и другое очень важное ленинское указание. Если царизм в эпоху Николая I был «жандармом Европы», главным оплотом реакции во всем мире, то это не значит, что всю эту эпоху нужно замазать сплошной черной краской и ничего не видеть в этот период, кроме реакции. Есть глубоко интересное указание Ленина о революционной роли реакционных периодов. Ленин приводит в качестве примера эпоху Александра III. Он указывает, что «в России не было эпохи, про которую бы до такой степени можно было сказать: «наступила очередь мысли и разума», как про эпоху Александра III! Право же так... Именно в эту эпоху, — писал Ленин, — всего интенсивнее работала русская революционная мысль, создав основы социал-демократического мирозерцания. Да, мы, революционеры, далеки от мысли отрицать революционную роль реакционных периодов. Мы знаем, что форма общественного движения меняется, что периоды непосредственного политического творчества народных масс сменяются в истории периодами, когда царит внешнее спокойствие, когда молчат или спят (по-видимому, спят) забитые и задавленные каторжной работой и нуждой массы, когда революционизируются особенно быстро способы производства, когда мысль передовых представителей человеческого разума подводит итоги прошлому, строит новые системы и новые методы исследования. Вот, ведь и в Европе период после подавления революции 1848 года отличался небывалым экономическим прогрессом и работой мысли, которая создала хотя бы «Капитал» Маркса. Одним словом, «очередь мысли и разума» наступает иногда в исторические периоды человечества точно так же, как пребывание политического деятеля в тюрьме содействует его научным работам и занятиям» (Ленин. Соч. Т. IX, стр. 127) ¹⁵.

Таковы основные ленинско-сталинские указания о царизме как «жандарма Европы». Разрешение этого вопроса — пример подлинно исторического подхода к изучаемым явлениям. А у нас иногда антиисторически, вне конкретных рамок определенной эпохи пытаются ставить и разрешить этот вопрос. Такой же антиисторический подход был в выступлении проф. Яковлева, когда он говорил о трех абсолютных идеях, хотя он и называет их динамическими идеями, лежащими в основе истории русского народа. Это

полное отрицание исторического развития, исторического прогресса, движения вперед, изменения. Все дано, все неизменно, извечно, нет развития, ничего не меняется, нет истории. Проф. Яковлев, очевидно, не понимает, что из этой его концепции вытекает один вопрос — о правомерности Октябрьской социалистической революции и советской власти, ибо зачем тогда Октябрьская революция, если и братство народов и дружная оборона — все это было дано всегда, еще тысячелетия тому назад.

Наконец, товарищи, я хочу сказать о книге т. Сталина «О Великой Отечественной войне» и о тех выводах, которые вытекают для историков из этой книги. Здесь присутствующие ее много раз читали, изучали, проводили доклады, излагали основное содержание этой работы т. Сталина. А ведь т. Сталин там дает ответы на те вопросы, которые мы сейчас обсуждаем. Я хочу выделить два важнейших указания, данных в книге. Это, во-первых, сталинская программа воспитания национального самосознания советского народа и, во-вторых, сталинская постановка вопроса об источниках силы Советского Союза.

Сталинская программа воспитания национального самосознания целиком опирается и развивает дальше ленинскую программу, так классически сформулированную в статье Ленина «О национальной гордости великороссов»¹⁶. Эта программа дается прежде всего, со всей силой и ясностью, свойственной т. Сталину, в его докладе 6 ноября 1941 года. Тов. Сталин говорит в докладе: «По сути дела гитлеровский режим является копией того реакционного режима, который существовал в России при царизме. Известно, что гитлеровцы так же охотно попирают права рабочих, права интеллигенции и права народов, как попирали их царский режим, что они так же охотно устраивают средневековые еврейские погромы, как устраивал их царский режим». Вот вам характеристика царского режима, совершенно ясная характеристика. Здесь совершенно ясно говорится о том, что фашизм — это копия царского режима. Это говорится во время войны, в самый разгар войны, в самые трудные месяцы войны.

И тут же рядом, в этом же докладе т. Сталин говорит о фашистах: «И эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова»¹⁷. Это же и есть сталинская программа воспитания национального самосознания народа, в этом ее суть, это то, о чем мы спорим. Тов. Сталин показывает, на чем, на каких образах прошлого надо воспитывать народ, о какой исторической преемственности идет речь, и вместе с тем говорит, что гнусное наследие царского насилия и произвола целиком воспринято фашистами. А у нас иногда думают, что надо обелять царизм — царизм XIX века. Неужели и это в интересах воспитания национального самосознания, вопреки ясным и четким ленинско-сталинским указаниям? Поэтому, может быть, я выскажу несколько парадоксальную мысль, но мне лично кажется, что одну и ту же по существу ошибку делают все те, кто пытался, или пытается, вычеркнуть из нашей истории Кутузова, Суворова, Александра Невского, Минина и Пожарского, или те, кто хочет сейчас поднять Николая I, Аракчеева и Каткова. Это одна ошибка, это одно и то же. Это не две тенденции, а одна тенденция искажения марксизма, отрицания ленинско-сталинской программы воспитания национального самосознания.

В связи с этим я хотела бы коснуться того вопроса, о котором говорил Владимир Иванович Пичета: о славянофилах и западниках. Он подчеркнул прогрессивные черты славянофильства. Это правильно. Об этом говорится и во II томе вузовского учебника. По этому вопросу была специальная дискуссия, опубликованная в «Историческом журнале» по докладу т. С. С. Дмитриева, где большинство выступающих говорили о необходимости подчеркнуть прогрессивную роль славянофилов в ряде вопросов. Но т. Пичета поставил так вопрос: западники — гегельянцы, а славянофилы — шеллингианцы. Он не говорил, что славянофилы — шеллингианцы, но

смысл его выступления сводился к тому, что раз западники — гегельянцы, значит, реакционеры. (Пичета. Я так не говорил.) Может быть, на слух я неправильно восприняла. Я не говорю о том, что Вы дословно сказали, что западники — гегельянцы и в этом их реакционность. Так можно было понять. Это неправильный вывод из постановления ЦК по философии — все, что от Гегеля, все реакционно.

Тов. Пичета говорил о том, что славянофилы, а не западники, выражали рост национального самосознания русского народа. Я с этим не согласна. Герцен, Белинский, левое крыло западников по-настоящему отражали рост национального самосознания народа. (Бушувев. Герцен говорил, что билось одно сердце.) Когда мы говорим о воспитании патриотизма, мы знаем, что Чаадаев не совсем правильно оценивал прошлое России, он неправ был в своем слишком мрачном взгляде. Но кто все же является подлинным патриотом своего отечества — Чаадаев, ошибки которого вытекали из горячей любви к родине, или Бенкендорф, который говорил, что «прошлое России удивительно, настоящее великолепно, а будущее еще выше и т. д.»? Ответ ясен для всех нас.

Не следует также забывать, что славянофильство — это все же реакция на революционное движение на Западе, это попытка запереть все двери и окна от революционного сквозняка, который дул с Запада. Возьмем последние указания т. Сталина об источниках силы Советского Союза. Я не читала стенограмм акад. Тарле, на которые здесь ссылались. Но он сегодня выступал и говорил по вопросу о факторе пространства в такой формулировке, что «Московия не могла отстоять себя так, как отстояла себя сталинская Россия». Почему для сравнения берется именно Московия? Ясно, что в основу кладется только пространственный фактор, и это идет совершенно вразрез с тем, что говорил т. Сталин об источниках силы Советского Союза. Ведь этот фактор территориального пространства был и в период русско-японской войны, и в период мировой войны, но он один не дает победы, и т. Сталин об этом прямо говорит¹⁸. (Щербаков. В Китае этот фактор налицо, царская Россия тоже располагала этим фактором.) Но этот фактор один не дает победы. Советская власть, большевистская партия дали победы. В этом суть указания т. Сталина.

Говоря об условиях победы, об источниках силы нашего государства, т. Сталин выделяет в первую очередь не фактор пространства, количество населения, богатства недр нашей страны, а новое качество, которое дано Октябрьской революцией и советской властью. Это указание т. Сталина для нас является основным и руководящим. Напомню только, что т. Щербаков в своем докладе, посвященном 20-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина, ясно сказал о том, что от позора порабощения и потери государственной самостоятельности нашу страну спасла большевистская партия, а проф. Яковлев сомневается в том, существовала ли вообще большевистская партия в 1916 году. Поэтому приходится напоминать важнейшие документы нашей партии, которые мы не имеем права игнорировать и только на основе которых мы можем правильно разрешить те вопросы, которые нас волнуют, которые мы здесь обсуждаем.

Историки не сделали всех выводов из указаний т. Сталина об источниках силы Советского государства. Надо показать, как сложились эти источники и, в частности, как сложился один из важнейших источников силы — дружба народов нашей страны. Ясно, что только Октябрьская революция и советская власть создали реальные возможности для дружбы народов, для их подлинного братского единства. Но, говоря об источниках дружбы народов, об ее исторической подготовке, надо во всей широте показать, как зарождалась, скреплялась эта дружба и до Октября, какую роль играла национальная программа партии и совместная борьба народов под руководством русского рабочего класса. Но значит ли это, что, показывая, как готовилась дружба народов до Октября, надо кардинально пересматривать сущность национально-колониальной политики царизма, отказываться или замазывать тот факт, что царская Россия была «тюрьмой народов»? Ни в коем случае.

Часто проблема «наименьшего зла» у нас трактуется как проблема наибольшего блага, а наибольшим благом является только советская власть. Мне кажется, что в этом смысле нем нечего пересматривать национально-колониальную политику царского правительства, которая очень хорошо охарактеризована гг. Лениным и Сталиным. Я совершенно согласна с г. Толстовым в том, что мы чрезвычайно изолированно и оторванно от общей истории, от общего исторического процесса показываем борьбу народов. Царская Россия — это государственное единство, единство насильственное, империалистическое, как говорил Сталин, но единство. А история народов в общем курсе истории СССР часто дается в отрыве от общего процесса исторического развития и освободительной борьбы русского народа. Вот, например, глава о восстании 1916 г. в Средней Азии в книге «История Казахстана». Глава по содержанию очень хорошая, в ней много нового фактического материала, но восстание 1916 г. в ней показано в отрыве от революционной ситуации, от революционной волны и огромного революционного подъема, который имел место в России в эти годы. В этой главе говорится о страданиях казахских масс, о том, что произвол и насилия царских чиновников во время войны 1914 г. еще более увеличились. Это все правильно.

Но ведь бедствия и страдания усилились не только для казахского народа, а еще в большей мере им подвергался русский народ, вынесший на себе основную тяжесть войны. А общая оценка восстания дается такая: «Восстание 1916 года нанесло сильнейший удар по самодержавию. Оно способствовало подъему революционной борьбы русского пролетариата, возглавлявшего борьбу за политическое и национальное освобождение всех народов России» (стр. 372). Ударение бы здесь следовало сделать иное. Не столько восстание 1916 г. способствовало подъему революционной борьбы русских рабочих, сколько революционный подъем в России объясняет нам и значение восстания 1916 года. Народы восставали против царизма. Но в своей борьбе шли рука об руку и под руководством русского народа. Забывают то, о чем говорил т. Молотов на приеме колхозников Таджикистана и Туркмении, что «царизм попирает пятой угнетения не только нерусские национальности, он угнетал и трудящиеся массы русского народа». (Бушув. Дело в том, что курс истории СССР XX в. не читается.) В заключение я хотела бы сказать несколько слов об изучении истории советского периода.

Изучение нашего исторического прошлого, изучение дооктябрьского периода и изучение советского периода нашей истории тесно связаны между собой. Нельзя понять основные вопросы советского периода, не показав преемственной связи с нашим историческим прошлым, но одновременно если смазать принципиальные различия, снять царизм как «тюрьму народов» и «жандарма Европы», то это значит принижать роль и значение Советского социалистического государства, затруднять понимание великой роли советской власти, ставить под вопрос основное — правомерность и историческую обусловленность Великой Октябрьской социалистической революции. Одним из существенных недостатков изучения советского периода является также тот факт, что историки дошли здесь в своей исследовательской работе до 1921—1922 гг. и дальше не пошли.

Есть ряд монографий по истории Октябрьской революции и гражданской войны, опубликована большая документация, но дальше идет как бы запретная зона, которой историки не занимаются. По периоду после гражданской войны нет ни серьезных монографий, ни опубликована документация. А между тем в архивах, в Архиве Октябрьской революции собраны богатейшие документы особенно по периоду восстановления 1921—1925 годов. Историки над этими документами не работают. Институт истории Академии наук начал большую работу по истории коллективизации, и эту работу надо всячески приветствовать. Беда только в том, что вновь проектируется многотомное издание, раньше предполагалось 8 томов — теперь 5, причем первые тома опять посвящены Октябрьской революции и гражданской войне, и пока дойдут до коллективизации, пройдет много времени.

Стремление к многотомным изданиям, известная гигантомания вряд ли принесет нам пользу.

В постановлении жюри правительственной комиссии указывалось, что недостатком изучения советского периода являлся тот факт, что «большинство авторов эпоху построения социалистического общества в СССР описывает больше восклицательными знаками, кликами восхищения и разного рода трогательными анекдотами, песенками и общими характеристиками плюс перечисление 3—4 наиболее популярных первенцев первой пятилетки вместо того, чтобы точно, ясно и просто показать, как в итоге двух пятилеток создана мощная промышленность, крестьяне объединились в колхозы, сельское хозяйство переведено на базу тракторной техники, а для защиты рабоче-крестьянского государства создана мощная, технически оснащенная Рабоче-Крестьянская Красная Армия»¹⁹.

Это говорилось в 1937 г., но этот недостаток не изжит и сейчас, потому что историки не ведут здесь исследовательскую работу, не пошли в архивы, не изучают документов. ЦК партии вправе потребовать от нас преодоления отставания в этом важнейшем вопросе. У нас есть ряд институтов, которые занимаются вопросами истории советского периода. У нас есть советский сектор Института истории Академии наук, редакция «Истории гражданской войны», есть комиссия по составлению хроники Отечественной войны. По существу мы занимаемся вопросами в пределах одного периода — советского периода и очень мало связаны между собой. Параллельно ведется работа, но нет единого связующего центра. Я не предусматриваю создание Института истории советского периода, но пойти по какой-то линии объединения этих институтов с привлечением всех наших историков нужно обязательно. Мне кажется, что хорошо, что во главе истории коллективизации стоит профессор Лященко²⁰. Привлечение к этой работе по изучению истории советского периода наших старых кадров историков имеет большое для нас значение.

Щерб а к о в. Слово имеет т. Державин.

Державин. К числу проблем, на которых сейчас особенно заострено внимание советских историков, поскольку это сказалось и на наших совещаниях, относится проблема «Царское самодержавие и русская общественность в осознании советской современности». Эта проблема лежит в основе обширной тематики, интересующей сейчас русских историков. Она же нередко дает и наибольший разноречивый мнений в оценке конкретного исторического материала. Позвольте мне остановиться в нескольких словах на этой проблеме и отметить мои расхождения с высказываниями некоторых из товарищей.

История царского самодержавия пока не написана, но совершенно понятно, что царское самодержавие не представляет собою явления раз навсегда данного, окончательного и раз навсегда сложившегося и застывшего в своих исконных формах. Русский царизм имеет свою диалектику. В основе своей это дворянская монархия, шаг за шагом разлагаемая капитализмом, идущая на уступки буржуазии и в конце концов погибающая как дворянская монархия. Царская Россия — это «тюрьма народов и международный жандарм». Контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времени Екатерины II до 50-х годов XIX в. и далее была подчеркнута в 1934 г. в «Замечаниях по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» тт. Сталина, Жданова, Кирова». При Екатерине II царская Россия получает окончательное оформление как абсолютистско-феодално-крепостническая держава. С начала XIX в. вместе с подъемом в России капитализма и зарождением национальной буржуазии начинается процесс разложения абсолютистско-крепостнической монархии, который в правление Николая I приводит страну к глубокому экономическому, финансовому и политическому кризису. Этот кризис выражается в прогрессирующем росте крестьянских восстаний, в разложении помещичьего землевладения, в росте оппозиционного общественного движения в среде интеллигенции.

Правительство Николая I пытается спасти разлагающийся царизм тер-

рором, но террор, естественно, не останавливает кризиса, и он завершается катастрофическим поражением всей контрреволюционной системы николаевского абсолютизма в Севастопольской кампании 1854—1855 годов. Правительство Александра II стремится уступками буржуазии спасти разваливающуюся машину царского самодержавия, но прогрессирующий рост капитализма наносит ей беспощадные удары изнутри, и контрреволюционное до мозга костей самодержавие Александра II заканчивается катастрофой 1 марта 1881 года²¹. Самодержавие Александра III мобилизует все реакционные силы страны на спасение старого абсолютистско-феодалного порядка. Системой террора, доведенного до крайних пределов напряжения, самодержавная контрреволюционная власть придушила голос общественности и создала ту удушливую атмосферу во всех областях жизни — в искусстве, в науке, в литературе, — которая превратила жизнь уцелевшей от царского погрома русской общественности в обывательское болото, в котором мечты чеховских трех сестер о Москве и неизменная вера лучших русских людей в грядущий расцвет счастливой и радостной жизни, которая наступит после них, были единственным выходом и единственным утешением в окружающей гнетущей обстановке разлагавшегося царского самодержавия, закончившего данный этап своего развития дальневосточной авантюрой и цусимской катастрофой.

Блестящее художественное воплощение этих невеселых страниц в истории русской общественности дал на страницах своих произведений незабвенный Антон Павлович Чехов. После смерти Александра III царское самодержавие Николая II, начавшееся «Ходынккой» и «Цусимой»²², под влиянием могучего роста производительных сил страны, вопреки максимальному торможению их развития со стороны царского самодержавия, под влиянием роста новых производственных отношений и быстро развивавшейся капиталистической промышленности стремительно катится по наклонной плоскости вниз и доживает свои дни на положении прогнившего насквозь, разложившегося «живого трупа». Октябрьская социалистическая революция сметает этот тормоз с путей исторической жизни народов царской России и открывает перед ними широчайшие пути свободного национального хозяйственного и культурного развития в рамках могучего объединенного социалистического государства — Союза Советских Социалистических Республик.

Согласно учению классиков марксизма, при рабовладельческом строе, при феодализме и при капитализме деятельность государства как государства эксплуататорского меньшинства характеризуется двумя основными функциями — внутренней (главной) и внешней (не главной). Внутренняя функция государства заключается в том, чтобы держать эксплуатируемое большинство, то есть трудовой народ, в узде; внешняя функция заключается в том, чтобы расширять территорию своего господствующего класса за счет территории других государств или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Когда, параллельно с историей царского самодержавия в России как государственной системы эксплуататорского меньшинства, следишь историю эксплуатируемого большинства, то есть историю народа, видишь совершенно иную картину.

Закабаленный под игом феодализма, затем капитализма в рамках государства эксплуататорского меньшинства, русский народ живет своею собственной жизнью. Составляя в государстве эксплуатируемый элемент, русский народ никогда, однако, не рассматривает себя как элемент случайный или посторонний в этом государстве, но всегда понимает себя как элемент, временно насильственно отстраненный от власти и эксплуатируемый царскими чиновниками и помещиками, и всегда ведет неустанную борьбу за свое раскрепощение от ига эксплуататорского меньшинства во имя захвата власти в свои руки и создания своего государства и в то же время бережно хранит территорию государства эксплуататорского меньшинства как свою родную землю, как свое национальное достояние, как священное наследие своих предков, как свою мать-кормилицу и защищает ее от интервентов-захватчиков с Востока и Запада: от степных

кочевников — печенегов и половцев в X—XII вв., от польских феодалов в XI в., от немецких прохвостов-рыцарей с XIII по XVI в., от татар в XIII—XV вв., от польских панов в XVII в., от «двунадесяти языков» во главе с Наполеоном в 1812 г., от коалиции европейских держав в 1854—1855 гг., от немецких империалистов в первую мировую войну.

После Октябрьской социалистической революции под руководством партии большевиков во главе с Лениным и Сталиным он с удвоенной энергией защищает свою землю в 1918 г. на Украине и в Белоруссии, в 1922 г. геройски ликвидирует превосходящие силы интервенции бывших союзников царского самодержавия и создает свою новую пролетарскую государственность и свое новое социалистическое государство, подлинно народное государство, которое за четверть века вырастает в мощный, экономически и политически, оплот демократии всего мира, в ведущее мировое государство.

С изумительным, небывалым и непревзойденным самоотверженным героизмом советский народ, весь целиком в своем 200-миллионном составе, без различия пола и национальности, защищает свое социалистическое государство, свою родную землю от разбойничьего нападения на нее хищнического немецкого империализма, одерживает над ним блестящие победы, которые не только освобождают от врага его родную землю, но и спасают народы Европы от гитлеровской тирании подобно тому, как в XIII—XIV вв. он же спас их от татарского погрома, в XV—XVI вв. — от ига немецких феодалов — князей и баронов, и в 1812 г. — от наполеоновского ига. Имеются ли при феодализме и капитализме точки общности интересов государства эксплуататорского меньшинства с интересами эксплуатируемого народа? Да, имеются. Это, прежде всего и самое важное, — защита территории государства от нападений со стороны других государств, что мы и видим выше на приведенных фактах организованной совместной защиты народом и его эксплуататорами территории государства от нападающих на него врагов.

Классовой государственности принадлежит в данном случае руководящая роль организатора вооруженной защиты территории со всеми вытекающими отсюда необходимыми предпосылками и следствиями. В данном случае, теоретически, интересы классового государства и интересы эксплуатируемого большинства совпадают и идут рука об руку, но в действительности государство эксплуататоров нередко и в данном случае изменяет народу и предает его интересы врагу. Так было, например, в истории русского народа в XVIII в. в Семилетнюю войну, когда интересы русского народа были наглым образом преданы царским самодержавием (Петр III) в пользу агрессора, прусского короля Фридриха. Так было и в Первую мировую войну, отмеченную фактами предательства царским самодержавием интересов народа в пользу империалистической Германии. Блестящим примером такого предательства является политика сателлитов гитлеровской Германии в настоящей войне. Таким образом, царское самодержавие имеет свою историю. Царское самодержавие Ивана Васильевича Грозного или Петра I — это не то же, что царское самодержавие Николая I и тем более Николая II. Это разные этапы в развитии русского самодержавия.

Царское самодержавие не есть русский народ и не есть форма воплощения государственного сознания русского народа, испокон веков политически-демократического и социально-коллективистического, артельного и мирового. Эти исконные для русского народа начала лежат в основе советской социалистической, глубоко народной государственной системы, чем Советское государство и сильно, чем оно и близко русскому народу. Я никогда не отождествлял политики русского царизма с мышлением русского народа. Я высоко ценю политику Ивана Васильевича Грозного, создателя централизованного многонационального государства, которое по своей политической мощи занимало первое место среди европейских держав, считавших, что только московский царь мог бы избавить Европу от агрессии османских турок.

Я высоко ценю плодотворную государственную политику Петра I,

европеизатора России, хотя свою европеизацию он проводил и крутыми мерами. Я отмечаю некоторые прогрессивные элементы в политике екатерининского самодержавия (воссоединение белорусских земель), в политике Александра I (освобождение Сербии, Молдавии, Бессарабии) и Александра II (освобождение Болгарии). Но я решительно протестую против утверждения о прогрессивной исторической роли царского самодержавия вообще, и в частности — о прогрессивной роли самодержавия Николая I, вешателя декабристов, истязателя Пушкина и Белинского, мучителя Герцена, душителя русской общественной мысли, «жандарма Европы» и, что гораздо важнее, сугубо жандарма у себя на родине, опиравшегося притом в своем удушении — русского народа и русской культуры на немцев — дуббельтов, бенкендорфов и т. п., убежденных врагов русского народа.

Начальные годы своей педагогической деятельности, с 1900 по 1908 гг., я провел в Закавказье, в Батуми и в Тбилиси. В течение всех годов пребывания в Закавказье я принимал активное участие в жизни местной демократической национальной общественности. В Тбилиси я был избран рабочими железнодорожных мастерских на должность председателя организованного ими общества народных университетов. Организовал и руководил работой народного университета, организовал 12 школ грамоты на родном языке для грузин, армян, татар, осетин, для русских, для айсоров²³ и других национальностей. В 1905—1906 гг. я возглавлял общественное движение местной интеллигенции. Я русский человек. Отец мой родился в Ярославле, мать — в Тверской губернии. В Закавказье я был свидетелем политики царского наместника, князя Г. С. Голицына, похвалявшегося тем, что он уничтожит всех армян, и их будут показывать только в музеях. Сменивший его наместник И. И. Воронцов-Дашков организовал армяно-татарскую резню, а 22 октября 1905 г. — черносотенный погром, в результате которого были разгромлены прекрасно оборудованные 1-ая мужская гимназия, где я состоял преподавателем, и духовная семинария, считавшиеся очагами революции. После погрома на улицах было подобрано много убитых и раненых.

Мне было поручено общественностью произвести обследование погрома. Я собрал обширный материал, в том числе и собственноручные показания свидетелей и лиц пострадавших, и составил подробный очерк погрома 1-ой мужской гимназии от его начала и до конца, и установил подлинных виновников и активных участников погрома. Таким оказалась известная черносотенная организация — «Союз русского народа», проводившая погром вооруженною силою запасных солдат царской армии и учеников царского юнкерского училища. Доклад мой был сдан в типографию для опубликования в печати, но из типографии он был изъят или выкраден. У меня на руках сохранился, однако, оригинал со всеми собственноручными показаниями свидетелей. В 1907 г. я вывез его с собой в Петербург и в 1935 г., в 30-ю годовщину революции 1905 г. в Закавказье, подарил его грузинскому правительству, которое сдало его на хранение и опубликование в Институт им. Сталина.

Я, русский человек, воспитанный на великой русской классической литературе, на идеях Белинского, Герцена, Чернышевского и Добролюбова, на «Капитале» Карла Маркса, наблюдая своими глазами национальную политику царского самодержавия в Грузии, никогда не отождествлял истребительной системы управления Кавказом князя Голицына или погромной системы Воронцова-Дашкова с политикой русского народа. Я солидаризировался с национально-освободительным движением местной национальной демократической общественности и с революционным движением рабочего класса, которые я рассматривал как органическую часть национально-освободительного и революционного движения русского народа. Это, конечно, не мое субъективное настроение. Это — настроение всей передовой русской общественности. Поэтому я очень рад был прочесть в «Истории Казахской ССР» следующие строки: «Сама по себе колониальная политика царизма не только не была «прогрессивной», а наоборот, стремилась задержать экономическое развитие колоний, искус-

ственно поддерживала самые отсталые формы хозяйства и быта, тормозила развитие национальной культуры. Вот почему передовые русские люди, заинтересованные в демократизации царской России, горячо сочувствовали национально-освободительной борьбе казахов, как и других народов, против царизма. Это совместная борьба казахского и русского народов против общего врага — царизма приближала час их освобождения от реакционно-феодальной власти и дальнейшей борьбы за победу социализма в нашей стране» (стр. 32).

Как известно, Грузия добровольно приняла русское подданство. Но что сделало для Грузии царское самодержавие за все сто с лишком лет своего владычества в Грузии в смысле подъема ее народного благосостояния и культуры? Ничего! Система управления Грузией была направлена к тому, чтобы затормозить рост местной промышленности, затормозить разработку богатейших недр земли, задержать развитие национальной культуры и всячески заглушить ее традиции. Известна история старинного Сионского собора в Тбилиси. Его старая фресковая грузинская живопись по распоряжению царского правительства была покрыта густым слоем извести, которая затем была расписана владимирскими богомазами. Я был поражен, когда, побывав в 1902 г. в Абхазии, узнал, что богослужение в этой древней стране христианства совершается на церковнославянском языке. Известно, что до революции 1905 г. в Закавказье не было ни одного высшего учебного заведения, а только в 1907 г. под давлением местной общественности был создан в Тбилиси местный комитет для разработки проекта создания политехнического института в Тбилиси. Я был членом этого комитета и принимал участие в его работах. Но требование местной общественности создать в Тбилиси университет не получило и в 1907 г. разрешения царского правительства. Такова была система аннексионистско-колониальной политики царского самодержавия в Закавказье вплоть до Октябрьской революции.

Спрашивается, как должен оценить эту систему историк грузинского народа? Он обязан клеймить ее позором, и было бы чудовищным, невыносимым для передовой русской общественности ни в прошлом, ни тем более в настоящем, чтобы она усмотрела в этом отношении грузинской исторической науки к русскому царизму какое-то оскорбление чести или достоинства русского народа. А между тем нечто подобное мы сейчас наблюдаем со стороны некоторых русских историков по отношению к прекрасному труду «История Казахской ССР», который я рассматриваю как образцовый труд по истории национальностей Советского Союза. Аннексионистскую, колониальную, денационализаторскую и колонизаторскую политику царского самодержавия казахский историк не может рассматривать как положительное достижение в исторической жизни казахского народа. Советский историк это должен понимать. Убийственная аннексионистская колонизационная политика царского самодержавия не есть политика русского народа. Я решительно отмежевываюсь от этой политики и как русский человек клеймлю ее позором. Как бы некоторые русские историки ни пытались затушевывать эту политику, для меня остается незыблемым факт, что царская Россия была «тюрьмой народов», в том числе и тюрьмой русского народа, и что Великая Октябрьская социалистическая революция разрушила эту тюрьму до основания и впервые в истории ее народов создала все предпосылки для могучего роста национальной экономики, промышленности и культуры, в том числе и русского народа. Так именно и представлена в капитальном труде по истории Казахской ССР история казахского народа.

Когда нам приходится говорить о национально-освободительном движении героического чешского народа, для нас нет сомнений в том, что правда в данном случае — на стороне угнетенного захватнической колониальной политикой австрийских габсбургов чешского народа; что в подобном же случае правда — на стороне сербского и болгарского народов, боровшихся за свое освобождение с османской Турцией; что правда — на стороне польского народа, боровшегося за свое национальное

освобождение и государственную независимость с абсолютистско-колониальной политикой русского царизма, и что честный и самоотверженный Костюшко, возглавлявший повстанческую армию польского народа в его борьбе с русским царизмом, — подлинный герой польского народа.

Почему же национально-освободительное движение казахского народа, направленное против истребительной, грабительской, разбойничьей, аннексионистской политики русского царизма, я должен рассматривать иначе, чем национально-освободительное движение чешского, сербского, болгарского или польского народов, и усматривать оскорбление чести русского народа, когда казахский историк говорит о разбойничьих нападениях на казахские аулы и кочевья яицких и сибирских казаков или о карательных экспедициях оренбургских губернаторов, или о системе так называемых воинских поисков, которые совершались часто и по любому поводу и заключались в вооруженном грабеже казахских аулов царскими отрядами, и которые, как признался один из оренбургских губернаторов, производились потому, что они позволяли «составлять состояния»?

Почему сербский Карагеоргий или болгарские Василь Левский и Христо Ботев, или польский Костюшко²⁴, которые вооруженною рукою боролись со своими насильниками во имя освобождения родины и своего народа от угнетающей чуженациональной власти, — национальные герои, и почему такие же борцы за свободу казахского народа — Батыр Срым во второй половине XVIII в. или доблестный сын казахского народа Исатай Тайманов и его сподвижник, поэт-революционер Махамбет Утемисов²⁵ в первой половине XIX в., или Кенесары Касымов в XIX в. и т. д., честные сыны казахского народа, — не должны пользоваться нашим уважением? Потому, что они вели вооруженную борьбу за свободу и независимость казахского народа против русского царизма? В одном из своих писем к представителям царской власти Кенесары, перечисляя крупнейшие из грабежей, производимых русскими отрядами и султанами за период с 1825 по 1840 г., насчитывал 15 случаев насилий, грабежа, увоза девушек, продажи детей: «Итак, — писал Кенесары, — множество начальников отрядов с подобными, как султан-предатель Джамантай Букеев, и разбойничьими майорами без вины подвергали опустошительному разгрому множество аулов. За период с 1825 по 1840 г. они предали наши аулы 15 грабежам. Поэтому мы, казахи, не выдержав подобных притеснений, грабежей и убийства, вынуждены были перекочевывать в неизвестном направлении. Однако и здесь они не дали нам покоя. Поэтому я, Кенесары Касымов, вооружившись, поднялся во главе великой борьбы».

Я решительно возражаю против раздававшихся здесь обвинений со стороны некоторых товарищей в том, что будто бы «История Казахской ССР» писалась без плана и т. п. Мне известно, как этот труд писался, как вдумчиво и детально был разработан его план, как этот план проходил через руководящие инстанции, сколько огромного труда было положено казахами-историками на его создание и какую огромную работу по его оформлению проделали редакторы этого труда, в том числе один из уважаемых наших историков и выдающихся общественных деятелей А. М. Панкратова.

Я считаю большой заслугой русской исторической науки, что она помогла казахскому народу написать свою историю как солидный научный труд, написанный в строгом соответствии с указаниями Ленина и Сталина по колониальному и национальному вопросам, а также с замечаниями тт. Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по истории СССР, требовавших подчеркивать «аннексионистско-колониаторскую роль русского царизма, вкуче с русской буржуазией и помещиками», и с указаниями их же на необходимость показывать «условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России» иначе — «Октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается и создание Союза ССР». Авторами «Истории Казахской ССР» учтено было также очень важное указание жюри правительствен-

ной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР о том, что при изучении истории народов СССР изображать эти народы не как объекты истории, а «ввести в качестве субъектов истории также и другие народы, поработанные царской монархией и освобожденные от национального гнета Великой социалистической революцией».

Нельзя, товарищи, смешивать советский патриотизм с патриотизмом «Союза русского народа». Советский патриотизм покоится на незыблемых традициях Октябрьской социалистической революции, на основах национальной политики великой партии Ленина — Сталина, на принципах советского социалистического государственного строительства. Нельзя переводить советский патриотизм на старые, прогнившие рельсы зоологического патриотизма или патриотизма вообще. Советский патриотизм — это детище Октябрьской социалистической революции, это детище огромной организационной работы партии и советского правительства, Ленина и Сталина. Вот наши учителя в деле воспитания патриотизма. Советский патриотизм есть не только социалистический патриотизм, но и сугубо критический патриотизм. Этого нельзя забывать.

Ложно понятый советским историком патриотизм может легко привести к возрождению в нашей исторической науке старых легенд помещиков и буржуазии, вредных для подлинной исторической правды, которую советский историк обязан раскрывать в своих трудах. Было бы грубейшей ошибкой и немислимым положением вещей, если бы, исследуя тот или иной исторический факт, советский историк, игнорируя все положения марксистско-ленинской теории, стал подходить к его оценке с мерилем великодержавного национал-шовинистического патриотизма, а не с мерилем истории борьбы рабочего класса и интересов советского социалистического государственного строительства. Я убежден в том, что ни один из народов, угнетенных русским царизмом в прошлом и освобожденных из «тюрьмы народов» Великой октябрьской социалистической революцией, не может петь гимнов денационализаторской аннексионистской политике русского царизма, и во имя ложно понятого некоторыми русскими историками патриотизма забывать и игнорировать свое родное национально-освободительное движение, направленное против русского царизма, а тем самым затушевывать великую освободительную роль Октябрьской социалистической революции от национального угнетения.

Может быть, политика русского царизма в Грузии, в Казахстане, в Польше и в других подобных случаях не была аннексионистско-колониаторской и денационализаторской политикой, но политикой, диктовавшейся интересами государственной безопасности и охраны государственных границ? Нет, такую она не была! Об этом вопиют факты, характерные именно для захватнической колониальной политики русского царизма в национальных областях. Надо было бы предварительно выбросить из истории угнетенных царизмом народов эти факты для того, чтобы политику тюремщика угнетенных народов превратить в политику их благодетеля. Но в таком случае подлинную историческую науку мы должны были бы превратить в лженауку.

Есть и другая опасность, угрожающая, с моей точки зрения, исторической правде, вставшая перед советскими историками за годы войны. Это именно ретроспективная оценка аннексионистско-колониальной политики русского царизма в таких национальных областях, как Грузия, Польша, Казахстан и т. п., то есть оценка этой политики с перспективной точки зрения более позднего времени. В силу этой точки зрения русский царизм своею аннексионистско-колониальной политикой в национальных областях преследовал, будто бы, интересы обеспечения государственной безопасности России со стороны Индии, Китая и Ирана. Но документальных данных в этом смысле не приводится никаких, а между тем имеется склонность этому домыслу принести в жертву подлинную историческую действительность и тем самым если не совершенно аннулировать всю аннексионистско-колониальную политику русского царизма в национальных областях, то в значительной мере смягчить и затушевывать ее. С моей точки зрения, эта

искусственно и ретроспективно навязываемая политике русского царизма тенденция не отвечает ни интересам советской исторической науки, ни интересам советского социалистического строительства в наших национальных республиках.

Советским историкам известно требование, чтобы история Великой России не отрывалась от истории других народов СССР и чтобы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, от мировой истории. И это требование они проводят на практике в своих трудах, как это мы имеем, например, в учебнике «Истории СССР». Хотелось бы, однако, чтобы это важное требование советские историки освоили еще шире по линии еще большей увязки истории России с историей славянских народов. Я считал бы сейчас обязательным для всех советских историков по Западу и России изучение истории славянских народов — этого требуют от нас интересы международной политики и исторической методики.

Начиная с VI в. нашей эры славяне занимают самые обширные пространства на европейской территории начиная от Подонья на Востоке и кончая Залабьем, бассейном р. Заалы и Адриатическим побережьем — на Западе, Балтийским побережьем — на Севере и Балканским полуостровом, Причерноморьем и Приазовьем — на Юге. Начиная с VI—VII вв. и в течение всего последующего времени вплоть до настоящего дня славянские народы стоят в самой гуще международных отношений и играют значительную роль в истории народов Запада и Востока. Это настолько значительный фактор в истории народов Европы, в том числе и истории России и СССР, что игнорировать его означало бы априорный, сознательный отказ от изучения подлинной исторической действительности народов Европы, России и Советского Союза и сознательное ограничение исторического познания. Русские, украинцы и белорусы вместе образуют восточную ветвь славянского народа, то есть его органическую часть. На известных этапах исторического развития этой части она тесно связана со своим целым и вместе с ним переживает общий исторический процесс своего развития.

Такие проблемы, как: проблема происхождения русского народа, проблема общественного строя у восточных славян в древности, процесс зарождения и развития феодальных отношений и становления феодального строя у восточных славян, восточные славяне и Византия вплоть до XV в., международные славянские связи и отношения России в древности, в частности русско-польские отношения, славяно-германские отношения начиная с VII в. и русско-германские отношения как их прямое продолжение начиная с XIII в., религиозно-рационалистические движения у славян (богомилство X в., гуситские войны и реформация в XV в.)²⁶ и их отражения в истории русской общественности, завоевания славянских народов Балканского полуострова, северного Причерноморья и Приазовья османскими турками и начало русско-турецких отношений; обширную и очень важную страницу в истории России составляют русско-славянские отношения со времен Петра I.

Нельзя знать по-настоящему польской политики Екатерины II и ее подлинной роли в истории разделов Польши 1772, 1793 и 1795 гг. без детального изучения польско-германских отношений, то есть истории Польши в XVIII веке. Нельзя по-настоящему понимать историю общественного движения в России в начале XIX в. без изучения истории славянского возрождения в конце XVIII и в начале XIX в., нашедшего себе широкий отклик в идеологии Общества соединенных славян и левого крыла декабристов, Кирилло-мефодиевского братства²⁷ и, в частности, в творчестве его члена, Тараса Григорьевича Шевченко, восторженного демократа-панслависта.

Славянско-русскими отношениями, тесно переплетающимися с широкими международными отношениями, переполнена вся русская история XIX века. И т. д. Только изучение истории славянских народов, изучение истории многовековой борьбы славянских народов с немецкими захватчиками и излюбленных пруссаками методов международной политики,

основанных на закулисных интригах, лжи, клевете и провокации, на системе натравливания славянских народов друг против друга, и в первую очередь польского народа против России и русского народа, расшифровывает подлинный смысл прекрасного пушкинского стихотворения 1831 г. «Клеветникам России», представляющего собой гневный окрик русского поэта, вырвавшийся из его груди, в защиту русского народа и его чести против западных клеветников, интриганов и провокаторов. Эта политическая система, характерная для пруссаков-пангерманистов, остается в полной силе и в политике империалистической Германии и его фашистской своры.

Русским историкам надо знать, что в кругах немалочисленных наших врагов на Западе русский народ и его история опутаны густой сетью интриг и клеветы, и в этой плоскости западными историками нередко освещается и наша международная политика, и наша история. Нам надо быть постоянно начеку, быть постоянно во всеоружии критической исторической мысли и никогда не принимать ничего на веру идущего к нам от западной буржуазной науки. Руководством в этом нам могут служить марксистско-ленинская теория и собственное социалистическое сознание.

Заявление А. М. Панкратовой: Секретарю ЦК ВКП(б) Щербакову А. С.

Прошу Вашего разрешения огласить ²⁸ следующее мое заявление:

1) Учитывая замечания критиков и рецензентов, а также сознавая необходимость всемерного улучшения напечатанной год тому назад книги «История Казахской ССР», являющейся первым в СССР опытом создания истории советской национальной республики с древнейших времен до наших дней, коллектив авторов постановил приступить к переработке книги на русском языке и к подготовке ее издания на казахском языке.

Стремясь сделать подлинно большевистскую книгу, воспитывающую казахский народ в духе преданности к советской родине и дружбы народов, особенно к великому русскому народу, авторы просят здесь присутствующих историков внести все имеющиеся у них поправки и конкретные замечания, чтобы учесть все возможное и необходимое для улучшения книги.

2) Вместе с тем авторы книги, дважды обсудив рецензию Яковлева и изложенные в ней установки, не считают возможным принять их как не соответствующие основам марксизма-ленинизма в вопросах национально-колониальной политики, а политически имеющие тенденцию великодержавного шовинизма, способную лишь вызвать реакцию местного шовинизма, а не бороться с ним.

3) Считаю своим долгом заявить мое решительное личное несогласие (авторский коллектив об этом не знает) с принципиальными установками проф. Ефимова, высказанными им в его выступлении 10.VI, которые несмотря на всякие оговорки, правильные общие положения и цитаты являются, как и все выступление проф. Яковлева, вопиющим разрывом с духом и смыслом учения Ленина-Сталина по национальному и колониальному вопросу. Так называемые пять пунктов теории колонизации проф. Ефимова, в которых нет ни малейшего классового подхода к колониальному вопросу, по сути дела, воспроизводят бернштейнианско-ревизионистскую позицию, как она особенно ярко проявилась на Штутгартском конгрессе II Интернационала в 1907 году: Эта позиция, не признавая колониальных войн, захватов и завоеваний, все дело сводит к неправильным «методам» отдельных колонизаторов и так же безоговорочно, как это сделал проф. Ефимов, объявляет «колонизацию» фактом объективно-прогрессивным, осуждая «вожачков национально-освободительных движений».

Требую не отрывать истории колоний от России и других колоний, проф. Ефимов фактически, как и проф. Яковлев, становится на путь отказа от первого и основного требования марксистско-ленинской исторической науки — рассматривать историю народов нашей страны не как объект, а как субъект истории. Фактически же это требование проф. Ефимова

в замаскированной форме означает отнесение всех народов СССР, кроме русского, к народам «неисторическим».

Я не могу также ни согласиться, ни принять мотивировку проф. Ефимова в его возражении по поводу «теории» наименьшего зла в отношении к истории Казахстана. Ссылаясь на устаревшее и неверное положение историка Соловьева о том, что малая страна неизбежно становится ареной борьбы за нее и вокруг нее сильных соседей, и поэтому (следует сделать вывод) малые и слабые страны не имеют права рассчитывать на самостоятельное и независимое существование, а должны искать себе сильного покровителя, в состав которого они должны войти, проф. Ефимов считает неизбежным присоединение в будущем Казахстана к Англии (если бы не царская Россия), хотя «Англия и не оставила документальных справок о планах своей экспансии».

Возможность (а не реальность в XVIII—XIX вв.) экспансии Англии мы не отрицали. Но, не обладая документами и фактами переговоров, нападений и даже торговых или иных значительных операций англичан в Казахстане в этот период, мы не считали себя вправе (ни с научной, ни с политической стороны) становиться на путь сомнительных оценок намерений и замыслов англичан в Казахстане в будущие времена.

4) Выступление т. Минца по вопросу о применении «теории» наименьшего зла в отношении Казахстана, к сожалению, ничего не дало для улучшения нашей книги, так как т. Минц не привел ни одного факта и ни одного документа, а сослался на то, что наша книга дает материал для такого рода общей оценки присоединения. Действительно, мы старательно отметили все факты двойной агрессии в отношении Казахстана, чтобы казахи знали, что им приходилось бороться за свою независимость и до русского завоевания, и во время этого завоевания. Мы показали, что казахам несли Китай, Джунгария, среднеазиатские ханства и т. п., но к концу XIX в., когда завершилось завоевание, эти агрессоры были все слабее царской России. Мы не считали необходимым говорить казахам, что у них была какая-то возможность выбора (ее не было уже), но мы отделили царизм и его политику от русского народа и его жизненных интересов, показав, что свержение царизма и его национального и социального гнета отвечает коренным интересам русского, казахского и всех остальных народов России.

Если по каким-либо соображениям, каких мы, видимо, не учли, необходимо подчеркнуть, что изложенная в нашей книге двойная агрессия и есть «теория наименьшего зла», мы оставляем за собой возможность вернуться к этому вопросу и продумать, в какой форме и степени эту «теорию» применить в истории Казахстана.

5) От имени авторского коллектива, из членов которого здесь, к сожалению, никто не присутствует, я еще раз убедительно прошу организовать (м. б. в Управлении пропаганды) конкретное обсуждение «Истории Казахской ССР» с вызовом местных авторов и редакторов, поскольку этот вопрос стал крайне остро именно в Казахстане и является для него вопросом решающего значения, затрагивая все вопросы пропаганды и агитации и глубоко задевая национальные чувства казахов.

А. Панкратова

22.VI.1944 г. 29.

(Продолжение следует)

Примечания

1. На заседании 22 июня присутствовали: Аджемян, Аманжолов, Базилевич, Бахрушин, Бушуев, Васецкий, Волгин, Волин, Галкин, Генкина, Городецкий, Греков, Державин, Еголин, Ефимов, Иовчук, Ковалев, Косьминский, Кружков, Кузаков, Минц, Мишулин, Морозов, Нечкина, Панкратова, Поликарпов Д. А. (1905—1965, член КПСС с 1924 г., в 1939—1944 гг. — зав. отделом и зам. начальника Управления агитации и пропаганды)

- ЦК ВКП(б), Ратнер, Рубинштейн, Светлов, Сидоров, Слепов, Тарле, Толстов, Удальцов, Фатеев, Федосеев, Хвостов, Шамберг, Шарова, Щербаков, Яковлев А. И. Яковлев Н. Н. (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 204—206).
2. Десятый съезд РКП(б). Стеногр. отч. М. 1963, с. 181.
 3. Там же, с. 598.
 4. СТАЛИН И. В. Соч. Т. 13, с. 105.
 5. Богословский М. М. (1867—1929) — историк, академик АН СССР, автор трудов и публикаций документов по истории абсолютизма, местного управления в XVII—XVIII вв., материалов для биографии Петра I (тт. 1—5).
 6. Ленинградское отделение Института истории АН СССР.
 7. ГАФУРОВ Б., ПРОХОРОВ Н. Таджикиский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины. Очерки по истории таджиков и Таджикистана.
 8. Речь идет о письмах К. Маркса Ф. Энгельсу от 2 июня 1853 г. в Манчестер и Энгельса Марксу в Лондон от 6 июня, в которых упоминается книга французского путешественника Ф. Бернье (1625—1688) «Путешествия, содержащие описание государства Великого Могола, Индостана, Кашмирского царства и т. д.» (1830). (МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 28, с. 214—215, 222).
 9. Хакк-Назар (ум. 1580) — казахский хан; в 1573 г. русское правительство пыталось установить с ним отношения.
 10. Срым Датов (Батыр Срым) (ум. 1802) — руководитель восстания крестьян и части патриархально-родовой знати в Казахстане против царизма, хана и султанов Младшего жуза в 1783—1797 годах. Восстание потерпело поражение из-за раскола среди восставших.
 11. Речь идет о Московском университете.
 12. СТАЛИН И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. 1942. В 1944 г. вышло четвертое издание книги.
 13. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 19, с. 52—53.
 14. СТАЛИН И. В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М. 1952, с. 4—5.
 15. ЛЕНИН В. И. ПСС. Т. 12, с. 331—332.
 16. Там же. Т. 26, с. 106—110.
 17. СТАЛИН И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 4-е изд., с. 26, 28.
 18. Там же, с. 109—111.
 19. Большевик, 1937, № 17, с. 11.
 20. Лященко П. И. (1876—1955) — экономист, член-корреспондент АН СССР, автор трудов по аграрным проблемам и истории народного хозяйства СССР.
 21. Убийство народовольцами Александра II.
 22. «Ходынка» — катастрофа на Ходынском поле в Москве 18 мая 1896 г. во время раздачи подарков по случаю коронации Николая II, где погибло 1389 человек; «Цусима» — сражение 14—15 мая 1905 г. в Корейском проливе у о. Цусима во время русско-японской войны, где была разгромлена приплывшая с Балтики русская эскадра.
 23. Ассирийцы.
 24. Карагеоргий (Петрович Г.) (1768—1817) — руководитель первого сербского восстания 1804—1813 гг. против османского ига, основатель династии Карагеоргиевичей; Левский (Иванов) В. (1837—1873) — болгарский революционный демократ, участник 1 и 2 военных соединений болгарских эмигрантов 1861—1862, 1867—1868 гг., созданных для борьбы за освобождения Болгарии, казнен турками; Ботев Х. (1849—1876) — болгарский революционный демократ, поэт, с 1874 г. — член болгарского революционного комитета, погиб в бою с турками; Костюшко Т. (1746—1817) — руководитель польского восстания 1794 года.
 25. Махамбет Утемисов (1804—1846) — казахский поэт, участник антиколониальных и антифеодальных восстаний под руководством И. Тайманова.
 26. Богомилство — еретическое, антифеодальное движение на Балканах в X—XIV вв.; гуситские войны 1419—1437 гг. — борьба чешского народа против католической церкви, феодального гнета и немецкого засилья; реформация — общественное движение в Западной и Центральной Европе в XVI в. против католической церкви.
 27. Общество соединенных славян — тайная революционная организация декабристов на Юге России в 1823—1825 гг.; Кирилло-мефодьевское братство — тайная политическая организация разночинной интеллигенции в Киеве в 1845—1847 годах.
 28. Данное заявление находится в тексте стенограммы; очевидно, оно было оглашено на заседании 22 июня.
 29. 27 июня 1944 г. Ефимов обратился с письмом к Щербакову с возражениями по поводу этого заявления (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 75—82).

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ И СТУДЕНТАМ

История и культура народов Азии, Африки и Латинской Америки

(с древнейших времен до наших дней)

Глава XVII. Древние цивилизации Америки

Начиная с XVI в. и до наших дней не затихают споры ученых о том, кто же были первые жители Америки. Называют выходцев с Канарских островов, финикийцев, карфагенян, древних греков и римлян, евреев, испанцев, египтян, вавилонян, китайцев и даже татар и скифов. Отправляясь в 1493 г. в свое первое плавание на поиски западного пути в Индию, Христофор Колумб взял с собой переводчика, знавшего испанский и арабский языки и несколько китайских и японских слов.

Впоследствии было установлено, что население открытого Колумбом Нового Света в то время говорило на 1700 различных языках и диалектах. Столь богатая и пестрая лингвистическая карта Западного полушария свидетельствует о том, что до прихода испанцев люди там жили десятки тысяч лет.

Среди множества племен, обитавших на этом континенте, по своей численности и, отчасти, по уровню развития можно выделить следующие: эскимосы, ирокезы, пуэбло, навахи (Северная Америка), ацтеки (Мексика), майя (Мексика, Центральная Америка), карибы и араваки (Антильские острова, бассейн реки Ориноко), тупигуарани (Бразилия, Парагвай), чибча (Колумбия), кечуа и аймара (Перу, Боливия), китос и карас (Эквадор), чарруас (Уругвай, Аргентина), арауканы (Чили).

К моменту прихода европейцев племена, жившие в различных регионах Нового Света, существенно отличались друг от друга. Наиболее высокий уровень общественно-экономического развития имели индейцы Мексики, Центральной Америки и Перу. В основе этих цивилизаций лежало земледелие — возделывание кукурузы. На приоритет в ее окультуривании почти с равными правами могут претендовать Мексика, Перу и Боливия. Это произошло около семи тыс. лет назад. Индейцы оказались весьма искусными земледельцами. В общей сложности они употребляли в пищу почти 20 тыс. растений — больше, чем все народы других континентов вместе взятые (правда, эта цифра включает в себя десятки, а иногда и сотни видов одной и той же культуры). Американский континент «подарил» миру помимо кукурузы картофель, томаты, какао, подсолнух, табак, лекарственные средства — хинин и бальзам. Здесь производилась и такая сложная операция, как трепанация черепа. В то же время аборигены Нового Света не знали

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 1—3, 5—6, 10, 11—12; 1996, № 2.

Автор XVII главы — *Ларин Евгений Александрович*, доктор исторических наук.

колеса, лошадей, не плавил железо, которое они научились обрабатывать значительно позже золота, серебра, платины, меди и бронзы.

До европейского завоевания самые развитые цивилизации Западного полушария сложились в Месоамерике и в Андах — в регионах, называемых иногда зонами высоких цивилизаций. Понятием «Месоамерика», впервые введенным в 1943 г. германским ученым П. Кирхгофом, археологии обозначают Мексику и большую часть Центральной Америки (до полуострова Никойя в Коста-Рике). На этой обширной территории, сменяя друг друга, оставили след несколько древних цивилизаций. Наиболее известными среди них являются цивилизации майя и ацтеков.

1. *Цивилизация майя.* Ученые относят нижнюю хронологическую границу цивилизации майя к II, а иногда и к III тысячелетию до н. э., верхнюю — к X веку н. э. Наибольший расцвет ее приходится на VI—VIII века н. э.

Индейцы майя распространили свое влияние на полуостров Юкатан, Гватемалу, Белиз, часть Гондураса и Сальвадора и территорию нескольких штатов современной Мексики. Обширные пределы этой цивилизации (325 тыс. кв. км) охватывали ареал обитания нескольких десятков, а может, и сотен племен, унаследовавших одну культуру, в рамках которой различались, естественно, и определенные региональные особенности. Самыми многочисленными из этих племен были: майя, киче, уастеки, какчикело, тсентало, лакандоне, итса. Иногда цивилизацию майя называют майя-киче, выделяя племя, обитавшее на территории современной Гватемалы и говорившее на одном из диалектов майя. Взаимовлияние майя и киче стало особенно существенным, начиная с VI века н. э.

В XX в. долгое время была популярной гипотеза германского археолога М. Уля, согласно которой майя постоянно мигрировали по континенту, положив, таким образом, начало всем индейским культурам. Однако, археологические раскопки, проведенные в конце 30-х — начале 40-х гг. в бассейне р. Амазонки, и открытия перуанского ученого Хулио Тельо в районе Анд показали, что существовали еще более древние культуры, чем цивилизация майя. Действительно, общепризнанная в настоящее время в мировой историографии нижняя хронологическая граница появления индейцев в Западной полушарии — 23 тыс. лет до н. э. не дает оснований утверждать, что культура майя является праматерью остальных индейских культур. Результаты новых раскопок отодвигают эту границу еще дальше вглубь веков. Тем не менее, цивилизация майя несомненно оставила глубокий след в истории Латинской Америки и прежде всего в области культуры.

Среди множества загадок, которые таит история майя, едва не самая главная — тайна их происхождения. Известно только, что три-четыре тысячи лет назад майязычные народы уже населяли юго-западную часть Гватемалы и возделывали маис. Может быть местонахождение первоначального очага майя зашифровано в их названии. Ма-ау-ха, по мнению некоторых мексиканских исследователей, означает «земля без воды». Не засушливый ли Юкатан, в таком случае, является прародиной майя?

Некоторые исследователи считают, что цивилизация майя испытала очень большое влияние цивилизации ольмеков, обитавших на побережье Мексиканского залива в первом тысячелетии до нашей эры и отличавшихся высоким уровнем развития культуры. В частности, они владели системой алгоритмов, у них был календарь и иероглифическая письменность, при лечении больных они широко применяли гомеопатию. Ольмеки славились искусной обработкой камня, оставили прекрасные образцы своего мастерства, дошедшие и до наших дней. Излюбленной формой в ольмекской скульптуре были гигантские головы, намного превышавшие рост человека. Как правило, все они имеют ярко выраженные «негроидные» черты, что породило множество фантастических гипотез и предположений. К моменту заката цивилизации ольмеков (первая половина I в. до н. э.), вызванного нашествием племен с севера Американского континента, ольмеки имели систему административно-территориального управления, по ряду черт схожую с номами Древнего Египта. Некоторые исследователи полагают, что

ольмеки и майя — один и тот же народ, однако, сколько-нибудь убедительных аргументов при этом не приводится.

В цивилизации майя историки выделяют три периода: протоклассический (II тыс. до н. э. — III в. н. э.), раннеклассический (300—600 гг.) и позднеклассический (600—900 гг.). Естественно, что последние два этапа значительно лучше представлены различного рода памятниками материальной и духовной культуры, сохранившимися до наших дней. Поэтому в монографических работах, посвященных цивилизации майя, как правило, основной акцент делается на первом тысячелетии нашей эры. Среди них следует выделить прежде всего труды американского ученого С. Морли. Большой вклад в дешифровку письменности майя внес Ю. В. Кнорозов. Целый ряд фундаментальных исследований по истории майя в 70—90 гг. опубликовал В. И. Гуляев¹.

Хотя в основе существования цивилизации майя лежало сельское хозяйство, важную роль играли городские центры, древнейшие из которых сложились к рубежу нашей эры (Тикаль, Вашактун, Волактун, Балакбаль и др.). Наиболее известными из городов, возникших в последующие века, были Копа, Чичен-Итса, Майяпан. Морли считал, что в Копане в период его наивысшего расцвета проживало около 200 тыс. человек. Городской центр занимал площадь 30 га. Между 756 и 771 гг. там были воздвигнуты три храма, высотой до 30 м. Кроме того центр города украшали несколько пирамид, террасы и статуи. Особым почетом у древних копанцев пользовались «божественные» ягуары, считавшиеся покровителями земледельцев. Естественно, что и их изваяниям нашлось место на главной площади города.

Видимо правомерно предположение Кнорозова, что первоначально у майя существовал ряд городов-государств с небольшой подвластной им территорией. С течением времени они объединялись в военные и политические союзы, как правило, довольно непрочные и быстро распадавшиеся. Объединяющим началом таких союзов была не только необходимость отражения угрозы нашествия других племен, но и общность их религиозных воззрений. Эти два фактора являлись важнейшими в жизни этого общества, вследствие чего власть в нем принадлежала жрецам и военной знати. Возглавлял город-государство светский верховный правитель «халач-виник» (настоящий человек). Подвластные ему чиновники — «батабы» осуществляли судебную и исполнительную власть.

Религия майя изменялась и усложнялась по мере перехода от кочевого к оседлому образу жизни. Долгие годы для нее было характерно обожествление Солнца, Луны, дождя, молнии, ветра, гор, равнин, рек, водопадов. Названным этот перечень далеко не исчерпывается. Постепенно создавался пантеон богов, который соответствовал космогоническим представлениям майя.

Творцом мира майя считали бога Унаба или Унаба Ку. В священной книге майя-киче «Пополь-Вух» говорится, что творец создал человечество из кукурузы. Согласно верованиям современных майя, уходящим своими корнями в глубокую древность, мир создавался четырежды и трижды разрушался всемирными потопами. Вначале был мир карликов, построивших большие города. Они делали это в темноте, поскольку еще не было создано Солнце. Когда оно впервые взошло, карлики превратились в кани, а города были разрушены. Последовавший затем мир был населен преступниками, которых смыло новым потопом. Третий мир оказался заселенным самими майя, однако, также был смыт потопом. Четвертый, современный мир, считают майя с Юкатанского полуострова, населяют люди, появившиеся на свет в результате смещения всех ранее существовавших на этом полуострове поколений. Но и ему уготована та же судьба: неизбежен четвертый всемирный потоп.

В религии древних майя присутствует известный дуализм: деление богов на доброжелательных и злонамеренных. Первые и подарят дождь и обеспечат урожай кукурузы, и способствуют изобилию. Вторые заняты в основном разрушительными процессами: засухами, ураганами, войнами.

Видимо, к числу и тех и других можно отнести четырех богов-братьев Бакаб, которым после сотворения мира было поручено держать четыре стороны света. Пока они их держали — делали благое дело, однако, во время потопа охваченные страхом, они бежали, бросив все на произвол судьбы.

Представления майя об устройстве мира были весьма своеобразны. Они считали, что он состоит из тринадцати верхних сфер, среди которых последней является Земля, и девяти нижних, которые включали в себя и царство мертвых (Митналь) во главе с богом смерти А Пучем. Каждая верхняя и нижняя сферы имели своего бога.

Долгое время майя почти не прибегали к человеческим жертвоприношениям, ограничиваясь фруктами, живыми или мертвыми животными, птицей, рыбой, различными украшениями. Однако, в конце X в. н. э., в период заката этой цивилизации, майя стали часто приносить в жертву своих соплеменников. Ими могли быть и мужчины, и женщины, и дети. К человеческим жертвоприношениям майя прибегали в годы сильных засух, ураганов, во время других стихийных бедствий. В основном эти жертвоприношения осуществлялись в священном городе майя Чичен-Итсе, где имелся специальный комплекс для подобных церемоний. Его важной составной частью был глубокий колодец, куда и сбрасывались останки принесенных в жертву.

Неудивительно, что при огромном значении религии в жизни майя решающая роль в управлении городами-государствами принадлежала жрецам, которые к тому же вносили большой вклад в развитие культуры. Свою власть они связывали с богами возвышающихся над землей сфер и поэтому много внимания уделяли астрономии. В повседневной жизни майя пользовались двумя календарями: солнечным, включавшим 365 дней, и ритуальным (260 дней). В первом они делили год на 18 месяцев по 20 дней и дополнительный месяц из 5 дней. Названия месяцев и дней применялись и во втором календаре, где счет велся на промежутки по 13 дней. Религиозная символика широко использовалась в обоих календарях. Первый календарь служил для майя главным ориентиром при проведении сельскохозяйственных работ; в основе его лежало подсечно-огневое земледелие, возделывание кукурузы, бобов, тыквы. С его помощью выбирались оптимальные сроки для корчевки леса, выжигания полей и для сева. Этими работами также руководили жрецы. Жреческая каста тщательно оберегала свои знания, что также помогало ей удерживать исключительное положение в обществе.

Среди всех цивилизаций Америки майя имели самые высокие достижения в области культуры. К ним следует прежде всего иероглифическую письменность, познания в астрономии и математике. Поражают своей изысканностью и совершенством живопись, скульптура и керамика. До наших дней сохранились три книги (кодексы) майя (по месту их нахождения они именуются: парижский, мадридский и дрезденский). Выполненные на бумаге из луба фикуса они содержат ритуальный календарь, тексты для жрецов и другие тексты, изобилующие упоминаниями о мифических персонажах. В области математики майя впервые в мире ввели понятие нуля. Они были искусными строителями и мореплавателями. Не случайно в историографии их нередко именуют то греками, то финикийцами, то викингами Нового Света.

Выдающимся памятником древних культур Американского континента является сакральный эпос индейцев киче «Пополь-Вух». Современная версия этой книги записана в конце XVI в. доминиканским монахом Ф. Хименесом. Это своего рода Библия майя: она позволяет судить об их космогонических и мифологических представлениях, содержит легенду о сотворении мира, исторические предания.

В X в. наступает закат цивилизации майя. Многие города были оставлены жителями и оказались разрушенными. Существует целый ряд гипотез о причинах ее заката и гибели городов, однако точного ответа наукой пока не найдено. Среди множества вариантов — землетрясения, эпидемии, вне-

запное изменение климата, гражданские войны, вражеское завоевание, народные восстания против жрецов и знати, снижение плодородия почвы и др. Наиболее приемлемым представляется тот, который связан с нашествием на полуостров Юкатан с севера племен тольтеков и крупными социальными потрясениями.

2. *Цивилизация ацтеков.* История ацтеков до их появления во второй половине XII в. н. э. в Центральной Мексике также таит множество загадок, хотя наука имеет в своем распоряжении большое количество документальных свидетельств об их цивилизации. Ацтеки называли свою родину островом Астлан (место, где живут цапли). Точное местонахождение этого острова не установлено, однако, большинство исследователей склоняется к тому, что первоначально ацтеки обитали на побережье и островах, прилегающих к северной части Калифорнийского залива. Подтверждением тому служат и археологические находки, и топонимы здешних мест, указывающие на явное влияние языка ацтеков-науатля, и сходство многих предметов, типичных для Верхней Калифорнии ушедших веков, с их аналогами, изображенными в ацтекских кодексах², которых дошло до наших дней значительно больше, чем кодексов майя.

То, что в исторической литературе фигурирует под названием ацтекской цивилизации, фактически было созданием, во всяком случае на ее первом этапе, семи племен, говоривших на родственных языках: хочимилька (переводится как владеющие посадками цветов), чалька (владельцы устья реки), текпанека (люди каменного моста), аколуга (владельцы горбатого холма), тлауика (люди около земли), тласкальтека (из хлебной земли) и племени ацтеков.

Среди них охотничьи племена ацтеков оказались самыми воинственными. Они не только возобладали над перечисленными племенами, но и в течение двух веков вели широкие завоевательские кампании. В начале XIV в., покорив многие племена, обитавшие в Центральной Мексике, ацтеки создали могущественную империю. Примерно в 1325 г. ее столицей стал основанный ими город Теночтитлан (современный Мехико).

Долина Мехико стала центром ацтекской цивилизации. Площадь этой долины составляла 9600 км². Задолго до начала нашей эры эта цивилизация играла важную роль в жизни племен Центральной Мексики. Наибольшее влияние на ее хозяйство и культуру оказали ольмеки и тольтеки. В I тысячелетии н. э. тольтеками там был создан «город богов» Теотиуакан, имевший в годы наивысшего расцвета (III—VII вв.) 50—80 тыс. жителей. На его главной улице — Дороге мертвых (длина 4 км) расположены пирамиды Луны (высота — 42 м.) и Солнца (высота — 64,5 м.), найдены остатки других пирамид, древних дворцов и храмов.

Ацтеки усвоили богатые традиции и замечательные достижения всех предшествовавших им мексиканских цивилизаций. От майя они унаследовали иероглифическое письмо и широко пользовались им. Весьма оригинальной была полихромная керамика ацтеков. Всемирной славой пользуются их скульптуры, сохранившиеся до наших дней: «Грустный индеец», «Голова мертвого», статуя бога Шочипилли и др.

Согласно одной из ацтекских легенд, мир четырежды разрушался — ягуарами, ураганами, огнем и водой. После каждой такой катастрофы человечество возникало заново, не унаследовав абсолютно ничего от предыдущих поколений. Любопытно, что во время второго катаклизма часть оставшихся людей, по версии ацтеков, превратилась в обезьян, а после четвертого — возникла необходимость создать новое Солнце. И тогда, как гласит легенда, боги собрались в Теотиуакане и спросили друг друга, кто из них решится « позаботиться о том, чтобы был день, был свет ». Это вызвались сделать два бога — могущественный и надменный «властитель раковин» бог Текуксистекатль и бедный, но необычайно отважный бог Нанауацин. В Теотиуакане запылал костер, горевший четыре года. Эти два бога, вызвавшиеся принести себя в жертву ради создания нового светила, должны были броситься в него. Языки пламени не испугали только Нанауцина, а трусливый Текуксистекатль предпочел истлеть в пе-

пле затухающего костра. С тех пор сияние и блеск исходят от Нанауацина, ставшего богом Солнца, а мертвенная бледность — от Текуксистекатля, превратившегося в бога Луны.

Эта красивая легенда имела, однако, зловещие, окрашенные в кровавые тона последствия. Чтобы не померк больше никогда блеск Солнца, бог войны Уитцилопочтли должен был ежедневно вести ожесточенную борьбу со звездами и Луной. В этом трудном противоборстве ему могли помочь только души тех, кто погиб на поле боя или был принесен в жертву. Так возникла идея человеческого жертвоприношения. Она является центральной в религии ацтеков, которые обосновывали ее следующим образом. Люди не могут жить без повседневного участия богов, а те, в свою очередь, нуждаются в том, чтобы человек поддерживал их, принося ради этого в жертву собственную жизнь. Из нее боги получают живительную для себя магическую субстанцию, содержащуюся в крови и сердце человека. Таким образом, ацтеки считали себя современниками пятого Солнца, тщательно охраняемого Уитцилопочтли, что и дало им повод сделать его своим главным богом. Очень почитаемы были и другие боги: Тлалок — бог туч, дождя, ветра, молнии и грома; супружеская пара — Ситлаликуе и Ситлатонак, которая произвела на свет и всех богов и всех людей; богиня земли — Тонатзин; бог огня — Хиутекутли.

В годы наибольшего могущества ацтекской империи в начале XVI века в ней насчитывалось более 40 тыс. храмов. В самом крупном из них, в Теокалли Теночтитлана служило около 5 тыс. жрецов. Неудивительно, что жрецы занимали в социальной иерархии ацтекской империи следующее за императорскими приближенными место, возвышаясь над знатью, торговцами, свободными членами общества, связанными с тяжелым физическим трудом, и рабами.

Рабский труд широко использовался и майя и ацтеками. Характер обращения в рабство был примерно одинаков в обоих случаях. Рабами становились те, кто изгонялся из общины — кальпульи. Отец мог продать в рабство своих детей, а любой взрослый мог продать в рабство себя самого. Вор, впервые совершивший кражу и не способный компенсировать потери пострадавшего, становился его рабом. Мужчина, от которого забеременела рабыня, становился рабом ее хозяина. Превращались также в рабов дети и родственники людей, совершивших предательство.

Ацтеки многого добились в сельском хозяйстве, используя и дренажные работы, и искусственное орошение, и строительство каналов. Как чудо воспринимается сегодня система чинампас. Суть ее состояла в создании садов и огородов на акватории неглубоких озер. Плоты из тростника и дерева привязывались к сваям, покрывались илом и водная гладь радовала глаз четкой геометрией благоухающих участков. Этот способ земледелия в условиях жаркого лета создавал максимум удобств: вода под рукой, прохлада от водоема, в любое время можно наловить рыбы. Он до сих пор применяется в отдельных районах Мексики.

Ацтекские императоры вели свою династию с 1376 г., когда правителем империи был провозглашен Акамапиктли (тот, кто начинал царствовать). Хотя предводитель ацтеков — тлакатекутли формально был выборным вождем, но в дальнейшем эта должность была наследственной. В конце XIV в. ацтеки овладели значительной частью территории современной Мексики и продолжали политику завоеваний. Войны позволяли им не только расширить границы империи, но и захватывать пленных и приносить их в жертву богам, что считалось едва ли не главным условием успешности боевых операций.

Так как военный промысел был практически повседневным занятием ацтеков, армии уделялось большое внимание. Кроме жрецов и рабов все остальные обязаны были участвовать в ратном деле. На вооружении ацтеков были лук, праща, копье, палица, большой тесак типа палаша, сделанный из твердых пород дерева с вмонтированным в него кремневым лезвием.

Основой социальной структуры ацтеков являлись территориальные общины — кальпульи. Каждое племя, как правило, делилось на 20 таких

общин. Их характерной чертой было общинное землевладение. Все земельные наделы делились на две части: альтепетлальи — земля, обрабатываемая коллективно, и тлальмильи — индивидуальные участки. Урожай с первых площадей предназначался для удовлетворения различных потребностей общины. Индивидуальные наделы давались в пожизненное пользование каждому главе семьи и после его смерти вновь переходили в общинный фонд. Впрочем, могли быть и исключения. Одним из самых тяжких преступлений у ацтеков было пренебрежительное отношение к выделенной для личного участка земле. Владельцы необработанных в течение двух лет наделов исключались из кальпульи и становились рабами.

Высокого уровня достигли ацтеки в ремеслах, особенно в обработке камня и дерева, в ткачестве. До наших дней сохранились остатки акведуков, по которым подавалась питьевая вода. Теночтитлан по основным принципам градостроительства, использованными при его основании, напоминал Венецию. Он был построен посреди озера Тескоко и соединен с берегом мостами и дамбами, а вместо улиц имел каналы.

Наибольших размеров империя ацтеков достигла при Моктесуме II (1503—1519), когда в ее состав вошла вся Центральная Мексика. Однако это государственное образование было весьма аморфным, держалось только на силе. Касики (вожди) покоренных Моктесумой племен всячески уклонялись от выплаты центральной власти налогов, поднимали восстания, стремились сбросить иго Теночтитлана. Все эти противоречия очень умело использовали испанские завоеватели.

3. *Цивилизация чибча-муисков* сложилась на высокогорном плато Восточных Кордильер (территория современной Колумбии). Она распространила свое влияние на Панаму и часть Эквадора.

Отсутствие письменности у чибча-муисков и крайне незначительное число другого рода исторических памятников весьма затрудняют реконструкцию исторического прошлого этого народа. Анализ устного народного творчества (мифов, легенд, сказаний) позволил предположительно установить время основания «империи» чибча-муисков — II в. н. э. Первый же бесспорно установленный исторический факт относится к 1470 г., когда ее возглавил Сагуанмачика. Он носил титул «сипа» — господин. Кроме того, некоторые племена называли своего предводителя «саке» — император.

Процесс складывания государственных образований у племен, обитавших на территории Колумбии, как и в Мексике, сопровождался многочисленными войнами. К моменту прихода испанцев во второй половине 30-х годов XVI в. наиболее сильными в военном отношении были «царства» Баката (или Боготá) и Унса (или Тунха). Воины были вооружены главным образом копьями, палицами и пращами.

Чибча-муиски добились значительных успехов в различных областях хозяйственной деятельности. На полях и террасах на горных склонах с помощью искусственного орошения они выращивали кукурузу, юкку (из семейства агавовых, некоторые растения дают прочное грубое полотно), картофель, бобовые, киноа (дикая гречиха). Добывали золото, серебро и изумруды. Культивировали хлопок и были умелыми ткачами. У них была достаточно развита торговля, причем, практически только у чибча-муисков имелось подобие денег, роль которых выполняли специально изготовленные для этой цели золотые диски. Среди наиболее ходовых товаров были изумруды и соль.

Складывавшиеся государственные образования были деспотиями. Правитель обладал наследственной абсолютной властью, считавшейся священной. Новым правителем становился старший сын сестры усопшего, если же такая родственная ветвь отсутствовала, то все полномочия переходили к брату покойного.

Описание церемониала «престолонаследия» вождя племени, обитавшего в районе озера Гуатавита породило один из самых увлекательных мифов мировой истории, повлекший за собой в Европе почти трехвековую золотую лихорадку. Согласно легенде, касик ежегодно отмечал свое провозглашение вождем, покрывая все тело золотым порошком и затем купаясь

в озере. Молва индейцев об «эль дорадо» (позолоченном) постепенно переросла в убежденность европейцев в существовании страны Эльдорадо, на поиски которой, как мы увидим в дальнейших разделах, они потратили много сил, средств и времени.

Пантеон богов у чибча-муисков не столь велик как у майя и ацтеков. Прежде всего они поклонялись богу Чиминигуагуа, выпустившим на волю огромное количество птиц с большими крыльями. После того как они облетели весь мир, из их клювов стали исходить лучи. Так на Земле наступил рассвет. Как и во многих регионах мира, самые роскошные храмы и самые экзальтированные молитвы чибча-муиски посвящали богу Солнца, считая его создателем природы, а также его супруге — Луне. В священном городе чибчей Согамосо находился главный храм Солнца.

У некоторых народов Американского континента до появления европейцев был весьма популярен миф о некоем белом человеке, посетившем когда-то эти места и научившим их вере, ремеслам и сельскохозяйственным работам. У мексиканских индейцев (тольтеков) им был легендарный Кецалькоатль, у чибча-муисков — Бочика. Его появление самым непосредственным образом связано с легендой о первых людях на Земле и о происхождении человечества.

Согласно этой легенде, из вод озера Игуаке вышла прекрасная женщина-богиня Бечуэ вместе с трехлетним мальчиком. Как только он достиг совершеннолетия, они поженились. Однако и их потомство, и последующие поколения людей оказались неверующими и разгневанный этим бог Чибчакум, бог Земли, державший ее на своих плечах, устроил великий потоп. Многие утонули, а те, кому удалось спастись на вершинах самых высоких гор, стали молить бога о прощении. Тогда-то и появился на земле чибча-муисков Бочика, посланник бога, старик с длинной седой бородой, представший перед индейцами верхом на радуге и с золотым жезлом в руках. По мановению его руки раскрылась горловина водопада Такендама и с высоты 130 м воды из долины Боготы ринулись в реку Магдалена. Многочему научив чибча-муисков и прожив в Согамосо две тысячи лет, он так же неожиданно исчез, как и появился.

В культовых обрядах чибча-муисков имели место жертвоприношения. Люди приносились в жертву только Солнцу.

Культура чибча-муисков не оставила потомкам монументальных скульптурных изображений, как например, мексиканские цивилизации. Перуанский историк Луис Альберто Санчес, говоря о достижениях чибча-муисков в области культуры отмечал: «Достоинства их работ проявились не столько в масштабности, сколько в тщательности, подкупали не столько своей гениальностью, сколько изобретательностью, не силой, а пластичностью»³. Это особенно присуще было различным поделкам из золота, которые в большом количестве сохранились до нашего времени. Оригинальны и выразительны керамические изделия, прежде всего сосуды-скульптуры, дающие обильную информацию о людях той эпохи.

Чибча-муиски многого добились в обработке камня. В 1976 г. был обнаружен монументальный памятник «Буритака 200 или потерянный город», где камень был главным строительным материалом. Из него строились жилища, лестницы и мосты, им покрывались дороги. Камень широко использовался и в ритуальных целях при сооружении жертвенников и святилищ. Из поделочных камней — сердолика, жадеита и кварца чибча-муиски изготавливали великолепные кольца.

Социальная структура этого общества, на вершине пирамиды которого находились сипа и саке, включала прослойку знати, представленную касиками второй руки и их родственниками. Затем по значимости шли усакес (советники касиков), жрецы, люди военного промысла, осуществлявшие завоевания, и, наконец, те, кто сеял, убирал урожай, добывал золото, серебро и изумруды, занимался строительством и торговлей. Рабский труд использовался незначительно. В качестве невольников фигурируют только военнопленные.

История чибча-муисков по степени ее разработки и объему публикаций значительно уступает историографии майя, ацтеков и инков. Среди отечественных исследователей следует выделить прежде всего работы С. А. Созиной, среди зарубежных — колумбийского историка Фр. Посады⁴.

4. *Цивилизация инков*. По соседству с чибча-муисками сложилась великая империя — государство инков. Оно занимало территорию Перу, части Эквадора, Боливии, Колумбии, Аргентины и Чили, в общей сложности более 1 млн. квадратных километров. Аборигены называли его Тауантинсуйу, что на языке кечуа означает «четыре объединенные стороны света». Размеры империи подчеркивают справедливость столь глобальных притязаний. Достаточно сказать, что с севера на юг территория этого государства простиралась на 5 тыс. км.

В истории американских индейцев это было самое крупное государственное образование и фактически единственное, которое можно называть — в подлинном смысле этого слова — империей. Оно образовалось в XII—XIII веках. Его основное ядро складывалось вокруг города Куско, ставшего столицей. Военственное племя инков возглавило союз племен и в ходе последующих завоевательных кампаний к XV в. образовало Тауантинсуйу. Отсутствие необходимых источников не позволяет с точностью назвать численность его населения. У различных исследователей эта цифра колеблется от 6 до 40 млн. человек.

Во главе государства находился Великий инка, считавшийся живым воплощением Солнца. История сохранила имена целой династии инкских правителей (всего 14), основателем которой был инка Манко Капак. Великий инка воплощал собой бога на Земле и его власть была абсолютной. Знать составляли «инки по крови» и «инки по привилегии». В эти группы входили вожди племен и предводители крупных общин. Они были освобождены от налогов, бремя которых несла остальная часть населения.

Социально-экономической основой государственной системы инков являлась община — айлью, возникшая еще в доинкский период и постепенно трансформировавшаяся из родственной в соседскую, территориальную. Ее характерной чертой был коллективный труд. По мере роста территории государства в целях регламентации различного рода отношений между людьми и совершенствования системы фискальных поборов появилось внутриобщинное дробление на десятки, сотни и тысячи семей — «чунка», «пачака», «уранка». Десять тысяч семей составляли «ум». Во главе их находились государственные чиновники, которые и решали указанные выше вопросы.

Сельское хозяйство занимало ведущее место в экономике инков. Широко использовалось искусственное орошение и в качестве удобрения гуано (птичий помет). Среди древних цивилизаций Америки только у инков существовало животноводство: разведение ламы и альпаки. В экономике важная роль отводилась покоренным племенам, обитавшим на периферии империи. С них в виде налогов взималась большая часть урожая. Индейцы этих племен использовались на строительстве дорог и крепостей, в качестве рабов знати, они шли на заклатие при жертвоприношениях.

Территории, обрабатываемые жителями одной айлью, делились на несколько частей: «земля деревни», «земля инки», «земля Солнца». Кроме того, каждая семья имела свой собственный надел. Также существовали площади, предназначенные для удовлетворения потребностей всей общины. Общинники обрабатывали не только свои наделы, но и «поля инки» и «поля Солнца». Последние принадлежали жрецам, игравшим важную роль в государстве. Верховный жрец вел свою родословную от рода Великого инки и делил с ним власть.

Значительного уровня развития достигли ремесла, добыча и обработка золота и серебра, строительство. Высоким искусством отличалось производство керамики и тканей.

Инки превзошли все древние американские цивилизации в обожествлении Солнца, назвав себя его сынами. Однако это было не только поклонение. В городе Куско они построили 4 башни для наблюдений

за положением Солнца, имели понятие о солнечном и лунном годе и обладали обширными познаниями в астрономии.

Изображение Солнца в виде золотого диска с человеческим лицом служило предметом официального культа. Сестрой и супругой Солнца считалась Луна. В качестве божества почиталась и Куичи — радуга. Существовал также культ духов-покровителей земледелия, культ стихий природы и т. д. У инков также была традиция жертвоприношения, но оно имело иную целенаправленность, нежели у ацтеков. Его главное предназначение состояло с обожествлении самого Великого инки. Жертвоприношения, как правило, имели место во время пышных празднеств по случаю его вступления на престол. Приносились в жертву девушки и дети, которых должны были поставлять покоренные инками племена.

Культура инков имела целый ряд специфических черт, обусловленных отсутствием письменности. Весьма оригинальным было «узелковое письмо» — кипу. Оно состояло из шнура и нитей-подвесок разных цветов и оттенков. Сочетания цветов и комбинации узелков на нитях позволяли использовать кипу для подсчета налогов, фиксации различного рода исторических событий, для передачи имен собственных и названий и даже отдельных фонетических элементов. Уникальное кипу было найдено в одном из перуанских храмов. Оно весило 6 кг. По подсчетам В. А. Кузьмищева, такой моток пряжи мог бы соединить Москву с Санкт-Петербургом, а по объему заложенной в него информации заменить многотомный статистический справочник.

Примечательно, что в Тауантинсуйу существовали школы для детей знати. Курс обучения продолжался 4 года. Первый год изучался кечуанский язык, второй — религия, третий и четвертый посвящались чтению и передаче информации с помощью кипу. Являясь наследниками историко-культурных традиций более ранних перуанских цивилизаций (Чавин, Паракас, Наска, Мочика, Тиауанако), инки в значительной мере приумножали их достижения и оказали существенное влияние на формирование культур народов Южной Америки⁵.

Многовековая оторванность Нового Света от остального мира предопределила не только его уникальность и специфику, но и асинхронность исторического процесса в этом регионе по сравнению с Европой и Азией и, как следствие этого, несовпадение основных этапов исторической периодизации. Появление европейцев на Американском континенте в конце XV века привело, по мнению ряда латиноамериканистов (Л. Сеа, В. Франк, А. Рейес) к тому, что в последующем Новый Свет стал своего рода отражением, тенью, эхом Европы. Делая акцент на этой несовпадаемости культурно-исторических схем развития Европы и Америки, мексиканский историк и культуролог А. Рейес отмечал, что в конце XV в. Новый Свет как бы попал в «чужую эпоху».

(Продолжение следует)

Примечания

1. MORLEY S. D. La Civilización Maya. México. 1956; КНОРОЗОВ Ю. В. Письменность индейцев майя. М. 1963; ГУЛЯЕВ В. И. Древнейшие цивилизации Месоамерики. М. 1972; ЕГО ЖЕ. Древние майя. М. 1983.
2. Подробнее об ацтекских кодексах см. ГАЛИЧ М. История доколумбовых цивилизаций. М. 1990, с. 126.
3. SANCHEZ L. A. Breve historia de America. México. 1944, p. 75.
4. СОЗИНА С. А. Муиски — еще одна цивилизация Древней Америки. М. 1969.
5. ЗУБРИЦКИЙ Ю. А. Инки — кечуа. М. 1975; ЕГО ЖЕ. Древнейшие перуанские цивилизации. — Культура Перу. М. 1975. ЕГО ЖЕ. Культура Тауантинсуйю. — Там же.

Сравнительно-исторический подход к изучению древних цивилизаций, существовавших на обширных пространствах Азии, Африки и Латинской Америки, позволяет сделать ряд выводов как научно-теоретического, так и практического характера.

Исследование этих цивилизаций, своими истоками уходящих в древневосточные общества, убедительно доказывает, что именно в то далекое время, именуемое некоторыми исследователями «осевым», разные народы в течение относительно непродолжительного, по масштабам человеческой истории, периода в несколько столетий, почти одновременно и — что очень важно — независимо друг от друга разработали основные идеи, категории и принципы, включая и основы мировых религий, которыми и по сей день живет и мыслит современное человечество и которые во многом определили поведение людей, их духовные и нравственные ценности на протяжении всей истории человечества.

Особый интерес представляют вопросы, связанные с выявлением и научным объяснением причин этого необычного и чрезвычайно важного для понимания духовной эволюции человечества феномена. Всестороннее его изучение, внимательное и максимально полное освоение содержимого этой «кладовой идей», включение в анализ дополнительных материалов из жизни тех цивилизаций, которые по тем или иным причинам слабо или вовсе не отражены в научной литературе, а также умение за внешней простотой, а порой и кажущейся наивной формой изложения идей, принципов и духовных ценностей, выработанных на заре человеческой истории, понять и верно передать их смысл имеет первостепенное значение не только для исторической науки, но и для повседневной жизни людей.

Большой научный интерес представляют также попытки рассмотреть широкий круг проблем, касающихся возникновения первых цивилизаций, выявления механизма перехода человечества от первобытности к тому его состоянию, когда появляются характерные черты и признаки, на основании которых можно судить о его становлении. При этом особое значение имеет то, что определяло магистральную линию развития человечества, являлось главным для обеспечения сохранности многого из того, что формировало образ и сущность древних цивилизаций. К таким факторам следует прежде всего отнести возникновение государства и укрепление государственности, а также появление мировых религий. Именно эти факторы сыграли решающую роль в объединении народов и создании таких общностей людей, благодаря которым удалось не только сохранить достигнутый уровень развития человечества, но и обеспечить на этой основе его дальнейшее поступательное движение.

Чем шире и глубже становятся знания о древних цивилизациях, чем выше уровень научных исследований в этой области, тем острее проявляется желание постичь историю древних цивилизаций во всей ее полноте. Этому способствует исследование таких проблем, как соотношение цивилизаций, их взаимодействие и взаимовлияние, более четкое определение социальной природы древних цивилизаций, их общих и отличительных черт, выявление социальной структуры, системы управления древними обществами, существовавших в них форм зависимости людей друг от друга и т. д.

Решение этих и других проблем во многом будет определяться тем, насколько успешно будет происходить накопление новых данных о древних цивилизациях и насколько эффективно будет развиваться методика и методология исторического познания.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Записки для немногих

А. В. Головнин

Осенью 1846 года великий князь ездил в Германию. Во время этой поездки он в первый раз видел будущую супругу свою. Вот что он сам говорит об этом путешествии в своем журнале: «23 августа 1846 года. Сегодня день незабвенный на всю мою жизнь. Папá ездил в Кронштадт и я с ним был... На возвратном пути он меня призвал к себе в каюту и стал мне говорить о *¹. Я не знал, что со мною делается. Я весь дышал блаженством. Он мне рассказал, как все это случилось. В прошлом году, когда он возвращался из Палермо, остановившись проездом в Болонье, он узнал, что там же остановилась герцогиня Альтенбургская, его двоюродная сестра, которую он знал почти с детства, и что она задержана, потому что для проезда Папá забраны все лошади. Он отправился к ней вечером и нашел ее одну с двумя дочерьми. Старшая, лет 18 или 19, очень стройная, приятная собою, а младшая, лет 16-ти, премиленькая, умненькая, резвая, с добрым милым лицом, и ему тот час вошла в голову мысль, что вот была бы парочка для меня. Он тотчас об этом писал к Мама́ (я очень хорошо помню, когда в Палермо она получила это письмо). Мама́ отвечала, что об этом и думать еще нельзя, что это слишком рано, и я слишком молод еще и легкомыслен... Теперь же Папá решился послать меня за границу, для того, чтоб проездом чрез Альтенбург ее увидеть, получить первое впечатление и узнать то, которое я произвел на нее. Когда я буду там, он мне говорил, я не должен являться *comme un prétendu*¹, а просто будто по случаю. Потом он говорил, что я далеко еще слишком молод, чтоб думать о женитьбе и даже, чтоб выбирать себе невесту, и что он посылает меня только, чтоб узнать, понравится ли она мне, и тогда смотреть на нее как на такую, которая со временем может сделаться моей невестой и женой, что о женитьбе думать нельзя прежде, чем года через два или три, что до тех пор надо и поучиться, и поездить, и послужить, но что тем полезнее иметь такую суженую всегда перед глазами, ибо теперь я вхожу в такие годы, что буду часто в обществе молодых людей, где много говорят и делают, что не должно, и где легко можно сбиться с пути, что посему вдвое тогда полезнее иметь *, которая бы служила талисманом чрез всю жизнь, таким, который удерживал бы всегда на прямом пути и не позволял с него сходить. Таким образом, говорил он, было и с ним самим. Он увидел в первый раз и полюбил Мама́ на восемнадцатом году, а женился только чрез три года, и что в этот промежуток, также и после, Мама́ оставалась ему как бы талисманом, его удерживавшим. Наконец, что если с Божиею помощью наше дело пойдет на лад, то, может быть, родители и согласятся отпустить ее к нам, в наше семейство раньше, чтоб она выросла и обрусела под глазами Мама́. После этого я стал на колени, и Папá меня поцеловал».

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, №№ 1—2, 4.

28 августа 1846 г. отправился великий князь с великой княгиней Ольгой Николаевной на пароходе «Камчатка» в Штетин, оттуда в Берлин и Альтенбург. Здесь 4 сентября 1846 г., увидел он впервые свою *, четвертую дочь герцога Иосифа Альтенбургского, принцессу Александру. В этот день он писал в журнале своем: «Я не знаю, что со мною делается, я стал совсем другой человек, у меня одна мысль в голове, один образ перед глазами, все одна, мой ангел, моя *. Мне, право, кажется, что я влюблен. Да много ли я ее видел? Всего несколько часов, а влюблен по уши; ее окружает какое-то невыразимое, непонятное волшебство».

В это время великий князь писал государю о своих чувствах и 6 сентября 1846 г. отправился в Веймар и оттуда в Штутгарт. 20 сентября государь отвечал ему из Царского Села: «С большою радостью мы получили письмо твое, милый Костя, и видим из него, что надежды наши сбылись. Будем молить Бога, чтоб этот луч надежды осуществился тогда, когда ты к тому зрел будешь. Теперь, имея ее в виду, ты усугубишь старание бросить детские привычки и делаться не только юношей, но зрелым мужем, ибо иначе ты бы недостойн был принадлежать ей и не был бы в состоянии сделать ей счастье. Пусть же она будет твоей звездой, твоим маяком, и мысль об ней да ведет тебя чрез те годы, которые еще посвятить должен довершению твоего воспитания».

30 сентября 1846 г. великий князь снова приехал в Альтенбург, имея дозволение государя объясниться в чувствах своих. Он провел там неделю.

1 октября 1846 г. записано в его журнале: «Да, точно, в этой дивной Санни готовится для земли новая Адина, и я не первый и не единственный, который находит и в ее наружности сходство с Адина. Чем больше я ее вижу, тем больше сердце мое воспламеняется к ней истинною любовью. Какое это святое, новое, сладкое состояние души, когда она исполнена этим необъяснимым чувством, которое согласились называть любовью. Я воображал, что я уже знаю, что такое любовь, я ошибался; то были скоропреходящие игры сердца и особенно воображения; но вот настоящая любовь, это — то чувство, которое меня теперь жжет и от которого я просто нахожусь в лихорадке, когда слышу ее чудный голос».

2 октября была в Альтенбурге домашняя помолвка, а 8 числа великий князь выехал оттуда и чрез Берлин в Варшаву прибыл в Царское Село 26 октября. 30 числа он находился в первый раз при докладе государю императору начальника Главного морского штаба его императорского величества и с того времени постоянно присутствовал при докладах по Морскому министерству.

Зима 1846/7 года была для него последняя с уроками. 16 января 1847 г. был он назначен членом комитета, учрежденного Морским министерством для составления Свода морских сигналов, а 1 апреля отправился опять в Альтенбург. 10 числа он прибыл туда, а 11-го была формальная помолвка его с принцессою Александрою. В этот день он записал в свой журнал: «Вставши с постели, я надел на шею образок, который привез для Санни, и стал усердно молиться Богу, и молитва мне была сладка и легка; она так и лилась от души, как уже давно не было. Я уже кончал и молился именно об нашей семье о Папá и Мамá, как вдруг я слышу чудные звуки, которые составляли наш гимн «Боже царя храни»; это было как бы ответ с неба на мою усердную молитву, и у меня слезы брызнули из глаз! Я долго оставался на коленях, язык мой не произносил слов, но душа моя стремилась к небу, и ей было так легко, так приятно.

Утром в 9 часов я сошел вниз, и мы пили чай вместе, как бывало осенью. У меня сердце билось от того, что предстояло. Я пошел с герцогом в другую комнату и отдал ему письмо Папá. Оно его тронуло; и он поцеловал меня и повторил свое согласие на наш союз. Тогда я воротился в кабинет герцогини и отдал ей и Санни письма Мамá. Когда они прочли эти письма, которые их очень тронули, я в первый раз обнял Санни, мою невесту. Я не могу сказать, как я был счастлив в эту минуту. Право, чем долее я с Санни, тем более я люблю ее. Я ей тотчас дал кольцо с крестиком, сказав, что оно есть знак, что наши души должны быть соединены в вечности верою... Мы вдвоем одни пошли в церковь и помолились там на коленях для того, чтоб испросить благословение Божие на новую жизнь, которую мы начинали. Я видел, что Санни моя усердно молилась и на лице ее было написано такое дивное выражение, что я ее горячо обнял».

В эти счастливые дни великий князь получил от государя из Петербурга следующие два письма: от 12 апреля: «Полагаем, что теперь ты не только на месте,

но уже счастливым женихом; цени свое счастье и пользуйся им умеренно и благо- разумно и помни наши советы». От 23 апреля: «Да благословит Господь милосерд- ный твою помолвку, любезный Костя, и да будет тебе твоя Санни тем, что мне твоя Мама вот скоро 30 лет. Этот решительный шаг — эпоха в твоей жизни, ибо не только в тайне, ты пред всем миром уже принадлежишь частию милому созданию, которое тебе вверило будущее свое счастье, все это требует от тебя сугубой осторожности и тщательного наблюдения за собою, чтоб все твое поведение имело на себе отпечаток не детства, но зрелости, которую тебе приобрести следует. Твое сердце и добрые чувства мне ручаются, что с помощью Божиею, буде захочешь, все будет согласно твоему долгу и моим душевным желаниям. Обнимаю и благослов- ляю вас обоих».

2 мая отправился великий князь в Ганновер и оттуда чрез Голландию в Анг- лию. Три месяца провел он в путешествии по Англии и Шотландии. Это путешест- вие описано им в своем журнале с большою подробностью. 13 августа он возвратил- ся из Англии в Кронштадт на фрегате «Паллада» командиром одного. Вслед за тем в сентябре его высочество отправился чрез Киев в Винницу и Варшаву, где встретил невесту свою, и затем прибыл с нею в Царское Село. С этого времени он начал присутствовать при докладах всех министров государю.

Выше сего было сказано, что в течение этой зимы он занимался с статс- секретарем бароном Корфом изучением отечественных законов.

26 ноября его высочество произнес клятвенное обещание в лице великого князя российского императорского дома в Большой церкви Зимнего дворца; после чего при торжественном собрании, бывшем в Георгиевской тронной зале, принял и воин- скую присягу под знаменем Гвардейского экипажа и высочайшим манифестом объявлен совершенно-служащим.

В то же время его высочеству повелено было присутствовать в заседаниях Государственного совета и Адмиралтейств совета, но еще без права голоса ². Сверх этого великий князь был назначен батальонным командиром в Финляндском полку.

Из журнала его высочества за этот год видно, как он понимал значение торжественного обета, произнесенного им 26 ноября. В этот день он писал: «Сегодня великий день моей жизни, сегодня я буду присягать. Часа через три я предстану пред престол Божий и там, призвав Бога в свидетели, я принесу торжественный обет служить за веру, царя и отечество всеми силами души и сердца, не щадя живота своего и даже последней капли крови, в чем дам Богу ответ на последнем страшном суде. Страшные слова, если произносить их с полным понятием, помня, что призвал в свидетели самого Царя небесного.

Для меня мысли, которые выражены в присяге, не новы; я всегда их помнил с самого детства, но теперь я их объявляю всенародно, во всеуслышание и связываю себя на всю жизнь мою обетом, данным Богу. Это установление благое, которое всегда во всю жизнь будет напоминать долг и будет служить новою пружиною к исполнению его».

Выше сего было сказано, что друг детства великого князя, сестра его Александр Николаевна, и после кончины своей имела на него благодетельное нравственное влияние и сделалась действительно его ангелом-хранителем. Это видно из разных мест журнала, а в особенности из следующего: «18 марта 1847 г. Великая среда. Мы говеем, но душа моя никогда решительно не была так худо настроена, как теперь. В ней непонятная холодность, и я ее никак не могу обратить к молитве. Слова остаются на губах, из сердца не выходят. Во время богослужения я подумаю минут 5, много, что 10 о говении, о моих грехах, а остальное время мысли мои бродят всюду и я их не могу сосредоточить на одном предмете. Я читаю, то «Седмицы» Иннокентия, то «Глас пастыря», то молитвенник наш и католический, но все я при этом остаюсь холоден, как бы чужой. Стал я хладнокровно рассматривать душу мою, чтоб доискаться грехов, но мысли мои бунтуют, я их никак не могу удержать на одном предмете, и они меня заводят, сам я не знаю куда. Наконец, я пересчитал почти по пальцам главные мои грехи и считал их, будто ни в чем не бывало, будто они до меня не относятся, и при этом рассуждал здраво и хладнокровно и никакого раскаяния не чувствовал. Наконец, мне стало досадно и страшно, и я сам себя спросил, неужто я такой ужасный грешник, что мне и в раскаянии отказано. Я стал себя уверять, как это дурно, стыдно, нехорошо, но все уверял себя на словах, и при этом действовал один только рассудок, а сердце молчало. Страшнее же всего мне

было, что я при всем том оставался покоен, и это страшное состояние меня ничуть не мучило и не тревожило. Я думал, что во второй день будет иначе, нисколько — все осталось по-прежнему. Я знал почти наперечет все свои грехи и оставался совершенно спокоен и не чувствовал ни малейшего раскаяния. Тогда становился перед моими образами на колени, говорил молитву св. Ефрема и не чувствовал ни малейшей перемены.

Сегодня утром я пошел перед обедней к Мамá и увидел у нее на столе бархатную книжку. Я тотчас в ней узнал книгу «Подражаний Иисусу Христу», которая принадлежала Адини и которую она так много читала и так сильно любила. Я ее раскрыл и нашел в ней маленькую бумажку, исписанную рукою Адини. Я тотчас стал читать ее и увидел, что она, верно, писала это перед исповедью, потому что тут был перечень некоторых грехов, которые показывают ее доброе, ангельское сердце. Там есть, между прочим: «Слишком мало имею любви к людям и говорю о них иногда, не размыслив. Недовольно покорна воле родителей и, наконец, недовольно снисходительна к младшим моим братьям». Тут у меня вдруг выступили слезы. Как, я себя спросил, она, наша ангельская Адини, недовольно снисходительна к нам, она, которая нам всегда была подруга, и нас забавляла, а мне была истинным, невозвратным другом, она считала это грехом и исповедывалась в нем? Нет, я этого недостойн, и я стал на колени и стал у нее просить прощенья и в течение всей почти заутрени сердце мое было отверсто молитве. После службы я у Мамá попросил журнал Адини и стал в нем читать то, что она в нем писала пред своим последним причастием в декабре 1843 года. Это чрезвычайно трогательно, и я был весь в слезах. За обедней, к несчастью, мысли мои опять развлеклись. После обедни я ходил в крепость помолиться над тихою могилою Адини. Люблю я нашу церковь Петропавловскую и не могу ходить в нее без особенного чувства благоговения, но у меня слез, столь облегчающих душу, не было.

Теперь вечером я опять стал читать журнал Адини, который ясно показывает ее высокую душу, постепенно усовершенствовавшуюся и дошедшую, наконец, до того, что наше брэнное тело ее больше не могло содержать и Господь ее отозвал к себе. Я плакал, рыдал, душе стало легко, молитва потекла из сердца. Я возненавидел грязные грехи мои и надежда во мне воскресла».

В разных местах журнала великого князя проявляется глубокая горесть его о кончине друга его детства, но всего сильнее выражено это 31 декабря 1847 года. «Сочельник, бывало, самый счастливый день в году, в блаженные времена детства, когда мой ангел — Адини, еще жила у нас на земле. У нее есть теперь там — горé, своя радость небесная, которая ни с чем сравниться не может. Стало быть, не об ней нам горевать. Она счастливее нас... Я не знаю, как другие, но у меня с 29 июня 1844 г. нет ни одной радости, которою я бы пользовался вполне, как бывало до того; все мне кажется, будто что-то недостает, даже если я об этом не думаю, но я никогда весь с тех пор не принадлежал радости».

Выше сего было упомянуто, что великий князь занимался с особенною любовью уроками фортификации и часто чертил проекты разных укреплений. В 1847 г. он изучал в подробности проекты укреплений Балтийского порта, составленные Петром Великим, Минихом и инженерами позднейшего времени, также разные карты Балтийского порта и на основании этих данных составил собственный проект, который во многом совершенно различен от предыдущих. Эта работа требовала много времени и труда.

1848 год начался для великого князя важным событием. Нареченная невеста его приняла православие. Он пишет по этому случаю в своем журнале: «5 февраля 1848 г. Настал важный день, совершилось миропомазание моей Санни. Она вошла в нашу православную церковь... Я усердно молился и призывал в помощь Адини, которая, я уверен, была в это время тут, между нами. По окончании церемонии я ходил один одинешенек по мосткам в крепость, чтоб помолиться опять над могилою милой своей сестры, которую считаю своим ангелом-хранителем».

Всю зиму великий князь провел с невестой в С.-Петербурге, а 7 мая отправился на фрегате «Паллада» в Швецию и Данию и 6 июня возвратился в Кронштадт. Остальную часть лета он провел в лагерях и в Петергофе и в начале августа участвовал в сухопутных маневрах. Из журнала его видно, что он ценит и любит русского солдата. 8 августа 1848 г. он писал: «Сегодня выступил я с Финляндским полком на маневры... Мне отвели квартиру в доме волостного головы. Наши

финляндцы были очень веселы и все песенки попевали. Пели и «Вниз по матушке по Волге» с принадлежащими тому представлениями. Потом, наконец, запели песенку, в которой и о мне говорилось. После этого они меня подхватили и стали бросать на воздух и петь «Многая лета». Это меня схватило за ретивое, и когда я воротился домой, у меня были слезы на глазах и я на коленях благодарил Бога, потому что любовь этого доброго русского народа мне дороже всего и я этого никогда не забуду».

30 августа 1848 г. последовало бракосочетание великого князя с принцессою Александрою Иосифовною, и в этот день он был произведен в контр-адмиралы, назначен командиром Финляндского полка и шефом Морского кадетского корпуса.

Весть о счастливом бракосочетании великого князя быстро разнеслась по всей России. Москва приняла живое участие в радости царского дома и приношениями в пользу вдов и сирот ознаменовала свои чувства. С. С. Шевырев, представитель в Москве русской словесности, поднес великому князю при этом случае стихотворение^{II}.

Через несколько месяцев желание Москвы исполнилось. Великий князь прибыл туда с юною супругою в марте 1849 года. 27 числа этого месяца он писал в своем журнале: «Слава Богу, мы в Белокаменной, среди нашей Русской Святыни, опять под благословением Святых угодников Московских. Боже мой, как я счастлив, как мне тут хорошо, как я рад, что здесь не одни, а что Господь удостоил меня быть с женой, с моей милой Санни». Из этих слов видна благоговейная привязанность царевича к Русской Святыне. В стихах С. С. Шевырева указывалось на расположение его ко всему русскому, отечественному. Здесь будет уместно сказать несколько слов об этом направлении, которое проявилось во многих поступках и словах великого князя.

Чтение Юрия Милославского^{III} и Скопина-Шуйского еще в отроческих летах впервые обратили внимание великого князя на русскую старину и внушили расположение ко всему народно-русскому. Впоследствии времени путешествие в Архангельск и Южную Россию, также поездки в Москву усилили в нем эти чувства. Это пристрастие не находило сочувствия в некоторых лицах, над оным смеялись и явно показывали предпочтение к иностранному. Обстоятельство это только усилило в царевиче любовь ко всему, что русское. Он принял намерение жить истинно по-русски, сколько позволял ему высокий сан и многоразличные обязанности его. На берегу Невы, в гранитных его палатах воздвигся тесовый терем, в котором царевич окружил себя предметами, напоминавшими древнюю Русь. По-русски соблюдал он посты, чествовал св. иконы, поклонялся св. угодникам. Он нередко высказывал неодобрение тому пристрастию ко всему иностранному, коим заражено петербургское общество, и выражал сожаление, что просвещение России совершилось насильственным путем, которое воспрепятствовало самостоятельному развитию чисто русской природы, а покорило ее влиянию чужеземного.

Сверх привязанности к отечеству из вышеприведенных мест журналов великого князя видно религиозное направление его и строгие нравственные правила. В бумагах его находятся разные записки, содержащие благочестивые размышления его о разных предметах, например, рассуждение о жизни, об обязанности человека и т. п. Видно, что царевич старался неоднократно разъяснить себе многие важнейшие предметы нравственности, что он постоянно смотрел на свое земное существование как на время, данное ему для приготовления к другой жизни, сознавая, что это приготовление должно состоять в беспрестанном воспитании самого себя и стремлении делать добро.

В декабре 1848 г. великий князь ездил в Ольмюц. По возвращении оттуда он начал учиться языкам турецкому и персидскому и потом деятельно занимался этим предметом в течение зимы 1850 и 1851 годов.

Поводом и первоначальной причиной этого было то, что при одном из докладов военного министра государь говорил, что было бы весьма полезно учить этим языкам тех молодых офицеров, которые желают служить на Кавказе, ибо там знание восточных языков необходимо. Великий князь вызвался подать пример в этом полезном деле и, получив разрешение государя, принялся за ученье с величайшим усердием под руководством ученого ориенталиста г. Демезона.

В начале 1849 г. великий князь имел сильную корь; в марте месяце, как сказано выше, ездил в Москву, а в течение лета участвовал в Венгерском походе^{IV}.

Перед отправлением в поход его высочество получил от государя письменное наставление, как вести себя в продолжение кампании. Оно состоит из 17 пунктов, писанных государем собственноручно карандашом на почтовом полулистке. Пункты эти суть следующие:

- «1. Величайшее уважение к фельдмаршалу как в обхождении, так и в словах.
2. Совершенная скромность в суждениях об чем бы ни было, подално о военном деле.
3. Примерная почтительность к высшим в чине, вежливость и приветливость к равным в чинах и учтивость к младшим без всякой фамильярности.
4. Ласковое обращение с солдатами, без всякого вмешательства в какое-либо служебное дело, разве по приказанию князя Варшавского.
5. Соучастие к раненым и с разрешения князя Варшавского посещение госпиталей и раздача увечным денежных вспоможений от моего имени. На это на первый случай отпущено будет Г. А. Плаутину 10 тыс. руб. сер.
6. В деле быть при князе Варшавском доколе позволит. Без его разрешения никуда не соваться.
7. Глядеть, учиться, слушать и молчать, а для себя записывать.
8. С глаза на глаз с г. Плаутиным обсуждать что видел, что слышал, что не понял, но не при других. С ним же как с другом смело объясняться обо всем. Ни с кем более.
9. С чужестранными офицерами быть вежливо без всякого близкого знакомства.
10. С жителями быть приветливу, но в разговоры и суждения не вдаваться, а в особенности со славянами.
11. Пленных не обижать, увечным помогать.
12. Ежели князь Варшавский изволит что-либо лично сообщить, никому без всякого исключения не передавать, а оставить про себя, тем более ежели дозволит быть при совете или при суждении о действиях. Величайшая скромность и хранение доверенной тайны.
13. Ежели князь Варшавский не пригласит обедать к себе, брать к обеду своих и разве кого из высших генералов Главной квартиры.
14. Не дозволять себе никаких прихотей, но подавать собой пример умеренности во всем и довольствоваться одним необходимым, отнюдь не дозволяя для себя исключений из могущих быть ограничений обоза и проч., и скорее иметь менее, чем более других.
15. Исполнять, когда можно, свой долг как христианин; другие исповедывания уважать и не дозволять себе показывать к ним презрение.
16. Ежели бы военные действия прекратились и было время свободно, с дозволения князя Варшавского, посещать любопытное в военном или историческом отношении.
17. Никаких почестей как великий князь не принимать, а считать себя Свиты его императорского величества за генерал-майора, находящегося в командировке при князе Варшавском».

6 июня 1849 г. вступил великий князь вместе с войсками в Венгрию. 3 июля он находился в первый раз под ядрами в сражении под Вайнценом, 5 июля был там же во второй раз под ядрами, 13-го числа был в сражении под Тисса-Фюретом в продолжение двух с половиною часов под пулями и ядрами. 21-го числа был под ядрами при Дебрецине.

В награду за оказанное им мужество великий князь получил орден св. Георгия 4-й степени. Знаки этого ордена вручены его высочеству фельдмаршалом лично в Гросс-Вардейне 3 августа при письме, в котором князь Варшавский говорит, что орден сей пожалован великому князю «за доблести, оказанные под Вайнценом, Тисса-Фюретом и Дебрецином».

Государь император писал великому князю из Варшавы 29 июля об этой награде следующее: «Из рук нашего Варшавского героя удостоишься ты получить то отличие, которое предметом пламенного желания каждого русского воина и есть моим с той поры, что себя помню. Сам фельдмаршал тебе его назначил и на тебя его возложит! Уверен, что ты, нося его на груди, и впредь его достойным будешь и на суше и на морях, где служба государству тебя призовет. Да хранит тебя и впредь господь милосердный. Благодарю тебя, что ты оказал доброе сердце свое, подбирая и вражых раненых, забытых на поле сражения».

В другом письме, от 19 июля, государь говорит: «Благодарю Бога, что Он, видимо, тебя спас и сохранил в опасности, мой милый Костя, и дал случай показать армии, что ты достоин быть в ее рядах».

Во все продолжение Венгерского похода великий князь постоянно писал государю, рассказывая подробно движения армии. Его величество отзывался, что эти письма более, нежели реляции, дают ему ясное понятие о совершавшихся действиях. 16 июня государь писал из Варшавы: «Продолжай себя вести так, чтоб заслужить благоволение князя Варшавского, уважение товарищей, любовь солдат и спокойствие совести исполнением твоего дела. Вот чего желает твой старый друг Папа. Н.» 22 июня: «Благодарю тебя, мой милый Костя, за письмо из Форо; я с тобою радуюсь молодечеству наших донцов и успеху славных соображений нашего отца-командира. Дай Боже, чтоб успех увенчал остальные соображения и буде можно без пролития дорогой русской крови».

2 февраля 1850 г. родился в С.-Петербурге великий князь Николай Константинович.

Весною этого года великий князь генерал-адмирал ездил в Черное море для осмотра флота, летом находился в Петергофе, ходил на неделю в море на фрегате «Цесаревич», в августе ходил с великою княгиней в Доберан на пароходе «Храбрый», а оттуда на фрегате «Паллада» в Копенгаген и Альсен. По возвращении в Петербург в начале сентября был он назначен членом Государственного совета с голосом, членом учрежденной тогда по случаю отъезда государя императора и государя наследника правительственной комиссии, состоявшей из князя Волконского, князя Чернышева и графа Блудова. Тогда же великий князь был назначен председателем комитета, высочайше учрежденного для составления Морского устава, а в декабре того же года — председателем Временного артиллерийского комитета, учрежденного в Морском министерстве. Осень этого года его высочество провел в Павловске, занимаясь наиболее по Комитету составления Морского устава.

В занятиях по сему предмету прошла вся-зима 1850/51 года в Петербурге. Труды его в этом важном деле подробно описаны в особой записке, и потому здесь остается сказать о них только в главных чертах.

Необходимость в новом Морском уставе становилась с каждым годом ощутительнее. Прежние узаконения устарели, были недостаточны, сбивчивы, противоречили одно другому и оттого морская служба шла не на основании твердого и ясного закона, но по заведенному порядку, по обычаю и произволу командиров. Еще в 1822 г. один русский адмирал³, известный своими путешествиями, познаниями в морском деле и тягостным двухлетним пленом, писал по сему предмету: «К величайшему сожалению должно сказать, что и у нас на кораблях бывают случаи нарушения порядка, а сие происходит, я думаю, от того, что у нас нет нового морского узаконения, ибо устав Петра Великого так изменился, что и те постановления, кои еще в силе, считаются обветшалыми и неупотребительными».

Великий князь, желая даровать флоту устав, сообразный настоящим потребностям и современному состоянию науки мореплавания, учредил следующий порядок для составления оного. По каждому отдельному предмету Морского устава он приказывал составлять подробные обозрения всех прежних узаконений и сравнение оных с постановлениями иностранными. На основании этих данных и соображая с существующим порядком, председатель и члены комитета составляли проекты разных частей нового Морского устава. Проект каждого рассматривался всеми прочими и с письменными замечаниями их обсуждался в заседаниях комитета, переделывался великим князем по заключениям комитета, вновь рассматривался и исправлялся. Затем исправленный проект печатался и рассылался опытнейшим офицерам Балтийского и Черноморского флота для рассмотрения. Многие тысячи полученных от них замечаний рассматривались великим князем в подробности и на основании оных проекты снова переделывались. Здесь должно заметить, что великий князь передавал на общее рассмотрение собственные свои проекты наравне с трудами других членов, требовал на них замечаний и соглашался с возражениями. В бумагах комитета находятся обширные исторические обозрения постановлений по морской части, сравнительные изложения законов русских и иностранных, подробные проекты, составленные членами, тысячи замечаний на оные и разные другие записки, наполненные по каждой почти странице собственноручными его отмет-

ками. Некоторые обширные части устава составлены и написаны от первой до последней страницы им самим. Во всех других проектах встречаются целые статьи, писанные им собственноручно; на прочих статьях везде видны его поправки и отметки. Для совершения этого труда великий князь употреблял по несколько часов в день в продолжение целой зимы.

Во всех работах по составлению Морского устава Головнин участвовал в качестве производителя дел комитета и докладчика, а для письмоводства имел временную канцелярию, составленную из нескольких писарей Морского министерства. Иногда в эту канцелярию командировалось временно несколько морских офицеров. Великий князь, не имея при себе другого секретаря и канцелярии, стал постепенно передавать в канцелярию Комитета Морского устава разные другие дела и бумаги, поступавшие к его высочеству, и вследствие того понемногу Головнин обратился из производителя дел этого комитета вообще в секретаря великого князя и сопровождал его высочество во всех его путешествиях и плаваниях. В этой должности он мог быть несколько времени полезен и нужен великому князю знанием гражданских законов и особенно порядка и форм делопроизводства, которые не могли быть известны его высочеству. В том же 1851 г. великий князь был назначен членом Совета военно-учебных заведений.

24 мая 1851 г. его высочество вышел в море на фрегате «Паллада» начальником отряда, состоявшего из судов: фрегата «Церера», корвета «Наварин», бригов «Агамемнон» и «Улисс», шхун «Дождь» и «Стрела» и яхты «Опыт», ходил в Ревель, Свеаборг, Балтийский порт, Гангут и Бомарзунд и 17 июня возвратился в Петербург.

В продолжение этого плавания совершена была божественная литургия на фрегате «Паллада» в походной церкви, устроенной на фрегате с разрешения государя императора по ходатайству и на иждивении его высочества. Событие это по некоторым обстоятельствам имеет особенную важность. Император Петр I в Морском уставе, изданном в 1720 г., определил, чтоб на кораблях служили обедню в походных церквях, и приложил к уставу подробное исчисление утвари, книг и разных вещей, которые должны находиться в подобной церкви. Император Павел в Уставе военного флота, изданном в 1797 г., повторил то же правило. Император Николай I вскоре по восшествии на престол повелел иметь на флоте походные церкви. Несмотря на это до 1851 г. ни на одном корабле не было походной церкви и из дел Морского министерства не видно, была ли когда-нибудь исполнена воля Петра Великого.

В 1851 г. великий князь Константин Николаевич обратил внимание на эти обстоятельства и, желая доказать на деле возможность устройства походной церкви, сделал это на свой счет на фрегате «Паллада». В первый раз совершена была в оной Божественная литургия 28 мая 1851 г. в день сошествия св. Духа, в бытность фрегата на Ревельском рейде, и в присутствии великого князя генерал-адмирала, главного командира ревельского порта и адмиралов и командиров судов бывшей тогда в Ревеле 1-й дивизии и отряда великого князя. В течение июня 1851 г. два раза служили обедню на «Палладе» под парусами. Таким образом, чрез 131 год исполнена была воля Петра Великого великим князем Константином Николаевичем.

По возвращении из похода 17 июня 1851 г. великий князь жил в Стрельне и часто ездил оттуда в лагерь в Красное Село^V. В конце июля и начале августа он участвовал в маневрах, командуя в первый раз сводною дивизиею в корпусе генерала Муравьева, и отличным порядком заслужил особенное благоволение государя. Его величество выразил при сем случае прусскому офицеру Мюнстеру, что его высочество будет хорошим помощником своему брату. 14 августа великий князь переехал из Стрельны в Павловск.

Летом 1851 г. он получил из Англии известное издание библии (Scotts Bible) в шести больших томах с картами, планами и многочисленными пояснениями, историческими, этнографическими и проч. С того времени он ежедневно утром прочитывал главу библии, не прекращая чтения по вечерам Евангелия на славянском языке.

Здесь должно упомянуть об одном предположении великого князя, о котором он думал еще с 1846 г., но которое осуществилось и стало приносить плоды только в 1850 и 1851 годах. Мы говорим об учреждении Артиллерийской школы для морских нижних чинов или образцовом артиллерийском фрегате.

В 1846 г. он обратил особенное внимание на Артиллерийскую школу, устроенную на французском фрегате «Минерва» и в Англии на корабле «Excellent». Его высочество желал ввести подобное учреждение у нас и в 1850 г. представил государю свои предположения, которые повелено было тогда же испытать. Великий князь желал вооружить орудиями всех калибров один фрегат и, составив на нем сборную команду с целого флота, обучать стрельбе, чтоб образовывать искусных комендоров, которые по достаточном изучении могли бы быть разосланы на другие суда и учили команду меткой и быстрой пальбе из орудий всех калибров и единообразному действию артиллерии.

Для сего назначен был сначала фрегат «Церера», который вскоре заменен был «Амфитридой». Великий князь часто ездил на фрегат, следил за ходом обучения и требовал к себе подробные отчеты. Результаты обучения в первый же год как по необыкновенной меткости стрельбы, так и по скорости действия артиллерии превзошли ожидания. Так например, на приготовление к бою команда употребляла от 7 до 15 минут, причем разбирались каюты и фрегат был приготовляем как бы для настоящего сражения. При стрельбе на якоре из орудий разного калибра, в расстоянии от 500—600 саженей, из 10 выстрелов было удачных от 4 до 7, а в общей сложности более половины удачных, при стрельбе на ходу с трех галсов, при ходе от 3½ до 4½ узлов в расстоянии от 280 до 470 саженей из 98 выстрелов было 67 удачных; на перестановку орудий употреблялось менее 4 минут, а на перемену станков от 5 до 8.

В продолжение осени 1851 г., живя в Павловске, великий князь обратил внимание на положение крестьян, приписанных к этому городу и полученных им на праве помещичьем по духовному завещанию бабки своей императрицы Марии Федоровны.

Вникая в быт крестьян, его высочество потребовал от своих управителей подробные сведения о количестве земель и разных угодий, находящихся во владении крестьян, сумме платимого ими оброка, податей и разных повинностей, о количестве у них скота, состоянии их строений, числе вдов и сирот, порядке оказания пособий в случае неурожая и болезни, средствах к заработкам и проч. По получении ответов великий князь передавал их на рассмотрение одного опытного помещика и потом делал новые вопросы и замечания.

22 августа 1851 г. в день двадцатипятилетия венчания на царство государя императора и двадцатилетия назначения Константина Николаевича генерал-адмиралом великая княгиня Александра Иосифовна благополучно разрешилась от бремени великою княжною Ольгою Константиновною. Вскоре после того по требованию врачей было решено, что их высочества проведут зиму на юге, и государю угодно было избрать для сего Венецию. 12 октября их высочества отправились в путь, оставив детей своим ближайшему попечению государя императора. Пробыв несколько дней в Вене, великий князь прибыл с августейшею супругою своею в Венецию и провел там около 5 месяцев.

В течение этого времени его высочество несколько раз ездил в Верону и на пароходе «Владимир» ходил в Триест, Анкону, Бари, Бриндизи и Полу. С великой княгиней он ездил на несколько дней в Модену, Парму, Милан и на озера Северной Италии. 20 апреля их высочества оставили Венецию, провели 10 дней в Вене и около того же времени в Потсдаме и Берлине. Во второй половине мая прибыли в Ганновер, где великая княгиня нашла родителя своего герцога Иосифа и трех сестер. Отсюда их высочества ездили на несколько дней в Веймар и Альтенбург. 11 июня его высочество, оставив великую княгиню в Ганновере для окончания леченья, отправился чрез Берлин и Штетин в Россию и 15 числа на пароходе «Камчатка» прибыл благополучно в Петергоф.

Пребывание его высочества в Венеции замечательно по многим причинам. Здесь, в продолжение почти 5 месяцев, он был полным господином своего времени и мог устроить занятия свои по собственному вкусу. Ему было тогда 24 года, следовательно, он входил уже в те года, когда характер человека ясно обозначается, когда он начинает действовать самостоятельно и делать то или другое употребление способностей, дарованных природой, и познаний, сообщенных воспитанием. По образу жизни великого князя в Венеции должно было заключать о его будущности.

В общем обзоре учения и воспитания великого князя были приведены весьма замечательные слова Ф. П. Литке, который выражал глубокое сожаление, что ученье

его высочества было остановлено ранее, чем воспитатели предполагали, и что поэтому воспитание его осталось недоконченным. Там было сказано, что великому князю предстояло самому заняться окончанием своего образования. Занятия его в Венеции доказывают, что он сам сознавал это и сообразно с этим действовал. Окончание воспитания, разумеется, не могло быть энциклопедическим. Напротив того, следовало определить себе свое специальное назначение и сообразно оному избрать предметы изучения. В действиях великого князя в Венеции проявляется эта мысль. Занятия его имели там главным предметом — морскую часть, как назначение генерал-адмирала, и разные вопросы внутреннего управления — как царевича, призванного с юных лет и на всю жизнь участвовать в трудах Государственного совета. Сверх того как христианин он постоянно продолжал свое религиозно-нравственное образование.

По сему занятия его по своим предметам имели три главных разряда: 1) религиозные, 2) морские и 3) административные. Кабинетному труду он посвящал ежедневно утром от 9 до 2-х часов и вечером от 7 до 8.

1. Религия и нравственность

Великий князь начинал день чтением главы Библии с объяснениями историческими, географическими и этнографическими. Таким образом, в течение 5 месяцев он прочел часть книги «Числ», книгу «Второзакония», «Иисуса Навина», «Судей» и часть книг «Царств».

Сверх того, отмечая встречавшиеся при чтении молитв, псалмов, служебников и проч. неясные места, он сообщил по сим предметам более 200 вопросов частью протоиерею Бажанову, а частью — архиепископу Херсонскому Иннокентию. В продолжение великого поста он прочитал путешествие Авраама Норова ко Святым местам.

2. Занятия по морской части

Главным предметом занятий великого князя было составление нового Морского устава. В Венеции получено было от офицеров Балтийского и Черноморского флотов более 2000 замечаний на разосланные им проекты разных частей устава. Его высочество пересмотрел эти замечания в подробности и сделал по ним изменения в проекте. Некоторые главы составлены им были вновь, налитографированы и разосланы для рассмотрения.

Сверх того великий князь пользовался каждым случаем для осмотра иностранных судов, морских заведений и проч. В особенности подробно он осмотрел венецианское адмиралтейство или арсенал и укрепления Венеции и составил подробное описание оных. Находясь в постоянной переписке с князем Меншиковым, его высочество следил за морскою частью в России.

3. Часть административная

Желая приготовиться к основательному и правильному обсуждению административных вопросов, восходящих в Государственный совет, великий князь предположил себе прочесть разные записки по предмету внутреннего управления разных частей России. С этою целью разные записки были взяты в Венецию и сверх того его высочество вступил в деятельную переписку с наместником кавказским князем М. С. Воронцовым, генерал-губернаторами оренбургским В. А. Перовским и сибирским Н. Н. Муравьевым, министром внутренних дел графом Л. А. Перовским, приглашая их доставлять ему сведения о прежнем и нынешнем состоянии вверенных им частей и о современных административных вопросах. Вследствие этого его высочество стал вскоре получать многие весьма важные и любопытные сообщения, которые он внимательно прочитывал и по которым обращался с новыми вопросами.

В числе многого, что он читал в бытность свою за границей, заслуживают особенного внимания отчеты по Министерству внутренних дел за 25 лет, Министерству уделов за 25 лет, за несколько лет по Кавказскому и Оренбургскому краям, разные записки о земских повинностях, о крестьянском сословии в собственно русских и в прибалтийских губерниях, об Уральском войске, киргизах, укреплениях в степи Оренбургского края и т. п.

Из всего этого видно, что великий князь, проводя по требованию врачей зиму в Италии вдали от отечества, не переставал заниматься изучением Отечества и в тишине своего кабинета целый день трудился, чтоб быть полезным России. Этот образ жизни вполне соответствовал его наклонностям и, покидая Италию, он писал В. А. Перовскому: «Венеция оставила во мне навсегда воспоминание о времени, проведенном спокойно в ежедневном полезном труде».

Вскоре по возвращении в Россию был он назначен (25 июня 1852 г.) товарищем начальника Главного морского штаба его императорского величества. Здесь представилось ему новое обширнейшее поприще для полезной деятельности.

Вспоминая зиму, проведенную им с великим князем Константином Николаевичем в Венеции (1851/52 год), Головнин считает это время одним из приятнейших своей жизни, и вообще он должен сказать, что все работы его делами разного рода с его высочеством оставили в нем только отрадные и благодарные воспоминания.

Он приехал в Венецию 7/19 ноября 1851 г., несколькими днями после великого князя, оставив в Петербурге уже снег и проехав в почтовой карете до Варшавы и оттуда по железной дороге до Вены в холодное неприятное время. На Зёммеринге был также снег, и почти до Триеста дилижанс медленно тащился то в снегу, то по грязи, но с приближением на пароходе к Венеции в чудное светлое утро по голубым лагунам, при ярком солнечном свете, теплый воздух Италии заставил забыть все неприятности длинного переезда и вдохнул какую-то новую жизнь, новые силы в путешественника, утомленного безостановочной ездой от самого Петербурга.

Головнин потом несколько раз бывал в Италии и должен сказать что этот очаровательный край производил на него самое сильное впечатление, и он не может без какого-то особого волнения, какой-то жажды, какого-то нервного возбуждения, вспоминать небо Италии, ее воздух, растительность, игру света и теней, художественные произведения, особенный цвет моря, мелодичность языка. Вспоминая Италию, невольно вспоминаются стихи [Гёте и Козлова] ^{VI}.

Венеция представилась Головнину в самом прекрасном очаровательном виде, и он никогда не забудет этого впечатления. Пароход вошел в ряды тесно стоявших разного рода судов, прошел мимо нашего парохода-фрегата «Владимир», который красовался с чудным андреевским флагом у набережной публичного сада (*giardini pubblici*) ⁴ и остановился в Canal Grande против piazzeta и дворца дождей. Везде было движение, жизнь, шум, толпы народа, пестрота и над всем яркое итальянское солнце и теплый живительный воздух.

Великий князь жил в императорском дворце, который выходил на площадь Св. Марка и на Canal Grande и от сего последнего отделялся небольшим садом. В саду цвели розы. Гондола подвезла Головнина к крыльцу дворца, где для него уже были приготовлены две комнаты, и со следующего же дня начался для него тот приятный образ жизни, который продолжался почти полгода. Он вставал рано и шел по площади Св. Марка и плацете на Riva dei Schiavone и в публичный сад. Иногда ездил там верхом, иногда завтракал в знаменитом *café Florian* (на площади), который открыт целые сутки и в целые 50 лет только однажды закрылся на несколько часов ночью, когда Наполеон взял Венецию. Ко времени завтрака великого князя Головнин приходил к его высочеству и работал с ним все утро. Около 2-х часов он отправлялся или гулять в разные части Венеции, или ездил в гондоле и делал визиты, или осматривал замечательные дворцы, церкви, картинные галереи. Затем в 6 часов к обеду собирались к их высочествам все лица свиты и разные приглашенные особы. Вечером бывали опять занятия с великим князем, или вечер проводился в театре *Fenice*, или Головнин брал урок итальянского языка, причем учитель рассказывал ему о положении края, притеснениях австрийцев, надеждах итальянцев, историю бывшей продолжительной осады, взятия Венеции, страданиях ее и проч. Эти рассказы были тем более интересны, что, находясь в обществе австрийцев, так как великий князь жил в гостях у австрийского императора, Головнин не мог знакомиться с оставшимся еще в Венеции малочисленным итальянским обществом. Иногда вечером бывали прогулки в гондолах с песнями гондольеров ⁵.

Свиту их высочеств составляли кроме Головнина следующие лица: княгиня Трубецкая в качестве гофмейстерины, фрейлина Воейкова, генерал-адъютант Платин, камергер Свистунов в должности гофмаршала, адъютант великого князя граф Апраксин и доктор Гауровиц. Сверх того при великом князе состояли адъютанты

австрийского императора граф Врбна и барон Фрѣлих фон Сольянцо. Кроме всех этих лиц, которые каждый день обедали и проводили вечер с их высочествами, еще приглашались иногда командир парохода «Владимир» капитан I ранга Аркас, офицеры парохода, супруга адъютанта его высочества графиня Апраксина, урожденная Ладомирская, другая графиня Апраксина, рожденная княжна Трубецкая, брат ее князь Александр Трубецкой, муж знаменитой Тальони и владделец одного из прелестнейших дворцов на Canal Grande — «Ca d'ого», русский консул Хвостов, генерал-губернатор Венеции Горшковский, жившие в Венеции маршал Мармон (герцог Рагузский), графиня Эстергази и проч.

Два раза во время пребывания великого князя в Венеции приезжал туда к его высочеству молодой австрийский император^{viii}, который отличался тогда необыкновенною деятельностью, сдержанностью, молчаливостью. Он вставал в 5 часов и в 7 часов утра уже принимал разных лиц по делам, расспрашивал, слушал, но сам не высказывался. Некоторые австрийцы уверяли, что он вовсе не имеет сердца. Приезжали также некоторые эрцгерцоги и между ними весьма еще молодой в то время эрцгерцог Максимилиан, будущий мексиканский император; герцог Моденский; герцог Пармский, посланник наш из Вены барон П. Мейендорф, человек умный, образованный, приятный собеседник, но находившийся для представителя России и русских интересов в фальшивом положении вследствие женитьбы своей на графине Буль, сестре австрийского министра иностранных дел. Сверх того, барон Мейендорф не скрывал своего несочувствия к единоверным нам черногорцам и к австрийским славянам и прямо выражал, что не следует в пользу них вредить нашим хорошим отношениям с австрийцами. Должно сказать, что великий князь прибыл в Венецию вскоре после спасения Австрии императором Николаем, что сам великий князь участвовал в венгерском походе и по всему этому австрийский двор был исполнен к его высочеству величайшей внимательности. Император настоял на том, чтоб во все время пребывания великого князя в австрийских владениях его высочество считался гостем императора. Гостеприимство было оказано самое блестящее и роскошное.

В числе замечательных лиц, которые проводили эту зиму в Венеции, был граф Шамбор (герцог Бордоский) и мать его герцогиня Беррийская с мужем своим маркизом Луккези-Палли. Они занимали два принадлежавших им прекрасных дворца на Canal Grande, наполненных фамильными историческими вещами. Около них находилось небольшое общество легитимистов, из коих некоторые жили с ними постоянно, а другие приезжали по очереди как бы на службу при особе того, в ком видели законного короля своего Генриха V. Лилии красовались на столбах крылец обоих дворцов.

Головнину случалось обедать и у графа Шамбора и у герцогини Беррийской, и он познакомился с их обществом легитимистов, но не нашел в нем никого сколько-нибудь замечательного. Все эти лица, не исключая и самих принцев, были весьма любезны, но отличались полнейшею ничтожностью и не представляли ничего для будущего. Они, очевидно, принадлежали к отжившему, прошедшему и были замечательны только как живые представители одного среди безжизненных остатков старины, наполнявшей дворцы их.

Граф Шамбор, видимо, старался показать, что он превосходно знает Францию, ее историю, статистику, современное положение ее, потребности. Окружающие его говорили, что он непрерывно занят изучением своего отечества и что он слишком любит Францию, чтоб когда-либо решиться предъявлением своих прав произвести там кровопролитие, но уверен, что провидению угодно будет восстановить со временем законность и вознаградить за терпение и страдания.

Великий князь принял графа Шамбора на пароходе-фрегате «Владимир» с большими почестями, которые доставили видимое удовольствие французским изгнанникам. «Владимир» принадлежал к составу Черноморского флота и был во всех отношениях образцовым судном. Ловкость и искусство команды были необычайные, австрийские морские офицеры с завистью говорили о нем и называли команду не экипажем корабля, а труппою вольтижеров и воображали, что эта команда составлена из выборных самых ловких людей всего русского флота, чего вовсе не было. В публичном саду команда устраивала себе русскую баню, которая доставляла матросам величайшее удовольствие.

Головнин был несколько раз в монастыре мекхитаристов^{ix} на одном из

островов Венецианских лагун и любовался их прекрасною библиотекою, типографией, которая печатает на всевозможных языках и многими изданиями, вышедшими из этой типографии. Он вполне понимал и уважал жизнь этих ученых отшельников, которых ежедневные труды приносили пользу и науке и религии.

Святки 1851 г. прошли при дворе их высочеств очень весело. Великий князь и великая княгиня были молоды, добры, веселы, и все лица свиты, следуя за ними, от души и беспечно веселились. Великая княгиня устроила сама к Рождеству елку: были маскарады, концерты, домашние спектакли. В Венеции у великого князя Головнин слышал в последний раз знаменитого Рубини. Австрийское правительство из любезного внимания к великому князю разрешило в Венеции, в первый раз после взятия оной, карнавал, некогда столь знаменитый. Площадь Св. Марка с утра наполнялась масками, толпа постепенно увеличивалась, и к вечеру трудно было протесниться. Шум, песни, крики, взвизгивания масок, музыка продолжалась до глубокой ночи^x. Целые общества и кадрили костюмированных лиц приходили во дворец, где они танцевали, пели и где их угощали разными сладостями и прохладительными напитками.

Вообще Головнину Венеция казалась шумною, веселою, оживленною, но итальянцы были другого мнения. Сравнивая с другими временами, они находили ее унылою и пустынною, указывали на ряд пустых дворцов с заколоченными окнами, пересчитывали многочисленные богатые семейства, которые или были высланы, или сами выселились, говорили о совершенном отсутствии праздников, катанья в гондолах с песнями, иллюминацией, вообще увеселений частных богатых лиц, увеселений, в которых когда-то весь город принимал участие. Общества австрийское и итальянское держали себя совершенно отдельно, никогда не смешивались и ненавидели друг друга; немногие венецианские семейства жили в задних комнатах своих всегда темных снаружи дворцов и принимали только самый тесный круг друзей и родных, опасаясь особенно шпионов австрийской полиции.

Недоверие австрийского начальства к венецианцам было величайшее. Город был окружен понтонами с заряженными орудиями, направленными против него. На площадях стояли заряженные пушки. Патрули непрерывно проходили по всем направлениям. Число часовых было огромное. Наконец, генерал-губернатор Горшковский сам говорил Головнину, что жители Венеции расписаны на категории с означением, как поступить с каждым из них в случае какого-либо мятежного движения. Войск в Венеции было много, и фельдмаршал Радецкий, живший тогда в Вероне, приехав к великому князю в Венецию, устроил в честь его высочества великолепный парад на площади Св. Марка. Как зрелище, парад был действительно хорош при той обстановке или декорациях чудного места, где он происходил.

Австрийский император, когда приезжал в Венецию, принимался населением весьма холодно. Наемные люди кричали «ура», но итальянцы молчали и старались уходить и не снимать шляп. Войско и военная музыка придавали встрече несколько праздничный вид.

Великого князя и великую княгиню, напротив того, народ любил. Должно сказать, что пребывание их несколько оживляло город и доставляло разные заработки и сбыт товаров. Сверх того их высочества раздавали каждый месяц значительные суммы в пособие бедным. Особенно как-то любили их гондольеры, составляющие особое и весьма влиятельное между простым народом население Венеции. Когда в ночь Пасхи великий князь и великая княгиня и вся свита их из Греческой церкви приехали на пароход «Владимир» разговеться по-русски, на пароходе происходило молебствие и певчие из матросов пели «Христос воскрес», гондольеры, завидев ярко освещенный пароход и слыша там пение, окружили его и запели свои баркаролы («Vieni-la barka e pronta»).

Когда их высочества совсем уезжали из Венеции весной 1852 г. масса населения провожала их, кричала «ура», иллюминировала берег, благодарила и гондольеры провожали несколько времени пароход «Владимир» с песнями и криками.

Во время пребывания в Венеции Головнин прочел несколько исторических сочинений, в которых подробно рассказывается удивительная судьба этого города, и это чтение всегда производило на него сильное впечатление. История Венеции доказывает, между прочим, что не в одних только монархиях употребляется гнусное административное орудие — шпионство, перлюстрация и доносы, но что и в аристократической республике оно было в большом употреблении и причиняло много зла.

В свите великого князя Головнину удалось осмотреть в подробности форт Мальгеру, укрепления Лидо и вообще всю систему защиты Венеции, которую австрийцы считали неприступною.

Уезжая из Венеции он искренне желал ей свободы и желал вновь увидеть ее уже свободною, а не под австрийским владычеством. Это желание при обстоятельствах 1852 г. казалось несбыточной мечтою, утопией.

В феврале и марте Головнин сопровождал великого князя во время интересной прогулки по Адриатическому морю. Его высочество вышел из Венеции 25 февраля/8 марта на пароходе «Владимир» и в тот же день обедал в Триесте у императора. Отправившись вечером из Триеста, он пришел на другой день в Анкону, а 27-го числа ездил в Лоретто; 28 февраля пришел в Бари, где команде парохода было доставлено большое утешение — поклониться мощам святителя Николая. 28-го числа «Владимир» пришел в Бриндизи, где великий князь пробыл только несколько часов. На обратном пути в Триест «Владимир» встретил сильную бурю и принужден был спуститься в Полу, несмотря на то, что австрийское правительство не позволяло иностранным военным судам заходить в этот порт. Случай этот доставил великому князю возможность видеть военные сооружения австрийцев, которые считали Полу главным военным портом своим. Во время бури пароход «Владимир» имел сначала сильную боковую, а потом килевую качку. 3 марта его высочество воротился в Венецию.

В начале апреля великий князь отправился с великою княгинею в Модену, Парму и Милан, а Головнин поехал во Флоренцию, Рим и Неаполь, причем великий князь сам составил для него подробный маршрут и означил, где и что следует осмотреть. Эта поездка была весьма непродолжительна, но оставила Головнину воспоминания о многом прекрасном, виденном им в музеях и галереях трех знаменитых городов Италии. Все время пребывания в этих городах он употреблял на осмотр произведений искусств, причем старался видеть не столько большое число оных, сколько по несколько раз каждое.

В Риме после храма Св. Петра, чудных картин и статуй и воспоминаний Форума и Капитолия его более всего поразило и произвело на него глубокое впечатление Колизей как живое соединение событий Рима языческого и Рима христианского^{х1}.

По возвращении в Венецию великий князь весной 1852 г. отправился через Триест в Вену, куда прибыл в то время государь Николай Павлович и съехались для представления его величеству все австрийские эрцгерцоги. В свите государя великий князь поехал в Потсдам, где нашел императрицу, а оттуда отправился в Ганновер. Головнин сопровождал его высочество в этих поездках.

В Вене он получил горестное известие о кончине искренне любимого им дяди и друга Ф. С. Лутковского. Феопемпт Степанович скончался вследствие простуды 20 апреля. Кончина его глубоко огорчила Головнина, который близко знал его прекрасные качества.

В Вене и Потсдаме Головнин видел, какое огромное значение имел в то время в Германии русский император. Государь Николай Павлович являлся везде каким-то начальником; ему делали самые торжественные встречи; принцы крови съезжались, чтоб представиться ему; он осматривал войска, раздавал иностранным генералам и офицерам ордена, раздавал множество денег, давал министрам ряд наставлений. Ласковый прием его высоко ценился, невнимание очень огорчало. Австрийский император встретил его на границе империи и сопровождал в русском мундире до Вены. Самая наружность императора Николая была величественная; он бесспорно был выше, красивее и изящнее всех германских владетельных особ и принцев. Головнин помнит впечатление, какое государь производил в Вене, когда являлся в блестящем мундире австрийских гусаров, и в Берлине, командуя на смотре прусским кирасирским полком его имени. В Потсдаме знаменитый Гумбольдт⁶ был в то время очень огорчен, потому что государь не показал ему то внимание, какого он ожидал. Проведя 10 дней в Потсдаме, обедая и бывая каждый день вечером в свите великого князя у короля, Головнин каждый день видел Гумбольдта, к которому он, как бывший секретарь Географического общества, имел величайшее уважение. Должно, однако, сказать, что в Потсдаме гениальный ученый производил грустное впечатление. Он являлся там болтливым камергером, любил хвастать знаками уважения, которые получал, проводил целые часы в светских,

самых пустых разговорах. Головнину было больно видеть это. Впрочем, сам Гумбольдт говорил ему: «Во мне два человека: придворный светский камергер и ученый. Первого вы видите здесь. Второй является у себя в кабинете ночью и работает там до утра».

В Ганновере Головнин провел несколько недель весьма приятно, в загородном дворце Герренгаузен, где жили их высочества. Король, с детства слепой, женатый на старшей сестре великой княгини Александры Иосифовны, жил в другом загородном дворце *Mon Brillant*, куда великий князь и особы свиты ездили каждый день к обеду и часто на вечер. Король, лишенный зрения, любил музыку, и вследствие того при дворе часто бывали музыкальные вечера, а оркестр Ганноверского театра, которому король оказывал щедрые пособия, был одним из лучших в Германии.

Король прекрасно ездил верхом и любил ездить, причем рядом скакал адъютант, держа третий повод. Странно было видеть короля верхом на смотрах ганноверских войск, которые проходили перед ним. После смотра он подзывал к себе командиров, благодарил их и делал по каждой части войск свои замечания со слов адъютантов, стоявших возле него во время парада.

Из Ганновера Головнин отправился с великим князем в Россию чрез Берлин и Штетин.

[Служба великого князя Константина Николаевича в морском ведомстве]

В предыдущих тетрадях был представлен краткий очерк детского и юношеского возраста великого князя Константина Николаевича, говорено о его играх и уроках, рассказаны блестящие испытания в науках и перечислены морские путешествия. Сверх того были представлены усилия царевича к окончанию своего воспитания и упомянуто о начале первого важного труда его на пользу русского флота, а именно, о первоначальных работах его по составлению нового Морского устава. В заключение было сказано, что с назначением великого князя 25 июня 1852 г. товарищем начальника Главного морского штаба его высочеству открылось новое, обширнейшее поприще деятельности на пользу флота, который давно уже видел в нем своего будущего начальника и хозяина.

Назначение сие было для него вовсе неожиданно и чрезвычайно поразило его. Он узнал об этом из письма начальника Главного морского штаба князя Меншикова от 26 июня с парохода «Грозный», на котором в то время находился государь император у Дагфорта на пути из Кронштадта в Штетин.

Великий князь не знал сначала, следует ли ему радоваться этому назначению. Признательный государю за этот явный пред лицом всего флота, перед лицом всей России данный ему знак высокого доверия, он опасался, что не будет в силах оправдать это доверие, и уверенный в своем усердии к службе, сомневался в способностях и познаниях. Мысли эти были выражены им в то время государю наследнику, который при сем сказал, что назначение это прямо указывает, к какой должности государь готовит великого князя.

Назначение сие было неожиданною радостною вестью для всего флота и произвело вообще сильное впечатление. Многие не верили оному, а потом поздравляли друг друга. Все вообще ожидали добра для флота, разных улучшений и полезных устройств.

Великий князь начал свои действия по новой должности просьбой князю Меншикову не отделять ему в первое время никакой части управления, но доставить средства ознакомиться с лицами и с ходом дел управления вообще. Для сего его высочество потребовал к себе отчеты по Морскому министерству за последние 25 лет и приступил к рассмотрению оных. Эти занятия были прерваны новым назначением. 11 августа 1852 г. по случаю временного отъезда из Петербурга князя Меншикова великому князю повелено было вступить в управление Морским министерством.

В это время великий князь жил в Александрии, близ Петергофа, в одном доме с родителями, а в сентябре, при переезде императрицы в Царское Село, он переехал с супругою и детьми в Павловск.

Вступив в управление министерством, его высочество предположил себе не приступать ни к каким преобразованиям, не делать никаких перемен, но и самое управление министерством считать только средством, чтобы ближе познакомиться

с делами и лицами. Учредив порядок занятий, сообразный с этой целью, его высочество принимал не только директоров начальствующих главными частями министерства, но и разных других чиновников, подробно расспрашивал их, выслушивал всех ласково и внимательно. Заботясь об удобстве лиц, которые являлись к нему по службе, великий князь не требовал их к себе в Павловск, но сам по четыре и по пяти раз в неделю ездил в С.-Петербург, и там принимал их. Каждый понедельник он бывал в Государственном совете, по вторникам — в Комитете министров, по четвергам и субботам — в Комитете составления Морского устава. Каждый вечер его высочество занимался делами в Павловске. Не довольствуясь личными докладами и выписками из дел, его высочество непрерывно требовал к себе из департаментов и канцелярий подлинные делопроизводства, внимательно рассматривал их и в пояснение и дополнение доставленных ему сведений делал много различные вопросы⁷. Сверх того, чтоб получить общий обзор делопроизводства во всем министерстве, его высочество потребовал из всех департаментов ведомости о неоконченных делах и рассматривал их с большим вниманием. Эти ведомости были поводом к новым вопросам и объяснениям.

По средам великий князь, подобно князю Меншикову, имел у государя личный доклад. Первый из них был в среду, 20 августа 1852 г., в Петергофе, в Большом дворце. Великий князь начал управление свое министерством ходатайством в пользу бывшего воспитателя своего вице-адмирала Литке. 9 сентября 1852 г. должно было исполниться его высочеству 25 лет, и с тем вместе прекращались обязанности Ф. П. Литке по званию попечителя великого князя. В первом докладе своем его высочество испросил для вице-адмирала Литке орден св. Александра Невского и пенсию его племянницам. Желая обрадовать Федора Петровича, великий князь отправил к 9 сентября в Ревель адъютанта с грамотой, орденом и письмом от себя. 9 числа, во время обеденного стола, в ту самую минуту, когда пили здоровье его высочества, явился адъютант великого князя к адмиралу и вручил все помянутое. Ф. П. Литке был глубоко тронут этим знаком особенного к нему внимания и сердечного расположения его высочества⁸.

В последующих докладах его высочество неоднократно представлял государю различные просьбы о пособиях, пенсиях и проч. и всегда выходил с радостным лицом, когда мог походатайствовать какую-либо милость. На лице его выражалось ясно, какое удовольствие доставляла ему возможность сделать добро кому-либо.

Усердие к службе, деятельность, ум и способности великого князя высоко ценились государем императором. Его величество писал великому князю 9 сентября 1852 г. из Гомеля: «От всей души поздравляю тебя, мой милый Костя, благополучным достижением 25 лет. Господь тебя, видимо, благословил в эти первые 25 лет жизни, дав тебе ум и способности быть полезным слугою государству, сохранив среди неприятельского огня и в морских твоих путешествиях и даровав высшее из всех — семейное счастье: добрую, милую жену и двух ангелов детей. Вступая ныне в совершенно зрелые лета, будь зрел и деяниями, более и более свыкаясь с делами, основывая мнения твои не на минутных впечатлениях, не на детских или юношеских предрассудках, но на испытанной истине, на правосудии, на прямом чувстве долга верноподданного слуги. Справедливо заслуженное об себе доброе мнение поддержи и впредь, в чем и ни чуть я не сомневаюсь.

Благодарю за письмо, долго писать не могу. Твоим полком, как и всей кавалерией, был я отменно доволен. Сейчас еду на корпусное ученье. Желаю, чтобы было хорошо. Обними милую Санни и крошек. Обнимаю тебя от души. Твой старый верный друг Папа. Н.»

Управление Морским министерством продолжалось с 11 августа до 29 октября, когда возвратился князь Меншиков.

Одновременно с управлением Морским министерством великий князь продолжал деятельно заниматься по Комитету составления Морского устава. Заседания были по два раза в неделю под личным его председательством. Комитет пересматривал окончательно проект устава, переделанный его высочеством в Венеции в течение зимы 1851/52 г. по замечаниям со всего флота. После каждого заседания великий князь посвящал в Павловске весь вечер на исправление по заключениям комитета рассмотренных проектов.

В немногие свободные минуты от служебных занятий его высочество следил за русскою словесностью. Узнав, что по смерти Гоголя нашлись некоторые бумаги его

у друзей покойного, его высочество пожелал видеть оные и с любопытством читал его «Размышления о литургии», «Исповедь автора» и ненапечатанные главы «Мертвых душ».

Проводя осень в Павловском имении своем, великий князь по примеру прошлого года обращал внимание на положение крестьян своих и заботился о их благосостоянии. Истребовав от управляющих сведения о тех случаях, по которым они ходатайствовали в пользу крестьян у местных начальств, его высочество писал об этом министрам и посылал адъютанта просить об ускорении делопроизводства и оказании покровительства его крестьянам. Желая в то же время получить верные и основательные данные о состоянии крестьян своих, качестве принадлежащих им земель и угодий, промыслах и проч., великий князь просил министра уделов назначить в распоряжение его опытного и способного удельного чиновника для осмотра всех имений его высочества и для изыскания на самих местах средств увеличить благосостояние крестьян. Назначенный вследствие сего управляющий Красносельскою удельною конторою полковник Зарубинский получил лично от его высочества наставления и отправился для осмотра его имений.

В ноябре 1852 г. князь Меншиков сделался болен, а в январе 1853 г. был отправлен с особенным поручением в звании чрезвычайного посла в Константинополь, посему с ноября по январь великий князь, не управляя министерством, докладывал по делам оного каждую неделю государю, а в январе вступил вновь в управление министерством. Около того же времени последовало назначение его высочества председателем обществ Археологического и Посещения бедных.

Желая вполне посвятить свою деятельность предмету столь важному, как управление министерством, его высочество просил об освобождении его от должности бригадного командира и от обязанности присутствовать каждый день при докладах государю всех министров⁹, на что и последовало высочайшее соизволение.

Засим его высочество, будучи уже полным господином своего времени, распределил занятия свои таким образом, чтоб иметь возможность посвятить несколько времени каждой отрасли министерства и ознакомиться со всеми действующими лицами. Следующая таблица представляет распределения времени его высочества^{xii}.

Сверх поименованных лиц являлись по временам к его высочеству для личного доклада юрисконсульт Морского министерства, секретари комитетов: Ученого и Пароходного, вице-председатели и секретари обществ: Географического и Археологического, и проч., а вместе с поименованными директорами приходили в случае особенно важных и многосложных дел также начальники отделений.

Независимо от дел собственно текущих, в разрешении коих состоит главнейше деятельность управляющего министерством, великий князь ознаменовал свое управление многими распоряжениями и мерами, которые доказывают в нем величайшее желание добра и преуспевания русскому флоту, административные способности и светлый взгляд на дела. В нижеследующем излагаются в хронологическом порядке главные из этих распоряжений.

Замечая недостаток положительных правил для управления хозяйственною частью флотских экипажей, его высочество поручил двум комитетам, в С.-Петербурге и Николаеве, составить проект оных, с целью ввести порядок в этой части и достигнуть, чтоб все деньги, предназначенные для нижних чинов, доходили до них. По окончании этого труда проекты были соединены в одно целое и переданы на рассмотрение Кронштадтского общего собрания. Правила сии были утверждены государем в продолжение зимы 1853 г. и введены в действие в виде опыта.

Еще в 1851 г. его высочество поручил известному литератору Далю составить книжку для чтения матросам под заглавием «Матросские досуги». По окончании сего труда его высочество исходатайствовал награду автору и повеление напечатать сочинение его на счет казны. Автор предоставил все издание матросам и книжка была разослана на весь флот.

В 1850 г. по мысли его высочества учрежден был образцовый артиллерийский фрегат для обучения комендоров. Опыт в продолжение более двух лет удостоверил в пользе сего учреждения и потому в декабре 1852 г. его высочество исходатайствовал разные преимущества чинам фрегата и обученным комендорам и повеление обратить сие учреждение в постоянное.

Желая приискать всевозможные средства для уменьшения во флоте болезней

и смертности, его высочество потребовал по сему предмету соображения нескольких опытных врачей и в августе 1853 г. учредил особый комитет под председательством флота генерал-штаб доктора для изыскания средств к искоренению на флоте цинги, причем его высочество писал комитету, что не будет щадить никаких издержек для достижения сей цели.

По примеру первого управления своего министерством в августе 1852 г. великий князь опять потребовал в феврале 1853 г. ведомости нерешенным делам, внимательно рассматривал оные и обращался к директорам с разными вопросами, требуя весьма часто подлинные дела.

Признавая пользу иметь в Балтийском море отличный гребной флот для действия в случае надобности в шкерах Финляндии, его высочество поручил контр-адмиралу Шанцу составить чертеж и по оному выстроить для опыта в Або канонерскую лодку, которая соединяла бы в себе всевозможные достоинства.

В октябре 1852 г. была доставлена великому князю, по званию члена Сибирского комитета, на рассмотрение программа работ сего комитета, который получал вследствие сей программы или плана огромное развитие и обращался как бы в особое министерство по сибирским делам с правом изобретать разные преобразования и улучшения. Его высочество, не признавая предположения сии соответствующими цели назначения сего комитета, которому надлежало быть только совещательным собранием министров для совокупного обсуждения предположений, возникших на местах и обработанных в министерствах, опровергал помянутый план весьма сильно письменно и потом изустно в заседании комитета и вследствие этого план работ комитета был во многом изменен.

Две другие победы одержаны его высочеством речами, произнесенными им в Государственном совете в январе и феврале 1853 г. по делам неисправных подрядчиков по ведомству корабельных лесов Балашова и Ненюкова, причем великий князь защищал мнение Адмиралтейств-совета, опровергая заключение Сената и министра юстиции.

В январе 1853 г. великий князь обратился к нашим посольствам за границей с просьбой сообщать ему постоянно сведения об иностранных флотах и вновь издаваемые постановления по морской части.

Имея в виду, что еще при Петре Великом рекруты во флоте выбирались преимущественно из рыбаков и что по роду службы для флота необходимы люди здоровые и сильные, тогда как при нынешней системе наборов все лучшие люди отбираются в гвардию, гренадеры, саперы, кирасиры, артиллерию и проч. и флоту отдаются только те, которые остались за этим выбором, его высочество испросил дозволение обсудить в особом комитете из чинов Военного и Морского министерств предположение брать собственно во флот, не взирая на рост и на красоту, рекрут из крестьян, которые были рыбаками или ходили в море. Предположение сие встретило со стороны Военного министерства сильное противодействие, но по высочайшему повелению обсуждалось в особом комитете. Заключение комитета, предоставившее флоту разные преимущества, было удостоено высочайшего утверждения.

Его высочество давно желал, чтоб подвиги русских моряков были сохранены для потомства и чтоб была написана история русского флота. Зная, что у гг. Висковатова, Соколова и Веселаго собраны некоторые материалы по сему предмету, великий князь исходатайствовал высочайшее повеление поручить им обработать и дополнить сии материалы и для сего назначить им писарей и открыть архивы с тем, что труды их в случае одобрения Ученым комитетом будут напечатаны на счет казны.

Еще в 1850 г. было поручено великому князю рассмотреть в особом комитете различные сигнальные системы и составить Свод сигналов для флота. Его высочество обращался по сему предмету с вопросом ко всем отличнейшим морским офицерам и, обсудив все полученные мнения, составил главные основания сигнальной системы, которые в феврале 1853 г. были приняты и удостоены высочайшего утверждения вместе с новыми рисунками сигнальных флагов и знаков.

Не имея возможности прочесть вполне все отчеты по Морскому министерству за 25 лет, его высочество приказал сделать для себя извлечения из них, читал оные с большим вниманием и сделал много вопросов для разъяснения себе разных предметов. |

Прочитав весьма замечательную статью принца Жуанвильского о французском

флоте и желая, чтоб многие прекрасные мысли, выраженные в оной, усвоились нашими моряками, его высочество пригласил трех журналистов наших поместить в своих изданиях извлечение из этой статьи.

Для достижения по возможности правильности в денежной отчетности по министерству его высочество предписывал разным лицам производить неоднократно внезапные ревизии сумм в разных департаментах министерства, а замечая крайнюю неясность и сбивчивость в сметах морского ведомства, его высочество учредил особый комитет для рассмотрения и переделки смет департаментов интендантства и передал в этот комитет сметы Военного министерства, отличающиеся ясностью и отчетливостью.

Его высочество просил знаменитого проповедника и духовного писателя Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического, составить собственно для моряков собрания поучительных слов, применяясь к особенностям жизни на море.

Управляя министерством, его высочество усмотрел многие дела, которые не получали надлежащего движения. Так например, капитан I ранга Тебенков составил атлас берегов Русской Америки и на свой счет издал его в Новоархангельске; капитан 2 ранга Крузенштерн, совершив на своем иждивении экспедицию в Печорский край, представил несколько карт, описей и вычислений; капитан-лейтенант князь Голицын составил необходимые для флота навигационные таблицы. Все сии труды оставались без внимания и награды. Его высочество исходатайствовал награду Крузенштерну и князю Голицыну орденами и Тебенкову подарком, испросил необходимую денежную сумму на издание таблиц Голицына, поручил Географическому обществу издать карты Крузенштерна и просил разные ведомства раскупить атлас Тебенкова.

В начале марта состоялось высочайшее повеление приготовить все три дивизии Балтийского флота к выходу в море по открытию навигации. Великий князь принялся самым деятельным образом к исполнению монаршей воли. Через несколько часов по получении высочайшего повеления уже розданы были первые необходимые приказания. Великий князь ездил в Кронштадт и успел личными распоряжениями отвратить многие замешательства и дать правильный и успешный ход снаряжения флота, которое было особенно затруднительно по неимению запасов в достаточном количестве.

Его высочество поставил себе за неперемное правило пользоваться каждым случаем, чтобы доставить морским офицерам возможность отличиться. Для сего, узнав об утверждении экспедиции вверх по Сыр-Дарье, его высочество просил оренбургского генерал-губернатора принять в оную несколько морских офицеров и, получив согласие его, командировал туда двух офицеров.

Встречая часто надобность справляться с делами прежнего времени, его высочество на опыте видел необходимость иметь под рукой указатель дел, хранящийся в архивах, и, почитая архивы как бы библиотеками книг, не печатных, а писанных, его высочество предположил печатать понемногу реестры хранящимся в оных делам. Предположение сие удостоено было высочайшего одобрения и на издержки печатания определено употреблять до 1000 руб. серебром в год из остатков сумм Морского интендантства.

В марте 1853 г. был окончен двухлетний труд великого князя — проект Морского устава, дополнен ссылками и объяснениями и напечатан. Государь император соизволил утвердить сей проект и благодарить великого князя за полезный труд. Его высочество, желая употребить все усилия, чтоб устав сей принес всю ожидаемую пользу, и для сего, желая сделать оный известным всем морским офицерам, приказал напечатать 7000 экземпляров оного и разослать от его имени всем офицерам флотским, штурманским, артиллерийским и пр. В то же время великий князь приказал ввести преподавание устава в Морском корпусе.

Желая воспользоваться материалами, собранными в помянутом комитете, его высочество поручил трем офицерам заняться обработанием оных и составлением исторического обзора постановлений по предмету Морского устава и по сигнальной части и обзора морского законодательства других держав.

При составлении Морского устава усмотрено было неоднократно, что портовое управление наше нуждается в новом полном и ясном регламенте. Для собрания сведений по сему предмету его высочество командировал в Кронштадт, Николаев и Севастополь генерал-майора Рейнеке.

В апреле 1853 г. отправлен был бывшему воспитателю великого князя вице-адмиралу Литке в Ревель вышеизложенный перечень занятий его высочества с июня 1852 года.

Федор Петрович, прочитав эту тетрадь, писал великому князю от 11 апреля между прочим: «Не могу выразить, с каким душевным наслаждением прочел я доставленную мне А. В. Головинным записку о трудах Вашего высочества в течение последнего года. Сердце радуется, видя логическую последовательность, обширный и верный взгляд и жаркое стремление к добру, все Ваши действия отличающие. Господь да утвердит Вас не ослабевать в великом и трудном подвиге. Плоды подобных усилий пожинаются не скоро, нужно на это время и неослабная настойчивость и энергия. Вы расшевелили много залежавшегося. Радующиеся этому, возлагающие на Вас всю надежду, конечно, составляют огромное большинство во флоте. Но Ваше высочество, вероятно, догадывается, что есть и мыслящие иначе, которым новый порядок вещей, Вами вводимый, не по нутру, потому ли что с ним не так ловко в мутной воде рыбу удить, или просто от привязанности к старым закоренелым привычкам. Эти немногие утешают себя, говоря: «Это только сгоряча, надоест, будет все по старому». От чего Бог да сохранит и Вас и нас! Одно нас заботит, что занятые одною мыслию, одним стремлением, Вы забудете, что для успеха в подвиге трудном не довольно одной воли, но что нужно соразмерять с ним и силы физические. Говорят, Вы не даете себе ни минуты отдохновения. Привыкшие искони к движению на воздухе, Вы отказываете себе совершенно в этой необходимой для здоровья вещи. Слышу отсюда выражение Ваше: «Откуда взять время?». На это позвольте мне заметить, что время, употребленное на необходимый для здоровья отдых и развлечение, не только не потеря, но еще есть положительная экономия времени, потому что с освеженными силами человек вдвое более сработает, чем с изнеможенными, а расстройство здоровья неизбежно влечет за собой принужденное бездействие. Бога ради, берегите Ваше здоровье».

16 апреля 1853 г. его высочество получил другое письмо из Перы от 4/16 апреля от начальника Главного морского штаба князя Меншикова, который, уведомляя о получении экземпляра нового Морского устава и называя его «Константиновский», присовокупляет, что к этому уставу справедливо применяется известное изречение: «Дело само являет, каков был труд». За сим князь Меншиков писал: «От души поздравляю Ваше высочество с окончанием сего знаменитого труда, который Вас высоко ставит в истории флота и отечественного законодательства. Грядите, милостивейший государь, этим путем и благо нам будет».

В продолжение всего времени, с апреля по сентябрь, занятия великого князя представляют, равным образом, ряд действий на пользу флота. Оборот, который приняли турецкие дела, задержал князя Меншикова на юге долее, чем сколько предполагалось, и потому в продолжение всей весны и лета великий князь продолжал управлять Морским министерством.

В апреле по всеподданнейшему докладу его, вследствие предварительного сношения с генерал-губернатором Восточной Сибири, государь император соизволил разрешить отправить вокруг света фрегат «Аврора» и корабль «Наварин» для крейсерства у берегов Сибири. Генерал-адмирал давно желал доставить морякам нашим случай практики в дальних плаваниях, но огромность издержек, сопряженных с подобными экспедициями, останавливала его. Затруднение это было устранено тем, что генерал-губернатор Муравьев признал возможным принять часть расходов кругосветной экспедиции на остаточные суммы по управлению Сибирью. Мысль об этой экспедиции принадлежит генерал-адмиралу. Он же приискал средства для осуществления оной и с особенною любовью и деятельностью занялся снаряжением экспедиции. Чтоб избрать достойных и способных начальников, он обратился к дивизионным командирам и некоторым другим флагманам, и просил их назвать ему кандидатов в командиры для кругосветных судов, и затем назначил в эту должность тех двух офицеров (капитана Изыльметьева и капитана Истомина), которые соединили наиболее одобрительных голосов^{xiii}. Избранным таким образом командирам он предоставил право выбрать себе офицеров. Во все продолжение лета его высочество беспрестанно ездил в Кронштадт на кругосветные суда и наблюдал за снаряжением оных.

21 августа 1853 г. был один из прекраснейших дней жизни великого князя. Его высочество ездил в Кронштадт, чтоб проводить отправлявшиеся в дальнее плавание

суда: фрегат «Аврора», корвет «Наварин», транспорт «Неман» и шкуну «Рогнеда». Великий князь присутствовал при молебствии, бывшем на фрегате, вместе с приглашенными на этот случай из С.-Петербурга и Кронштадта флагманами и капитанами. Минута прощанья была истинно трогательная. У многих были слезы на глазах, и старые адмиралы, выражаясь, что наступило для флота золотое время, сожалели, что они не мичманы.

Требуя большой деятельности и усиленных трудов как на флоте, так и в министерстве, его высочество желал доказать, что он умеет отличать заслуги и награждать труды, и потому к Пасхе 1853 г. исходатайствовал подчиненным своим разные награды, число коих было столь значительно, что не бывало в прежнее время примера подобных милостей. Число наград, розданных в прежнее время в три и четыре года, едва равнялось количеству данных к Пасхе 1853 года.

Весну 1853 г. по случаю болезни великой княжны Ольги Константиновны генерал-адмирал провел в городе, продолжая деятельно заниматься делами Морского министерства, а 23 мая переехал в Стрельну, куда ежедневно привозили его высочеству бумаги и откуда великий князь в продолжение целого лета еженедельно ездил в Кронштадт и на флот. Два раза в продолжение лета его высочество ходил в море ко флоту, занимая его эволюциями и разными ученьями, а именно, с 7 по 15 июля и с 2 по 11 августа. Следствием этих занятий было то, что флот был прекрасно приготовлен к высочайшим смотрам и что государь каждый раз, когда ездил на флот, оставался чрезвычайно доволен.

Внимание великого князя ко флоту уже скоро стало приносить видимую пользу. Усердие к службе возрастало, и морские офицеры стали находить в ней более привлекательности.

В продолжение лета 1853 г. подвигался вперед под руководством великого князя обширный труд, им задуманный и возложенный на особую комиссию, а именно — пересмотр смет департаментов Морского интендантства. Комиссия занялась преимущественно сметой Комиссариатского департамента и достигла весьма важных результатов. В том же департаменте производилась по мысли великого князя другая работа, а именно, ревизия делопроизводства с целью упростить и уменьшить канцелярскую работу. В этом отношении также получены замечательные результаты.

Для сокращения делопроизводства его высочество обратил особое внимание на срочные сведения, получаемые Морским министерством, и поручил составить общую ведомость оным с целью отменить все, что окажется в этом отношении излишним и затруднительным.

Желая ускорить делопроизводство в канцеляриях и департаментах министерства, великий князь тщательно наблюдал за скорым и безостановочным ходом дел и напоминал о скорейшем доставлении требуемых сведений.

Вследствие переписки с князем Воронцовым великий князь обратил особенное внимание на Каспийское море и, чтоб собрать полные сведения о состоянии там судов, зданий и заведений морского ведомства, о служащих там лицах и производящихся делах, его высочество командировал туда контр-адмирала Лутковкого.

Сверх того, предположив составить новую опись Каспийского моря, чтоб исправить карты оною, он поручил генерал-адъютанту Литке, генерал-майору Рейнке, астраханскому военному губернатору Басаргину и Гидрографическому департаменту составить проект работ для описи.

Желая воспользоваться продолжительным пребыванием в Черном море князя Меншикова, его высочество сообщил ему ведомость всем делам, касающимся Черноморского флота и производящимся в Морском министерстве, и некоторые из них препроводил ему в подлиннике для соображения на месте.

Чтоб доставить недостаточным морским офицерам средства воспитывать дочерей своих, его высочество просил статс-секретаря Гофмана уведомить, в каких женских учебных заведениях и сколько пенсионерок могло бы содержать Морское ведомство, полагая отнести расход этот на счет издержек по морской строительной части. Получив на сие ответ, его высочество испросил разрешение государя воспитывать постоянно на счет этих сумм 15 девиц в разных институтах.

В течение 1853 г. великий князь обратил особенное внимание на «Морской сборник», журнал, который издавался для морских офицеров от Ученого комитета и до того времени содержал большею частью статьи переводные из иностранных

журналов. Его высочество начал передавать в «Сборник» разные сведения об иностранных флотах, которые получал из-за границы, и поручал составление статей о нашем флоте. Вследствие этого в течение 1853 г. явились в «Сборнике» статьи флигель-адъютанта Аркаса о флотах неаполитанском, греческом и турецком, графа Рачинского о флоте австрийском, извлечения из донесений консулов и посольств о морских силах Сардинии, Англии, Голландии и т. д., статьи о новом «Морском уставе», о рекрутских наборах, о подвигах русских моряков на Каспийском море, извлечения из уголовных дел, статьи о юбилее Морского корпуса, о высочайших смотрах и маневрах на флоте и пр. Желая употребить «Морской сборник» как орудие, чтоб действовать благотворно на все сословие морских офицеров, сообщать им постоянно и своевременно известия о действиях флота, распоряжения морского начальства, передавать разные сведения, полезные для мореплавателей и пр. Его высочество испросил высочайшее разрешение увеличить «Сборник» официальной частью, а для того, чтобы доставить необходимые денежные средства на издание одного, испросил повеление рассылать этот журнал всем морским офицерам, производя за это по возможности умеренный вычет из жалованья их.

Государь, видимо, ценил работы великого князя и одобрял его полезную деятельность. В течение лета 1853 г. его высочество неоднократно говорил А. Головнину, что государь был особенно милостив к его высочеству, отзывал его неоднократно в сторону, рассуждал о делах, благодарил за усердие. Отношения сына-министра к родителю-государю можно видеть из нижеследующей записки генерал-адмирала государю, писанной в июле 1853 г. из Стрельны в Александрию: «Любезнейший папа. Поспешаю послать тебе вследствие твоего повеления указ о сборе черноморских бессрочно-отпускных и при нем проект двух высочайших повелений: первое составлено по твоим отметкам к таблице с отделением назначенных тобою губерний собственно для Дунайской флотилии, а других прямо на флоте. Оно выходит немного сложно. Второе гораздо проще. Тут не расстраивается высочайше утвержденное правило о формировании резервной роты для каждого экипажа, а на Дунай можно будет послать то число сих уже правильно сформированных рот, какое окажется нужным.

Полагаю, что в исполнении оно окажется проще.

Которое из двух угодно будет тебе утвердить? Твой верный сын Константин 19 июля 1853 года. Стрельна».

Записка сия воротилась с собственноручной отметкой государя: «По твоему соображению исполнить. Чмок тебе, генерал-адмиральше и адмиралтяткам».

Сентябрьская треть 1853 г. представляет много важных на пользу флота трудов великого князя Константина Николаевича и отличается вообще непрерывною деятельностью.

1 сентября 1853 г. его высочество переехал из Стрельны в Павловск, где жил до ноября, а ноябрь и декабрь провел в С.-Петербурге. Из Павловска его высочество несколько раз в неделю ездил по утрам в город и работал и утром и вечером. Часто ездил в Кронштадт.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Этим знаком, этой звездой царевич постоянно означал свою невесту, свою суженую. Знак этот встречается на разных его рисунках, и, между прочим, на составленном им рисунке кормы фрегата «Паллада», где название фрегата, писанное славянскими буквами, помещено между двумя звездами.
2. При назначении великих князей в Государственный совет они первое время присутствовали без права голоса и тогда сидели возле докладчика, а впоследствии назначались членами совета с голосом и тогда садились по правую сторону председателя.
3. Вице-адмирал Василий Михайлович Головнин.
4. «Владимир» находился в Венеции в распоряжении великого князя.
5. Венецианские баркаролы действительно прелестны, но они особенно хороши, когда слышишь их на месте на лагунах в теплую, тихую лунную ночь <...> VII
6. Бессмертный творец «Космоса» доставил Головнину как этим сочинением, так и своими

«Ansichten der Natur» много минут высоких и самых чистых умственных наслаждений. Вообще Головнин не столько искал новых предметов чтения, сколько любил перечитывать по временам некоторые книги. К числу их принадлежат и «Ansichten der Natur» Гумбольдта.

7. С половины августа по 1 октября продиктовано было его высочеством около 70 вопросов.
8. Впоследствии по докладам и ходатайствам его высочества адмиралу Литке пожалован был дом на Английской набережной, а в ноябре 1866 г. потомственное графское достоинство.
9. Если великий князь желал иметь влияние на дела империи по всем отраслям управления или просто знать, где что делается, то подобная просьба была бы, конечно, ошибкою, но он не искал ни того, ни другого, а желал всецело посвятить себя флоту и морскому ведомству.

Примечания публикаторов

- I. Словно какой-то жених.
- II. Текст стихотворения С. С. Шевырева опущен при публикации.
- III. Речь идет о романе М. Н. Загоскина с тем же названием.
- IV. Речь идет об участии великого князя Константина Николаевича в боевых действиях русской армии в 1849 г. под начальством генерал-фельдмаршала гр. И. Ф. Паскевича-Эриванского против венгров, которые в 1848 г. начали борьбу за свою независимость. В начале 1849 г. австрийское правительство обратилось за помощью к Николаю I. За участие в этом походе великий князь получил орден Святого Георгия 4-й степени.
- V. Красносельский лагерь — старейший и крупнейший из постоянных лагерей русской армии. Впервые он упоминается в 1765 году. До 1917 г. служил местом летнего расположения гвардии и некоторых частей Петербургского военного округа. Располагался в Красном Селе в 25 верстах от С.-Петербурга и в 12 верстах от Царского Села.
- VI. Стихотворение И. В. Гёте на немецком языке и его перевод Л. А. Мея (ф. 851, оп. 1, д. 4, л. 85), а также стихотворение И. И. Козлова опущены.
- VII. Автор приводит слова некоторых баркарол на музыку Перуччини, отмечая, что в Венеции уже не поют «Тассова Иерусалима». Текст баркарол опущен (ф. 851, оп. 1, д. 4, л. 87—87 об.).
- VIII. Речь идет об императоре Франце-Иосифе I (1830—1916). Вступил на престол 2 декабря 1848 г. после отречения его дяди, Фердинанда I.
- IX. Мехитаристы (мхитаристы) — последователи Мхитари Севастийского (1676—1749), армянского национального деятеля, основателя ордена мхитаристов. Видя угнетенное состояние армян, армянской культуры и церкви, он стал вынашивать план создания армяно-католической церкви под главенством папы. Но уния с Римом была только средством. Мхитари оставался сторонником армянской церкви. В 1717 г. Мхитари получил разрешение на устройство монастыря на острове Св. Лазаря близ Венеции. Основав монастырь, он занимается переводами различных сочинений на армянский язык, составляет армянскую грамматику и толковый словарь, собирает древние рукописи, печатные книги. При преемниках Мхитари остров Св. Лазаря превратился в армянский научный центр; в конце XVIII в. группа мхитаристов образовала особый монастырь в Триесте, откуда в 1811 г. они переселились в Вену. В XIX в., с образованием светских культурных центров, орден утрачивает свою ведущую роль.
- X. Далее Головнин цитирует в подстрочном примечании стихотворение Д. Байрона о карнавале в Венеции. Текст опущен (ф. 851, оп. 1, д. 4, л. 92—92 об.).
- XI. Далее стихи Козлова о Риме опущены при публикации.
- XII. Указанная таблица при публикации опущена.
- XIII. Так в тексте.

Попытка «советизации» Хорасана в 1920 году

В. Л. Генис

15 марта 1920 г. в Полторацк (Асхабад) прибыл командированный из Ташкента Г. И. Калаков, член РКП(б), в прошлом — уральский слесарь, которому поручалось возглавить местное отделение Совета интернациональной пропаганды на Востоке (Совинтерпропа), созданного по решению Турккомиссии ВЦИК и Совнаркома РСФСР для руководства революционным движением в сопредельных с Туркестаном государствах. Главной мишенью деятельности Калакова была определена Персия, где в связи с подписанием в августе 1919 г. кабального англо-персидского соглашения отмечался мощный всплеск антибританских настроений. Полагая, что борьба за национальную независимость «обозначает одновременно войну против существующего правительства, против буржуазии, за Советскую власть», Турккомиссия выступала за оказание поддержки персидским революционным организациям «с возможным предоставлением туркменских частей для реализации переворота и борьбы с английскими войсками»¹.

Энергично взявшись за налаживание закордонного аппарата, Калаков уже через месяц отрапортовал в Ташкент об отправке секретных сотрудников, завербованных при содействии Персидской компартии «Адалет» («Справедливость»), в города Кучан, Мешхед, Тегеран и Торбете-Хейдерие для организации там постоянных информационных пунктов Совинтерпропа. Этим сотрудникам предписывалось установить контроль над местными революционными партиями и группами, снабжая их директивами, деньгами, пропагандистской литературой, а при необходимости — и оружием. Кроме того, им надлежало регулярно посредством курьеров посылать в Полторацк сведения о политическом и военном положении в Персии, в первую очередь о передвижениях британских войск. Помимо названных городов, один из секретных сотрудников Совинтерпропа был командирован в Гилянскую провинцию для установления связи с местным вождем воевавших против англичан партизандженгелийцев (от слова «дженгель» — лес) М. Кучек-ханом. Еще двух агентов, Р. Аллавердинова и А. Агаева, Калаков направил к известному в граничившей с Туркестаном Хорасанской провинции «разбойнику» — курду племени зафаранлу Хода (Худа) Верды Сардару, или Ходоу.

Стратегическое значение Хорасана обуславливалось тем, что через него пролегали кратчайшие пути из Закаспийской области к столице шахства — Тегерану и далее — к Персидскому заливу, а также от побережья Каспийского моря и линии Средне-Азиатской железной дороги — к западной границе Афганистана и, в обход его, — к столь вожделенной для большевистских лидеров Индии. Особые надежды руководство Совинтерпропа возлагало на проживавших вдоль российской границы воинственных хорасанских курдов, ханы которых пользовались

Генис Владимир Леонидович — публицист.

почти полной независимостью от персидских губернаторов. «Немедленно, во что бы то ни стало надо стараться привлечь на сторону [Советской] власти приграничных курдов, — отмечалось в одном из докладов той поры, адресованном председателю Закаспийского облревкома, — и, главным образом, их главарей, имея в виду, что курды, как самый обиженный элемент, как пасынки персидского правительства, есть наиболее подходящий материал для восприятия советских идей, и они же, как самый здоровый и живой элемент, как изучившие дорогу в Индию всего сто лет тому назад при Надир-шахе, и ныне могут и должны служить авангардом при вторжении в Индию. Даже в настоящее время в пограничной Персии имеется масса недовольного элемента среди курдов, которые не признают ни персидской, ни английской власти. Отдельные люди с маленькими отрядами вооруженных всадников удалились в горы и никому не подчиняются. Среди таких особенно известен некто Худо [Верды Сардар], имеющий, по слухам, около тысячи всадников, который не признает над собой никакой власти»².

Согласно информации тегеранской официозной газеты «Иран», поступив в юности на службу к одному из соплеменных ханов, Ходоу был зачислен в отряд его всадников, но вскоре покинул хозяина и вместе с братьями начал промышленять «мелким разбоем», совершая нападения на близлежащие крепости, одну из которых — Гильян, расположенную в труднодоступной гористой местности южнее Ширвана, сделал своим опорным пунктом. Заключив с братьями несколько выгодных брачных союзов с местными богатыми семействами и «составив вокруг себя шайку из людей своего племени, которых он вооружил, Хода Верды приобрел положение и влияние и значительно расширил сферу своих грабительских операций»³. Сам же Ходоу утверждал, что более десяти лет боролся за освобождение угнетенного персидского народа от деспотического правления «бессовестных и безответственных ханов» и продажных шахских чиновников, против российских и британских оккупационных войск.

По данным, собранным полторацким отделом Совинтерпропа, 20-летний Ходоу занял пост главы семьи в 1910 г., когда его отец умер, а старшие братья были убиты в непрекращавшихся внутриплеменных распрях и стычках с вооруженными силами правительства. В 1913 г. против Ходоу был направлен полторатысячный отряд русских войск, который несмотря на все старания так и не смог схватить «разбойничающего курда». Пытаясь обуздать его, хорасанский наместник прибег к помощи влиятельных ханов племени зафаранлу, высылая их одного за другим против Ходоу. В 1915 г. буджнурдский губернатор, получив приказ во что бы то ни стало поймать «разбойника», собрал против него отряд в 2 тыс. всадников, но продолжавшиеся с перерывами около полутора лет военные действия также не привели к желаемому результату.

В конце концов Ходоу решили оставить в покое, поскольку и он в связи с назначением нового хорасанского наместника «изъявил покорность и послушание правительству», используя мирную передышку для увеличения и вооружения своих сил. «Каждый раз, — отмечала газета «Иран», — когда из губернаторства приходили рапорты относительно его разбойных выступлений, находившимся при наместнике сторонникам Ходоу удавалось изобразить это в виде недоразумения». В 1917—1918 гг. Ходоу пришлось снова воевать с неким «наемным разбойником Руставом», под командование которого власти выделили 800 человек, но непобедимый курд разгромил и этот отряд, а сам Рустав был убит в бою. Наконец, уже в 1919 г. Ходоу успешно отразил наступление отряда одного из соседних ханов, с которым поссорился из-за двух своих людей, плененных им и замученных.

Как описывали внешность Ходоу посланные к нему сотрудники Совинтерпропа, это был коренастый среднего роста брюнет с небольшими усами, мало разговорчивый, задумчивый, хладнокровный и очень решительный. Гостеприимно встретив Аллавердинова и Агаева, он заявил им, что «весьма доверчиво относится к Советской власти», рад войти с ней в дружественные отношения и «готов каждую минуту выступить против англичан и предательского правительства Ирана»⁴. Поскольку несмотря на свое обещание приехать в Полторацк для личных переговоров о совместных военных действиях Ходоу медлил, Калаков снова командировал к нему Аллавердинова, в сопровождении которого Сардар во главе отряда из семи всадников добрался до советской границы, где и был задержан погранстражей на Фирюзинской таможне.

Утром 13 мая со всеми конспиративными предосторожностями Ходоу въехал в Полторацк и был устроен в квартире командующего 1-й армией Туркестанского фронта Г. В. Зиновьева. В ходе состоявшихся переговоров курдский вождь уверял, что может быстро собрать до 3 тыс. хорошо вооруженных всадников и, кроме того, имеет многочисленных сторонников, готовых по первому зову присоединиться к нему. Рассчитывая на поддержку большинства населения Хорасана, Ходоу намеревался в первую очередь захватить связанный с Полторацком шоссеиной дорогой г. Кучан, в котором размещалась британская военная база с большими запасами продовольствия и оружия. «После переговоров с Советом интернациональной пропаганды совместно с Реввоенсоветом [войск] Закаспийской области, — вспоминал Ходоу, — мы пришли к такому заключению: во-первых, для дальнейших действий необходимо дать мне помощь из вооруженных мусульман, как-то [туркмен]-текинцев, кавказцев и мобилизованных членов Персидской партии «Адалет»; во-вторых, дать мне пушки, пулеметы, винтовки, словом, все необходимое для военных действий снаряжение»⁵. Большое впечатление произвели на Ходоу показанные ему артиллерийские и пулеметные стрельбы и полеты на аэроплане, на котором он решил впервые в жизни подняться в воздух. Посчитавший желательным использование повстанцев для борьбы с англичанами Реввоенсовет постановил отпустить смелому курду три ручных пулемета «Льюис» и 200 английских винтовок с 50 тыс. патронов.

Для отправки оружия в Персию Совинтерпропом были приобретены у туркмен 14 верблюдов, причем Ходоу провожал сам Калаков с отрядом из 20 человек, охранявших караван и часть пути по персидской территории. По свидетельству остававшегося с вождем Аллавердинова, проезжая через Хейрабад, где располагался жандармский пост, Ходоу предъявил ему ультиматум не чинить никаких препятствий его людям, ибо «в противном случае все жандармы будут расстреляны». В своем донесении Аллавердинов сообщал, что помощь Советской власти очень воодушевила курдов и ежедневно в отряд Ходоу вступают по 10—15 добровольцев. Средства же на содержание всадников он добывает так: «посылает своего человека к какому-либо богатому купцу и требует от него тысячу туманов — купцы, боясь его, беспрекословно дают».

«Нашей поддержкой, — докладывал Калаков в Ташкент, — Ходоу остался очень доволен и надеется, что в будущем мы будем оказывать ему самую широкую помощь. Ходоу по приезде к себе обещал послать несколько своих способных людей к нам для обучения их военной технике, а также для связи через каждые три дня присылать курьера с донесением». Уже 24 мая в Полторацк было доставлено первое письмо Ходоу, в котором он заверял Калакова, что надеется «с помощью Аллаха и пророков в скором времени освободить угнетенных мусульман от кровожадных империалистов». В другом послании, ссылаясь на «условия Персии, где без денег невозможно обойтись», Ходоу просил Калакова прислать ему 2 тыс. туманов для содержания отряда, а также «обмундирование, сапоги, фляжек для воды и все, что нужно для войска, и, кроме того, сто русских пятизарядных винтовок, тысячу турецких патронов и один полевой бинокль»⁶.

Между тем, в мае 1920 г. в Гилянской провинции произошли события, заметно поколебавшие положение англичан в Персии. Поход кораблей Волжско-Каспийской военной флотилии под командованием Ф. Ф. Раскольникова в Энзели и эвакуация британскими войсками административного центра провинции Решта, занятого отрядами военморов и дженгелийцев, привели в начале июня к провозглашению так называемой Персидской Советской Социалистической республики и формированию Совнаркома под председательством М. Кучек-хана. В связи с капитуляцией англичан в Энзели замнаркоминдела РСФСР Л. М. Карахан направил 23 мая в Баку секретную телеграмму, в которой информировал инициаторов «гилянской революции» Г. К. Орджоникидзе и Ф. Ф. Раскольникова о том, что «на севере Персии вождь повстанцев Ходай обратился к нам за помощью». Он располагает серьезными силами, подчеркивал Карахан, «пошлите туда людей и свяжитесь с ним для удара с севера»⁷.

Туркеспублике отводилась важная роль организатора левого фланга революционного наступления на шахскую Персию (правый фланг обеспечивала накануне «советизированная» 11-й красной армией Азербайджанская республика), поскольку в Туркестане, согласно данным Совинтерпропа, проживало до 100 тыс. выходцев из

Персии, а краевая организация партии «Адалет» считалась одной из сильнейших. Как подчеркивалось в постановлении Турккомиссии от 30 июня 1920 г., следовало «стремиться к установлению связи между Кучек-ханом и Ходоу на предмет революционного движения в Хорасанской провинции»⁸.

О серьезности намерений туркестанских властей свидетельствовала и телеграмма комфронта М. В. Фрунзе, который, докладывая главкому С. С. Каменеву о том, что «в связи с готовящимся революционным выступлением в Хорасане требуется в возможно короткий срок доформировать Персидский интернациональный отряд, перебрасываемый из Ташкента в Полторацк», ходатайствовал о срочной отправке в Туркестан тысячи турок из числа бывших военнопленных, находящихся в Сибири. «В Асхабаде заканчивается формирование персидской бригады и в ближайшее время будет открыт фронт в направлении Мешхеда в Хорасане, — прямо указывалось в одном из докладов, посланном для ознакомления В. И. Ленину. — Там установлена связь с очень видным национальным вождем ханом Ходаем, типа Мирзы Кучека». И поскольку желаемое чрезвычайно хотелось выдать за действительное, неудивительно, что на первом съезде Иранской компартии, открывшемся в Энзели 22 июня, было даже объявлено о занятии Мешхеда революционными войсками, но это, увы, оказалось лишь ложным слухом. Небезынтересно также, что в связи с проходившими летом в Лондоне переговорами «о восстановлении мирных сношений» между Россией и Великобританией Наркоминдел в качестве своеобразной меры давления на английское правительство предлагал «обязать» нового председателя Турккомиссии Г. Я. Сокольникова «к весне создать нечаянно Хорасанскую советскую республику»⁹.

Разумеется, поездка Ходоу в Полторацк не могла остаться в секрете, и британское командование направило в Гильян офицера, который от имени персидского правительства предложил курдскому вождю отказаться от контактов с большевиками, обещая взамен «пост губернатора, неограниченную сумму денег и много лошадей». Согласно агентурным данным, полученным регистротделом Туркфронта, Ходоу отверг предложение англичан, сказав, что «за губернаторское звание не намерен продавать свою страну». «Я им заявил, — писал Ходоу, — что если даже мне дадут управлять Персией, я ни в коем случае не присоединюсь к ним, не изменю своей идее... Я им прямо заявил о своих совместных действиях с Советской Россией и о том, что я готов бороться за освобождение Персии и изгнание англичан до последней капли крови»¹⁰.

Нерешительность британского командования в деле ликвидации отряда Ходоу объяснялась отчасти боязнью вызвать этим открытый переход местного населения на его сторону, чего, кстати, также опасались и персидские власти, просившие англичан не вмешиваться в борьбу с повстанцами. Тем не менее, в письме, привезенном курьером в Полторацк 4 июня, Ходоу, посылая «глубочайший поклон уважаемому товарищу Габайдулле Ишмурат оглы Калакову», информировал его, что в Кучане для наступления на Гильян сосредоточено около тысячи верховых с артиллерией. Ходоу указывал, что тоже собрал свои силы, и просил обещанной поддержки: во-первых, «как нами было условлено, начать выступление со стороны Дерегеза, во-вторых, 2 тыс. человек кавалерии готовы в Фирюзе».

«После начала нами выступления, — напоминал Ходоу Калакову, — я или мой брат Аллаяр Верды пойдём в Хейрабад, из Фирюзы возьмем подготовленные Вами 2 тыс. человек и начнем воевать с двух сторон. При помощи Аллаха, надеюсь, что в течение десяти дней мы завладеем всем Хорасанским районом. Уверяю Вас, что все старшие влиятельные лица Кучана и Мешхеда на моей стороне и от них у меня были курьеры. [...] Клянусь своей драгоценной верой: все пограничные ханы дают мне клятву, что они готовы со своими силами к выступлению со мной. Мы все ожидаем Вашего распоряжения. Прошу не медлить. [...] В этом районе у англичан в достаточном количестве регулярного войска не имеется, а только 200 или 300 вольнонаемных курдов, которые дали обещание по первому моему сигналу выступить за меня. Как жандармы, так и наемные войска англичан ожидают моего выступления»¹¹.

Действительно, почти ежедневно пограничные пункты полторацкого отдела Совинтерпропа принимали жандармов-перебежчиков, а 26 июня из Мамед-Абада секретно прибыл командир расквартированного там взвода с предложением услуг своих людей, которые, как пояснил он, «все симпатизируют Советской власти».

«Персидские жандармы, — докладывал Калаков, — заявляют свою готовность выступить против англичан. Среди английских частей, состоящих в основном из мусульман, индийцев и наемных курдов и фарсов, также начались волнения. Даже начальник трехсот курдов, служивших у англичан, находящихся в данное время в Баджгиране, в своем письме (полученном через нашего сотрудника) заявил, что в случае наступления против англичан он присоединится к нам и повернет штыки против своих господ».

28 июня Ходоу с отрядом в 60 всадников вторично прибыл в Полторацк с предложением немедленно начать вооруженное выступление. Однако на совещании ответственных сотрудников Совинтерпропа и Реввоенсовета 1-й армии было решено отложить операцию «ввиду того, что в данное время в г. Полторацке и по границе слишком мало еще стянуто войска и должной поддержки Советская власть оказать не в силах». Совещание постановило командировать вместе с Ходоу в Хорасан комиссию во главе с Калаковым, в составе сотрудников Совинтерпропа Ю. Таджи Бахши, А. Агаева и уполномоченного Реввоенсовета Гайдар-хана (в ноябре он возглавит ЦК ИКП «Адалет»), а также послать с ними военных инструкторов «всех родов оружия и кавалерии»¹². В обязанности членов комиссии вменялось обследовать положение на месте и определить точную численность повстанцев.

Выехав из Полторацка на рассвете 1 июля, комиссия на третьи сутки в полдень прибыла в Гильян. «Это, действительно, магометанский рай!» — с восхищением писал Гайдар-хан. Селение располагалось в живописном ущелье, узкий вход в которое защищали отвесные скалы с притулившимися на них старинными укреплениями-башнями по семь бойниц каждая. По ночам из крепости высылались конные разъезды на горную дорогу, ведущую в Кучан, который несмотря на расстояние был хорошо различим с окрестных вершин.

«Во время исследования нами положения Сардара, — информировал Калаков руководство ташкентского Совинтерпропа, — нам удалось установить следующее: Ходоу Верды Сардар представляет из себя ни кого иного, как персидского хана, эксплуатирующего крестьян. Разница только в том, что он берет от крестьян земельные налоги на несколько процентов меньше, чем другие персидские ханы, и благодаря его неподчинению правительству крестьяне не платят ничего последнему. В подчинении же Сардара находятся 25 селений, около 2000 домов... Вся земля считается его собственностью, и крестьяне за посев и за пользование его скотиной для сева платят ему большей половиной убранный хлеб. Крестьяне очень угнетены и боятся его, как грозного атамана, но Сардар пользуется также симпатией крестьян как оградитель их от грабежей правительственных чинов. Все население, без исключения, — трудовое, все работают, и среди них нет никакого эксплуататора, кроме одного Сардара с его близкими родственниками... Сам Сардар на словах действует под лозунгом освобождения нации от иностранных угнетателей и предательского правительства, но между тем ожидает для себя блестящую будущность»¹³.

Встретившись с десятью курдскими вождями из сторонников Ходоу и специально прибывшим в Гильян представителем мешхедской организации ИКП, который просил обеспечить коммунистов оружием, комиссия Калакова в сопровождении Ходоу с 25 всадниками выехала 10 июля назад, в Полторацк, причем по дороге к ним присоединились еще несколько мелких ханов со своими людьми. Однако утром следующего дня разведка Сардара сообщила, что путь к границе перерезан отрядом жандармов. После продолжительной перестрелки курды выбили неприятеля из близлежащего селения Намаг, благодаря чему комиссия и Ходоу смогли перейти границу и 12 июля возвратились в Полторацк. Хотя, понеся потери убитыми и ранеными, жандармы были вынуждены отступить в сторону Хейрабада, 15 июля к ним подошло подкрепление — около 150 «англосипаев» и курдов.

Еще во время пребывания Калакова в Гильяне хорасанский наместник Кавам-эс-Салтане (впоследствии неоднократно занимавший пост премьер-министра Ирана), надеясь образумить Ходоу, командировал к нему мешхедского купеческого старшину, который был заодно с Сардаром до установления им связи с большевиками. Из-за осторожности обеих сторон встреча так и не состоялась, но, вернувшись в Мешхед, старшина сообщил, что большинство ханов племени зафаранлу солидарны с Ходоу. После этого наместник решил сам отправиться в Ширван, предварительно переговорив в Кучане с губернаторами и влиятельными вождями племен. В результате один из поддерживавших Ходоу ханов выразил покорность

правительству, чем не только в значительной степени ослабил своего бывшего союзника, но и подал пример отступничества другим его сторонникам.

Уже 14 июля в Ширван прибыли кучанский губернатор с 200 всадниками и мешхедский отряд из 115 жандармов и 85 курдов с горным орудием и командой артиллеристов. Однако намечавшееся с подходом этих сил наступление на Гильян было решено отложить как в связи с поражением правительственных войск у селения Намаг, так и подавленным настроением жандармов, которые считали, что в крепости Ходоу засели большевики и со дня на день надо ожидать вторжения в Хорасан Красной Армии. Но и в Гильяне настроение было не лучше, поскольку уехавший за помощью в Полторацк Ходоу около десяти дней не давал о себе знать, что в связи с продолжавшейся концентрацией правительственных сил, отсутствием долгожданной поддержки со стороны России и невыплатой жалования разлагающе действовало на его людей, семеро из которых, прихватив оружие, дезертировали. «Враг с трех сторон окружил нас, — писал остававшийся в Гильяне Таджи Бахши, — жители начали беспокоиться, около десяти человек из слуг убежали».

«После отъезда из Полторацка, — рассказывал позже один из сподвижников Ходоу Вали-хан, — на другой день по прибытии в Буанлы пришлось столкнуться с жандармами... Нас было всего сто человек. Бой продолжался целый день, после чего Сардар уехал в Гильян, а мы со своими 20 всадниками отступили в горы». Поскольку к середине июля общая численность правительственных сил, стянутых в районе Ширван-Кучан и в пограничной полосе, достигла 4 тыс. человек, союзники Ходоу были поодиночке разгромлены, часть их сдалась в плен или перешла на сторону правительства, а некоторые бежали в Туркестан. Перешедший на российскую территорию Вали-хан просил советское командование поддержать повстанцев живой силой, «так как мы без вашей помощи не в силах бороться с противником... Особенно повлиял на наших людей последний приезд Сардара из Полторацка с пустыми руками, поскольку все наши люди ожидали, что он привезет вооруженную силу. Если бы прибыли из Полторацка только двести человек, это уже могло бы повлиять на поднятие духа наших людей, а также повлияло бы на противника».

«Ходоу просит срочной поддержки присылкой 1500 сабель при горном орудии с прислугой, — телеграфировало 27 июля командование 1-й армии в Ташкент. — Этого дать мы ему не можем, посылка же мелких подкреплений оружием и снаряжением делу не поможет. Обстановка у Ходоу тяжелая, и его неудача может сильно отразиться на нашем положении в Хорасане. Необходима реальная поддержка и определенные инструкции фронта». Но, похоже, было уже поздно.

«Укрепления Ходоу-хана, находящегося в местности Гильян, почти кругом обложены персвойсками, — констатировалось в агентурной сводке регистротдела Туркфронта. — Положение обложенных становится с каждым днем хуже. Персвойска ждут приказа высшей власти, чтобы окончательно ликвидировать движение Ходоу-хана. Моральное состояние его людей — паническое, и замечается дезертирство на сторону правительственных войск. Заметное отсутствие продовольствия также сказывается на моральном состоянии и усиливается тем, что доставка такового невозможна, так как агенты Ходоу-хана, пробирающиеся из укрепления, почти все задерживаются правительственными войсками и отправляются в англоштаб в город Баджгиран. Общее положение его войск — критическое». В другой сводке констатировалось, что «авторитет Ходоу-хана среди жителей пограничной полосы начинает падать — с одной стороны, благодаря частным реквизициям и разнузданности его частей, обижающих население, с другой, под влиянием успехов англо-персидских войск и распространяющихся слухов, что Ходоу-хан не в состоянии справиться с англичанами»¹⁴.

23 июля в Ширван приехал хорасанский наместник, и для борьбы с Ходоу был образован Военный совет, в который вошли кучанский, ширванский и буджнурдский губернаторы, а также специально приехавший из Баджгирана английский капитан Блеккер. Отклонив его предложение о привлечении британских войск для ликвидации повстанцев, совет заявил, что персидское правительство в состоянии справиться с Ходоу собственными силами.

«Я был окружен, — вспоминал Ходоу, — и были начаты военные действия. Дрались... и днем и ночью. Во время боя я и тов. Иванов, представитель Реввоенсовета, который был все время со мной, написали в Полторацк о немедленном снаряжении нам помощи как снарядами, так и вооруженными людьми. Однако не

только помощи, но и никакого ответа мы не получили»¹⁵. Вместе с тем, согласно информации Совинтерпропа, многие оппозиционные правительству элементы Хорасана до последнего момента надеялись, что большевики выполнят свои обязательства, и выражали готовность присоединиться к ожидавшейся из России военной экспедиции. Этому же боялись и шахские власти, в связи с чем 6 августа в Полторацк прибыл персидский консул, просивший официально заявить об отсутствии у Советской России агрессивных намерений в отношении его страны.

«Хан района Мамед-Абада, — отмечалось в сводке Совинтерпропа, — дал согласие в случае выступления поддержать его своими вооруженными силами, которые в данное время достигают до 400 человек. Хан Буджвурдский прислал своего представителя для ознакомления с намерениями Советской власти и с предложением услуг своего отряда, который достигает до 3 тыс. человек, но все организации не решаются выступить сами без какой-либо поддержки и ждут выступления со стороны Полторацка». Но поскольку командование Красной Армии не проявляло в этом направлении никаких признаков активности, а положение повстанцев продолжало ухудшаться, их потенциальным союзникам не оставалось ничего иного, как засвидетельствовать правительству свою покорность. В результате в числе участников осады Гильяна оказались как двоюродный брат Ходоу, на многочисленный отряд которого он очень рассчитывал, так и буджвурдский хан — несмотря на присланное ему из Полторацка письмо с требованием «поддержать революционное движение в Персии», ибо «в противном случае будет наказан беспощадно»¹⁶. Оба хана были вынуждены привести свои отряды к Гильяну, но тайно сообщили Ходоу, что будут соблюдать нейтралитет и не собираются штурмовать его крепость.

По сведениям разведки Туркфронта, в решающую стадию операции по ликвидации повстанцев было втянуто до 5 тыс. человек, которыми командовали 70 офицеров. «До сих пор в Персии не случалось сражения подобного этому, — говорилось в официальном заявлении Кавам-эс-Салтане, опубликованном 13 августа в одной из мешхедских газет, — так как местопребывание разбойников, не говоря уже о его исключительной природной недоступности, обладало одиннадцатью крепкими башнями, в которых были расставлены митральезы и пулеметы, и было снабжено искусственными рвами и траншеями с проволочными заграждениями, выполненными под наблюдением искусных офицеров. Во время атаки все эти окопы сообщались между собой посредством телефонов, и как только наши доблестные войска подступали к укреплениям, на них, точно град, лились пулеметные пули. Когда же нападающие, нанеся противнику потери, подходили к башням, то враги, не говоря уже об употреблении скорострельных пушек, умело управляемых опытными офицерами, сбрасывали на них бомбы, наносившие большие потери атакующим»¹⁷.

Поскольку трехдневный штурм Гильяна не увенчался успехом, 5 августа парламентар передал в крепость письмо, в котором Военный совет, объявляя о прекращении боевых действий до 8 августа, предлагал Ходоу начать мирные переговоры. Одновременно наместник затребовал из Мешхеда еще два артиллерийских орудия и дополнительные подкрепления. Резонно считая предложение совета ловушкой, Ходоу отказался прибыть на переговоры, заметив, что ведет войну не с новым тегеранским правительством, а с англичанами. (В начале июля премьер-министром стал известный либеральный деятель Мошир-эд-Доуле, который объявил, что англо-персидское соглашение 1919 г. не имеет силы, поскольку не ратифицировано меджлисом.) Ходоу говорил, что скорее убьет себя сам, чем сдастся, а в случае, если даже погибнет в бою, останутся два его брата, которые продолжат борьбу за независимость Персии. В то же время, осознавая безвыходность своего положения, Ходоу начал склоняться к мысли об отступлении на советскую территорию. «Когда у нас вышли все патроны, — писал он Троцкому, — посоветовавшись с тов. Ивановым, мы решили прорваться из кольца окружавших нас врагов в Полторацк»¹⁸.

6 августа Ходоу послал в Ширван человека с сообщением о своем якобы согласии приехать на переговоры, если Военный совет пришлет Коран с написанной на нем клятвой, гарантирующей его личную безопасность. В тот же вечер, выждав момент, когда ничего не подозревавшие жандармы были заняты курением терьяка, Ходоу с остатками своего отряда выехал через восточные ворота из крепости и, сняв несколько постов противника и объехав Ширван с запада, направился к российской

границе. В погоню за ним были брошены 200 всадников, и хотя в ходе двухчасового боя повстанцы потеряли несколько человек убитыми и ранеными, 8 августа примерно с 80 своими людьми Ходоу благополучно прибыл на пограничный пост Гермаб, а оттуда вместе с В. Ивановым выехал в Полторацк. К этому времени в городе уже находилось до 35 его вооруженных сторонников, ранее перешедших границу, а также более 150 добровольцев, записавшихся в течение нескольких дней в организованный при содействии Калакова отряд Вали-хана, который Реввоенсовет 1-й армии первоначально собирался снабдить оружием. «Ходоу, — сообщала Карахану заведующая информчастью Отдела внешних сношений Турккомиссии А. З. Виноградова, — просит нашего содействия для возвращения его в Персию с целью поднятия нового повстанческого движения. Считается за благо временно интернировать его у нас»¹⁹.

По официальным персидским данным, во время боев у Гильяна отряд Ходоу потерял 21 человек убитыми, 18 ранеными и 24 пленными. В качестве трофеев правительственными войсками были захвачены «скорострельная пушка» и пулемет «Максим», 80 винтовок, 50 тыс. патронов, три телефонных аппарата и 20 офицерских пашек. Все имущество Сардара и его братьев было конфисковано в пользу казны, а в Гильяне и других селениях оставлены гарнизоны из жандармов.

«Во время горячего боя, — писал Ходоу в докладе от 16 октября, адресованном в Наркоминдел РСФСР, — я и 200 человек из моего отряда не были в состоянии вывезти своих жен, детей, имущество из Гильяна... Всех наших жен взяли в плен (они теперь находятся в Мешхеде), а детей перерезали». Уже в августе по приговору созданного в Ширване военного суда на городской площади были публично казнены староста Гильяна и молочный брат Ходоу. «Губернатор Хорасанской провинции Кавам-эс-Салтане, — указывалось в агентурной сводке регистротдела Туркфронта от 30 августа, — издал приказ, обязывающий жителей немедленно выдать всех служивших у Ходоу-хана. Население якобы идет навстречу приказу. Принимающих участие в движении Ходоу в большинстве случаев расстреливают или отправляют в Мешхед». В сводке Совинтерпропа отмечалось, что «захваченных людей Ходоу Сардара вешают для страха населения» и «кого не поймают из его людей, того убивают»²⁰.

«Отступив в Полторацк, — вспоминал Ходоу, — от представителей власти я узнал, что те отряды, которые предназначены были нам в помощь, не были в достаточной степени подготовлены... Во время моего пребывания в Полторацке отношение местных властей ко мне было неблагоприятно, как будто я ничего общего с ними не имел. Благодаря такому отношению и некоторым провокационным слухам создалась очень тяжелая атмосфера среди моего отряда. (Позднее, будучи уже в Ташкенте, я узнал о побеге из моего отряда 40 человек.) В Полторацке я информировал власти о случившемся, прося помощи, но получил ответ, что от них это не зависит, и они направили меня в Ташкент»²¹.

И все же, почему, фактически спровоцировав курдов на вооруженное выступление, туркестанские власти бросили их на произвол судьбы? Хотя Фрунзе утверждал, что для революционизирования Востока «персидско-турецкое направление должно стать решающим», в первую очередь он предлагал «разделаться» с правительством Бухарского эмирата, ибо, как убеждал комфронта Ленина, тот факт, что в тылу фронта остается контрреволюционная Бухара, «всегда будет связываться с раздвоением нашего внимания и ослаблением сил»²². В середине августа планировалось проведение «советизации» эмирата, и поскольку не было известно, как отреагирует на оккупацию своего союзника соседний Афганистан, в операции предполагалось задействовать все наличные силы фронта, вследствие чего отвлечение Персидского интернационального отряда для военных действий в Хорасане Турккомиссия считала тогда несвоевременным.

На ее позицию, несомненно, повлияли и события, разворачивавшиеся в тот момент в Гилянской провинции. Посланный Калаковым в Решт для связи с Кучек-ханом сотрудник Совинтерпропа сообщал, что «приезжие адалетисты из Баку много мешают работать своими неумелыми поступками, а именно... «будем прекращать вольную торговлю», «арестуем всех буржуев» и тому подобными заявлениями сильно волнуют население». Острые разногласия между умеренными националистами во главе с Кучек-ханом и прибывшими из Азербайджана и Туркестана радикально настроенными деятелями Иранской компартии, которыми фактически управлял

кооптированный в состав ЦК ИКП военком российского экспедиционного корпуса Б. Л. Абуков, достигли в июле наивысшего напряжения. Давно зревший против Кучек-хана заговор под влиянием приехавших из Баку Б. Мдивани и А. Микояна завершился в ночь на 31 июля военным переворотом, тут же торжественно окрещенным советской прессой «Октябрьским переворотом в Персии». В результате был создан ревком из коммунистов и левых дженгелийцев, который объявил Кучек-хана (заблаговременно ушедшего из Решта в лес, дабы, по его словам, не стать причиной войны с недавними союзниками) «предателем революции» и ставленником англичан. Нежелание коммунистов сотрудничать с национальной буржуазией и разрыв с Кучек-ханом не могли не отразиться и на отношении к Ходоу-хану.

В то же время, как сообщали сотрудники Совинтерпропа в Ташкент, образование в Реште «русской советской власти» и ликвидация движения «не поддержанного во время Ходоу», в сочетании с известиями о бедственном положении персидских подданных в Закаспийской обл. Туркестана (свирепая трудовая повинность с длительным отрывом от семьи, насильственная мобилизация в армию, запрещение частной торговли, отказ в разрешении выехать на родину и т. д.) привели к тому, что население Хорасана стало относиться к большевикам с явной антипатией. «Если два месяца тому назад, — телеграфировал 25 августа в Москву член Реввоенсовета 1-й армии П. И. Баранов, — можно было говорить о сочувствии персидских масс Советской власти, о тяготении к Советской России, об острой ненависти к англичанам, то теперь в настроениях произошел заметный сдвиг в сторону поддержки шахского правительства против большевистской опасности». Об этом же писал в ноябре и Таджи Бахши, отмечавший, что «бесчинные действия» туркестанских властей и сообщения «о ни с чем несообразных поступках ЦК ИКП в Реште и Энзели — все это чрезвычайно охладило персидский народ к Советской власти и подорвало его доверие к ней. Не могли остаться без внимания и такие действия, как, например, отношение к Ходе Верды Сардару, которому несмотря на тысячи обещаний не оказали никакой помощи во время его военных действий, а после бегства в Туркестан оставили без поддержки его людей, которым пришлось голодать так же, как и другим революционерам, бежавшим из Персии»²³.

«Семья Ходоу вырезана, он настаивает на своем возвращении в Персию, — информировала Виноградова Карахана 27 августа. — Персправительство требует от нас выдачи Ходоу как разбойника и убийцу». В сентябре вопрос о дальнейшем использовании повстанческого вождя рассматривался Реввоенсоветом Туркфронта, который постановил откомандировать беспокойного курда в Москву в распоряжение Наркоминдела, а «в случае возможных препятствий со стороны Ходоу отправить его под конвоем».

«Много возни у нас тут с Ходоу, — писал Баранову из Ташкента один из руководителей Совинтерпропа Л. Н. Геллер. — Реввоенсовет, как сообщили мне гг. Сокольников и Ибрагимов, решил отправить его в Москву. Но Ходоу, которого почему-то взвалили на Совинтерпроп, отказывается туда ехать. Он был у меня несколько раз, в чрезвычайно возбужденном состоянии, говорит: «Пусть меня убьют, а я оставлю на произвол судьбы свой отряд без крова, без питания не могу». Гопнер, да и я, считаем насильственную отправку Ходоу в Москву неудобной и пытаемся на него воздействовать мерами убеждения, улучшением его жилищных условий здесь, успокаивая его насчет его людей в Полторацке и проч. [...] Я знаю, что РВС 1 теперь смотрит на Ходоу как на простого разбойника, непопулярного и у себя на родине, и что поэтому нечего церемониться ни с ним, ни с его отрядом. Мне кажется все же, что не в наших интересах так уж дурно и небрежно обращаться с Ходоу, которого мы сами спровоцировали, в неудаче которого мы в известной степени повинны и который на этом деле потерял все»²⁴.

В столице Сардар имел короткую беседу с Караханом, который обещал продолжить переговоры об оказании поддержки хорасанским повстанцам, но несмотря на неоднократные напоминания курда о себе так больше и не принял его. «Наконец, недавно, — жаловался Ходоу Троцкому, — после двух месяцев моего пребывания в Москве, мне был дан ответ из Наркоминдела, что я направляюсь снова в Ташкент. Никакого разрешения вопроса по моей просьбе о помощи, в положительную или отрицательную сторону, я не добился. Такое отношение после принесенных мною жертв я считаю глубоко несправедливым и апеллирую в ЦК РКП(б), прося о рассмотрении моего дела и о разрешении его именно в Москве». Ходоу хотел сформировать подчиняющийся командованию Туркфронта отряд из туркмен-текинцев

и персов Закаспийской области и ходатайствовал о передаче ему «мусульман-красноармейцев», 20 военных инструкторов, артиллерии и двух-трех аэропланов. К его письму приложена справка секретаря ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинского от 10 декабря 1920 г.: «По сообщению Куйбышева и Карахана, никакого политического и делового значения Сардар Ходоу не представляет, и его надо отправить обратно в Туркестан»²⁵.

«По приезде в Ташкент, — отмечала хорошо знавшая бытовую сторону жизни Ходоу в этот период некто Аскарлова, — тов. Сардар, как и в первый раз, должен был прибегнуть к покровительству базарного чайханщика, у которого он находил пристанище несколько дней». Кое-как удалось отвоевать один номер в гостинице «Регина», где Ходоу и его людям «дали на пол ковер и какой-то палас и где они в количестве 10—12 человек располагались бог знает как. Даже для Сардара не нашлось хотя бы сартской кровати, и не только это — они даже не были обеспечены в течение трех недель продуктами питания».

Хотя уполномоченный Наркоминдела в Туркестане Д. Ю. Гопнер докладывал в Москву, что в ожидании решения своей судьбы Ходоу «предавался пьянству и оргиям», Аскарлова категорически это отрицала: «На самом деле были один или два вечера, когда Сардар сидел у нас часов до двенадцати, приходили ташкентские жители-кавказцы со своей гармоникой...». По ее убеждению, слухи о «неприличном поведении» Ходоу были следствием клеветы сопровождавших его в Москву в качестве переводчиков иранских коммунистов Р. Сеидбекова и М. Салимова, которые по приезде в столицу распродали привезенные с собой рис, кишмиш и каракуль, «пошили себе костюмы и бросили Сардара в Москве, а сами со всякими товарами приехали в Ташкент и здесь начали чернить Сардара, что он — не кто иной как разбойник; а когда Сеидбеков с Гайдар-ханом были у Сардара в доме и ели 3—4 раза плов, тогда он не был разбойником?..». По поводу же слов Гопнера, что ее муж слишком доверяет Ходоу, Аскарлова писала: «Они хотели, чтобы мы, иранцы, на нашего вождя и освободителя смотрели их глазами, но посудите сами: ведь Гопнер сидит здесь, [работает] до известного часа в теплом помещении, живет с семьей и обещает освободить наш Иран. Но только Сардар лишился семьи, отказался от милой жизни для освобождения родины. Кто же из них выше для нас?»²⁶.

Увы, не лучше, чем к Ходоу, отнеслись полторацкие власти и к его людям, которые в письме к командарму Зиновьеву сетовали, что поскольку все их имущество досталось неприятелю, у них нет ни одежды, ни денег, в результате чего многие из отряда бежали обратно в Персию, а оставшиеся голодают, спят на голых досках и сидят по вечерам в темноте. Что же касается перешедших на российскую территорию жандармов, то им, по свидетельству заведующего информотделом полторацкого Совинтерпропа Г. Гасанова, «был оказан весьма странный прием: у них отняли их отличных лошадей и часть амуниции и распределили все это между советским начальством. Самых жандармов-кавалеристов отправили в пехотную часть и держали впроголодь; чтобы избавиться от голода, жандармы стали продавать свои вещи и сидят теперь в Полторацке без денег и одежды. Из них десять человек бежали в Персию, зная отлично, что в том случае, если их поймут, они будут расстреляны. Один из них, будучи не в силах перенести унижения и голод, отравился». Калаков писал, что большинство политических перебежчиков подвергалось арестам якобы за шпионаж, и среди них трудно найти человека, который был бы доволен отношением к нему со стороны советских властей. Впрочем, и бывший Персидский интернациональный отряд тоже находился в полном пренебрежении. «Солдаты, — отмечал Гасанов, — раздеты, разуты, не имеют ни копейки денег и голодают, вследствие чего они стали разбегаться, направляясь главным образом в Персию. Остающиеся 1200 человек ныне разосланы на работы по разным городам»²⁷.

Бедственное положение политических перебежчиков объяснялось не только черствостью советских чиновников, но и почти полным прекращением финансирования полторацкого Совинтерпропа и вследствие этого — фактическим сворачиванием его деятельности. С конца августа из-за отсутствия средств Калаков уже никого не отправлял за кордон, было приостановлено издание пропагандистской литературы, оборваны связи с большинством из 18 созданных подпольных организаций ИКП и отозваны сотрудники информационных пунктов. Внезапное охлаждение Центра к делу разжигания «революционного пожара» в Персии обуславливалось

полным провалом «коммунистических мер» опиравшегося на штыки российских частей гилянского Ревкома. «Благодаря этому, — отмечалось в заключении президиума Совета пропаганды и действия народов Востока от 17 сентября 1920 г., — мы оказались лишенными в Персии всякой почвы и опоры, очутились в роли только пришлых иноземцев-завоевателей и тем создали возможность для англичан занять положение спасителей персидского народа от надвигающихся на него насильников и грабителей». Поскольку иранские революционеры доказали свою полную несостоятельность и у Советской России возникала реальная опасность потерять всякое влияние в Персии, состоявшийся 20 сентября пленум ЦК РКП(б) дал директиву Наркоминделу начать переговоры с шахским правительством о заключении дружественного договора, который и был подписан в Москве 26 февраля 1921 года. Обе стороны обязались «не допускать на своей территории образования или пребывания организаций или групп, как бы они не именовались, или отдельных лиц, ставящих своей целью борьбу против Персии и России...»²⁸.

Новые внешнеполитические веяния объясняли как холодное равнодушие, с которым Ходоу столкнулся в Москве и Ташкенте, так и откровенное недовольство возвращением Сардара в Полторацк, куда его снова отправил Реввоенсовет Туркфронта, проявленное местными властями. «Пребывание Ходоу в Полторацке, — докладывал 15 февраля Гопнер, — истолковывается персами и в частности наезжающим часто из Бабаджика по торговым делам Надир-Мирзой как наше намерение подготовить новое партизанское выступление. Надир-Мирза, очевидно, по директиве из Мешхеда, заявил протест, пригрозил доложить Персмиссии в Москве и оставить пределы Туркестана. Оставление Ходоу в Закаспии доставит нам много хлопот, и я вхожу в переговоры с Ревсоветом об удалении его оттуда и использовании в другом месте»²⁹.

Для реализации плана Гопнера уполномоченный Туркбюро Коминтерна (созданного на базе Совинтерпропа) Калаков и командование 1-й Туркестанской стрелковой дивизии предложили удовлетворить ходатайство ЦК ИКП о формировании из людей Ходоу и бойцов Персидского отряда «милиционной» части с последующей ее отправкой в Решт (Гилянская республика будет ликвидирована лишь в октябре 1921 г.). Однако это предложение вызвало возражения руководства Туркбюро Коминтерна, которое заявило, что «отряд Ходоу ни в коем случае не может быть использован для этой цели», и вообще высказалось «против формирования каких бы то ни было отрядов для Персии»³⁰.

Терпению Ходоу пришел конец: в ночь на 27 марта неукротимый курд с остатками своего отряда из 29 человек, имея на всех всего четыре винтовки, шесть револьверов и три лошади, перешел персидскую границу. «Действия Ходоу, — телеграфировало 2 апреля в Ташкент командование 1-й Туркестанской дивизии, — носят грабительский характер: персидские милиционеры обезоруживаются, у них отбираются лошади, оружие; чиновники, находящиеся в таможах, бегут, опасаясь грабежа и насилий. Ходоу, по тем же сведениям, набирает добровольцев».

Переход курдского отряда через границу крайне возмутил направлявшегося через Полторацк в Тегеран полпреда РСФСР Ф. А. Ротштейна, обвинившего туркестанские власти в попытке срыва дружественного договора с Персией. В связи с этим 7 апреля всем начальникам погранохран и особых отделов было разослано предписание Полномочного представителя ВЧК на территории Туркеспублики (и по совместительству — члена Туркбюро Коминтерна) Я. Х. Петерса, который приказывал «в случае перехода на русскую территорию бежавшего в Персию Ходоу Сардар Хана немедленно арестовать его и выдать персидским властям». Предлагалось также «назначить следствие для привлечения к ответственности виновных в содействии и попустительстве побегу названного Ходоу Сардар Хана из Полторацка»³¹.

Между тем еще в январе 1921 г. в Мешхеде организовалась партия «Тарафдари Канун» («Сторонники закона»), которую возглавил некто Забардас-хан, бывший помощник дерегезского губернатора Риза-хана. Отстраненный в результате ссоры с последним от должности, арестованный и отправленный под надзор в Мешхед, Забардас-хан жаждал реванша и командировал своего представителя к Калакову с просьбой снабдить заговорщиков оружием и деньгами для организации восстания в Мамед-Абадском районе. При этом программа партии предусматривала национализацию земли, ликвидацию частной торговли, расстрел всех крупных мулл и другие «военно-коммунистические» меры, которые Забардас-хан обещал провести

немедленно после занятия Мешхеда. Однако в Полторацке представителя партии предупредили, что «Коминтерн не будет поддерживать подобной авантюры» и в случае разгрома повстанцев им не позволят отступить на советскую территорию. Местная организация ИКП также отказалась поддержать заговорщиков, считая их политически ненадежными союзниками и сомневаясь в успехе выступления, ставящего своей первоочередной задачей сведение личных счетов, прикрываемое коммунистической фразеологией.

Тем не менее, воспользовавшись сумятицей, связанной с государственным переворотом в Тегеране, Забардас-хан и бывший резидент английской разведки Мурсаль, отставленный от службы и объявивший себя большевиком, бежали из Мешхеда в Мамед-Абад и, собрав своих сторонников, напали на Риза-хана и убили его. Это событие предшествовало бегству Ходоу в Персию, и в Полторацке были уверены, что Сардар присоединился к Забардас-хану. «Предполагается, что они ранее общались между собой, — докладывал Калаков в Ташкент 7 апреля. — В данное время Ходоу занимает местность Друнгард, Забардас-хан — Мамед-Абад. У обоих численность вооруженных людей составляет более 200 человек, ими ограблена таможенная контора, собирающая налог от терьяка. Также к их отряду присоединяются туркмены из пограничных районов, [дабы] воспользоваться грабежами. Забардас-хан и Мурсаль стараются показать свои поступки революционными и обращаются к нашей власти с просьбой о поддержке»³².

Мурсаль вскоре вернулся в Мешхед и, по сообщению Кучанской организации ИКП, «все время ходил в английское консульство, а на четвертый день... был арестован и при опросе сознался, что он в Дерегез был послан со стороны англичан. Военный губернатор доложил об этом английскому консулу, который приказал убить Мурсалья». Вскоре в район расположения повстанцев прибыли крупные силы жандармов, в ходе боя с которыми Забардас-хан потерпел поражение, и 12 мая остатки его разгромленного отряда перешли советскую границу. Хотя Ротштейн требовал выдачи интернированных шахским властям, как отмечала в августе персидская пресса, «Забардас-хан из Дерегеза, совершивший там много убийств и грабежей, укрылся на русской территории, и сколько раз правительство не требовало его выдачи, — со стороны России оно встречало отказ»³³.

Впрочем, что касается давно мечтавших вернуться домой Ходоу и его людей, то они, похоже, решили не принимать участия в выступлении Забардас-хана, а двинулись в направлении к родным местам. Во всяком случае, в опубликованной 14 апреля одной из мешхедских газет телеграмме, посланной губернатором Кучана и Дерегеза командующему жандармерией Хорасана полковнику М. Таги-хану, сообщалось, что окруженный правительственными силами отряд Ходоу из 23 человек, включая двух его братьев, находится в одной миле от Буджнурда и, по заявлению присланного Сардаром для переговоров человека, «готов сдать и подчиниться законной власти». Вероятно, Ходоу действительно рассчитывал на снисхождение и амнистию, поскольку был наслышан, что новый премьер-министр Сеид Зия-эд-дин объявил об аннулировании англо-персидского соглашения и провел аресты среди представителей аристократии. В частности, в Тегеран был отконвоирован Кавам-эс-Салтане, а военным губернатором провинции назначен жандармский полковник Таги-хан.

Приняв от сдавшихся повстанцев оружие, буджнурдский хан попытался заступиться за Ходоу перед губернатором. «Как выяснилось, — телеграфировал он в Мешхед, — Хо́да Верды для государства и государя ничего, кроме добра, не желал. Он готов подчиниться всем требованиям власти. Сегодня кучанский губернатор с 200 конными прибыл в Буджнурд и приступил к приему людей Хо́да Верды... Я ходатайствую о предоставлении ему свободного проезда в Мешхед. Я убедительно прошу Вас простить все его грехи и не подвергать каким бы то ни было наказаниям, потому что он положился на мое гостеприимство».

Тем не менее, Таги-хан потребовал немедленно арестовать «разбойников». «Прославленный Хо́да Верды, — писали персидские газеты 25 апреля, — доставлен под сильным конвоем в город Мешхед и содержится под стражей...». На этот раз удача изменила Ходоу: его ждала казнь. «Хо́да Верды и Алла Верды убили, — сообщала Курчанская организация ИКП в Туркбюро Коминтерна, — и думаем, что их людей тоже убьют». «Знаменитые хорасанские разбойники, — хвастливо заявлял Таги-хан, — как-то Хо́да Верды, Алла Верды, Мурсаль... и другие, которых раньше безрезультатно преследовали при помощи отрядов в 2—3 тысячи человек, тратя на это массу денег и не достигая ничего, все задержаны мною и подвергнуты соответ-

ствующему наказанию»³⁴. Кстати, сам полковник, отказавшись в июле подчиниться назначенному премьер-министром Кавам-эс-Салтане, которого он еще не так давно арестовывал, вступил в вооруженное противостояние с правительством и был убит в стычке с курдами в районе Кучана.

В качестве эпилога остается добавить, что Туркбюро Коминтерна не оплакивало гибель Сардара, и проходившая в августе 1921 г. 1-я Хоросано-Астрабадская конференция ИКП высказалась против «поддержки различного рода авантюры, организуемых недовольными правительством ханами, вроде Ходоу-хана, Забардас-хана и т. д.». Более того, как утверждали некоторые делегаты, коммунисты сами задушили революционные настроения персидского народа как своей деятельностью в Туркестане и Гиляне, давшей повод обвинить Советскую Россию в продолжении «политики Николая Второго, политики аннексирования Персии», так и тем, что «вооружили знаменитого разбойника, отличавшегося в грабеже населения (и в течение долгих лет), Ходоу Сардара и выдвигали его как коммунистического революционера». А наркоминдел РСФСР Г. В. Чичерин, запрашивая 31 июня у своего представителя в Ташкенте «сведения о деятельности агентов Коминтерна в Средней Азии», особенно интересовался, не затевают ли они новых авантюры и «не связываются ли опять с какими-нибудь бандитами в Хорасане»³⁵.

Примечания

1. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 2. оп. 1, д. 14345, л. 47; ф. 122, оп. 2, д. 1, л. 155.
2. Там же, ф. 544, оп. 4, д. 1, л. 4а.
3. Там же, ф. 495, оп. 90, д. 18, лл. 98—99.
4. Там же, ф. 544, оп. 4, д. 1, л. 27а; оп. 1, д. 21, лл. 46, 85—87; д. 25, л. 1.
5. Там же, оп. 4, д. 1, л. 27а.
6. Там же, оп. 1, д. 25, л. 1; там же, д. 21, лл. 45, 86, 67; д. 19, л. 26.
7. Там же, ф. 562, оп. 1, д. 21, л. 9.
8. Там же, ф. 17, оп. 12, д. 661, л. 82.
9. Там же, оп. 84, д. 103, л. 8; ф. 2, оп. 1, д. 24440, лл. 37, 19; оп. 2, д. 1292, л. 1.
10. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 46, л. 151; ф. 17, оп. 84, д. 103, л. 51.
11. Там же, ф. 544, оп. 1, д. 21, лл. 116, 157.
12. Там же, д. 19, л. 68; д. 25, л. 12.
13. Там же, д. 24, лл. 85—87.
14. Там же, д. 19, л. 120; д. 11, лл. 96—97; д. 25, л. 17; ф. 122, оп. 2, д. 46, лл. 158, 160.
15. Там же, ф. 544, оп. 4, д. 1, л. 27б; ф. 17, оп. 84, д. 103, л. 51.
16. Там же, ф. 544, оп. 1, д. 25, лл. 20, 17.
17. Там же, ф. 495, оп. 90, д. 18, л. 104.
18. Там же, ф. 544, оп. 4, д. 1, л. 27б.
19. Там же, д. 39, л. 50.
20. Там же, д. 1, л. 27в; ф. 122, оп. 2, д. 46, л. 187; ф. 544, оп. 1, д. 20, лл. 55, 62.
21. Там же, ф. 544, оп. 4, д. 1, л. 27в.
22. Там же, оп. 1, д. 5, лл. 5—6; ф. 2, оп. 1, д. 14884, л. 1.
23. Там же, ф. 17, оп. 84, д. 103, л. 30; ф. 495, оп. 90, д. 18, л. 202.
24. Там же, ф. 544, оп. 4, д. 39, л. 55; Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 110, оп. 1, д. 66, л. 2; ф. 157, оп. 8, д. 12, л. 1—4.
25. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 84, д. 103, лл. 52, 50.
26. Там же, ф. 544, оп. 1, д. 11, лл. 72—75.
27. Там же, оп. 495, оп. 90, д. 18, лл. 147—151; ф. 544, оп. 1, д. 20, лл. 102, 14.
28. Там же, ф. 64, оп. 1, д. 20, л. 58; ф. 17, оп. 2, д. 34, л. 1; Документы внешней политики СССР. Т. 3. М. 1959, с. 538.
29. РЦХИДНИ, ф. 122, оп. 2, д. 100, л. 40.
30. Там же, ф. 544, оп. 4, д. 8, лл. 5, 11.
31. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 93, лл. 4—7.
32. Там же, ф. 544, оп. 4, д. 6, л. 108; д. 5, лл. 87—90, 129—130.
33. Там же, ф. 122, оп. 2, д. 93, л. 11; ф. 544, оп. 3, д. 88, л. 36; оп. 4, д. 8, л. 46.
34. Там же, ф. 495, оп. 90, д. 51, лл. 54—55, 58—59; ф. 544, оп. 3, д. 73, л. 4; д. 86, л. 8.
35. Там же, ф. 495, оп. 90, д. 39, лл. 30, 72, 73; ф. 5, оп. 1, д. 2116, л. 17.

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Деятельность «воинствующих безбожников» и их судьба

Н. Б. Лебина

«Союз воинствующих безбожников» (СВБ) — одно из самых массовых добровольных обществ, функционировавших в СССР 20—30-х годов. Оно возникло в 1924 г. (официально — с 1925 г., когда состоялся I съезд членов «Общество друзей газеты «Безбожник», провозгласивший создание СВБ) и было расформировано лишь в 1947 году. Его функции перешли к секциям научного атеизма Всесоюзного общества «Знание». Объединение «непримиримых борцов с религией» возглавлял Е. М. Ярославский, одна из типичных политических фигур 20—30-х гг., оказавшая заметное влияние на развитие мировоззренческих установок населения и на его отношение к религии. Ярославский был в разные годы членом ЦК и ЦКК, Секретариата ЦК большевистской партии, ЦИК СССР. Но и его авторитет нимало не спас созданную им организацию от репрессий в годы сталинского террора. Ее судьбу можно проследить на примере Ленинградского отделения СВБ. Специальных работ по его истории не существует. Что касается источников, то фонд объединения ленинградских безбожников в архивохранилищах отсутствует. Ряд материалов о его деятельности, отложившихся в бывшем Ленинградском партархиве, еще до недавнего времени был недоступен. Ознакомление с ними показало, что история СВБ полна драматизма, как, впрочем, вся наша тогдашняя история.

СВБ, как и другие массовые объединения трудящихся тех лет, не был порожден народной инициативой. Его Ленинградское отделение было создано по специальному решению Оргбюро ЦК РКП(б) от 15 декабря 1924 года. На этой основе Антирелигиозная комиссия при Ленинградском губкоме партии разослала в крупные парторганизации города устав нового общества для немедленного образования на предприятиях ячеек безбожников. Особые надежды возлагались на комсомольцев, проявивших в 1922 г. активность в ходе изъятия церковных ценностей и во время организованных в 1923 г. «комсомольского рождества» и «комсомольской пасхи». В комсомольские ячейки устав был разослан в первую очередь. Объединение воинствующих безбожников замышлялось для того, чтобы помочь большевистской партии вести непримиримую борьбу с религией. В конечном итоге это должно было способствовать установлению господства коммунистической идеологии¹.

К той поре в СССР издавались журнал «Революция и церковь», газета и журнал «Наука и религия» (по 1922 г.), газета «Безбожник», журналы «Безбожник у станка» и «Антирелигиозник». Выходила соответствующая литература и на национальных языках, и масса провинциальных периодических изданий той же направленности. Регулярно выпускались или организовывались «уголки безбожника» в стенгазетах, клубах, читальнях. Возникло отдельное издательство «Безбожник». Интенсивно публиковались книги и брошюры в том же духе (В. Сарабянов «Об антирелигиозной пропаганде». М. 1923; П. Красиков «На церковном фронте». М. 1923; Е. Ярославский «На антирелигиозном фронте». М. 1924; И. И. Степанов «Задачи и методы антирелигиозной пропаганды». М. 1925; и мн. др.).

Лебина Наталья Борисовна — доктор исторических наук, профессор Университета экономики и финансов. Санкт-Петербург.

В Ленинграде работа СВБ шла под постоянным контролем губкома, потом горкома и обкома ВКП(б). Председатель общества назначался решением Секретариата губкома ВКП(б) в 1925—1927 гг., с 1928 г. — бюро горкома. На этот пост выдвигались обязательно партийные или комсомольские функционеры, например в 1925 г. его занимал 24-летний И. Я. Элиашевич, в 1926 г. — Я. А. Нетупская. Но с 1928 г. СВБ возглавил в Ленинграде Н. М. Маторин, который занимался исследовательской работой в сфере религии. Вскоре увидели свет его монографии «Религия у народов Волжско-Камского края прежде и теперь» (М. 1929), «Православный культ и производство», «Женское божество в православном культе: очерк по сравнительной мифологии» (1931 г.). Рекомендованный на должность в качестве «главного ленинградского безбожника», он осуществлял общегосударственную линию на искоренение религии, хотя лекции по атеизму стали носить теперь не столько вульгарный агитационно-пропагандистский, сколько научно-просветительный характер. Маторин возглавлял Ленинградское отделение СВБ до 1935 г., а впоследствии до 1941 г. в обществе сменились шесть председателей².

Правящие органы страны тех лет всемерно поддерживали общественные организации, соответствовавшие по своим идеологическим задачам существовавшему режиму. Не вписывавшиеся в данную схему ликвидировались. В начале 20-х гг. как «враждебные социалистическому государству» в городе были закрыты «Вольная философская ассоциация», Философское общество при Петроградском университете, Социологическое общество им. М. М. Ковалевского. В 1928—1930 гг. в ходе перерегистрации ряд обществ провозгласили ненужными (на базе специального постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 6 февраля 1928 г.). В августе 1930 г. появилось новое «Положение о добровольных обществах и союзах». Оно установило, что вся культурно-просветительная и научно-исследовательская деятельность объединений должна строиться на основе «марксистско-диалектической проработки вопросов»³.

Можно подумать, что общества, истово проповедовавшие марксизм, должны были бы процветать. На деле же обстояло по-другому. Казарменный социализм чурался возможного вольномыслия, и в начале 30-х годов был ликвидирован ряд вполне «правверных» объединений вроде Научного общества марксистов (1919—1930 гг.), Общества воинствующих материалистов-диалектиков (1929—1934 гг.), Общества историков-марксистов (1929—1934 гг.), Организации обществоведов-марксистов (1931—1933 гг.), Общества марксистов-государственников (1931—1932 гг.), Общества экономистов-марксистов (1931—1932 гг.), Общества краеведов-марксистов (1930—1931 гг.), Общества биологов-марксистов (1931—1932 гг.) и пр. Их ликвидация показывает, что нелепо было бы искать серьезные юридические обоснования действий властей люмпенизированного государства, полностью подчиненного диктатуре партийной верхушки. Волна закрытий и репрессий была прежде всего связана с внутрипартийной борьбой и уничтожением оппозиции в любых социальных сферах. Этот же процесс наблюдался и внутри Ленинградского отделения СВБ.

Любопытен «Список членов президиума Ленинградского областного совета СВБ на декабрь 1934 г.», представленный на рассмотрение бюро Ленинградского обкома ВКП(б), при его сопоставлении с кадровыми документами 1926—1928 годов. Вместо бывших партийных функционеров к работе были привлечены научные силы: директор Музея истории религии В. Г. Тан-Богораз, его научные сотрудники А. М. Покровский (преподавал в пединституте им. А. И. Герцена и в Ленинградском государственном историко-лингвистическом институте), хорошо впоследствии известные ученые А. И. Клибанов, М. И. Шахнович, И. Г. Франк-Каменецкий. Они участвовали в закрытии церквей (эта функция входила в компетенцию СВБ), создании «безбожных» колхозов и бригад и одновременно публиковали свои исследования по истории религии, а Маторин возглавил в начале 30-х годов Музей антропологии и этнографии АН СССР. И они же способствовали, когда могли, сохранению крупных памятников религиозно-культурного характера. Одним из них был Казанский собор, в 1932 г. превращенный в Музей истории религии.

Из 79 членов президиума Леноблсовета СВБ в декабре 1934 г. был выведен оттуда 31, из них 16 — «бывшие зиновьевцы»: Маторин, исключенный из рядов ВКП(б) «как зиновьевец и троцкист», Нетупская — «как участник троцкистско-зиновьевской оппозиции», ряд сотрудников Музея истории религии. Согласно документам, Тана-Богораз убрали оттуда «как защитника Маторина», И. К. Серякова — «за примиренческое отношение к Маторину», Франк-Каменецкого — «как защитника Маторина», Покровского — «как приспешника Маторина», Клибанова — «как воспитанника и приспешника Маторина»⁴. В 1935 г. Маторин был репрессирован и тогда же погиб в возрасте 37 лет.

Весной 1935 г. деятельность названного общества подверглась новой проверке со стороны обкома ВКП(б). Сохранились докладная записка инструктора обкома и акт проверки. К ним

приложено письмо сотрудника Музея истории религии А. Е. Прохорова, разоблачившего руководство Ленинградского СВБ. Он клеймил Клибанова, Шахновича, Серякова за то, что они, часто бывая на квартире Маторина, «видели висящий портрет Зиновьева, возносили его до небес и благодаря Маторину... втерлись в Академию наук аспирантами». Основная идея упомянутых документов сводилась к указанию на идеологически враждебную линию в анти-религиозной пропаганде, что «мешало успешному развитию воинствующего безбожия». Акт проверки и докладная записка наполнены такими политическими характеристиками: «Председатель Маторин, бывший зиновьевец и социал-фашист по своим взглядам», «для бывших оппозиционеров, троцкистов, эсеров Союз был особенно притягательным местом», «СВБ засорен антипартийцами, классово чуждыми людьми, которые вносили вредную путаницу и всякую галиматью в головы рабочих»⁵.

Конечно, научные изыскания ряда бывших руководителей СВБ, историков и этнографов, отнюдь не подтверждали теорию сугубо классового происхождения религии, которая в СССР была положена в основу атеистической пропаганды. Попытка осмыслить возникновение религиозных верований с подлинно научной точки зрения подрывала выдвинутую Ярославским на II съезде СВБ в 1929 г. идею, суть которой сводилась к объявлению борьбы с религией одной из «насущнейших задач классовой борьбы с капиталистическими элементами». «Зиновьевские приспешники» и «сторонники буржуазной этнографии», как их именовали в этих документах, были изгнаны. Далее истерия поисков «врагов народа» продолжилась. Докладная записка, составленная новым руководством Ленинградского СВБ в феврале 1936 г. и подписанная его председателем В. Н. Дуловым, начиналась так: «СВБ в Ленинграде и области под влиянием вредительской деятельности троцкистско-зиновьевского охвоста значительно ослабил свою работу». Между тем как раз петроградские и ленинградские партийно-комсомольские безбожники, наоборот, очень старались: в 1918—1932 гг. там было ликвидировано 286 культовых заведений (в среднем по 19 в год), в 1933—1934 гг. — 12, в 1935 г. — еще 18. По Петроградской губ. и Ленинградской обл. цифры таковы: в 1917—1930 гг. — 532, в 1931—1934 гг. — 342, в 1934—1935 гг. — 334. К 1 февраля 1936 г. в огромном городе осталось 62 культовых здания и лишь 88 служителей культа⁶.

Судя по многочисленным спискам дел о ликвидации церквей, очередное руководство СВБ стремилось уничтожить вообще все пока сохранявшиеся культовые памятники Ленинграда и области. С февраля 1936 по февраль 1937 г. в городе закрыли 7 церквей, в области — 262. Подверглись опустошению церкви Спасо-Преображения в Московском р-не, Всех Святых на Кировском проспекте, Покрова Богородицы на ул. Боровой, Св. Екатерины на ул. Перовской, Покровская церковь от пролома, церковь царя Константина, ряд других. В 1938 г. в Ленинграде осталось 13 церквей из 421, имевшейся в 1917 г.; в области — 600 из 2165⁷.

Но вина за уничтожение церквей ложится не только на СВБ. В том же направлении действовала с 1936 г. Областная комиссия по вопросам культов при Леноблисполкоме. Тем не менее, участников этих мероприятий их активность не спасала. Весной 1937 г. председатель Ленинградского СВБ Дулов был заменен П. Т. Сатаевым, а первому вменили в вину «отсутствие большевистской бдительности и самокритики». Сатаев проявил особую активность по искоренению былых приверженцев Маторина, о чем свидетельствуют его письма в Отдел печати обкома ВКП(б) и начальнику Ленинградского управления НКВД Л. Н. Заковскому. Однако и Сатаева вскоре прогнали. В начале 1938 г. его с треском сняли и заменили В. К. Зарубиным, которому дали в заместители некоего Дубровина. Той же весной прошла новая чистка; выявили очередного «врага народа» Дубровина, «сознательно тормозившего работу СВБ», затем арестованного и репрессированного вслед за Дуловым и Серяковым⁸.

Болезнь, поразившая Ленинградскую организацию безбожников, была характерна в целом для того этапа развития советского общества, и она не прекратилась до тех пор, пока не стала спадать волна репрессий вообще. 29 сентября 1939 г. Ярославский, сам активно участвовавший в разоблачении «врагов народа», обратился с письмом к Ленинградской городской партийной организации, потребовав, чтобы горком систематически заслушивал отчеты совета СВБ. Временный итог бесконечным чисткам в Леноблисовете СВБ подвела II Ленинградская областная конференция СВБ в ноябре 1938 года. Если в 1937 г. Маторин, Покровский, Дулов именовались «троцкистско-зиновьевскими приспешниками», то теперь они причислялись к «бухаринским бандитам», приведшим «к полному развалу ленинградской организации СВБ»⁹. Пост председателя Президиума занял М. Г. Никитин, его заместителя — С. Л. Галанин, директора Музея истории религии — Ю. П. Францов.

Сохранилась докладная записка Никитина в обком ВКП(б) от января 1939 года. В ней говорится, что очень трудно найти новые кадры безбожников. Выдвинутые на место репрессированных лекторы-атеисты из среды партийных и комсомольских работников не имели

должных знаний. СВБ был отброшен на уровень начала 20-х годов, когда излюбленной формой антирелигиозной работы были агитки или частушки оскорбительного содержания. А летом 1941 г. газета «Безбожник» прекратила свое существование (ранее, в период особенно острых репрессий, с января 1935 по март 1938 г., она также не выпускалась). Наконец, в годы Великой Отечественной войны и послевоенное время деятельность СВБ угасла.

Примечания

1. Центральный государственный архив историко-политических документов (ЦГА ИПД), ф. 16, оп. 10, д. 10259, л. 15.
2. Там же, оп. 1, д. 188, л. 12.
3. Добровольные общества в Петрограде-Ленинграде в 1917—1937 гг. Л. 1989, с. 5 сл.; Собрание узаконений РСФСР, 1928, № 22, ст. 157; 1930, № 44, ст. 527.
4. ЦГА ИПД, ф. 25, оп. 10, д. 21, л. 63—64.
5. Там же, л. 71, 34, 35, 69.
6. Антирелигиозник, 1920, № 17, с. 11; ЦГА ИПД, ф. 24, оп. 8, д. 436, л. 18, 8, 9.
7. ЦГА ИПД, ф. 24, оп. 10, д. 316, л. 1, 22; д. 420, л. 25; оп. 8, д. 436, л. 67—69, 70—73, 103—104.
8. Там же, оп. 10, д. 316, л. 25, 114, 137; ф. 25, оп. 10, д. 109, л. 1, 3; ф. 24, оп. 10, д. 420, л. 105—106.
9. Там же, ф. 25, оп. 10, д. 67, л. 2, 13.
10. Там же, л. 13; д. 163; ф. 24, оп. 10, д. 421, л. 6.

Болезнь и кончина А. Е. Преснякова

А. Н. Артизов

В статье о А. Е. Преснякове исследователь его трудов справедливо сетует, что до сих пор не осуществленно обстоятельное изучение биографии и творчества этого выдающегося представителя русской исторической науки¹. Мало освещен последний период жизни ученого, в литературе упоминаются разные даты его смерти². В этой связи интерес представляют приводимые ниже документальные свидетельства из Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Документы эти выявлены среди материалов, которые были изъяты следователями НКВД 19 декабря 1934 г. при аресте у бывшего ответственного секретаря Общества историков-марксистов и журнала «Историк-марксист» И. Л. Татарова и приобщены затем к его уголовному делу³. Вчерашний студент историко-филологического факультета Петроградского университета, Татаров довольно долго сохранял контакты со своими преподавателями, переписывался с некоторыми учеными «старой школы», содействовал публикации их работ в марксистской печати. В период проведения кампании по выборам в Академию наук именно ему Агитпропотдел ЦК ВКП(б) доверил деликатное задание, направив 2 октября 1928 г. директивное письмо следующего содержания: «АППО ЦК поручает Вам в трехдневный срок написать статью о тов. Преснякове для «Известий ЦИК». Цель статьи — активная поддержка нашего кандидата в выборах в АН. ...Статью пришлите в АППО ЦК на имя т. [А. И.] Криницкого секретным порядком».

Татаров выполнил поручение, рекламная статья за его подписью появилась в «Известиях» 14 октября 1928 г. Но академиком Пресняков не стал: его кандидатурой «пожертвовали», чтобы продвинуть в академики Н. М. Лукина. Как разъясняет ситуацию автор работы «Академия наук на «великом переломе» Ф. Ф. Перчёнок, в октябре 1928 г. представители власти и Академии наук на заседании комиссии по историческим наукам сумели договориться о выдвижении в члены АН, с одной стороны, М. Н. Покровского и Д. Б. Рязанова, с другой — М. С. Грушевского и Д. М. Петрушевского. На оставшиеся два места академики желали избрать М. К. Любавского и А. Е. Преснякова и не соглашались на кандидатуру Лукина. Власть стояла за Лукина, соглашалась на Преснякова и слышать не хотела о Любавском. В результате родился компромисс: проголосовали за Любавского и Лукина, оставив кандидатуру Преснякова «без баллотирования ввиду заполнения наличных свободных мест по историческим наукам»⁴.

Перебирая после ареста конфискованные бумаги, следователи вряд ли задержали внимание на вышеупомянутом поручении Агитпропотдела ЦК ВКП(б). Вероятно, не заинтересовало их и письмо Татарову от Преснякова и два аналогичных письма от ближайшего ученика Преснякова Б. А. Романова, которые не могли помочь им в выявлении оппозиционных связей и настроений подследственного. Однако для нас эти документы чрезвычайно любопытны, поскольку позволяют дополнить биографию Преснякова новыми штрихами, проливают свет на трагическую страницу его жизни — борьбу с неизлечимым недугом.

Сквозь сухие лапидарные строки единственного в архиве Татарова письма Преснякова, написанного, видимо, 27 марта 1928 г. в ответ на предложение подумать о возможной публикации в журнале «Историк-марксист», проглядывает усталость человека, отягощенного

Артизов Андрей Николаевич — кандидат исторических наук, член коллегии — начальник отдела Государственной архивной службы России.

болезнью, остро сознающего невозможность заниматься любимым делом в полную силу. «Уважаемый Исаак Львович, — пишет Пресняков. — Что мне Вам ответить? Запутался я в разных делах и делишках между двух городов, устал от «суеты сует» и сбился со всякого писания. Трудно на чем-либо сосредоточиться. ...Будете ли Вы писать раздел для I тома «Книги для чтения по истории» для вузов, а то из издательства «Пролетарий» спрашивают? ...А я до мая едва ли за какое-нибудь писание смогу взяться».

Имя Преснякова при его жизни так и не появилось на страницах главного марксистского исторического журнала, хотя ученый поддерживал довольно активную переписку с редакцией, делился творческими планами, слал отзывы на книги и статьи⁵.

В своем письме от 16 февраля 1927 г., сообщая Татарову, что Е. В. Тарле не против сотрудничества с «Историком-марксистом», но сначала хотел бы познакомиться с его первыми номерами, Романов подтверждает это стремление Преснякова к участию в журнале, добавляя в конце почтового отправления многозначительную фразу: «А вот Пресняков уже переговорил с Э. Д. Гриммом о критических статьях по поводу германского многотомника «Die grosse Politik der Europaischen Kabinette» и о исторической подготовке краха Британской империи».

Другое письмо Романова написано им 7 октября 1929 г. спустя неделю после смерти Преснякова в связи с намечавшимся помещением в журнале некролога. Текст этого письма настолько важен для характеристики последних лет жизни ученого, что заслуживает полной публикации. С незначительными сокращениями текст приводится ниже.

«Дорогой Исаак Львович. Посылаю Вам фотографию Евгеньевича по выбору семьи: большую с женой обязательно вернуть. Советую напечатать именно ее.

На всякий случай сообщаю несколько дат и данных. ...

Рак открылся весной 1928 г. Но боли в левой части головы (которые мучили, усиливаясь, до последнего дня) начались еще осенью 1927 г. Весной 1928 г. подвергся лечению радием. В августе 1928 г. ездил даже в Москву заниматься в Дрeвлехранилище по внешней политике Петра Великого. Однако занимался с трудом, жаловался на усталость. А по истечении 2-х недель был вызван доктором Петровым (радиевиком) в Ленинград для осмотра. Сентябрь промаялся здесь, 3 октября уехал в Крым — окрепнуть и быть в стороне в период выборов в Академию. Вернулся 7—8 ноября, не окрепнув, и приступил к занятиям в Ленинграде и Москве по всему фронту (боялся, что трудно будет говорить). В течение трех рабочих недель (до начала декабря) обнаружилось резкое ухудшение самочувствия и потеря в весе, а когда в начале декабря А[лександр] Е[вгеньевич] заставили показаться доктору Петрову, тот забил тревогу и назначил постановку радия через три дня — так быстро пошел рецидив! Второй сеанс радия задержал Евгеньевича на два месяца, до середины февраля, срок, к которому все уже было налажено с командировкой в Париж, тоже для радия. Но в Париже сами радиевики направили Евгеньевича к хирургу, сознавшись в своем бессилии. Была операция с удалением около половины языка, но без удаления шейных желез. По возвращении сюда в начале апреля 1929 г. обнаружилось тотчас же, что затронуты уже и железы, и через несколько дней он был взят в третий раз в больницу Мечникова для постановки радия на него. Лето провел в Павловске, все слабей, но не переставая много читать, а в августе правил корректуры редактируемой им книги по истории для вузов. Боли головы были сильные и постоянные, по нескольку раз на день поливали голову холодной водой. Питался с осени 1928 г. жидкой пищей. Питание становилось все трудней. По возвращении в город в сентябре стал больше слабеть и читал уже мало. Говорить мог, но избегал и объяснялся обыкновенно записочками. 26 сентября было кровотечение из ранки языка, 29 сентября второе (стакан крови). Сердце, благодаря исключительному здоровью которого так долго А[лександр] Е[вгеньевич] вообще боролся с болезнью — не выдержало. 29 впервые Евгеньевичу дали немного морфия, чтобы утишить боли, а 30 с утра сердце все слабело. До 2-х часов он еще мог говорить, а с 2 часов не мог уже объясняться и карандашом. Умер между 5 и 5^{1/2} часов дня 30-го.

По просьбе вдовы сейчас разбираемся в литературном наследстве А[лександра] Е[вгеньевича]. ... Это будет, вероятно, не один том. Но кто возьмется издать? ... Сейчас поднимается вопрос о пенсии вдове через [И. К.] Лупшолу. Очень одобряю, что некролог пишете Вы. Ваш Б. Романов».

Надеждам Романова, однако, не суждено было сбыться. В условиях начавшихся осенью 1929 г. в связи с «Академическим делом» арестов ученых «старой школы» редакция «Историка-марксиста» ограничилась публикацией фотографии Преснякова и скромного в 12 строк извещения о его кончине⁶. Содержавшееся в извещении обещание «в следующем номере подробнее осветить деятельность покойного, дать практический анализ его научного наследства и оценку этому выдающемуся ученому» редакция не выполнила.

Примечания

1. ЧИРКОВ С. В. Александр Евгеньевич Пресняков (1870—1929). — *Историки России XVIII—XX веков*. Вып. 2-й. Архивно-информационный бюллетень № 10. 1995, с. 79.
2. С. В. Чирков, например, указывает, что Пресняков умер 13 сентября 1929 г., М. Б. Свердлов называет 30 сентября. См.: ЧИРКОВ С. В. Ук. соч.; СВЕРДЛОВ М. Б. А. Е. Пресняков (1870—1929). Жизнь и творчество. В кн. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Княжое право в древней Руси. Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М. 1993, с. 554.
3. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, д. Р-11146. Конфискованные документы содержатся в 5 томах (тт. 56—59) и нескольких прилагаемых к ним пакетах. Документы в пакетах не систематизированы и не пронумерованы. О И. Л. Татарове подробнее см: *Вопросы истории*. 1994, № 7.
4. Звенья. Исторический альманах. Вып. I. М. 1991, с. 182.
5. АЛАТОРЦЕВА А. И. Журнал «Историк-марксист» 1926—1941 гг. М. 1979, с. 72.
6. *Историк-марксист*. 1929, № 13, с. 269.

Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945—1985). Новое прочтение. М. Международные отношения. 1995. 512 с.

Хронологические рамки исследования — 1945—1985 гг. — вполне оправданы: это был период острого противостояния государств, принадлежащих к двум системам, угрожавшего всему человечеству трагическими последствиями. Авторы поставили перед собой задачу представить читателю новое, свободное от прежних идеологизированных подходов и оценок прочтение истории «холодной войны» и советской внешней политики на основе архивных и других документальных материалов (с. 7—8).

Круг проблем, избранных для исследования охватывает главные направления внешней политики СССР в эти сорок лет. Монография открывается очерком о доктринальных основах советской внешней политики в рассматриваемый период (Л. Н. Нежинский, И. А. Челышев). Критикуя «догматически-утопическую основу» советской внешней политики, несовместимость ее главных принципов, авторы в то же время отмечают, что «фаталистическое видение будущего мира как коммунистического не исключало случаев маневрирования и корректировки тактики советской дипломатии, когда советское руководство считало это необходимым и выгодным» (с. 11). Политико-теоретические принципы и нормы, как это показано в книге, подвергались существенному пересмотру и трансформации в ходе внутренней борьбы в высших эшелонах власти, пробивали себе дорогу новые взгляды, новые идейно-теоретические принципы. Подвергается аргументированной критике брежневская доктрина «ограниченного суверенитета». В связи с определением начального и последующих периодов «холодной войны» рассматриваются причинно-следственные связи ряда международных событий, инициированных то Западом, то Советским Союзом.

Размышления о начале «холодной войны» про-

должны в очерке А. М. Филитова, в котором детально прослеживается ее связь с гонкой ядерных вооружений. Автор приходит к парадоксальному на первый взгляд выводу, что «холодная война» являлась системой «не ядерного соперничества, а ядерного сообщничества двух сверхдержав» (с. 58).

Большое внимание уделено сложным проблемам взаимоотношений СССР и его восточноевропейских союзников. Новые документальные материалы дают возможность объективно оценить советское воздействие на государственное переустройство в восточноевропейских странах, сначала поддержку, а затем свертывание коалиционной власти по мере изменения расстановки внутриполитических сил и ликвидации возможности развития в рамках «согласительной демократии» (Г. П. Мурашко, А. Ф. Носкова). Советизация Восточной Европы, установление здесь коммунистической монополии на власть — это, конечно, результат политики московского руководства. Но были и косвенные пособники этого процесса, о которых авторы, к сожалению, не упоминают. Как это не странно, США, их представители в некоторых восточноевропейских странах, например, в Румынии и Венгрии, не оказывали эффективной, результативной поддержки широким демократическим силам, ориентируясь прежде всего на крайне правые, консервативные круги, скомпрометировавшие себя сотрудничеством с гитлеровцами. В результате подлинно демократические силы, оказавшиеся без поддержки с Востока и Запада, были сначала расколоты, а затем и насильственно отстранены от влияния на внутреннее устройство своих стран и на весь ход их общественно-политического развития.

Одним из регионов развертывания «холодной

войны», углубления противостояния СССР и США была Юго-Восточная Европа, особенно в связи с советско-югославским конфликтом 1948 года (А. С. Аникеев). Многочисленные документальные свидетельства подтверждают изложенное в книге мнение, что и в начальный период конфликта с СССР, и в последующее время Югославия «продолжала играть важную роль в восточной политике США и их союзников» (с. 150), а «базисные принципы отношений Югославии с США, сформулированные и негласно закреплённые в первые годы после советско-югославского конфликта, продолжали с определенными поправками действовать вплоть до краха тоталитаризма в Восточной Европе и распада Советского Союза» (с. 151).

Очерк А. М. Орехова посвящен событиям 1956 г. в Польше и кризису польско-советских отношений, этому важному рубежу в советской политике в отношении Польши, да и всей Восточной Европы. В очерке раскрывается драматизм сложившейся в Польше ситуации. Но вряд ли можно согласиться с утверждением, что именно в 1956 г. эти отношения достигли «кульминационной точки кризисного состояния», что они в свою очередь, якобы отражали кризис общественно-политической системы, политического режима в восточноевропейском регионе. Кризис не мог длиться более трех десятилетий. Фактически его симптомы проявились после событий 1968 года в Чехословакии, а сам этот кризис начался в начале 80-х годов. Сомнительным является утверждение, что «восхождение В. Гомулки на вершину властной пирамиды означало сокрушительное поражение консервативных сил в ПОРП» (с. 234). Это не подтверждается последующими действиями руководителей ПОРП, да и самого Гомулки, который оправдывал присутствие советских войск в Венгрии, а в 1968 г. был одним из наиболее активных инициаторов ввода войск пяти стран Организации Варшавского договора (ОВД) в Чехословакию.

События 1956 года в Венгрии освещены в очерке Б. Й. Желицкого, который сумел объективно оценить их суть и характер, показать порочность решения советских руководителей использовать военную силу против восставших венгров; раскрыт механизм принятия этого решения, а также международные аспекты этой акции. Военное вмешательство имело «тяжелые последствия как для советско-венгерских отношений, так и для международной обстановки в целом» (с. 261). Политика Запада в связи с венгерскими событиями подвергается критике за ее «двойственность, противоречивость и в значительной мере подстрекательский характер». Ссылаясь на новейшие исследования, автор утверждает, что «западные державы и не собирались идти на помощь венгерским повстанцам» (с. 271). В связи с этим приводится интересное заявление бывшего министра обороны ФРГ Ф.-Й. Штрауса, который был «твердо убежден, что русские не осуществили бы вторжения, если бы

американцы заранее позаботились о том, чтобы занять ясную позицию» (с. 272).

Тема советского военного вмешательства развивается и в очерке М. В. Латыша, посвященном событиям 1968 года в Чехословакии. В нем анализируется ход принятия решения о вводе войск ОВД в Чехословакию. Приведенные в очерке дипломатические документы подтверждают «созерцательную политику» США во время чехословацкого кризиса, демонстративную позицию невмешательства, что, как отмечается в очерке, «спровоцировало агрессора» на самые радикальные меры, т. е. — военное вторжение (с. 326). В целом правильно излагая ход чехословацких событий, автор в ряде случаев допускает слишком вольные, а подчас и совершенно необоснованные оценки деятелей «Пражской весны». Вопреки общеизвестным фактам, чехословацкие реформы (их разрабатывали известные экономисты и политики) называются в очерке «смесью скороспелых идей» (с. 305), а сама «Пражская весна» — «разгулом демократической стихии в Праге» (с. 325). Руководители реформаторского движения, по мнению автора, — «политики, случайно поднятые волной общественного движения», их характерными чертами «были непрофессионализм и непомерные амбиции». Весьма далеким от научного метода является прием автора строить выводы на основе предположения: что было бы, если бы оправдался «пессимистический сценарий развития событий, предугаданный Москвой» (с. 318).

Отдельный очерк посвящен Карибскому кризису 1962 года (Б. Г. Путилин). Детально освещая основные фазы его развития, ссылаясь на новые документальные свидетельства, автор убедительно подтверждает, что Карибский кризис был типичным порождением «холодной войны», жесткого противоборства между СССР и США. «Его завершение стало первым шагом на пути признания бесперспективности ядерной войны и опасности ядерного «устрешения». В ходе устранения Карибского кризиса наметились контуры урегулирования региональных конфликтов при участии Организации Объединенных Наций» (с. 301).

Проблемы политики СССР в отношении стран Азии и третьего мира освещены в пяти очерках. Прежде всего, это «Корейская война (1950—1953) и советско-американские отношения» (Д. С. Ахалкаци). Приведенные в очерке документальные свидетельства подтверждают, что, начавшись как гражданская война, корейский конфликт из-за советской политики попустительства и военной поддержки перерос в столкновение сверхдержав. Активная роль Советского Союза в развязывании Корейской войны совершенно очевидна. Вполне обоснован вывод автора: «Советское руководство не осознало, что Корейская война, как и другие региональные конфликты, не была в интересах СССР и не только не принесла видимых положительных результатов, но и подорвала между-

народную безопасность... Окончание войны не повлекло за собой решения корейского вопроса» (с. 211, 214).

Советско-китайскому конфликту посвящен очерк Б. Т. Кулика. Автор подчеркивает роль этого конфликта в углублении кризиса мировой социалистической системы. По его мнению, «противоборство двух крупнейших социалистических стран до такой степени подорвало мировую систему социализма, что предрешило сведение ее роли на нет» (с. 368). Интересен анализ отношений в «треугольнике СССР — США — КНР». Можно согласиться с выводом, что развитие отношений в этом геополитическом «треугольнике» пошло по пагубному пути из-за грубых ошибок и просчетов, допущенных всеми тремя сторонами. Главная из этих ошибок заключалась в недооценке Вашингтоном и Москвой будущей роли Китая.

Взаимоотношения в «треугольнике СССР — США — Япония» рассматриваются в очерке В. П. Сафронова. Раскрываются причины военной и дипломатической активности советского руководства накануне разгрома японского милитаризма. Приведенные в книге материалы показывают сложный характер отношений между СССР и США, а также напряженность советско-японских отношений после окончания войны. Речь идет не только о «территориальных проблемах», но и об общей направленности японской политики, последствиях Договора о взаимном сотрудничестве и гарантии безопасности между США и Японией, заключенного в 1960 года. «Возникший не без помощи США тугой узел японо-советских противоречий долгие годы продолжал оставаться одним из источников международной напряженности» (с. 188).

Критическому анализу советской политики в отношении стран третьего мира отведено большое место в очерке А. М. Хазанова. Не всегда эта критика документально обоснована, но в целом автор справедливо указывает на недостатки и промахи внешней политики СССР в отношении стран Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии, Юго-Восточной Азии и Африки. Третий мир (мы здесь не касаемся научной обоснованности этого определения) длительное время был ареной конфронтации между Востоком и Западом, остро американско-советского противостояния.

Это противостояние отчетливо проявилось в ходе войны в Афганистане, особенно после ввода

туда советских войск. В очерке «Война в Афганистане» (Н. И. Марчук) приведены многие факты, позволяющие судить о степени ответственности и советских, и американских правительственных служб за обострение ситуации в этой стране. «Афганская проблема, — подчеркивает автор, сконцентрировала в себе целый комплекс внутрисоциальных и международных противоречий, многие из которых существуют и сегодня» (с. 477).

Два очерка тематически примыкают друг к другу: «СССР и проблемы безопасности и сотрудничества в Европе» (Ф. И. Новик) и «Эскалация вооружений — путь в тупик» (А. С. Орлов). В первом детально анализируются начало и основные этапы развития общеевропейского процесса в 70-е — первой половине 80-х годов. Автор стремится отойти от упрощенных оценок сложного явления, каким была разрядка международной напряженности, дать объективную, непредвзятую оценку этого явления. Советская дипломатия боролась за развитие общеевропейского процесса, хотя и допустила ряд крупных просчетов в оценке успехов разрядки и ее перспектив (с. 362—363).

В очерке Орлова рассматривается гонка вооружений и связанное с этим противостояние (главным образом, ядерное) США и СССР. Показан долгий и трудный путь от угрозы «массированного возмездия» к осознанию суровых реалий и возможных трагических последствий ракетно-ядерного противостояния. Отражено это и в одном из выводов краткого заключения к книге: «Так же как и советское руководство, руководство США на протяжении всего периода «холодной войны» делало гипертрофированную ставку на силу как на основной инструмент решения всех международных проблем. Отсюда те опасные для мирового сообщества формы острой, сопровождаемой кризисами и конфликтами военно-политической конфронтации между Востоком и Западом в годы «холодной войны» (с. 505).

В книге много новых наблюдений и выводов, хотя и не всегда бесспорных. Некоторые прямолинейно-критические оценки не во всем подтверждаются весомой и конкретной аргументацией. В ряде очерков нарушены хронологические рамки. И все же главную задачу, поставленную перед авторами в целом можно считать осуществленной.

И. И. ОРЛИК

Меньшевики в 1917 году. В 3-х томах. Том 1. От января до июльских событий. Изд-во Прогресс-Академия. М. 1994. 752 с.

Меньшевикам долго не везло в отечественной историографии. Российские историки до сих пор стоят в лучшем случае лишь на пороге объ-

ективного научного анализа истории этой достаточно крупной, во всяком случае по меркам начала XX века, социалистической партии. Успехи

зарубежных коллег в данной области более весомы, о чем красноречиво свидетельствуют монографии, статьи и документальные публикации С. Бэрона, А. Эшера, И. Гетцлера, Л. Хеймсона, З. Галили, Т. Райссера, а также эмигрантов из России Б. Николаевского, собравшего всемирно известную коллекцию документов по истории РСДРП, А. Бургинной, В. Бровкина, Ю. Фельштинского и др.

Но и на Западе история меньшевизма тоже разработана пока еще довольно фрагментарно, и здесь она не свободна от идеологизмов и политической заданности, имеется ряд существенных источниковых пробелов. Начатая в США в 1958 г. по инициативе последних из оставшихся в то время в живых меньшевиков-эмигрантов работа в рамках большого межуниверситетского проекта по истории меньшевизма практически так и не была завершена, хотя ее участники под руководством профессора Хеймсона сделали в этой области настоящий прорыв.

Каждому, кто так или иначе прикасался к истории меньшевистской партии, хорошо известно, как трудно бывает получить доступ к источникам, разбросанным по архивам и библиотекам Москвы, Петербурга, Амстердама, ряда городов США, не говоря уже о многочисленных периферийных архивах России. Вот почему можно лишь приветствовать инициативу ряда крупных научных организаций России и США, которые решили в 1991 г. объединить свои усилия для подготовки совместного документального издания по истории меньшевизма в 1917 году. Ныне они представили на суд общественности первые результаты своей нелегкой, но плодотворной работы.

Издание выходит под грифом Международной комиссии совместных исследований по истории России, Гарримановского института Колумбийского университета, Ратгерского университета шт. Нью-Джерси, Российского независимого института социальных и национальных проблем, Научного совета РАН по проблеме «История революций в России», Государственной архивной службы Российской Федерации, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), Государственного архива Российской Федерации. Издание поддержали ЮНЕСКО и два американских фонда. В роли координаторов работы по выявлению, сбору, археографической обработке и комментированию документов выступали Галили, Хеймсон (США), А. Ненароков (Россия), а ее участниками были Г. Злоказов, В. Миллер, Н. Муравьева, О. Наумов, Н. Сидоров (Россия) и Н. Хеймсон (США).

Наверное, нет необходимости подробно объяснять, почему для публикации были выбраны в первую очередь именно документы 1917 г., который был для меньшевиков пиком их политического развития (окончательное организационное отделение от большевизма, максимальное число членов, проведение двух съездов и все-

российской конференции, участие во Временном правительстве, лидирующие позиции в советах рабочих и солдатских депутатов). И вместе с тем конце того же года меньшевизм в борьбе с большевиками потерпел самое большое за всю свою историю политическое поражение, проиграл выборы в Учредительное собрание (собрав меньше 3% голосов), а затем попал под то самое «красное колесо», которое прокатилось по всей необъятной России. Ясно, что все обстоятельства политической истории меньшевизма требуют серьезного и объективного изучения с привлечением разнообразных источников, в первую очередь документов самих меньшевиков, представленных в рецензируемом издании.

И сегодня многие задают вопрос: а мог ли «демократический социализм» в лице меньшевиков стать в 1917 г. реальной альтернативой большевизму? Что подвело тогда меньшевистских лидеров: политическая близорукость, оторванность от основной массы рабочих и народа в целом, увлечение западными моделями общественного развития и культом демократии, не имевшей прочных корней в национальном менталитете? А может быть, они просто попали в капкан, хитроумно поставленный для них самой историей, заставившей их беспомощно барахтаться в трясине войны, разрухи и вековой всероссийской отсталости, откуда цивилизованного выхода просто не было?

В реальной действительности имело место сложное переплетение всех этих драматических обстоятельств, о чем напоминают авторы содержательных вводных статей, написанных Хеймсоном, Галили и Миллером. Первый вводит читателя в круг основных проблем истории меньшевизма до 1917 г., размышляет о его социальной природе, идеологии, тактике, взаимоотношениях с большевиками и т. д. Галили и Миллер анализируют конкретную деятельность меньшевиков после свержения самодержавия и ту тупиковую ситуацию, в которой они оказались в 1917 г. в силу своего доктринерства, политического идеализма и наивной веры в возможность убедить массы в необходимости самоограничения и терпения. Ибо пока меньшевики ждали Учредительного собрания, согласия союзников по Антанте на ведение переговоров о всеобщем демократическом мире и политического прозрения А. Ф. Керенского, их главные соперники — большевики, чутко уловив настроения народа, сбросили их, по образному выражению Л. Д. Троцкого, в мусорную корзину истории.

В томе нашел отражение один из самых спорных и драматических по своим последствиям эпизодов истории меньшевизма — их вхождение во власть и превращение в одну из правящих партий России. Весна и начало лета 1917 г. — это период их идейной гегемонии в советах, время расцвета «революционного оборончества» и иллюзий о возможности национального примирения. Вместе с тем и в это время правоцентристская линия

И. Г. Церетели и Ф. И. Дана, поддержанная Н. С. Чхеидзе, М. И. Скобелевым и другими меньшевистскими лидерами, встречала противодействие как справа (А. Н. Потресов и особенно Г. В. Плеханов), так и слева (меньшевики-интернационалисты во главе с Ю. О. Мартовым, возвратившимся из эмиграции 9 мая 1917 г.). В итоге добиться единства даже в своей собственной среде меньшевикам так и не удалось. Это хорошо показано в рецензируемом издании.

Его составители отобрали для первого тома более 200 документов, примерно 40% которых публикуются впервые (в своем абсолютном большинстве это материалы из фондов РЦХИДНИ). Кроме того, в томе много перепечаток из центрального органа меньшевиков — «Рабочей газеты», а также из некоторых других меньшевистских изданий, давно ставших библиографической редкостью, в частности из «Летучего листка» меньшевиков-интернационалистов, почти неизвестного даже исследователям-профессионалам. В итоге получилась поистине уникальная подборка меньшевистских документов за январь-июнь 1917 г., научное значение которой трудно переоценить.

Особо выделим впервые публикуемые стенограммы, протоколы и рабочие документы Всероссийской конференции меньшевистских и объединенных организаций РСДРП в мае 1917 г. (на их долю приходится более 20% объема всей книги), 87 анкет ее делегатов и 54 анкеты о состоянии представляемых ими организаций. Впервые публикуются краткие протоколы заседаний Организационного комитета (до августа 1917 г. игравшего роль ЦК меньшевиков), его обращения к рабочим и другим слоям населения. Чрезвычайно интересны и некоторые письма, опубликованные в томе, особенно письма Мартова к Н. С. Кристи, где содержится ценнейшая информация о взаимоотношениях меньшевистских лидеров, обстановке в Петрограде, социальной психологии рабочих и т. д. К сожалению, американские архивы представлены в томе всего несколькими документами из коллекций Николаевского в Стэнфорде.

Разумеется, составители смогли вместить в том лишь часть имевшихся в их распоряжении документов. Они оговорили возможность публикации в дальнейшем отдельным изданием документов провинциальных и армейских меньшевистских организаций, что можно только приветствовать. В томе представлены помимо центральных инстанций только меньшевики Петрограда и выступления отдельных представителей местных организаций на майской конференции. Между тем 1917 и особенно в 1918 г. меньшевистская периферия все больше обособлялась от своих центральных пар-

тийных инстанций и нередко просто отказывалась выполнять их решения. К тому же ее делегаты численно преобладали на съездах, конференциях и совещаниях меньшевиков и их мнение нередко заставляло лидеров партии корректировать свои позиции. Не приходится говорить и о том, какую роль в «пулеметном», по определению писателя Владимира Набокова, 1917 году играли военные организации РСДРП, деятельность которых изучена пока очень мало.

Жаль, что в томе не нашлось места для многих интересных выступлений меньшевиков, прозвучавших на 1 Всероссийском съезде советов в июне 1917 года. Есть, к сожалению, случаи, когда уже опубликованные документы представлены как публикуемые впервые. Это относится к письмам Мартова к Кристи, напечатанным с небольшими сокращениями в журнале «Свободная мысль» (1991, № 16).

Трудно согласиться с тем, что уже в первом томе издания Плеханов и его группа «Единство» фактически отлучены от меньшевизма, хотя формальный разрыв произошел лишь на майской конференции (на которую Плеханов был приглашен с правом совещательного голоса, из-за болезни он не смог участвовать в заседаниях). Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что Плеханов-теоретик всегда оказывал на меньшевиков огромное влияние и их концепция российской революции базировалась в значительной мере именно на его взглядах. Поэтому платформа Плеханова и группы «Единство» должна была бы получить более полное освещение, если не в документах тома, то по крайней мере во вводных статьях. Точно так же хотелось бы получить больше информации о деятельности Потресова и его группы.

Бросаются в глаза некоторые досадные фактические неточности во вводной статье Хеймсона. Вспоминая блестящие комментарии Николаевского к изданной в 1924 г. переписке П. Б. Аксельрода и Мартова, невольно сожалеешь о краткости комментариев в данном издании (кстати, навык развернутого квалифицированного комментирования документов утрачен и в осуществленном Фельштинским в 1990 г. в США издании писем Мартова за 1916—1922 гг.).

Но все эти недостатки отходят на задний план перед достоинствами рецензируемой публикации. Пожелаем составителям двух последующих томов скорейшего завершения этого ценного документального издания.

С. В. ТЮТЮКИН

И. А. ЗАИЧКИН и И. Н. ПОЧКАЕВ. *Русская история от Екатерины Великой до Александра II*. М. Мысль. 1994. 767 с.

В рецензии на первую книгу этого издания — «Русская история. Популярный очерк. IX — середина XVIII в.» (М. 1992) И. Н. Данилевский начинает с того, что она написана никому не известными авторами¹. Такое начало вряд ли следует признать удачным как с этической точки зрения, так и по существу, поскольку в конечном счете качество работы определяется не известностью авторов, а ее содержанием.

Попутно отметим, что первая книга обсуждалась на заседании отдела истории феодализма Института истории СССР АН СССР (сейчас — Институт российской истории РАН) и несмотря на отдельные критические замечания в целом получила положительную оценку. Данилевский же не нашел для нее ни одного доброго слова, хотя никаких серьезных замечаний по содержанию, освещению и оценке важных исторических событий он не делает, если не считать упрека авторам в том, что их представления об их истории России не отличаются от тех, что были в нашей литературе много лет назад.

Вряд ли стоило упрекать авторов за то, что объем их книги примерно такой же, что и учебник под редакцией Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина и В. И. Лебедева, вышедший в 1948 г. (а не в 1947, как у Данилевского!). Авторы расширили материал по истории русского народа за счет истории народов национальных окраин, в частности Закавказья и Прибалтики. Вряд ли можно согласиться с замечанием о структуре книги, поскольку в ней изложение ведется не по разделам, главам и параграфам, а подается в виде очерков, раскрывающих наиболее важные события русской истории в ту или иную эпоху и рассчитанных на широкого читателя. Вполне оправдано то, что в популярной работе отсутствуют историографические введения и обзоры источников. Что же касается замечания рецензента об использовании авторами художественных произведений и публицистики, то, нельзя, очевидно, отрицать, что нередко именно художественные описания исторических событий оставляют наиболее яркое впечатление у читателя.

Если говорить о всем этом издании, то к его достоинствам нужно отнести прежде всего попытку авторов нарисовать общую, цельную картину истории именно русского народа. Другая положительная черта этого издания — стремление авторов раскрыть содержание исторических явлений в их сложности и многогранности. Хорошо и то, что авторы сосредоточили внимание не столько на социально-экономических процессах, сколько на политической и бытовой истории, которая ближе и интереснее широкому читателю. Наиболее яркие исторические деятели (политики, полководцы, писатели и др.) представлены в отдельных портретных зарисовках.

Вторая книга охватывает период от Екатерины

II до Александра II. Можно только пожалеть, что в нем отсутствует введение, содержащее общую характеристику этой эпохи. Впрочем, следует признать, в изложении событий этого периода основные линии развития страны прочерчены достаточно точно. В книге показан противоречивый процесс разложения и кризиса феодально-крепостнических порядков и одновременно становления буржуазных отношений (с. 414—420).

Авторы стараются охарактеризовать личные качества правящих особ, изменения и различия в их взглядах и политике. Так, в книге показано, что в первые годы после прихода к власти Екатерина II придерживалась политики просвещенного абсолютизма, а после крестьянской войны наступил этап открытой дворянской реакции. Александр I в начале своего царствования также проводит ряд умеренно-либеральных реформ. Но после разгрома наполеоновской Франции и усиления реакции в Европе он приближает к себе А. А. Аракчева и создает систему военных поселений.

Большое место в книге занимают описания эпизодов классовой борьбы, таких как антикрепостническая крестьянская война 1773—1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева и восстание декабристов в 1825 г. (с. 81—82). Движение декабристов авторы оценивают как «революцию» или «военную революцию» (с. 546, 548 и др.). Стоило бы отметить, что эта точка зрения противоречит общепринятой в нашей научной литературе характеристике выступления декабристов как восстания. Нужно было бы определить и социально-экономическую сущность этой военной буржуазной революции. В пользу такого понимания декабристского движения свидетельствуют факты. Декабристы имели подробно разработанную, буржуазную по своей сути программу, предусматривающую отмену крепостного права, наделение крестьян землей, ограничение или свержение самодержавия. Для реализации этой программы была создана довольно многочисленная и разветвленная организация и предприняты вооруженные выступления в Петербурге и Черниговском полку на Украине. Все это дает достаточное основание считать выступление декабристов не просто восстанием, а именно буржуазной революцией в военной форме. Подробные революции имели место в то время в Италии и Испании, о чем декабристы были хорошо осведомлены.

Много внимания уделяется в книге внешней политике и войнам, которые вела Россия в это время. Авторы убедительно показали народный характер Отечественной войны 1812 года, мужество и героизм армии, талантливость ее командования. Результат Крымской войны 1853—1856 гг. авторы трактуют как поражение царизма, которое заставляло сделать решительные шаги в проведении реформ 60—70-х гг. XIX века.

В очерках по истории культуры отмечаются наиболее важные направления, течения и стили в развитии искусства. Приводятся яркие характеристики выдающихся деятелей. Подчеркнут огромный вклад русского народа в мировую культуру.

Положительно следует оценить очерк о «екатерининских орлах», фаворитах и сподвижниках императрицы — Г. А. Потемкине, А. В. Суворове, А. Г. Орлове и др.

Надо одобрить и стремление авторов откликнуться на самые последние публикации о тех или иных исторических событиях, их готовность вступить в полемику и отстаивать свою точку зрения (с. 687, 703 и др.).

Но в книге имеются и недостатки. Вызывает возражение характеристика общего положения в стране. По мнению авторов, народ находился в нищете и рабстве, государственное управление было из рук вон плохим, местная администрация погрязла в бюрократизме и взяточничестве и т. д. и т. п. Но такой взгляд несостоятелен в главном. Страна, находящаяся в подобном состоянии, не смогла бы за сравнительно короткий срок выйти на берег Черного моря и Тихого океана, начать интенсивное хозяйственное освоение новых земель, создать первоклассные армию и флот, вырастить полководцев, покрывших себя неувядаемой славой, создать великую и самобытную культуру. Во все это были вложены гигантский труд, ум и душа простого русского человека, крестьянина. Человек с рабской душой не был бы способен на такие свершения и подвиги.

Впрочем это не столько вина, сколько беда авторов. Подобные взгляды в нашей исторической науке складывались десятилетиями, а во многом господствуют и до сих пор. Ряд исследователей склонен рассматривать крестьянство как одну закрепощенную массу. Они, конечно, знают, что помимо крепостных были и другие категории крестьян, в частности, весьма многочисленный разряд государственных крестьян, но не придают этому существенного значения, хотя роль последних в жизни страны была значительно больше, чем крепостных. Да и среди помещиков были не одни только салтычихи. Больше было тех, кто давали возможность крестьянам заниматься предпринимательством и торговлей. Безнадёжно устарел и тезис о непрерывном якобы возрастании помещичьей и государственной эксплуатации крестьян. Конечно, не следует приукрашивать положение России как в рассматриваемый период, так и на протяжении всего дореволюционного времени, с чем, к сожалению, приходится сталкиваться в последнее время. Но и очернять всю историю русского народа и России тоже не следует.

Оценивая национальную политику царского правительства, авторы идут давно проторенной дорогой, делая упор на угнетении и русификации народов национальных окраин и т. п., нередко выдавая, в частности, социальное угнетение за национальное (с. 416, 428, 650 и др.). Характерно, что при этом не приводятся конкретные факты; авторы

ограничиваются лишь общими словами. Не буду касаться XIX в., но как специалист, смею утверждать, что в XVII — XVIII вв. царское правительство не проводило политику национального угнетения. Напротив, для развития ряда национальностей создавались благоприятные условия: они были менее обременены налогами, не несли рекрутчины, сохраняли местное самоуправление и др. Характерно, например, что всего за три года — 1802—1804 — на национальных окраинах было открыто четыре университета — Казанский, Харьковский, Виленский и Дерптский, а в столице, Петербурге, это произошло лишь в 1819 году. И здесь необходим пересмотр сложившихся стереотипов, требуется более углубленное и всестороннее изучение проблемы.

К сожалению, авторы нередко некритически воспринимают некоторые оценки, высказанные нашими крупными государственными и общественными деятелями, писателями и др. Так они безоговорочно соглашаются с А. С. Пушкиным в том, что «русский бунт — бессмысленный и беспощадный» (с. 87). Но восставшие под руководством Е. Пугачева крестьяне хорошо понимали, за что борются. Что же касается жестокости и беспощадности, то это в полной мере было присуще и противоположной стороне. Гражданские войны, а восстание Пугачева таким именно и было, никогда не отличались особой гуманностью. К тому же надо учитывать, кто был основным виновником этой войны.

Авторы разделяют точку зрения о том, что декабристы были очень далеки от народа (с. 569). Если и верна здесь ссылка на В. О. Ключевского, то только в том смысле, что декабристы действительно не привлекали в свою организацию представителей простого народа. Но в целом с ней нельзя согласиться, хотя бы по той причине, что не могли быть далеки от народа люди, которые выражали его сокровенные интересы. Именно многолетняя борьба крестьян за освобождение от крепостного гнета была той почвой, на которой выросло и движение декабристов и все последующее революционное движение. Современные исследования показали, что декабристы имели довольно тесные связи с самыми различными слоями общества, в частности, с купечеством. К тому же выступление декабристов получило отклик у разных слоев населения, в том числе, хотя и в своеобразной форме, среди крестьян. Авторы напрасно пытаются опровергнуть точку зрения М. В. Нечкиной о том, что движение декабристов в основном выросло на почве русской действительности (с. 538).

Можно было бы высказать и другие замечания. Однако в целом перед нами — добротное историческое сочинение, написанное к тому же простым, доходчивым языком, читаемое с большим интересом.

И. А. БУЛЫГИН

Примечания

1. См. Вопросы истории, 1993, № 11—12, с. 171.

Д. Я. РЕЗУН. *Родословная сибирских фамилий. История Сибири в биографиях и родословных*. Новосибирск. Наука. Сибирская издательская фирма. 1993. 250 с.

Новая книга доктора исторических наук Д. Н. Резуна (Институт истории и филологии Сибирского отделения РАН) основана на большом количестве документальных материалов (как опубликованных, так и архивных). Очерки, составившие эту книгу, представляют собой яркие, увлекательные рассказы о сибиряках XVI—XVII веков. Вместе с тем они содержат интересные оценки и выводы исторического, общеполитического и политического характера. По рецензируемой работе можно составить представление об истории Сибири.

Работа свидетельствует, что сибиреведение постепенно отходит от схематизированного, «обезлюженного», порой вульгарно-материалистического изложения событий и все решительнее поворачивается лицом к человеку. «Знание своей родословной, — подчеркивает Резун, — важно... социальными последствиями: оно в определенной мере обеспечивает обществу стабильность и преемственность в генетическом развитии нации» (с. 246).

Центральное место в книге занимает история сибирского казачества. Внимание автора направлено преимущественно на биографии служилых людей конца XVI—XVII вв. (городовых казаков, стрельцов, «детей боярских»), составивших историческое ядро казачества Сибири. Эта работа содержит большой конкретно-исторический материал о происхождении «восточнороссийского» казачества, который решительно опровергает попытки вывести казаков то «из хазар», то «из половцев», из кого угодно, но только не из русских¹. Изученные Резуном родословные показывают этническую пестроту служилого люда Сибири, включавшего в свой состав и ссыльных «иноземцев» (военнопленных с территории Речи Посполитой и Западной Европы), и выходцев из местных народов, но вместе с тем не оставляют сомнения в русском происхождении большинства представителей казачества.

Нерусским истокам части сибирского казачества автор вообще не склонен придавать принципиального значения, исходя, очевидно, из факта быстрой ассимиляции «служилых иноземцев» (с. 244). По мнению Резуна, в Сибири в XVII в. сложились «общества с более или менее открытыми социальными границами», что позволило преодолеть национальные различия и сформировало, сварив в одном котле, то, что впоследствии назвали «сибирским характером» (с. 83). Здесь, полагаю, было бы уместно упомянуть и такой фактор, способствовавший складыванию за Уралом именно такого общества, как не раз отмечавшаяся как дореволюционными, так и современными исследователями истории Сибири, религиозная

и этническая терпимость, «уживчивость» русского человека².

Это свойство национального характера позволяет многое понять в межэтнических контактах на восточной окраине России, хотя, конечно, не должно служить поводом к их безудержной идеализации и тем более применительно к казакам. Но Резун не впадает и в противоположную крайность — в очернение облика сибирских первопроходцев (такая тенденция в последнее время довольно отчетливо прослеживается в исторической публицистике).

Заслуживает внимания следующая мысль автора: «По всей видимости, царское правительство понимало, что в сложной обстановке на сибирской окраине... было трудно обойтись без энергичных и инициативных, а порой и своевольных людей», и потому не стремилось прибегать для их обуздания к жестким мерам» (с. 37).

Очерки Резуна позволяют судить об обычаях и нравах населения Сибири в XVII в. на примере нескольких представителей сибирского служилого мира. Материалы биографического характера в русских источниках XVI—XVII вв. автору пришлось собирать буквально по крупицам. «Судьбы наших далеких предков подчас поражают не меньше, чем рассказы Джека Лондона о героях Клондайка», — пишет автор (с. 47) и дает тому массу подтверждений.

Работа раскрывает этимологию многих слов, ставших у нас прозвищами и фамилиями. Интересный материал найдут в ней для себя и краеведы, и специалисты по ономастике, поскольку, как показал автор, фамилии многих сибирских казаков XVII в. встречаются за Уралом по сей день, в том числе и на географической карте — в названиях различных селений, надолго переживших своих основателей (см. с. 38, 47, 152, 172). Не всегда линия от имен и прозвищ казаков-первопроходцев к позднейшим сибирским фамилиям проводится автором удачно. Вряд ли, в частности, основателями сибирских служилых династий могли стать те соратники Ермака, которые погибли при «сибирском взятъе»: трудно представить, чтобы у них была возможность во время столь нелегкого похода обзавестись полноценными и прочными семьями.

В числе недостатков работы отметим ряд повторов, а также неточность некоторых сведений. Большие сомнения, например, вызывает определение численности находившихся в Сибири XVII в. «служилых польского происхождения» в 5-6 тысяч. В крупных сибирских гарнизонах в XVII в. существовали специальные «литовские» сотни, выходцы из Речи Посполитой часто служили в «детях бояр-

ских», но даже если считать все эти подразделения состоявшими сплошь из поляков (что далеко не так), общая их численность по Сибири не превысит и тысячи человек.

Книга может послужить хорошей основой для дальнейшего углубленного изучения русской колонизации Северной Азии.

Н. И. НИКИТИН

Примечания

1. См. ГУМИЛЕВ Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л. 1990, с. 289; АДЖИЕВ М. Мы — из рода половецкого! [Рыбинск]. 1992, с. 40—62, 102—121.
2. БУЦИНСКИЙ П. Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков. 1889, с. 334—335; ЛЮЦИДАРСКАЯ А. А. Старожилы Сибири: историко-этнографические очерки. XVII — начало XVIII в. Новосибирск. 1992, с. 83—84.

И. И. ЛЕЩИЛОВСКАЯ. *Сербская культура XVIII века*. М. АО «ИСМ». 1994. 268 с.

Необходимость исследования истории сербской культуры XVIII в. и сербского Просвещения, в частности, давно назрела. Нет не только специальных работ на эту тему, но и в обобщающих трудах материалы, освещающие культурные процессы в Сербии в XVIII в., представлены весьма фрагментарно или вообще отсутствуют. Между тем, история этого народа вызывает живой интерес у широких кругов наших соотечественников не только благодаря этническому и культурному родству с сербами, но и в связи с той трагедией, которая вот уже несколько лет разыгрывается на их земле.

Анализ работ сербских ученых, а также русских и украинских специалистов, предпринятый в работе доктора исторических наук И. И. Лециловской (Институт славяноведения и балканистики), показывает, что ранее история сербской культуры, включая и XVIII век, изучалась «по видам»: литература, история, фольклор, пластические искусства, российско-сербские культурные отношения и т. д. Ее монография впервые комплексно охватывает указанную тему и раскрывает культуру сербов XVIII в. как сложную, многогранную и целостную систему. В работе ставится задача показать культуру сербского народа в связи с социально-экономическим развитием общества, представить содержание историко-культурного процесса в XVIII в. в целом. Такой подход позволил автору дать периодизацию развития сербской культуры в XVIII веке: 1) первая половина XVIII в. — истоки и предпосылки Просвещения; 2) 60—70-е гг. — переход к Просвещению; 3) конец XVIII в. — сербское Просвещение, как стадия в развитии культуры этого народа.

Оказавшийся к началу XVIII в. расчлененным государственными границами сербский народ, переживший в течение этого столетия массовые переселения, сохранил, однако, единую религию и культуру. В XVIII в. связи между сербами, жившими в разных государствах, укреплялись, приобретали новые формы. Лециловская анализирует сос-

тояние сербского общества в XVIII в., его социально-экономическое и духовное развитие. Сербский народ в целом переживал в это время те же экономические процессы, что и другие европейские народы: развивались товарно-денежные отношения, росла национальная буржуазия. Вместе с тем были и различия, сказавшиеся на образе жизни сербов, рассеянных в разных государствах.

Одним из главных духовных факторов, объединявших сербов, была православная церковь, которая стимулировала их этническое самосознание, поддерживала чувство общности исторической судьбы, понимание целостности сербского народа. И сама церковь испытывала новые веяния. Наиболее образованные и дальновидные представители духовенства воспринимали просветительские идеи, нередко выступали как авторы светских по своему содержанию произведений. Православная церковь была инициатором возрождения книгопечатания и школы, оказывала мощное влияние на подъем строительного и изобразительного искусства. Однако к концу XVIII в. церковь была вынуждена отказаться от ряда функций, которые перешли к светским структурам.

Важнейшей стороной духовного развития сербского общества во второй половине XVIII в. явилось формирование национального самосознания. Сербское Просвещение питала зарождавшаяся национальная идея. Крупнейшему деятелю сербского Просвещения Досифею Обрадовичу, трудам которого посвящено немало страниц в рецензируемом труде, принадлежат знаменательные слова: «Пребывает и будет пребывать вовеки в рабстве тот народ, сердце которого не знает, что такое национальная гордость» (с. 176).

Автор показывает место сербской культуры в общеевропейском культурном развитии, пути восприятия образованными сербами культурных достижений других народов. Через всю книгу проходит мысль о тесной связи сербской и восточнославянских культур, основанной на единоверии,

этническом родстве, языковой близости, византийской традиции, а в XVIII в. и на общей заинтересованности в ослаблении Османской империи. Особое внимание уделено теме «Сербы и Россия». В XVIII веке русская и украинская культуры мощно влияли на культурное развитие южных славян. Это влияние прослеживается прежде всего в языковой сфере: в 30—40-е гг. XVIII в. господствующее положение у сербов занял церковно-славянский язык в русской редакции и архаичный русский литературный язык (именно им пользовался выдающийся деятель сербской культуры Захария Орфелин и другие писатели и историки). Тогда же возникает русская школа, где в качестве учителей трудятся подвижники из России, сербская молодежь получает образование в России, преимущественно в Киево-Могилянской академии, библиотеки образованных сербов пополняются книгами из России. Автор с полным основанием утверждает, что в первой половине XVIII в. вся сербская культура была ориентирована на Россию. В книге обращается внимание на то, что это культурное взаимодействие происходило по, казалось бы, противостоящим каналам: как по линии идей Просвещения, так и в форме церковных связей. Нельзя не согласиться с мнением автора, что русская общественная мысль, особенно Духовный регламент Петра I и Феофана Прокоповича, другие труды этого политического и религиозного деятеля повлияли на зарождение рационализма у сербов, содействовали формированию критического взгляда в церковно-религиозных вопросах и пониманию общественной важности народного образования. В работе подчеркивается, что именно в эпоху Просвещения у сербов крепло сознание исконной славянской общности, формировались понятия «славяносербский народ», «славяносербская нация», «славяносербский язык».

Автору удалось воссоздать творческую деятельность и жизненный путь двух выдающихся личностей эпохи сербского Просвещения: Захария Орфелина и Досифея Обрадовича. Если первый прокладывал вехи на пути к утверждению протестантских концепций, то второй — мысли-

тель, писатель, педагог — был центральной фигурой сербского Просвещения. Среди разнообразных занятий многосторонне одаренного Орфелина Лещиловская обращает главное внимание на незаслуженно забытый (а может быть, и далеко не всем известный) написанный на русском языке труд «Житие и славные дела Петра Великого», вышедший в 1772 г. и через два года изданный в России, отразивший культ Петра I, сложившийся у сербов в XVIII в. (с. 123). Основная идея этого исторического сочинения — прославление могущества и величия Российского государства, дела Петра I. Вопросы узурпации власти, которые Орфелин поднимал в своей книге, имели актуальное значение для самих сербов. Впервые в сербской исторической науке Орфелин вывел на арену истории народ.

Лещиловская относит сочинение Орфелина к сербскому барокко, эстетика которого носила ярко выраженные сербские и восточнославянские черты. Его отличали сдержанность, отсутствие эффектной декоративной пышности. Этот художественный стиль нашел свое проявление во многих сторонах сербской культуры: архитектуре, живописи, графике, литературе. Он напрямую был связан с отходом сербского общества от средневекового видения мира и постепенного утверждения рационализма. Именно барокко, как верно отмечается в работе, в силу своей противоречивости (сочетание средневековых и ренессансных черт) оказалось способным выразить настроение различных сербских социальных слоев в период перехода от средневековых форм хозяйствования к буржуазным отношениям. Однако не все стороны сербской культуры освещены автором. Во многом за рамками книги осталась собственно церковная культура, значение которой в общем сербском культурном процессе несомненно. В целом же книга удачно восполнила имеющийся историографический пробел. Можно надеяться, что это исследование стимулирует новые разработки проблем культур славянских народов и их взаимовлияния.

А. В. СЕМЕНОВА

Т. Л. ЛАБУТИНА. *У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689—1714).* М. Ирис-Пресс. 1995. 303 с.

Более 60 лет тому назад, когда я был молодым аспирантом-историком и искал тему для своего научного исследования, мне довелось побеседовать со старшим коллегой, который утверждал, что читал прекрасные работы по аграрной истории Англии, написанные советскими историками. Английские историки в то время практически не были знакомы с этими исследованиями, поскольку упомянутые книги и статьи не были переведены. Мои

научные интересы в то время распространялись на историю Английской революции XVII в., которую английские ортодоксы окрестили «пуританской». Утверждалось, что эта революция была тесно связана с религией. У меня вызывало большое сомнение подобное утверждение, которое проистекало из убеждения в том, что революции происходили только на грешном континенте.

Когда я ознакомился с трудами П. Г. Виногра-

дова, А. Н. Савина, Е. А. Косминского и других русских историков, переведенными на английский язык, я пришел от них в восхищение.

Я специально изучал русский язык для того, чтобы читать труды советских историков об Английской революции XVII века. Меня считали эксцентриком, но я добился в Оксфорде финансирования годичной стажировки в Советском Союзе, где мне посчастливилось повидаться с Е. А. Косминским и С. А. Архангельским, а также беседовать со многими другими российскими историками. Марксистская интерпретация Английской революции как буржуазной революции была в сущности неизвестна в английских академических кругах (за исключением работы М. Добба), но в Советском Союзе я утвердился во мнении, что это было единственным удовлетворительным объяснением и, действительно, ключом к последующей английской истории. Это явилось отправным моментом в моей академической карьере: я глубоко признателен тем, кто открыл мне глаза.

Подобные воспоминания о прошедших годах ожили, когда я прочитал книгу доктора исторических наук Т. Л. Лабутиной (Институт всеобщей истории РАН), одной из задач которой являлось корректирование еще существующей (по крайней мере в Англии) интерпретации истории английского Просвещения. Концепция «пуританской революции» была отвергнута большинством уважаемых историков даже в Англии, но теперь некоторые авторы рассматривают Английскую революцию как «конец религиозных войн». Слова другие, но смысл тот же: по-прежнему утверждают, что события середины XVII в. в Англии были вызваны скорее религиозными, чем экономическими факторами. Данное утверждение все еще требует опровержения. Думаю, что книга Лабутиной будет способствовать этому, если, разумеется, ее переведут на английский язык: в России же читателям данная книга позволит более полно и проникновенно понять сущность этой революции.

Автор подчеркивает, что «именно Англия стала родиной Просвещения» (с. 4). Она напоминает слова Ф. Энгельса: «Что касается идей, которые французские философы XVIII века Вольтер, Руссо, Дидро, Д'Аламбер и другие сделали столь популярными, то где первоначально зародились эти идеи, как не в Англии» (с. 4). Затем она приводит высказывание К. Маркса: «практическое применение права человека на свободу есть право человека на частную собственность» (с. 166). Лабутина признает, что ненависть к римскому католицизму была сильна в Англии в XVII веке. Она верно объясняет, что это было больше, чем просто теологический спор. Большинство представителей правящего класса землевладельцев в Англии было жизненно заинтересовано в протестантизме. Очень многие семьи унаследовали монастырские земельные владения, конфискованные или проданные во время Реформации, и не хотели возвращать их прежним владельцам. Согласно подсчетам, до 70% всей зе-

мельной собственности Англии было бы утрачено в случае реставрации католицизма. Более того, как показали исследования М. Вебера и Р. Тоуни, протестантизм был более расположен к занятиям торговлей и промышленностью, чем католицизм. Имелось достаточно оснований для существования протестантизма в Англии в XVI—XVII веках.

Религиозная терпимость установилась в Англии в XVII веке. К атеистам же проявляли нетерпимость, поскольку считалось, что нельзя доверять тем, кто не верит в вознаграждение и возмездие в загробной жизни, даже если они приносят присягу. Радикальные протестантские секты, популярные среди средних и низших классов, были терпимы; католицизм же оставался неприемлем даже для либеральных англичан, подобных Мильтону.

Идеи Английской революции, видоизмененные «славной революцией» 1688 г., предполагали существование конституционной монархии, баланс власти между короной и парламентом, представлявшим правящий класс собственников. Лабутина рассматривает компромисс 1688—89 гг. как значительный прогресс, имевший европейскую значимость. Система власти, установившаяся в Англии, основывалась на общественном договоре, который утвердил конституционную монархию и отверг божественное наследственное право. Разграничение властей между парламентом и королем исключало какую бы то ни было возможность возвращения к абсолютной монархии (с. 287—292). Равенство перед законом гарантировало права собственников. Американская революция XVIII в. еще раз подтвердила эти права, оспариваемые английскими правителями, но английское общественное мнение в определенной мере поддерживало американских мятежников. Дидро и Руссо не менее, чем американские революционеры читали Локка, Аддисона, Свифта и Болингброка. Лабутина приходит к выводу: «Идеи Английской буржуазной революции XVII в., преломившись сквозь призму английского просветительского движения, послужили идеологической платформой для революционной буржуазии стран Европы и Америки» (с. 292).

Единственное, в чем, как мне кажется, автор не вполне прав, так это утверждение, что просветительское движение в Англии появилось в конце XVII века. Я полагаю, что эти идеи (во всяком случае в таком виде, в каком они излагаются автором) были распространены среди большинства англичан-собственников до 1688 года. Существовало «шотландское» Просвещение, но «английского» Просвещения как отдельного движения не было. Эти идеи получили признание в период между 1640 и 1688 годами. После реставрации монархии в 1660 г. республиканские идеи приходилось высказывать осторожно и иносказательно; было не принято, а порой считалось опасным провозглашать их. Они продолжали жить де факто, как предположения, но вряд ли получили воплощение в организованном движении.

Многие положения книги Лабутиной имеют большее познавательное значение для российского читателя, нежели для англичан. Английские историки сталкиваются с проблемами крестьянских движений и революций только в изучаемых ими книгах, или когда они посещают континент; для россиян же эти сюжеты очень близки по их недавнему прошлому. Труд Лабутиной помогает лучше понять значение Английской революции, ее роль и место в постепенной эволюции общества в направлении к демократии.

Когда М. Тэтчер пригласили в Париж на празднование 200-летия Французской революции, она сочла возможным заявить, что задолго до французских революционеров XVIII в. права человека были провозглашены в Англии в 1215 г. в Хартии

вольностей. Но она серьезно ошибалась, полагая, что бароны в XIII веке могли пожаловать какие-либо права своим крепостным. Лучше бы она упомянула об английских революционерах XVII века, когда имела место первая настоящая буржуазная революция, примером которой последовали Америка, Франция и Россия (предвестником Английской революции было восстание Нидерландов против Испании в XVI в.). Толковать события Английской революции, которые включали цареубийство, республику и террор (в Ирландии), как завершение религиозных войн так же неправильно, как и приписывать демократические принципы баронам с их Великой хартией.

К. ХИЛЛ

G. BARTA. *La route qui mène à Istanbul: 1526—1528*. Budapest. Akadémiai Kiadó. 1994. 132 p.

Г. БАРТА. *Путь, который вел в Стамбул: 1526—1528 гг.*

Профессор Дебреценского университета им. Л. Кошута (Венгрия) Габор Барта рассматривает переломный этап в развитии средневековой Венгрии. Эта страна переживала в начале XVI в. одновременно три решающие для нее социально-политические эпопеи: борьбу с турецкой агрессией, борьбу с экспансией австрийских Габсбургов и полное закрепощение крестьян.

Автор показывает, что ни крестьянское восстание 1437—1438 гг. в Трансильвании (в ту пору это была составная часть Венгерского королевства) и на северо-востоке страны, ни крестьянская война 1514 г. во главе с Д. Дожей не предотвратили феодального закабаления деревенских тружеников. И в «Трипартитуме» — трехчастном своде обычного права королевства, составленном крупным земельным собственником И. Вёрбеци еще в 1498 г. и одобренном затем королями Уласло II и Лайошем II Ягеллоном, — бесправие сельских непосредственных производителей и дворянские привилегии были закреплены, причем для их кодификации были использованы также статьи феодальных законов М. Хуньяди-Корвина 1486 года. Напряженная социальная обстановка в стране породила в 1526—1527 гг. новое восстание — венгерских, южнославянских и румынских крестьян во главе с Иваном Черным. Одновременно коллизии в обществе усиливались после утверждения в 1523—1525 гг. Государственным собранием королевства первых контрреформационных акций.

В этой ситуации австрийская экспансия обрела благоприятную почву. Поход М. Хуньяди 1481—1485 гг. против Австрии остался в прошлом. На смену централизации пришла феодальная смута. К тому же аристократические слои стояли

за ориентацию на Вену и избрали королем Западной и Северной Венгрии Фердинанда I Габсбурга (1526—1564), в то время как дворянская партия выдвинула королем Восточной Венгрии своего лидера, возглавившего борьбу с крестьянскими повстанцами, Яноша I Запойяи (1526—1540). Это способствовало затем созданию зависимого во внешней политике от турок Трансильванского княжества. Внутринациональная рознь венгерских военно-политических сил облегчила турецкое завоевание.

Если в Белградской битве 1456 г. Я. Хуньяди сумел временно остановить натиск османов, то состоявшаяся 29 августа 1526 г. битва у Мохача привела к торжеству войск султана Сулеймана Великолепного. Это предопределило затем падение Буды в 1541 г. и распад Венгрии на три части (два королевства и княжество). Можно только удивляться тому, как в тех условиях упадка и опустошения страны все же продолжалось ее культурное развитие. В 1527 г. увидела свет первопечатная книга на мадьярском языке. Мохачская катастрофа приостановила прежнее мощное противодействие венгров османским завоеваниям, имевшее общеевропейское значение. Напротив, теперь Венгрия надолго погрузилась в фатальную войну с Габсбургами, а Стамбул использовал ее в своих интересах.

Именно описание и анализ венгерско-турецких контактов первых двух лет после Мохачской трагедии составляют основную научную ценность и новизну работы Г. Барты. Особую историческую роль сыграл тогда король Янош Запойяи, которого автор характеризует как наследника дела общехристианского сопротивления мусульманскому на-

тиску в Центральной Европе, тщетно пытавшегося избежать рокового для венгров альянса со Стамбулом. Но ситуация на континенте, когда Западная Европа погрузилась в коллизии, связанные с войнами французского короля Франциска I и австрийского императора Карла V, а Восточная Европа была прикована к активной политике Великого княжества Московского, оказалась для Венгрии неблагоприятной.

И последняя была вынуждена признать вассальную зависимость от турецкого султана, что

привело к упадку страны и миграции венгров в разных направлениях с последующими межэтническими контактами и конфликтами. Такой оказалась тяжелая цена Стамбульского договора Яноша и Сулеймана 1528 года. Зато он же способствовал консолидации Трансильванского княжества как особой политической силы и интенсификации его внутренней жизни.

Ф. Г. ФАНИН

В. И. РАЙЦЕС. *Аженская коммуна в 1514 г. Малоизвестная глава из истории средневекового города.* Санкт-Петербург. Изд-во «Дмитрий Буланин». 1994, 198 с.

Книга В. И. Райцеса (1928—1995) это практически не подвергшаяся переделке кандидатская диссертация, защищенная в 1968 г. в Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР. Оригинальное исследование вышло в свет только спустя четверть века. Райцес опубликовал немало других работ, а эта лежала в столе, хотя была любимым детищем историка. Он говорил мне: «Я дал себе клятву ни разу не употреблять в этой работе слово «является». И не нарушил ее». И, конечно же, я, еще не читавшая его исследования об Аженской коммуне, не оценила тогда всю серьезность и подлинный смысл, казалось бы, странного обета — не употреблять глагола «является» и соответствующих глагольных форм в исследовательском тексте по истории городского восстания. Да и не понимала я тогда, в чем трагедия этого труда Райцеса: он был написан не так, как по неписанным законам того времени полагалось говорить о самом «заветном» и шумно воспеваемом — классовый борьбе. «Является» как и, например, словосочетание «расстановка классовых сил» были дескрипторами советского научного «новояза». Язык — первейшее орудие ученого, он же — его визитная карточка, предъявляемая коллегам и читателям.

Язык книги Райцеса — язык неординарно мыслящего человека. Такие были неуютны чиновному руководству наукой. В исследовании по истории одного из многочисленных народных волнений во Франции эпохи раннего абсолютизма действуют не «социальные слои», толкаемые «производительными силами», а живые люди, обуреваемые страстями. Тот факт, что эти страсти были вызваны в конечном счете конкретными материальными мотивами, не игнорируется автором, но экономические проблемы проступают в книге так, как это бывает в реальной жизни, — преломленными через характеры, мелкие и крупные обиды и расчеты, завуалированными многими случайными обстоятельствами.

Меньше всего, однако, мне хотелось бы создать у читателей впечатление, что прелести стиля составляют главное достоинство книги Райцеса. Живые картины исследуемых событий определяются двумя составляющими — талантом автора и его тщательной, я бы сказала, ювелирной работой над текстами источников. Счастливым случаем позволил Райцесу получить из муниципального архива Ажена микрофильмы документов о событиях 1514 года. Несколько других счастливых случаев в прошлом спасли этот необычайно богатый фонд от уничтожения во время Великой Французской революции и в первой половине XIX в. при «расчистке» архивов. Райцес впервые в исторической науке исследовал этот комплекс документов и опубликовал несколько наиболее интересных из них в приложениях к своей диссертации.

Был ли огромный и высокопрофессиональный труд Райцеса оценен по достоинству? Конечно, нет. Следовало благодарить судьбу, что автору присвоили скромную и не раннюю кандидатскую степень. Книгу не издали, во Францию до конца 80-х годов не пускали. Своего рода признание значимости исследования пришло через 20 лет, когда шестидесятилетний Райцес впервые посетил Ажен. Под рубрикой «сенсация» местная пресса сообщила, что «явившийся с Севера историк» поведал жителям города малоизвестные страницы прошлого Ажена.

В отечественной медиевистике Райцес занял достойное место прежде всего как исследователь феномена Жанны д'Арк. Теперь, после опубликования книги об Аженской коммуне видно, что его исследовательский масштаб был гораздо шире. Результаты изучения событий 1514 г. в одном из городов Гиени имеют большое значение для понимания французской истории на рубеже средневековья и нового времени. Скрупулезное изучение этой локальной темы свидетельствует об условности наших представителей о таких рубежах.

На примере Ажена автор показывает средне-

вековой характер городов одной из наиболее цветущих и некогда глубоко романизованных областей Западной Европы. Единство города и близлежащей сельской округи, высокотоварное сельскохозяйственное производство и непреодолимое стремление к внутренней независимости — вот черты, сближающие города бывшей Аквитании скорее с североитальянскими, чем с северофранцузскими или английскими. Как пишет Райцес, «в начале XVI века Ажен сохранял полунезависимое положение автономной городской республики, реальная власть в которой принадлежала патрициату» (с. 30). Неужели это — о французском городе эпохи абсолютизма?

Исследование волнений в Ажене в 1514 г. позволяет автору помочь читателю еще и еще раз ощутить и осмыслить некоторую условность государственных границ в эпоху средневековья. В Западной Европе на протяжении многих столетий сохранялись региональные различия, бравшие верх над крепнувшими государственными и национальными. Во французском королевстве это ощущалось чрезвычайно остро: вспомним своеобразие уклада жизни, культуры и реальной политической истории, например, Бургундии или Бретани. Таким же историко-культурным феноменом была французская Гиень (с I в. до н. э. — римская императорская провинция Аквитания; в VII—VIII вв. — королевство Аквитания, слабо германизированное, но вассальное Каролингам; с середины XII в. — английская вассальная область, королевское владение Гасконь). Собственно, она стала реально «французской» в политическом и административном смысле только после капитуляции Бордо в 1453 г., условной даты окончания Столетней войны.

Бунт 1514 г. показал, что спустя почти семьдесят лет после этого рубежа жители Гиени все еще мало ощущали себя подданными французского короля. Автор, например, цитирует протокол показаний одного из участников событий: «Многие же люди коммуны говорят, что они скорее отдадутся под власть испанского или английского короля, нежели согласятся платить такие подати» (с. 139). Заметим, что это несколько не вступает в противоречие с былыми вспышками профранцузских, и даже можно сказать, патриотических настроений на юго-западе в середине и в конце Столетней войны под влиянием тягот английской военной власти. Понятны и непреходящи показанные авто-

ром при анализе мотивов бунта отношения народа и власти: возникающее всюду, где есть хотя бы тень каких-то прав и законов, стремление добиться отчета от властей предержавших (с. 53); готовность отдельных представителей власти нарушить ими же охраняемые законы; вечные и вечно обоснованные подозрения, что кто-то крепко нажился на своем властном посту (с. 58). И, наконец, — извечная вершина народного бунта — требование раздела имущества.

Здесь Райцес особенно очевидно отступает от стереотипов, навязывавшихся советским историкам. Он не пытался извлечь из источников что-нибудь вроде «восходящей линии» аженских событий, как это было сделано в ставших хрестоматийными исследованиях по истории восстания Уота Тайлера или крестьянской войны в Германии — современницы движения в Ажене. Райцес заметил, что выступления в пользу раздела имущества «были лишь одной из сторон движения — причем отнюдь не определяющей» (с. 59). Ненависть бедняков к нескольким арестованным ими купцам не была, как пишет Райцес, мотивирована ничем, кроме их богатства (с. 59). В Ажене 1514 года, не расставшемся со своей средневековой экономикой и традициями, плебейская линия в народном движении еще не взяла верх. Спокойная констатация малопривлекательной (хотя и вполне понятной) природы плебейской оппозиции решительно отличает труд Райцеса от многих других советских исследований 60—80-х гг. по истории классовой борьбы.

Книга Райцеса наполнена индивидуально выписанными действующими лицами, в ней представлена яркая панорама жизни в Ажене. Проведенное исследование дает автору основание для обобщающих выводов о своеобразии социального и экономического развития французского юго-запада, позволяет воссоздать наиболее сложно реконструируемую вещь — представления (менталитет) людей прошлого (например, об отношениях городской общины и королевской власти). И это само по себе большая заслуга автора.

Владимир Ильич Райцес успел увидеть изданной книгу об Аженской коммуне — свое любимое детище. Она была опубликована незадолго до его безвременного ухода из жизни.

Н. И. БАСОВСКАЯ

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Целесообразные дополнения

На приеме в честь участников юбилейного парада Победы 1995 г. в мэрии г. Москвы нас попросили высказать свою оценку книги-альбома «Красная площадь. 1945—1995» (М. 1995) и дать предложения о возможности совершенствования этого издания. Мои боевые друзья высоко оценивают книгу. Она сделана с душой, прекрасно оформлена. К удачным находкам составителей нужно отнести то, что в книге наряду с текстом очерков о войнах помещены стихотворения, как правило, достаточно известных фронтовых поэтов. Однако можно было бы поместить здесь еще несколько очерков о войнах ВВС.

Огромную роль в войне сыграли «летающие танки» — ИЛ-2, но им посвящен только один небольшой очерк. Без «хозяина самолета» — авиамеханика невозможны были успехи ВВС в войне. Можно было бы дать в книге популярную на фронтах песню — «Гимн авиамехаников» и воспомина-

ния одного из них. К сожалению, в издании нет и очерка о «живом щите» самолета — стрелке-радисте. Целесообразно было бы включить в книгу еще несколько популярных среди фронтовиков стихов и песен, в том числе самодельных, дать стихи или песни «по родам войск», например, авиамарш «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью», «Марш артиллеристов», «Броня крепка», «Прощайте, скалистые горы» или другие стихи и песни, любимые нашим народом вообще, а ветеранами того или иного рода войск в особенности. Такие дополнения сделали бы книгу в целом еще более интересной и полезной не только для самих фронтовиков, но и для следующих поколений, зачастую не знающих популярных в годы Великой Отечественной войны текстов.

*Г. С. Гусев, ветеран войны,
бывший авиамеханик, участник
юбилейного парада Победы 1995 года.*

Contents

The Political Archives of the Twentieth Century. I. I. Zhilinskij. The Blockade Diary; Articles: P. V. Volobujev, V. P. Buldakov. The October Revolution: New Approaches; Ju. N. Zhukov. The Struggle for Power in Party-State Top Circles in Spring of 1953. Historical Profiles: D. I. Olejnikov. Shamil'. State Power and Intellectuals: The Record of the 1944 Conference at the CC CPSU(B) with Historians. History and Fates: A. V. Golovnin. A Memoir for the Few. To the Help for Teachers and Students. History and Culture of the Peoples of Asia, Africa and Latine America (Since Ancient Times up to Our Days). 17th Chapter (by E. A. Larin). Contributions: V. L. Genis. An Attempt to «Sovietize» Khorasan in 1920. People. Facts. Events: N. B. Lebina. The Activities of «God-Fighters» and Their Fate; A. N. Artizov. The Disease and Decease of A. E. Presnjakov. Historiography. Reviews on Books: Soviet Foreign Polisy During «Cold War» (1945—1985). A New Apprehension; The Mensheviks in 1917. 3 Vols. Vol. 1. From January to the July Events; I. A. Zaichkin, I. N. Pochkaev. Russian History from Catherine the Great to Alexander II; D. Ja. Rezun. The Genealogy of Siberian Families. A History of Siberia in Biographies and Family Trees; I. I. Le-shchilovskaja. Serbian Culture of the Eighteenth Century; T. L. Labutina. The Origins of Contemporary Democracy. The Political Thought of English Enlightenment (1689—1714); G. Barta. The Path That led to Istanbul. 1526—1528 (Budapest); V. I. Rajtzes. The Aginai Commune of 1514. An Unknown Chapter from History of Medieval Town. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 5—6, 1996

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер., 1/2

Телефон: 209-96-21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 10.03.96. Подписано в печать 14.06.96. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,15. Тираж 11 000. Заказ 1632. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала „Вопросы истории“»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16